ЧЕЛОВЕК ПРЕСТУПНЫЙ

КЛАССИКА КРИМИНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ГАНС ЮРГЕН
АЙЗЕНК
КУРТ
БАРТОЛ

ЭКСПЕРИМЕНТ

САМЫЕ ЖЕСТОКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Москва
алгоритм
2021

УДК 53
ББК 22.3
А 11

Айзенк Г.Ю., Бартол К.

А 11 Эксперимент. Самые жестокие исследования в психологии / Г.Ю. Айзенк, К. Бартол, Перевод: В. В. Гуринович, А. Боричев, А. Можаев, Л. Ордановская. – М.: Алгоритм, 2021. – 416 с. – (Человек преступный. Классика криминальной психологии).

ISBN 978-5-907363-10-6

Г. Ю. Айзенк – британский ученый-психолог, один из лидеров биологического направления в психологии, создатель факторной теории личности, автор популярного теста интеллекта.

К. Бартол – профессор психологии, бихевиорист, профайлер, автор самого популярного в мире учебника по криминальной психологии

Как люди на полном серьезе стали поддерживать идею геноцида евреев в середине XX века? Это были совсем другие люди? Мы ведь не такие, правда? Мы точно лучше.

Так обычно думают люди, изучая историю Второй мировой войны, но знаменитые эксперименты 1960-1980-х годов говорят обратное.

Студентов разделяют на две группы, охранников и заключенных, и предлагают поиграть в тюрьму. Через несколько дней эксперимент приходиться завершить досрочно из-за случаев неоправданной жестокости.

Добрейшим религиозным домохозяйкам предлагают бить человека током за ошибочные ответы, и почти 100% испытуемых доводят разряды тока до смертельных значений.

Священникам предлагают прочитать лекцию о том, как важно творить добро и помогать людям, но видя по дороге в аудиторию умирающего человека, почти 100% лекторов безразлично проходят мимо нуждающегося в помощи.

Мир полон двуличных и лживых людей? Каждый человек в душе преступник? Или же каждого можно просто вынудить, спровоцировать на нужное, порой преступное поведение? Что лежит в основе психологии преступника и любой ли человек способен на убийство? На этот вопрос отвечают ведущие психологи-бихевиористы XX века.

УДК 53
ББК 22.3

ISBN 978-5-907363-10-6

СОДЕРЖАНИЕ

Ганс Айзенк

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Курт Бартол

ТЕОРИЯ АЙЗЕНКА: ЛИЧНОСТЬ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

ОБ АГРЕССИИ

ПРЕДУМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО: ПОДРОБНОЕ РАССМОТРЕНИЕ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА СЕКСУАЛЬНОЙ ПОЧВЕ

ПСИХОЛОГИЯ: СМЫСЛ И БЕССМЫСЛИЦА

1956 г.

Детекторы лжи и сыворотки правды

Если правда, что на небесах и на земле существуют такие вещи, которые и не снились нашей философии, то несомненно, в равной степени, последней грезятся такие вещи, которые на небесах или на земле не существуют. Среди этих вымыслов воображения — такие разные понятия, как философский камень, служивший для превращения неблагородных металлов в золото; эдипов комплекс, подразумевавший превращение человека в дерганого неврастеника; гурии, чья красота и сладострастная чувственность предназначались для успокоения мусульманского воина, отдавшего жизнь в борьбе за веру в пророка; архетипы Юнга, предназначенные для того, чтобы мучить наше современное сознание мистическими напоминаниями о мудрости наследованной, сознательно или бессознательно от ушедших поколений.

Немного более научно доказуемым фактом, чем вся эта ложь, является довольно странное явление, достаточно широко изучавшееся в последнее время, под общим названием психосоматические расстройства. Под этой малопонятной фразой подразумеваются просто некоторые расстройства тела, или сомы, которые могут быть вызваны психологическими событиями, такими как сильные эмоции, и, следовательно, излечение от соматических расстройств может быть достигнуто прежде всего психологической «очисткой». Эта настойчивость на тесной взаимосвязи между телом и сознанием и взаимодействии между ними рассматривается как самая современная тенденция. Часто открытие того, что многие люди рассматривают как жизненно важную истину в медицине, приписывается Фрейду и психоаналитикам.

Это не исторический взгляд на факты. Общая теория психосоматического взаимодействия стара, по меньшей мере, так же, как человеческие размышления о сознании и материи, и в этих современных теориях можно отыскать весьма немногое из того, что может быть найдено у греческих или даже более ранних философов. Также нет ничего нового в особенном применении принципов, связанных с медицинской диагностикой и лечением. Чтобы привести только один пример, мы

можем рассмотреть историю, изложенную в хорошо известном персидском произведении «Ахлак-и-Джалали» в XV веке. Автор рассказывает, как великий доктор Рашез был вызван в Трансоксиану для осмотра Амира Мансура, страдавшего ревматизмом суставов, который придворные медики вылечить не могли. Подойдя к реке Оксус, Рашез отказался переправиться через нее в предоставленной лодке, потому что она была слишком маленькой и хрупкой. Посланники царя связали его по рукам и ногам, бросили в лодку и силой перевезли через реку. Рашез объяснил им причину своего сопротивления: он, дескать, знает о том, как многие тысячи людей каждый год безопасно пересекают реку. Но случись ему утонуть, люди говорили бы, каким глупцом он был, подвергнув себя такому риску по собственной воле, а вот если бы он погиб, когда его перевозили через реку силой, то люди бы не осуждали, а жалели его.

Достигнув Бухары, Рашез перепробовал различные способы лечения Амира, но безуспешно. Наконец, он сказал царю: «Завтра я попробую новое лечение, но это будет стоить тебе твоего лучшего коня и лучшего мула из твоих конюшен». Животные были предоставлены в его распоряжение. Рашез привел Амира в натопленную баню за городом, привязал оседланных и взнузданных коня и мула снаружи и наедине со своим пациентом вошел в парилку. Затем он вынул нож и стал обвинять Амира, напомнив тому об унижении, которому он, Рашез, подвергся, когда был насильно перевезен через Оксус. Он угрожал в отместку за это лишить Амира жизни. Амир был взбешен, и в результате — отчасти от страха, отчасти от ярости — он встал на ноги. Рашез мгновенно выскочил наружу, где его ждал слуга с лошадью и мулом, поскакал во весь опор и не останавливался, пока не пересек Оксус и не достиг Мерва, откуда написал Амиру следующее: «Да продлится жизнь царя во здравии и власти! Согласно моему обязательству я лечил тебя, стараясь изо всех сил. Однако из-за недостатка природного тепла это лечение сильно затянулось, поэтому я предоставил его психотерапии, и когда нездоровые настроения подверглись достаточному воздействию в бане, я намеренно спровоцировал тебя на усиление природного тепла, вызвав таким образом значительную силу, чтобы устранить уже смягченные умонастроения. Но встречаться нам впредь было бы неблагоразумно».

Этот пример «психотерапии» в подлиннике книги был назван действительно так и закончился не меньшим вознаграждением материального плана, чем это бывает в современной психотерапии. Амир, обрадованный вернувшимся здоровьем и возможностью свободно передвигаться, одарил Рашеза почетным халатом, мантией, тюрбаном, рабами и прекрасными

рабынями, конем со всей сбруей и вдобавок назначил ему ежегодное жалованье в 2000 золотых динаров и 200 мер* зерна.

Очень похожая история рассказана величайшим мусульманским врачом Авиценной, родившимся приблизительно в 980 году, в его редком и неопубликованном сочинении «Книга происхождения и возвращения». В этом случае пациентом была женщина из домочадцев царя, которая, накрывая на стол, неудачно согнулась и ее поразил внезапный ревматический приступ суставов так, что не смогла принять вертикальное положение. Царский врач, которому было поручено вылечить ее и который не имел под руками лекарств, обратился к помощи психотерапии (снова автор называет ее именно так). Он призвал на помощь «чувство стыда» и стал снимать с женщины одежду. Тогда, по словам автора: «...в ней произошла вспышка гнева, которая устранила ревматические симптомы», и она выпрямилась, совершенно излеченная.

Примеры подобного рода можно привести из исторических документов многих стран. Все они говорят о том, что знания об основных принципах, управляющих связью тела с сознанием, существовали с незапамятных времен. Один из таких принципов лежит в основе современного метода обнаружения лжи. И хотя это достижение мы приписываем современности, на самом деле подобные методы были известны за сотни и даже тысячи лет до нашего времени и применялись людьми, к которым мы относимся, как к неграмотным дикарям.

Подобное применение, за которое ручаются современные антропологи, уходит во времена, находящиеся за пределами человеческой памяти. Использовавшийся способ можно проиллюстрировать следующим примером. Был убит вождь племени. В его смерти подозревались пять человек, которым он в прошлом нанес вред. Каким образом можно было найти виновного? Племя выстроилось в виде огромного полукруга на берегу реки. Пятеро обвиняемых стояли лицом к племени и спиной к реке. Колдун, устрашающе одетый и раскрашенный, скакал вокруг под ритмичные удары барабанов. По мере приближения момента истины напряжение неуклонно возрастало. Наконец, танец закончился. Колдун торжественно выложил на пять тарелок, сделанных из пальмовых листьев, рис из чаши. Затем он произнес перед племенем длинную речь о несправедливости убийства вождя и о магии, которая изобличит убийцу. Невиновные, объяснил он, съедят рис без труда. Виновный же, чье преступление так велико, что даже звери и растения не захотят иметь с ним дело, не сможет проглотить и нескольких зе-

* Здесь мера — это количество, нагружаемое на одного вьючного осла.

рен и таким образом будет разоблачен в своем преступлении. Будучи хорошим практическим психологом, какими является большинство колдунов (если бы они не были таковыми, то не смогли бы долго оставаться в живых!), он снова и снова «вдалбливал» это внушение, вслух перечисляя предыдущие разбирательства, когда данный метод оказывался безошибочным и приводил к признанию. Затем он эффектно передал каждому из обвиняемых его тарелку с рисом. И вот четверо из них стали есть рис, если и без явных признаков удовольствия, то по крайней мере без видимого труда. Но пятый, мертвенно-бледный, едва держась на дрожащих ногах, отчаянно двигал челюстями в тщетной попытке проглотить хотя бы немного риса. Картина вины не могла бы быть красноречивее, и когда его, по приказу колдуна, с трудом поволокли прочь на съедение крокодилам, он во все горло прокричал свое признание.

Использованные в этом случае психологические приемы достаточно ясны. Всем нам известно, как от ужаса во рту пересыхает. Сильное переживание подавляет пищеварение и взаимосвязанное с ним слюноотделение. Без слюны пережевывание и глотание пищи затрудняется или же вообще становится невозможным. Таким образом, мы легко можем представить, что происходило с несчастной жертвой в описанной выше сцене. Зная о собственной вине и суеверно боясь могущества колдуна и его способности установить правду, подозреваемый безусловно верит в те трудности, которые испытывает виновный человек при попытке съесть рис. Таким образом, страх перед последствиями неизбежного разоблачения делает его рот сухим, и осознание этого изменения еще более усиливает его страх в связи с неизбежным разоблачением. Когда рис уже передан ему, то жевать он не в состоянии, и снова субъективное осознание испытываемых при глотании трудностей усиливает его страх, загоняя виновного в замкнутый круг собственных эмоциональных реакций. Какой бы варварской ни казалась эта история, в современных методах обнаружения лжи нет ничего принципиально нового по сравнению с тем, что, несомненно, имеет место в данном случае. Мы можем обнаружить определенные усовершенствования в регистрации проявления эмоций, но, с другой стороны, наши современные методики вызывают гораздо меньше эмоций, чем был способен вызывать колдун, и, в противовес, нет уверенности в том, что наши современные технологии имеют больше преимуществ.

Слюноотделение как показатель эмоции вообще не используется современными специалистами в области обнаружения лжи. В наши дни мы больше обращаем внимание на кровообращение, дыхание и некоторые электрические явле-

ния в коже, которые будут описаны в свое время. Несколько менее страшная история, чем о колдуне, может проиллюстрировать, что и эти методы также были хорошо известны тысячу лет назад. Она опять связана с Авиценной и в качестве примера приведена в его шедевре «Канон врачебной науки» в разделе, посвященном любви. Он классифицирует это чувство как умственное или психическое расстройство, наряду с сонливостью, бессонницей, амнезией, манией, гидрофобией, меланхолией и тому подобным. Когда Махмуд из Газны пытался похитить Авиценну (короли и правители в те времена проходили большие расстояния, чтобы воспользоваться услугами хорошего консультанта!), тот спасся бегством и тайно прибыл в город Гиркания на Каспийском море. Родственник правителя этой провинции страдал болезнью, приводившей местных докторов в недоумение. Авиценну попросили высказать свое мнение. Тщательно осмотрев пациента, он попросил помощи кого-нибудь, кто хорошо знал все округи и города провинции и смог бы повторять их названия, пока Авиценна держал руку на пульсе пациента. При упоминании одного из городов он почувствовал, что пульс участился. «Теперь, — сказал он, — мне нужен тот, кто знает все дома, улицы и кварталы этого города». Снова при упоминании определенной улицы появилось изменение пульса, и еще раз, когда были перечислены все члены одной из семей. После этого Авиценна сказал: «Все. Этот юноша влюблен в такую-то девушку, которая живет в таком-то доме, на такой-то улице, в таком-то квартале такого-то города, а лекарство для юноши — это лицо девушки». В выбранный Авиценной счастливый день была торжественно отпразднована свадьба, и лечение завершилось.

В этом случае мы снова имеем пример непроизвольного эмоционального отклика, выдающего тайну, которую по той или иной причине субъект эксперимента хочет скрыть. И этот непроизвольный отклик является сопутствующим элементом сильной эмоции. Тесная взаимосвязь между эмоциями, испытываемыми людьми, и физиологические изменения, происходящие в человеческом теле, являются основой нашей технологии обнаружения лжи. С ней имеют дело, как на экспериментальном, так и на теоретическом уровне, многие психологи и физиологи. Возможно, один из самых известных американских психологов, Уильям Джеймс, брат писателя Генри Джеймса, вместе с норвежским психологом Ланге, дал название закону, который определяет основу, в той или иной форме, большинства современных работ в области эмоций. Этот закон Джеймса–Ланге «переворачивает» то, что мы считали

нормальным ходом вещей. Что, согласно обычному мнению, происходит, когда мы переживаем эмоцию?

Мы несчастны, следовательно — мы плачем; мы испуганы — и наше сердце бьется чаще; мы в ярости — и надпочечники выделяют адреналин в нашу кровеносную систему. Другими словами, нами осознанно ощущается, что вначале возникает эмоция, а затем приходят сопутствующие физиологические явления. Джеймс и Ланге утверждают, что это означает ставить телегу впереди лошади. В ответ на определенную ситуацию надпочечники выделяют адреналин в кровеносную систему, и поэтому мы чувствуем гнев. В определенной ситуации наше сердце бьется чаще, и это заставляет нас испытывать чувство страха. Определенная ситуация вынуждает нас плакать, и нашим субъективным чувственным ответом на слезы является чувство печали. Другими словами, внешний ситуативный стимул (S) порождает определенные физиологические отклики (страх, адреналин, учащение сердцебиения), которые мы можем обозначить PR. Эти физиологические отклики, в свою очередь, порождают ощущение эмоции (E). Итак, формула Джеймса–Ланге выглядит следующим образом: S → PR → E, тогда как обычно мы представляем себе существующую последовательность скорее как S → E → PR.

По поводу этой теории ведется множество дискуссий, проводятся эксперименты. К сожалению, очень немногое из сделанного можно расценить как проливающее некоторый свет на эту проблему — проблему связи тела и сознания вообще. Мы можем только решать, что порождает что: эмоция — физиологический отклик или физиологический отклик — эмоцию, выясняя, что из них приходит первым, но сделать этого мы, к сожалению, не можем. Эмоции субъективны. Для определения времени мы должны полагаться на интроспективные сообщения наших субъектов, которые не могут считаться очень точными, особенно когда дело касается долей секунд. С другой стороны, физиологический отклик не является внезапным (есть — нет) событием. Его формирование также требует некоторого времени. Эти трудности наводят на мысль, что тогда как решение, пожалуй, не является невозможным, то оно определенно невозможно лишь в настоящее время. Следовательно, мы можем не обращать особого внимания на этот вопрос. Давайте просто отметим: обнаружено, что эмоциональные события, которые ощущаются индивидуумом, и определенные типы физиологических нарушений, которые подтверждаются записями специального электронного оборудования, всегда происходят вместе. Следовательно, можно использовать данные о появлении одного как доказательство существова-

ния другого. По сути дела, это принцип, на котором основано обнаружение лжи. Нет сомнений, что он является совершенно надежным и достаточным научным принципом. Немного позже у нас будет возможность рассмотреть трудности, которые могут возникать при использовании данного принципа.

Прежде всего, давайте выясним точно, чем же являются физиологические реакции, свидетельствующие о наличии эмоции. В значительной степени они могут быть идентифицированы потому, что передаются по специальной части нервной системы. Говоря в общих чертах, мы можем предположить, что люди (а также, конечно, и высшие животные) имеют две нервные системы. Одна, так называемая центральная нервная система, ответственна за передачу импульсов к скелетной мускулатуре. Последняя, в свою очередь, отвечает за выполнение произвольных движений. Удар по мячу, написание сонета, прыжок в озеро или начертание крестика напротив имени кандидата — все это произвольные действия, выполняемые нашим скелетом, кости которого приводятся в движение мышцами, принимающими приказы из коры головного мозга через центральную нервную систему. Вторая же нервная система — более «древняя» и сравнительно независимая от центральной нервной системы. Она называется самонастраивающейся, или вегетативной, нервной системой, которая по сути дела связана с определенными, крайне необходимыми, но неосознаваемыми действиями, поддерживающими наше тело в хорошем состоянии. Мы дышим; наше сердце бьется; осуществляется пищеварение; в нашу кровь выделяются гормоны; количество крови, проходящей через различные части тела, точно регулируется в соответствии с температурой; наш зрачок расширяется и сужается в зависимости от яркости — и все это происходит без какой-либо сознательной регулировки. Это и есть самонастраивающиеся, или вегетативные, отклики, которые так тесно связаны с эмоцией. Некоторые из основных самонастраивающихся изменений, сопровождающих эмоцию, знакомы каждому, и для их обнаружения не требуют измерительных приборов. Эти изменения включают покраснение или бледность лица, чрезмерную потливость, учащение сердечного ритма, сухость во рту, множество неопределенных интуитивных ощущений и так далее. В лабораторных условиях можно наблюдать множество других, более тонких физиологических изменений: повышение кровяного давления, увеличение потребления кислорода, расширение легочных бронхов, увеличение числа красных кровяных телец и тромбоцитов в циркулирующей крови, выделение глюкозы в кровяное русло, секрецию адреналина, снижение электри-

ческих характеристик кожи, подавление перистальтики в желудочно-кишечном тракте, увеличение содержания сахара в крови и многие сотни других, достойных упоминания. Большинство из этих изменений явно имеют адаптивное назначение. Основные эмоции вроде страха и гнева обычно являются предшественниками активного действия, которое может быть борьбой или бегством. Для той и другой требуется сильное кровоснабжение. Следовательно, сердце бьется быстрее для удовлетворения предполагаемых потребностей; кровь отливает от желудка, тормозя, таким образом, пищеварение; некоторое количество энергии, запасенной телом, высвобождается в кровь, что делает организм более дееспособным. Кэннон в своей книге «Мудрость тела» во всех подробностях прослеживает способность к адаптации, которую продемонстрировали наши тела при реагировании на срочные ситуации такого рода и которая обязана всем не сознательному мышлению, а обязана всем унаследованной системе реакций, развившейся в течение миллионов лет эволюции.

К сожалению, многие из возникающих таким образом эмоциональных реакций слабо адаптированы к современному обществу. В цивилизованном мире ни драка, ни бегство не являются реакциями, определяющими выживание. Это обобщение не применимо для исключительных обстоятельств, а во время войны в особенности. Реакции, которые были нужны нашим предкам, когда они жили в джунглях, могут снова стать полезными. Но даже это становится все менее и менее справедливым, поскольку современные войны — деперсонализированы, рукопашное сражение заменяется битвой машин. Нет оснований считать, что сильные эмоции и высокая активность самонастраивающейся системы помогают бомбардиру-наводчику тогда, когда он нажатием на кнопку высвобождает ужасную разрушительную силу атомной или водородной бомбы. В действительности сильная эмоция мешает точной психической и мышечной координации, необходимой при выполнении задач подобного рода, требующих квалификации. Большинство людей получают интроспективные подтверждения этого факта из собственного опыта. Остроумная аргументация разрушается сильной эмоцией, когда мы раздражены. Мы не можем рассуждать так же убедительно и логически, как тогда, когда рассматриваем вопрос, будучи невозмутимы. Во время игры сильная эмоция действительно может сделать нас более сильными и менее восприимчивыми к боли или усталости, но она также делает нас менее искусными и интеллектуальными в нашей тактике — мы можем ударить по мячу сильнее, но точность будет страдать.

В целом сильные эмоции могут подготовить нас к примитивному типу борьбы. Грубая сила, выносливость и скорость бегства определяют выживание, но они не только не способны дать нам преимущество в большинстве обстоятельств в том мире, который мы создали за последние несколько столетий, — они часто становятся настоящей помехой. Борьба в зале заседаний совета директоров за контроль над большим предприятием, битва между соперничающими политиками на выборах, сражение с налоговым инспектором за изменение кодового номера или переговоры с работодателем по поводу увеличения заработной платы — все эти современные формы борьбы, заменившие более физические типы, превалируют в ходе человеческой эволюции. Для всех этих форм эмоция скорее помеха, нежели помощь, и мы находимся в печальном положении обратного хода эволюционного процесса и на вызов стараемся дать интеллектуальный, а не эмоциональный ответ. И может, не будет слишком неправдоподобно полагать, что успех в этом повороте хода эволюции вспять может определить наше выживание на планете.

Завершись это обратное движение когда-либо полностью, люди определенно стали бы лучшими лгунами. По многим причинам это, естественно, не было бы в общем благоприятным. Одной из полезных функций эмоции является, несомненно, возможность обнаружения лжи. В известном смысле, конечно, термин «обнаружение лжи» здесь употреблен неправильно. То, что мы регистрируем в действительности, — это наличие некоторого вида эмоционального отклика. Мы интерпретируем его как доказательство лжи, поскольку организовываем ситуацию расследования таким образом, что другие источники эмоции по мере возможности исключаются. При таком способе страх, связанный с определением лжи, вызывает эмоциональный отклик, специфический для виновного человека. Этот отклик отсутствует, когда говорится правда. Следовательно, «обнаружение эмоции» в определенных, специально созданных условиях, становится «обнаружением лжи», но все же остается разбежка между одним и другим. Необходимо принять величайшую предосторожность, как мы вскоре увидим, чтобы обеспечить уверенность в том, что эта разбежка действительно обоснована и что не сделаны ошибочные выводы из правды, обнаруженной так называемым детектором лжи. Возможно, следующий пример сможет прояснить встречающиеся трудности. Предположим, что в случае с попыткой колдуна выявить виновного человека все пятеро невиновны, но один знает, что колдун затаил на него злобу и собирается возложить на него вину за убийство. При таких

обстоятельствах будет вполне резонно допустить, что он проявит реакцию такого же типа, как и виновный человек. Следовательно, неспособность этого подозреваемого проглотить рис может быть ошибочно истолкована как признак его вины. Существует несколько возможностей избежать таких просчетов. Мы обсудим их в оставшейся части этой главы.

Теперь мы должны обратиться к измерительным приборам, используемым в современных работах по обнаружению лжи. На обыденном уровне детектор лжи часто представляется как прибор, у которого всякий раз, когда исследуемый человек лжет, звонит колокольчик или вспыхивает лампочка. К сожалению, ничего более определенного и впечатляющего не существует. Определение лжи зависит от вывода, от косвенных доказательств и от соединения большого количества несопоставимых данных. Самая достоверная информация составляется из непрерывной и одновременной записи измерений кровяного давления, пульса и дыхания, происходящих во время обследования подозреваемого. Запись производится измерительным прибором, или полиграфом, который обеспечивает длительную запись физиологических реакций. По существу полиграф состоит из длинного рулона бумаги, протягиваемой с постоянной скоростью, ряд самописцев оставляет на бумаге непрерывную запись своего движения, которое в свою очередь управляется различными измерительными приборами, подключенными к человеку — субъекту обследования. Измерительные приборы подсоединяются к самописцам как электронно, так и механически.

Типичным примером используемого измерительного прибора является так называемый пневмограф, который применяется для регистрации дыхания. Трубка пневмографа, опоясывающая грудную клетку субъекта, состоит из плотно свитой пружины, покрытой тонкой резиновой оболочкой. Один конец трубки загерметизирован, тогда как другой подсоединен к полиграфу посредством небольшого резинового патрубка. Во время теста длина окружности грудной клетки субъекта увеличивается при вдохе и уменьшается при выдохе. Таким образом, при каждом вдохе трубка пневмографа растягивается, а при каждом выдохе — сжимается. Это движение трубки порождает изменения давления внутри нее, которые передаются на полиграф и записываются им.

Нашей первой задачей при реальном обследовании будет наличие тихого, уединенного кабинета для исследований, подключение различных измерительных приборов к субъекту и разъяснение ему общего характера теста. Ему демонстрируют прибор и разъясняют, что он способен определить, говорит ли

субъект правду или нет. Ему объясняют также, что прибор записывает определенные физиологические изменения, указывающие на ложь, и то, что аппарат никоим образом не причинит ему никакой физической боли за исключением легкого временного неудобства от манжеты для измерения кровяного давления. Чтобы уменьшить нервозность и напряжение, испытуемому сообщают, что если он говорит правду, то может ни о чем не беспокоиться, поскольку прибор покажет, что он не лжет. Далее ему сообщают, что не будут спрашивать ни о каких его личных делах, или о чем бы то ни было, за исключением расследуемого преступления. Теперь все готово для начала теста.

Первая часть теста преследует практически ту же цель, что и длинная речь уже упоминавшегося колдуна, описывающего предыдущие успехи, которых он достиг при использовании этого специального метода. Современный «эквивалент» колдуна окажется в очень невыгодном положении по той причине, что его слушатели будут намного более скептичны и менее склонны к беспричинным страхам и вере в его могущество, чем примитивные дикари. Следовательно, вместо того, чтобы рассказывать своему субъекту о том, что за чудесный прибор перед ним, современный оператор проводит реальную демонстрацию. Обычно это делается следующим образом. Оператор берет семь или восемь игральных карт и просит субъекта выбрать одну из них, посмотреть на нее и вернуть в колоду. Затем он говорит субъекту, что будет поочередно показывать ему каждую из этих семи или восьми карт и что тот должен всякий раз на вопрос «Та ли это карта, которую вы выбрали?» отвечать «Нет». Ему особо подчеркивается, что даже когда перед ним появится та карта, которую он выбрал, он должен солгать и сказать «нет». Затем оператор приступает к процедуре демонстрации субъекту той или иной карты, в каждом случае получая ответ «нет» и внимательно следя за движениями самописцев полиграфа. В девяноста пяти случаях из ста, когда субъект отвечает «нет» при демонстрации карты, которую он видел до этого, при записи появляется острая разоблачающая реакция его самонастраивающейся системы. Для большей гарантии оператор еще раз полностью повторяет процедуру и затем говорит субъекту, какую из карт тот видел. Он также — и на субъектов, привыкших видеть подобные вещи, производимые при помощи ловкости рук в мюзик-холле, это оказывает значительно большее впечатление — показывает действительные изменения, имеющие место в записи полиграфа в том случае, когда субъект лгал. Таким образом, субъект может видеть собственными глазами, что неподконтрольные ему реакции могут полностью выдать его и что детектор лжи может быть

весьма беспощадным прибором для всякого, кто пытается дать ложное представление о любом фактическом обстоятельстве.

Затем субъекту, к этому времени соответствующим образом убежденному, задают ряд вопросов, относящихся к расследуемому преступлению. В зависимости от внешних обстоятельств могут использоваться один или два достаточно разных приема. Первый — это так называемый прием релевантных–нерелевантных вопросов. В этом случае вопросы, не относящиеся к делу, вроде «Вас зовут Джон Смит?» или «Вы родились в Ливерпуле?», задаются вперемешку с вопросами, относящимися к преступлению, такими как «Вы украли кольцо с бриллиантом?» или «Вы стреляли в лорда Эдгвайра?». Этот прием в некоторой степени похож на опыт с игральными картами, когда карта, которую видел субъект, играла роль релевантного вопроса, а другие карты — роль нерелевантных вопросов. Обстоятельством, указывающим на ложь, является различие в физиологической реакции при переходе от нерелевантных вопросов к релевантным. Каковы же главные изменения, указывающие на ложь? Наиболее надежным показателем является одновременное угнетение дыхания и повышение кровяного давления сразу же после ответа субъекта. Однако даже если происходит лишь одна из этих двух реакций, то это достаточно надежный ориентир для эксперта. Иногда на ложь может указывать снижение кровяного давления, случающееся через несколько секунд после того, как субъект дал ложный ответ на вопрос. Более тяжелое дыхание спустя 15–20 секунд после ответа на заданный релевантный вопрос также нередко бывает признаком лжи. Эта физиологическая реакция сопутствует чувству облегчения, вызванному тем, что опасный вопрос пройден с видимой безопасностью, и также может случаться в конце опроса, когда субъекту говорят, что ему больше не будут задавать никаких вопросов. Последним признаком лжи является замедление пульса субъекта немедленно после его ответа на вопрос.

При интерпретации этих реакций должны соблюдаться определенные правила, однако главное существующее правило гласит: чтобы быть признанным в качестве доказательства лжи, физиологический отклик на релевантный вопрос должен полностью отличаться от физиологического отклика на нерелевантный вопрос. Многие люди, хотя и не виновные в расследуемом преступлении, имеют нечистую совесть вообще, это вполне может сделать их нервозными и пугливыми или сильно обострить их эмоциональные реакции. Такие люди демонстрируют значительную физиологическую реактивность даже после нерелевантных вопросов и могут быть признаны лжецами, если это обстоятельство не будет приня-

то во внимание. Характер ответов на нерелевантные вопросы дает для каждого субъекта базис, определяющий характер его реакций в том случае, когда он говорит правду. Ложь можно обнаружить лишь тогда, когда эти отличия явно связаны с релевантными вопросами.

Еще одной мерой предосторожности, о которой необходимо помнить всегда, является то обстоятельство, что ни один единичный отклик не может считаться доказательством лжи. Тот же самый или подобный вопрос следует задать несколько раз, и только при наличии существенного совпадения характера ответов субъекта, указывающих на его виновность, можно делать какие-то выводы. Это действительно очень важная мера предосторожности. Случайные факторы, такие как внезапный спазм, чихание или случайный громкий шум, могут породить результаты, неотличимые от сопутствующих лжи эмоциональных обстоятельств, а эти не имеющие отношения к делу факторы могут быть исключены лишь при повторении всей процедуры несколько раз.

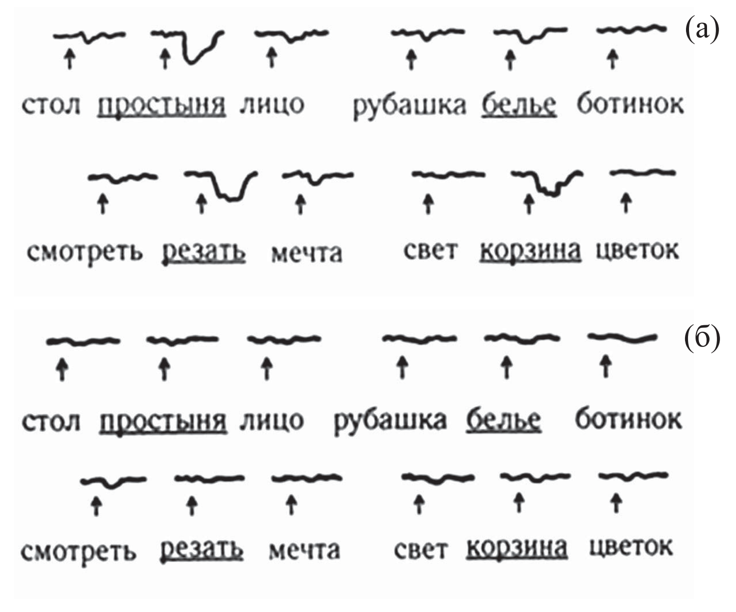
При определенных обстоятельствах может использоваться форма опроса, в значительной степени отличающаяся и имеющая большие преимущества. Этот прием называется «пик напряжения», или «заведомая виновность». Его пригодность обусловлена тем фактом, что виновный человек может знать то, чего не знает невиновный. Любой вопрос, касающийся этого знания, или любое упоминание о нем вызовут у виновного человека эмоциональные реакции, которых не будет у невиновного. Этот вопрос может пояснить пример из моей собственной практики. В одной из больниц раз в неделю собирали простыни и помещали их в большие бельевые корзины на каждом этаже. Через несколько недель простыни в одной из корзин были загадочным образом изуродованы, и поскольку пациенты не имели доступа к корзинам, то подозрение пало на дюжину медсестер, работавших на указанном этаже. Им ничего не было сказано об этом акте вандализма. Следовательно, ни одна из них, за исключением виновной, не могла знать о случившемся. Наступила стадия расследования. Медсестрам сказали, что они примут участие в психологическом эксперименте, в ходе которого им будут зачитывать определенные слова, а они должны сказать первое, что придет им в голову. Среди сотни слов, использованных в эксперименте, было несколько, имевших некоторое отношение к преступлению: «простыня», «белье», «резать» и «корзина». После того как была сделана запись, эти «виновные» слова были сравнены с «невиновными» для каждой из медсестер. Только у одной из них было выявлено весьма заметное усиление ак-

тивности самонастраивающейся системы для виновных слов, и в ее случае эта реакция появлялась на каждое виновное слово. Поставленная перед фактом в виде записи, она призналась и открыла мотивы своего поступка, которые, по сути дела, состояли в мести сестре-хозяйке, которая, по ее мнению, плохо с ней обращалась.

В этом частном случае тип использованной физиологической реакции не относится к реакциям, упоминавшимся до настоящего времени, а представляет собой так называемый кожно-гальванический рефлекс. Это довольно загадочное явление, включающее измерение электрического сопротивления кожи. На ладони и на тыльной стороне кисти закрепляются электроды, и затем пропускается очень слабый, едва ощутимый, электрический ток. Сопротивление, создаваемое рукой прохождению тока, измеряется и — выясняется, что любой внезапный шок или эмоция вызывают снижение этого сопротивления, которое происходит после скрытого периода длительностью около одной секунды, после применения стимула, и оказывается примерно пропорциональным силе причиненного волнения. Общепризнанного объяснения этому явлению нет, хотя есть некоторое основание полагать, что оно связано с активностью потовых желез руки. Определенная эмоция вызывает активность последних, а пот, будучи слегка соленым, является хорошим проводником электрического тока. Однако это вряд ли является полным объяснением. Необходимо все же рассматривать и другие возможности. К счастью, пригодность этого способа регистрации эмоции целиком не зависит от знания механизма, который ее порождает, и при определенных обстоятельствах кожно-гальванический рефлекс (КГР) является лучшим индикатором лжи, чем любой из упоминавшихся ранее.

Довольно странно, что КГР почти никогда не используется в реальной полицейской работе. Видимо, он представляет собой слишком чувствительный критерий измерения даже для слабых эмоциональных изменений, поэтому в крайне заряженной атмосфере полицейской лаборатории отклики на релевантные и нерелевантные раздражители могут показать столько признаков эмоции, что дифференциация станет невозможной. Метод КГР находит применение по большей части в связи с расследованиями комнатных фокусов, к примеру, когда оператор хочет выяснить, какую из нескольких карт видел субъект, и в условиях, почти исключающих ошибку. В расследовании, описанном выше, этот метод использовался потому, что для медсестер весь эксперимент казался чем-то вро-

де комнатного фокуса и в их сознании не ассоциировался с преступлением, виновностью и ложью вообще. Этим можно объяснить получение хорошего результата. Для удовлетворения любопытства читателя, который, может быть, не знаком с подобного рода записями регистрирующих приборов, приведены записи действительных реакций, имевших место у виновного и у одного из невиновных субъектов, на «виновные» и некоторые нейтральные слова. Глядя на эту запись, необходимо помнить, что падение на данной кривой соответствует уменьшению сопротивления кожи при прохождении приложенного электрического тока. Нет нужды комментировать эту запись. Она буквально говорит сама за себя.



Кожно-гальванический рефлекс виновного человека: «виновные» слова подчеркнуты; стрелки указывают, когда было произнесено стимулирующее слово (а). Кожно-гальванический рефлекс невиновного человека: «виновные» слова подчеркнуты (б)

Однако это довольно грубая картина характера процедуры, используемой в тестах по обнаружению лжи, и критериев, применяемых для установления наличия или отсутствия эмоции, сопутствующей ответу. Насколько неоспоримы тесты на детекторе лжи, и в какой степени им можно доверять? Это

трудные вопросы, и прежде чем ответить на них, мы должны рассмотреть определенные факторы, воздействующие на интерпретацию полученных результатов. Одной из основных трудностей при испытаниях такого рода является нервозность, проявляемая многими правдивыми или невиновными людьми в условиях допроса в полиции. Такая нервозность обычно отражается в виде общего неустойчивого характера в записи и в виде нарушения основных реакций, относящихся к релевантным вопросам. Так, психологические отклонения, связанные с нервозностью, появляются в записи детектора лжи вне всякой последовательной связи с любым вопросом или вопросами. Эти отклонения для задаваемых релевантных вопросов не являются более значительными, чем для нейтральных вопросов контрольного назначения. Иногда изменения или нарушения, по масштабу подобные появляющимся в записи, обнаруживаются даже в периоды отдыха, когда не задается вообще никаких вопросов. Наилучшим способом противодействия присутствию нервозности у субъекта является подбадривание и повторение. Повторение всей процедуры пять или даже десять раз действует подобно успокоительному средству. Субъект, первоначально боявшийся всевозможных вещей (например, многие люди, будучи пристегнутыми к аппарату, боятся получить удар электрическим током), теперь привык к процедуре и понимает, что в ней нет ничего опасного. Частые повторения, как упоминалось выше, также позволяют эксперту отыскать последовательность ненормальных реакций на один и тот же вопрос или вопросы, которые рассматриваются как релевантные. Эта последовательность гораздо важнее, чем отдельные изолированные реакции.

Нервозность сравнительно легко обнаруживается (обычно не требуется проверки записи, полученной на детекторе лжи, чтобы определить, находится ли субъект в крайне нервозном состоянии или нет) и не представляет непреодолимых трудностей. Сложнее обстоит дело с другими факторами. Например, умственная отсталость делает субъекта практически непригодным для тестирования на детекторе лжи. Очень тупой субъект, не способный понимать разницу между правдой и ложью или понимать общественную необходимость говорить правду, или тот, у кого нет страха перед разоблачением, не даст удовлетворительных результатов, которые могли бы быть интерпретированы каким бы то ни было образом. Почти то же самое относится к маленьким детям, которые также являются неподходящими субъектами для проверки на детекторе лжи. Очевидно, невиновные люди часто дают настолько странные и отклоняющиеся от нормы показания,

что никакая их интерпретация невозможна. Опять же, все эти обстоятельства не являются непреодолимыми трудностями. Умственную отсталость и психическую ненормальность, способные сделать проверку на детекторе лжи недействительной, легко распознать. Для установления истины вместо детектора лжи используются другие методы.

Гораздо большие трудности представляют некоторые сравнительно невосприимчивые к условиям проверки люди. Человек, отказывающийся верить в эффективность проверки и, следовательно, вообще не беспокоящийся о том, что может себя выдать, склонен выказывать меньше эмоций тогда, когда он лжет и, таким образом, дает менее легко интерпретируемую запись на полиграфе. Некоторые люди проявляют совершенно исключительное отсутствие эмоций и на основе их реакции при проверке на обнаружение лжи легко могут быть объявлены невиновными. Опять-таки, некоторые люди способны контролировать свои умственные ассоциации и процессы в достаточной степени, чтобы избежать выдающих их ответов. Превосходный пример такого приема имел место в связи с судебным разбирательством по делу Джерри Томпсона, который был казнен за изнасилование и убийство Милдред Холлмарк. Записи его проверки на детекторе лжи были весьма неопределенными и не могли быть интерпретированы. Однако совершенно независимо от проверки на детекторе лжи он сознался. За несколько дней до казни он был проинтервьюирован экспертом по обнаружению лжи, который хотел узнать, как Томпсону удалось «ускользнуть» во время проверки. Томпсон заявил, что каждый раз, когда во время проверки его спрашивали, он ли «изнасиловал и убил Милдред», он концентрировался и проигрывал в своем сознании различные случаи нетрадиционных сексуальных опытов, которые у него были с другой девушкой, носящей такое же имя. Томпсон утверждал, что при помощи этого приема всякий раз, когда задавался вопрос, ему удавалось выбросить из своей головы момент изнасилования и убийства Милдред Холлмарк. К счастью, только очень немногие люди оказываются способными контролировать свое сознание в той степени, которая требуется для «победы над машиной». Но необходимо помнить, что есть люди, которые все-таки обладают такой способностью, и особенно их много среди закоренелых преступников.

Люди, знающие физиологическую основу детектора лжи, иногда могут использовать другой трюк для того, чтобы сделать обнаружение невозможным. Следует помнить, что обнаружение лжи очень сильно зависит от сравнения релевантных и нерелевантных вопросов. Если субъект способен вызы-

вать физиологические реакции на нерелевантные вопросы, то сравнение становится бесполезным и из записи будет невозможно извлечь разоблачающую информацию. Формирование физиологических реакций на «невиновные» вопросы можно осуществить различными способами. Один субъект (физиолог), столкнувший свою жену в Большой Каньон, вызывал реакции самонастраивающейся системы на нерелевантные вопросы, наступая каблуком своего ботинка на левую ногу. Вызываемая боль продуцировала реакцию, совершенно подобную той, которая возникает при лживом ответе, что делало запись бесполезной. Известно, что другие люди во время ответов на «невиновные» вопросы мысленно удовлетворяли свои сексуальные фантазии, вызывая таким образом физиологические реакции, которые исследователь приписывал следующему вопросу. Невозможно категорически утверждать, что такие трюки время от времени не срабатывают, но в большинстве случаев опытный эксперт заметит, что делает обвиняемый, и сможет извлечь из этого собственные выводы.

Теперь мы в состоянии определить практическую пользу проверок на детекторе лжи. В общем и целом трудно не согласиться с Инбау, очень опытным специалистом в этой области, когда он пишет, что «проверки на детекторе лжи, проводимые компетентными и опытными операторами, имеют очень большую практическую пользу. Во-первых, при помощи детектора лжи становится возможным обнаружить ложь с гораздо большей точностью, чем это достижимо иным способом. Во-вторых, прибор, тесты и сопутствующие процедуры оказывают несомненное воздействие, побуждая виновных к признанию и раскаянию».

К сожалению, получить достоверные данные о точности результатов детектора лжи почти невозможно. В реальной полицейской работе не всегда можно добиться подтверждающих или опровергающих доказательств, так что в некоторых случаях мы можем так и не узнать правды по делу. По этой причине многие исследователи предоставляют данные, имеющие целью продемонстрировать точность проверок на детекторе лжи, основанные на экспериментах, проводящихся в лаборатории, в которых нет действительно совершенного преступления, а задача исследователя состоит в выяснении, как в уже приводившемся примере, какую из нескольких карт видел человек или кто из нескольких индивидуумов прочел определенное письмо. В таких лабораторных экспериментах правда известна и успех проверок на детекторе лжи может быть проверен на соответствие. В опубликованных отчетах

точность колеблется в пределах от 80 до 100 процентов, и, вероятно, можно утверждать, что надлежащим образом проведенные испытания точны примерно в 95 процентах случаев.

К сожалению, мы не можем экстраполировать результаты экспериментальных исследований такого рода на тот тип работы, который проводится в полицейской лаборатории. Уже выяснено, что тогда как в психологической лаборатории отклик типа кожно-гальванического рефлекса особенно эффективен, он отнюдь не так полезен при допросах реальных подозреваемых в полиции. В настоящее время не очень понятно, почему это происходит, однако необходимо признать, что точность полицейской работы нельзя в достаточной мере оценить ссылкой на работы в психологической лаборатории.

Наиболее убедительная оценка точности приемов обнаружения лжи дана Инбау. Основывается она на почти двенадцатилетнем опыте работы в Научной криминалистической лаборатории в Чикаго. Согласно его оценке, из 100 случаев при помощи эксперта можно определенно и точно обнаружить ложь примерно в 70. В двадцати случаях показания записей будут слишком неопределенными для того, чтобы позволить компетентному и осторожному эксперту дать конкретное заключение. В этих случаях сомнения могут быть обусловлены как противоречивостью, так и бурным характером откликов в записи, а также общей невосприимчивостью субъекта. Что касается оставшихся десяти случаев, то даже самый опытный эксперт, вероятно, даст определенно ошибочное заключение. В этих случаях главный источник ошибок заключается, скорее, в неспособности эксперта обнаружить ложь виновного субъекта, чем в его ошибочном толковании записи невиновного.

Это осторожная оценка, и надо сказать, что некоторые эксперты публикуют заявления о том, что их методы точны на 97, 98 или 99 процентов, или даже в одном из случаев — на 100 процентов. Несомненно, это преувеличение и в результате неизбежно разочарование, следующее за ожиданиями, основанными на таких заявлениях. Возможно, это является причиной определенного недоверия к технике обнаружения лжи, которое можно наблюдать среди некоторых сотрудников полиции.

На первый взгляд, степень точности, достигаемая детекторами лжи в умелых руках, может не впечатлить. Если отбросить 20 процентов случаев, когда эксперт не может прийти к решению, то обнаружится, что в семи случаях из восьми эксперт оказывается прав, оставляя предел погрешности около 12 процентов. Все жаждут 100-процентной точности — а эта

точность должна быть целью науки. Однако большинство из того, что мы имеем на практике, не достигает желаемого значения — предел погрешности в 12 процентов может показаться обескураживающе высоким. Хотя это обстоятельство и ограничивает пригодность детектора лжи, все же определенно нельзя сказать, что оно делает его бесполезным.

Во-первых, наиболее ценным побочным продуктом технологии обнаружения лжи является то, что она помогает получить признание в тех случаях, где другие методы дают сбой и где потребовался бы большой объем работы, если признания не происходит. Предъявление объективных доказательств лжи, прочерченных на бумаге полиграфом, весьма сильно действует на большинство преступников. Опыт показывает, что во многих случаях следуют признания. В самом деле, существует бесчисленное количество таких признаний, сделанных в ответ на предложение подозреваемому пройти проверку на детекторе лжи. Часто подозреваемые признавали свою вину в ожидании проверки. Другие признавались тотчас же, после того как оператор начинал настраивать приборы, приступая к проверке.

Полученные таким образом признания должны, несомненно, проверяться объективными данными. Признание само по себе, полученное с использованием или без использования детектора лжи, большинством судов не будет рассматриваться как достаточное. Однако обычно содержащиеся в признании подробности дают возможность получить объективное подтверждение заявлений виновного субъекта. Необходимо подчеркнуть, что до настоящего времени не обнаружено ни одного случая ложного признания, вызванного психологическим эффектом от прибора или техники его использования. В этом смысле существует весьма заметная разница между способами применения детектора лжи и допроса «третьей степени» (допрос с применением пыток), который заставил многих людей, для того чтобы вырваться из невыносимого положения, признаться в преступлениях, которых они не совершали.

Способность детектора лжи вызывать признания у виновных для многих людей является главным критерием его практического использования. Даже с учетом ошибок этого прибора в некоторых случаях мы не можем игнорировать тот вклад, который в действительности внес детектор лжи, принимая во внимание и те случаи, когда признание не было получено. Иметь путеводитель к правде, даже если он надежен лишь на 90 процентов, определенно лучше, чем не иметь его вообще.

Во многих случаях запись проверки на детекторе лжи дает полиции возможность отказаться от расследования по причине очевидной невиновности подозреваемого. В других случаях предположение его вины, подтвержденное записью проверки на детекторе лжи, может дать полиции возможность сосредоточить усилия на более очевидных подозреваемых. Во многих случаях подробности экспертизы могут быть полезными в получении полицией определенных улик, таких как имена сообщников или места, где спрятаны деньги или орудия убийства и тому подобное. При этом необходимо, конечно, представлять себе, что обвинительный приговор не основывается непосредственно на записи детектора лжи. Она является лишь одним элементом, принимаемым во внимание при составлении заключения. Это пункт доказательства среди прочих, ни один из которых не может быть назван совершенно надежным, но вместе взятые они указывают на виновность или невиновность конкретного подозреваемого.

Люди, критикующие использование технологии обнаружения лжи на основе отсутствия стопроцентной надежности, часто не замечают того, что все другие способы, используемые в настоящее время для определения правдивости или лживости версии подозреваемого, подвержены ошибкам по крайней мере настолько же, а во многих случаях и гораздо сильнее. Вопрос, который необходимо задать, состоит не в том, будет ли новое направление, такое как технология обнаружения лжи, абсолютно точным, а в том, будет ли оно точнее тех способов, которые заменит, и улучшит ли ту степень успеха, которая достижима в настоящий момент. В этом отношении можно не сомневаться, что технология обнаружения лжи начинает пользоваться успехом.

К рассуждениям, приведенным в пользу применения технологии обнаружения лжи, необходимо добавить еще одно. Единственный возможный способ выяснения несовершенства технологии — это экспериментирование и практика. Сказать, что технология обнаружения лжи не должна использоваться лишь потому, что не является абсолютно надежной, означает закрыть единственный путь, ведущий к ее усовершенствованию. Можно до дальнейших указаний проводить эксперименты в психологической лаборатории, но для реального развития технологии обнаружения лжи практическое ее использование просто обязательно. Лишь так может быть разработан наиболее эффективный и действенный способ допроса. Лишь таким способом может быть обучен квалифицированный персонал, и только так теоретические исследования могут быть направлены по перспективным путям.

Заявление о том, что технология обнаружения лжи должна использоваться в полицейской работе, является весьма неопределенным. Существует много других возможных способов применения такой технологии, и важно быть точным, давая какие-либо рекомендации. Однако прежде мы, пожалуй, должны обратиться к существующим исследованиям юридической стороны использования детектора лжи. В Великобритании я не смог найти ни одного юридического подтверждения, касающегося этого вопроса. Поэтому мы волей-неволей должны направиться в Соединенные Штаты, где несколько судов рассматривали этот вопрос. Первое решение апелляционного суда по поводу допустимости использования полученных на детекторе лжи доказательств было вынесено в 1923 году федеральным судом. Обвиняемый в попытке убийства предложил в качестве доказательства результаты проверки на детекторе лжи. Причина, по которой это предложение отвергли, была сформулирована очень ясно: «Трудно определить, когда точно научный принцип или открытие пересекают границу между экспериментальной и доказательной стадиями. Где-нибудь в этой неопределенной зоне доказательная сила принципа должна быть признана, и пока суды будут иметь большое влияние на признание свидетельских показаний эксперта, выведенных из общепризнанного научного принципа или открытия, должно быть полностью доказано, что факт, из которого сделан вывод, является полностью признанным в той конкретной области, которой он принадлежит. Мы полагаем, что выявление лжи путем проверки артериального систолического давления еще не получило должного научного признания среди специалистов в области физиологии и психологии, которое могло бы убедить суды признавать свидетельские показания эксперта, выведенные из открытия, заключения и экспериментов, сделанных до сих пор». Несколько других случаев произошли в более поздние годы, и во всех признание проверки на детекторе лжи как доказательство было отвергнуто. Таким образом, в настоящее время в Соединенных Штатах доказательство такого рода практически не имеет законного признания, и, вероятно, будет правильным предположить, что и в Великобритании положение вряд ли окажется иным.

Разумны ли эти решения, или же они просто свидетельство «отсталого» мышления, столь часто обнаруживаемого в таких традиционных сферах, как право?

Здесь мы снова должны, несомненно, согласиться с Инбау — экспертом, чью оценку надежности результатов, полученных на детекторе лжи, мы приводили ранее.

Вот его заключение, сделанное на основании фактов: «Общепризнано, что существующие узаконенные методы и процедуры установления правды и отправления правосудия далеки от совершенства, следовательно, мы всегда должны оставаться бдительными и стремиться к их улучшению. Но в то же время мы не должны опрометчиво принимать предлагаемые нововведения. В случае с детектором лжи такое осторожное отношение будет работать не только в интересах отправления правосудия, но будет также в высшей степени полезным для самой технологии. Необдуманное принятие результатов проверки в качестве законного доказательства было бы, несомненно, таким же, как и серия злоупотреблений и судебных ошибок, и навсегда запятнало бы технологию, как в области права, так и в области науки. Представляется намного более мудрым дождаться дальнейшего развития и улучшения технологии и сперва дать ей возможность пройти через серьезное испытание по-настоящему научного исследования относительно точности и надежности».

Инбау основывает свое заключение на двух главных аргументах. Для того чтобы быть принятой, технология должна обладать «надлежащей степенью точности показаний». Допустимое число ошибок должно находиться в пределах 10 процентов, не больше, а во многих случаях не меньше того, которое имеют некоторые научно признанные способы, разрешенные в настоящее время судами. Следует, однако, помнить, что если бы результаты проверки на детекторе лжи были приняты как законное доказательство, то они предоставлялись и рассматривались бы как доказательство какого-то важного аспекта судебного дела, или даже обоснованности в целом иска или заявления одной из сторон. Другими словами, признание правдивым или лживым ответа на вопрос «Вы стреляли в X?» полностью решает проблему. С большинством форм научно обоснованного признания дело обстоит не так. Эксперт по баллистике может представить доказательство, сказав, что данная пуля была выпущена из данного оружия. Но один этот факт не сможет сам по себе решить вопрос. Как правило, научное доказательство не является окончательным относительно всего судебного процесса. Следовательно, нет большой вероятности несправедливого решения в результате ошибочного довода эксперта. Однако доказательства, полученные на детекторе лжи, обычно относятся к главному вопросу всего дела. Следовательно, будь они разрешены к признанию, ошибка могла бы оказаться крайне серьезной. Таким образом, слова «надлежащая степень точности показаний»

должны интерпретироваться в контексте важности решения. То, что может быть надлежащей степенью точности в небольшом деле, может оказаться ненадлежащей степенью тогда, когда дело касается жизни и смерти. Если в деле такого типа происходит апелляция к результатам проверки на детекторе лжи, то требующиеся от нее точность и безошибочность должны быть скорее выше, нежели ниже той, которую имеют другие методы научного доказательства.

Подходя ко второму необходимому условию, требующемуся для признания доказательства законным, то есть к признанию технологии в той области науки, которой она принадлежит, мы видим, что в то время как принципы, лежащие в основе технологии обнаружения лжи, признаны физиологами и психологами, такая конкретная форма их применения принята не столь широко. Отчасти это обусловлено невежеством. Немногие психологи и физиологи интересуются этим вопросом и, следовательно, вполне справедливо, они не готовы заниматься вопросом, в котором не являются специалистами. Кроме того, преувеличенные и сенсационные заявления нескольких операторов детекторов лжи сделали научно мыслящих людей весьма осторожными по отношению к любым утверждениям в этой области. К тому же использующаяся в настоящее время технология обнаружения лжи не стандартизирована надлежащим образом в отношении приборов, способа, который должен использоваться при проведении проверки, интерпретации записей или подготовки компетентных экспертов. При таких условиях некомпетентные или нечестные люди могут представиться как «специалисты по детектору лжи» и получат возможность дать неточное или ложное доказательство для нанявшей их стороны.

Из правила непризнания результатов проверки на детекторе лжи в суде существует одно исключение. Если юристы, представляющие обвинение и защиту, согласны на признание результатов проверки на детекторе лжи, а также на проведение исследования конкретным экспертом, то такое доказательство будет принято, по крайней мере в Соединенных Штатах, рядом судов первой инстанции. Это исключение правомерно по двум причинам. Во-первых, можно предположить, что если противостоящие стороны и их адвокаты хотят прибегнуть к применению проверки на детекторе лжи, то дело является сомнительным, то есть таким, когда доказательства каждой стороны являются неубедительными и не подтверждаются дополнительными доказательствами. (В эту категорию часто попадают сексуальные преступления, когда в большин-

стве случаев не представлено никого, кроме двух вовлеченных людей, а физические улики того, что произошло доподлинно, появляются редко.) При таких условиях, когда любое принятое на основании имеющихся доказательств решение будет не слишком сильно отличаться от гадания, нет сомнений в том, что использование результатов проверки на детекторе лжи в значительной степени увеличило бы точность окончательного решения по сравнению с основанным только на догадках или интуиции судьи и присяжных, без доказательств детектора лжи. Еще один момент состоит в том, что когда обе стороны согласны с выбором эксперта, то он, вероятно, должен быть честным и компетентным и ни в коем случае не находиться под влиянием одной или другой стороны.

Читателю может показаться, что все сказанное нами до сих пор является явным противоречием. С одной стороны, утверждается, что существующая нынче практика, не признающая результаты проверки на детекторе лжи законно допустимыми доказательствами, является разумной и что в настоящее время нет оснований изменять это положение. С другой стороны, предлагается официально использовать в полиции детекторы лжи. Как можно согласовать две этих противоречащих друг другу рекомендации? В действительности ответ уже был дан, когда отмечалось, что одним из основных преимуществ использования детектора лжи было его содействие в получении признаний в тех случаях, когда обычные виды полицейского расследования не работали. Признания, раскаяния и другие доказательства, полученные с помощью использования детектора лжи, являются допустимыми в суде и имеют легальный статус, по крайней мере в Соединенных Штатах. Легальное использование такого доказательства в Великобритании до сих пор не наблюдалось, но предполагается, что положение не будет сильно отличаться от существующего в Америке. Законное решение по этому вопросу было принято Верховным судом Пенсильвании в 1939 году, когда обвиняемый сознался в совершении убийства. Признание последовало после проверки на детекторе лжи. Адвокат обвиняемого опротестовал приемлемость признания. Протест основывался на факте использования детектора лжи и на том, что следователи сказали подозреваемому следующее: «Ты можешь обмануть нас, но ты не сможешь обмануть эту машину». Верховный суд Пенсильвании оставил в силе решение суда первой инстанции, установившего приемлемость признания. Они заявили, что поскольку при получении признания не были использованы обещания, сила или угрозы, то простое использование

прибора не делает его неприемлемым. Не было также признано, что комментарий следователя о невозможности обмануть машину делает признание недействительным, потому что общая правовая норма в Соединенных Штатах считает приемлемыми признания, полученные «посредством хитрости или уловки, не предназначенной для получения неправды».

Другим аргументом, иногда используемым адвокатами для защиты, является то, что применение детектора лжи устанавливает практику «допроса третьей степени». Этот аргумент не зарекомендовал себя перед наиболее компетентными обозревателями или авторитетными специалистами в области права. Как уже отмечалось, некоторый легкий дискомфорт совершенно временного характера создается манжетой для измерения кровяного давления. Но он слишком незначителен, чтобы в каком-то смысле считаться болезненным. Более того, процедура проверки не относится к таким, которые могли бы способствовать или принудить человека сделать признание просто для того, чтобы избежать невыносимого положения. В связи с этим интересно отметить, что в нескольких случаях подозреваемый, выдержавший суровый «допрос третьей степени» и не сделавший признания, в конце концов признавал свою вину после короткого сеанса на детекторе лжи. Применение «допросов третьей степени», кроме того, что бесчеловечно, еще и неэффективно. Замена их проверкой на детекторе лжи в американской полиции могла бы значительно улучшить эффективность и точность раскрытия преступлений.

В целом вопрос об использовании уловок для получения признаний от преступников порождает множество запутанных правовых проблем. Можно сомневаться в том, что утверждение «Ты можешь обмануть нас, но ты не сможешь обмануть эту машину» является чистой уловкой, так как на самом деле это заявление в значительной степени правильно. Естественно, в некотором смысле его можно рассматривать как уловку, поскольку утверждение становится правдой, во-первых, вследствие того, что оно всего-навсего сделано и, во-вторых, вследствие веры в него подозреваемого. Однако может быть и так, что многие люди, особенно с гуманитарным складом ума и высокой степенью религиозной и нравственной ответственности, выступают против использования технологии обнаружения лжи, ссылаясь на ощущение того, будто она кладет на чашу весов нечто несправедливое по отношению к обвиняемому и является если не чем-то совершенно жульническим, то очень близким к этому. Эта распространенная точка зрения, в действительности отражающая беспокойство по по-

воду тщательной разработки норм доказательного права, которым обязана следовать полиция в Великобритании, не может не вызывать сочувствия. Гарантия того, что побежденный полностью защищен от общества и что по отношению к нему не будет применена несправедливость, поскольку он не может в одиночку противостоять силам, представляющим закон, является одной из главных характеристик демократического образа жизни, от которой очень немногие люди хотели бы отказаться в интересах большей эффективности.

Однако если проигравший должен быть защищен от общества, особенно в его монолитном современном виде, то и общество должно быть защищено от злостного преступника. Сочувствие должно относиться не только к правонарушителю, но и к его реальной или предполагаемой жертве. Возьмем дело Джерри Томпсона, судебное разбирательство над которым за изнасилование и убийство вызвало сенсацию несколько лет тому назад. Томпсон совершил много нападений и изнасилований. В данном случае в порыве ярости он душил и избивал свою жертву, как делал и прежде много раз с другими девушками. В этом же конкретном случае его жертва потеряла сознание и, предположив, что она мертва, Томпсон выбросил ее тело из своего автомобиля. Однако девушка, когда ее выбросили из движущегося автомобиля, еще была жива и умерла лишь от удара о дорогу.

К Томпсону была применена технология проверки на детекторе лжи, в результате которой он сознался. Несомненно, очень немногие согласятся, что моральным принципам больше соответствовало бы его освобождение и доставление ему возможности дальше заниматься нападениями и изнасилованиями, чем принуждение его пройти проверку на детекторе лжи и вынесение приговора. Возможно, это исключительный пример, но он может противодействовать нашим сентиментальным желаниям смотреть на злостных и жестоких убийц как на мягкосердечных неудачников, к которым была несправедлива судьба.

По существу, положение дел таково. Сама по себе проверка на детекторе лжи с юридической точки зрения нейтральна. В настоящее время ее эффективность достаточно хорошо известна, и ее значение в получении правдивых признаний несомненно. Она никоим образом не имеет ничего общего с методами «допроса третьей степени». Она не причиняет обвиняемому никакой физической боли и в случае неудачи не вовлекает в процесс рассматривания невиновного человека. Ее неудача — скорее неудача при выявлении того, кто лжет.

Наконец, во многих случаях она служит щитом для невиновного, который не по собственной вине запутывается в массе косвенных улик и чье заявление о невиновности проверяется на детекторе лжи. Было бы неразумно безоговорочно принять столь самонадеянное утверждение и придать ему статус доказательства, принимаемого судом, а также использовать метод в каждом единичном случае. В равной степени было бы неразумным отвергнуть признание его потенциальной полезности, использование в тщательно отобранных случаях, где он может дать максимальные преимущества, и отказаться от его помощи, с применением строгих мер предосторожности, в содействии целям правосудия. В целом ситуация была сведена к нескольким фразам ни кем иным, как Даниэлем Дефо, который в 1730 году опубликовал памфлет под названием «Надежная схема по немедленному предотвращению уличного воровства».

Как будет видно из последующей цитаты, Дефо не только открыл основы современной технологии обнаружения лжи, но и обсуждал этические возражения относительно ее применения почти в таком же духе, что и современные авторы.

«Вина почти всегда несет с собой страх. В крови вора происходят толчки, которые, если обратить на них внимание, неизбежно выдают его. И если человек подозревается, то лишь по этому подозрению я бы всегда пощупал его пульс и рекомендовал это для практического использования. Невиновного человека, знающего о том, что он чист, не смутит, когда кричат „Держи вора!“. Он гораздо меньше дрожит и трясется, изменяется в лице или бледнеет, он не бросится бежать изо всех сил и не попытается скрыться.

Правда, некоторые настолько ожесточились в преступном мире, что будут дерзко удерживаться в нем, преодолевая дух презрения и нагло встречая даже преследователя. Но схватите его запястье и пощупайте пульс, и вы поймете, что он виновен. Вопреки самоуверенному виду и лживым речам неровный пульс, внезапное сильное сердцебиение точно укажут, что он преступник. Именно это они не могут утаить. Сознающееся сердце выдаст себя трепещущим пульсом; величайшая наглость в лице или самая твердая решительность закоренелого преступника не может этого замаскировать и скрыть. Такие эксперименты, наверное, не проводились, и кто-то может подумать, что это несправедливый способ, даже по отношению к вору, поскольку он заставляет человека свидетельствовать против себя. Что касается этого, то данный вопрос я рассматриваю следующим образом, не больше: если для правосудия допустимо задержать человека на основании подозрения,

если подробности правдоподобны и хорошо обоснованы, то не будет незаконным (sic!)* при помощи любой уловки, которая не вредна сама по себе, искать дополнительные основания для подозрения и смотреть, как одно обстоятельство согласуется с другим.

Возможно, и справедливо, что такое разоблачение при помощи пульсаций в крови не может дать полной уверенности, а следовательно, не может стать доказательством. Однако я настойчиво утверждаю, что будь все должным образом и умело измерено, то оно может быть разрешено как законное дополнение к другим обстоятельствам, особенно тогда, когда согласуется с другими законными основаниями для подозрения».

Уделив в этой главе очень много внимания детектору лжи и посвятив только несколько слов обсуждению «сыворотки правды», мы, можно сказать, дали точное представление о важности этих двух типов эволюции и об их предполагаемой полезности. Детектор лжи основывается на твердо установившейся научной теории; его полезность общепризнана, а его значение подтверждается безукоризненными научными исследованиями. С другой стороны, «сыворотка правды» относится к несколько иной категории. Ее значение весьма спорно, а использование основывается на теории, не обоснованной научно. Только в одном отношении она имеет сходство с проверкой на детекторе лжи — это ее длинная история, уходящая в первобытные времена. Даже среди древних римлян было хорошо известно то, что с использованием алкогольных напитков можно заставить людей выдавать то, что они предпочли бы держать в секрете. Выражение «Истина в вине» имеет аналоги в каждом цивилизованном языке.

Современные «сыворотки правды» подобны алкоголю: они подавляют активность высших центров мозга и таким образом временно высвобождают из-под контроля низшие центры. В эти неконтролируемые моменты, когда постоянно бодрствующий цензор, как это случается, заторможен, определенные признания, в других обстоятельствах строго вычеркнутые, могут незаметно выскользнуть. Однако достичь равновесия очень трудно. Немного больше — и низшие центры также становятся парализованными, субъект засыпает. Слишком мало — высшие уровни сохраняют свои цензорские функции, и результат не эффективен. В этом случае, я имею в

---

* sic! (лат.) — так! (В скобках или на полях указывает на важность или подлинность данного места в тексте или выражает ироническое отношение автора.)

виду, когда индивидуум осознает определенный факт и не хочет признавать это, в действительности невозможно выявить данный факт при помощи любых так называемых «сывороток правды», доступных в настоящее время. Это было эффектно продемонстрировано в эксперименте, проведенном с различными нормальными и невротическими субъектами. Им рассказали о каком-то случае и предупредили, что они не должны сообщать никаких подробностей этой истории человеку, который придет и будет спрашивать их о ней. Затем им были сделаны инъекции пентотала (одна из «сывороток правды») и совершена попытка выведать у них подробности рассказанного. Усилия закончились провалом. Нормальные люди вообще не сообщили никакой информации, а неврастеники проговорились о деталях истории, кроме этого, они добавили в нее столько воображаемых фактов, что было практически невозможно реконструировать правду из их «излияний». В целом нет достаточного основания полагать, что осознанное решение не выдавать тайну можно преодолеть с использованием медикаментов, известных к настоящему времени медицинской науке. Конечно, вероятность того, что существуют секретные средства, имеющиеся в наличии у определенных восточных правительств и неизвестные здесь, не может быть исключена. Однако в отсутствие каких бы то ни было доказательств требуется «значительная доверчивость», чтобы относиться к такому предположению серьезно.

Все же существует одно применение так называемых «сывороток правды», которое придает некоторый смысл использованию этого термина. Неврастеничные пациенты часто не помнят определенных событий в их прошлой жизни. Часто такие события имеют важное эмоциональное значение и тесно связаны с конкретной недееспособностью, которой страдает больной. Так, у солдата, страдающего истерическим параличом, этот симптом мог появиться в то время, когда его завалило землей при взрыве снаряда. Он может полностью забыть этот эпизод и не помнить его вообще. Но при расспросе под воздействием одной из «сывороток правды» он не только вспоминает эпизод, но может как будто вновь пережить все, съежившись в углу комнаты и крича от страха, и в конце концов впасть в бессознательное состояние. Терапевтическое использование таких средств для вызова воспоминаний оценить непросто, но то, что в таких условиях происходит правдивое изложение фактов о тех событиях, которые субъект в нормальном состоянии не помнит, не вызывает сомнений.

Разницу между восстановлением подавленной информации такого рода, которую субъект не самоосознает, и рас-

крытием определенных фактов, которые субъекту хорошо известны, но которые он не хочет разглашать, может пояснить пример. Во время войны солдат среднего возраста блуждал вокруг Лондона и был подобран военной полицией. Он заявил о практически полной амнезии, не мог вспомнить свое имя, свой гражданский адрес и вообще ничего о себе. У него не было знаков отличия, представлялось и казалось невозможно узнать что-либо о его подлинной личности. После инъекции пентотала он по-прежнему не мог ничего вспомнить. Это вызвало серьезное подозрение: при истинной невропатической амнезии проявляются, по меньшей мере, некоторые признаки восстановления памяти под воздействием наркотика. Однако примерно в то же время в больнице он влюбился в молодую пациентку. Они намеревались пожениться, но однажды, идя вдоль по местной Хай Стрит, он столкнулся с женщиной в сопровождении семерых детей, которая заявила, что она его жена и не позволит ему вернуться в больницу. Ее рассказ оказался правдой. После нескольких допросов мужчина в конце концов признался, что выдумал всю историю с амнезией, для того чтобы сбежать от жены.

С точки зрения полицейского расследования и получения правды от кого-то, решившего не выдавать ее, «сыворотка правды» имеет небольшое значение. Возможно, что новые открытия в ближайшем будущем исправят положение. До тех пор, пока не станет известна лучше основа, на которой эти наркотики работают, сомнительно, что в этой области могут быть проведены серьезные эксперименты. Конечно, существуют возможности объединения технологий «сывороток правды» и детектора лжи, но, к сожалению, «сыворотки правды» сами по себе оказывают непосредственное воздействие на вегетативную нервную систему, противодействуя, таким образом, плавной работе детектора лжи. По крайней мере, в настоящий момент мы можем выбросить из головы мысли о «сыворотке правды», очень правильно называемой именно так, и сосредоточиться на практических задачах по развитию детектора лжи.

ПСИХОЛОГИЯ: ФАКТЫ И ВЫМЫСЕЛ

1965 г.

Преступления, совесть и обусловливание

В предыдущей главе мы упоминали о существовании «невротического парадокса»; интересно то, что существует также «парадокс преступности». По своей природе эти парадоксы очень похожи. Невротик делает то, чего не хочет делать, и у него не получается делать то, что он хочет. Он не подпадает под общий закон гедонизма, который управляет человеческими и животными реакциями. То же самое можно сказать и о преступнике, особенно о рецидивисте. Несмотря на то, что его ловят, выносят приговор, сажают в тюрьму много раз, он, тем не менее, не способен осознать, что подобная линия поведения не принесет ему счастья, удовлетворения и удовольствия, и продолжает нарушать закон, проводя в итоге большую часть жизни за решеткой.

Как и невротический, парадокс преступности существует с незапамятных времен, и любопытно, что люди, ответственные за принятие законов и сохранение правопорядка, упорствовали и продолжают упорствовать в своем убеждении, которое не подтверждается ни фактами, ни теорией. Это убеждение заключается в следующем. Человек — это существо по большей части рациональное; он оценивает последствия своих возможных действий и предпочитает те из них, которые, в целом, могут сделать его счастливым, тем, которые, в целом, могут сделать его несчастным. Если желательно искоренить определенную линию поведения, то тогда нужно ввести соответствующие меры наказания; это должно будет вызвать предубежденность в гедонистических расчетах, которая не позволит человеку придерживаться этой линии поведения. Вы не хотите, чтобы люди воровали, убивали и насиловали других; соответственно, вы устанавливаете определенные меры наказания за воровство, убийство и изнасилование. Подобным способом, согласно данной теории, можно искоренить все нежелательные для общества модели поведения.

К сожалению, эта теория является ошибочной с психологической точки зрения, и нельзя ожидать, что она будет работать. Одной из главных причин является существование за-

кона, который мы можем назвать «законом временной последовательности». Согласно этому закону, если данное действие влечет за собой два последствия, одно из которых приятное или положительное, а другое — неприятное или негативное, то вероятность того, что человек совершит это действие, будет пропорциональной не только размеру положительных и негативных реакций, но и их временной последовательности. Чем скорее данное последствие, неважно — негативное оно или положительное, последует за совершением поступка, тем большее влияние оно будет иметь на принятие решения; и чем дальше последствие будет отодвинуто во времени, тем меньше оно будет влиять на вероятность совершения или несовершения определенного действия. Если негативные и положительные последствия примерно одинаковы, то тогда действие будет совершено, если положительное последствие будет предшествовать негативному последствию; и не будет совершено, если негативное последствие опередит положительное.

Этот принцип противоречит надеждам, связанным с исправлением преступников с помощью наказания. Награда за преступное деяние достается преступнику практически сразу; убийца получает удовлетворение от вида убитой им жертвы, насильник испытывает удовлетворение после изнасилования, а вор — от обладания желаемым предметом.

Таким образом, положительные награды не только крупны в размерах, но даются человеку практически сразу после совершения преступления. Негативные последствия преступной деятельности если и происходят, то происходят относительно нескоро. Недели, месяцы и даже годы проходят, прежде чем преступника удается поймать, прежде чем он предстанет перед судом и прежде чем он попадет в тюрьму. Таким образом, негативные последствия оттягиваются во времени, преступление и наказание разделяет продолжительный отрезок времени. Более того, в то время как преступник уверен в положительных последствиях преступления, он надеется избежать отрицательных. Невозможно предоставить какие-либо статистические данные относительно того, сколько преступлений совершается на самом деле и сколько из них в действительности рассматривается в суде; о многих преступлениях, возможно, даже об их большей части, не сообщают в полицию, и, следовательно, полиция ничего о них не знает. Даже если о преступлении становится известно, только четверть их можно доказать; а если учесть еще и тот факт, что в эту четверть также входят случаи, которые просто были «приняты к сведению полиции», то оказываемся, что только десять или пятнадцать процентов преступлений в конечном итоге караются по зако-

ну. При таких условиях мы, естественно, не можем ожидать, что наказание будет являться эффективным способом борьбы с преступностью. И в действительности, вот уже на протяжении нескольких веков, эксперты в вопросах наказания жалуются на тот печальный факт, что человеческая натура отказывается подчиняться их теории, и признают, что тюрьма, исправительные работы и даже физические наказания не являются факторами, сдерживающими преступное поведение.

Может ли психология предложить какую-либо разумную теоретическую основу преступного и законопослушного поведения? Довольно любопытно то, что объяснение в данном случае будет похоже на объяснение невротического поведения. Прежде всего, мы должны воспользоваться понятием «совесть», которое часто используется в качестве альтернативной гипотезы гедонистическому расчету, в том, что касается моральных норм поведения. Многие люди могут поспорить, что человеческие существа не мотивируются полностью, или даже главным образом, гедонистическим расчетом; они могут заявить, что поведение человека скорее определяется его совестью, или внутренним направляющим светом, или чем-то иным, что можно назвать выражением морального сознания, этого «закона морали внутри нас», который мы осознаем, но который мы с большим трудом можем описать. Часто понятие совести приобретает религиозный оттенок, так как именно Церковь, в основном, взывает к нашим моральным качествам, однако на самом деле это понятие не обязательно связано с религией, многие известные атеисты и агностики не раз призывали на помощь свою совесть, для того чтобы оправдать свои действия, и для того чтобы принимать понятие совести, вовсе не обязательно соглашаться с ее сверхъестественным или божественным происхождением.

Как же появляется совесть? Согласно нашим предположениям совесть это всего лишь условный рефлекс, который формируется точно так же, как фобические или невротические реакции. Маленький ребенок по мере взросления должен научиться определенным моделям поведения, которые сами по себе могут быть неприятными и даже идти вразрез с его собственными желаниями и убеждениями. Он должен научиться умываться каждый день и не мочиться там, где ему захочется и когда ему захочется; ему придется подавлять в себе сексуальные желания и агрессию; он не должен будет бить других детей, когда они будут делать вещи, которые ему не будут нравиться; он должен будет научиться не брать вещи, которые ему не принадлежат. В каждом обществе существует огромный список запретов на действия, которые считаются плохими и аморальными

и от которых он должен воздерживаться, даже если они кажутся ему приятными и выгодными. Как мы уже упоминали ранее, этого нельзя добиться с помощью формального процесса отложенного во времени наказания, так как на самом деле лишить преступника того удовольствия, которое он испытывает сразу же после совершения преступления, можно лишь осуществив наказание немедленно, и причем это наказание должно быть сильнее чем удовольствие. Когда ребенок еще маленький, родители, учителя и другие дети могут осуществлять такое наказание в нужный момент; ребенок, который поступил плохо, либо наказывается шлепком, либо отчитывается устно, либо ему не разрешают выходить из своей комнаты и так далее. Таким образом, мы можем рассматривать акт злодеяния как условный стимул, а наказание — шлепок, нотации и так далее — безусловным стимулом, который вызывает боль или страдания другого рода, которые, естественно, являются симпатическими реакциями. Следуя принципам обусловливания, мы вправе ожидать, что после серии повторов подобного рода уже сам плохой поступок будет вызывать условную реакцию; другими словами, если ребенок собирается совершить один из тех многочисленных поступков, за которые он уже не раз наказывался в прошлом, то у него будет немедленно формироваться условная вегетативная реакция, которая будет являться очень сильным сдерживающим фактором и которая сама по себе уже будет неприятной. Таким образом, ребенок будет поставлен перед выбором — либо совершить плохой поступок, получить желаемое, и в то же время (а в большинстве случаев даже раньше) подвергнуться неприятному наказанию, которое осуществит его условная вегетативная система, либо воздержаться от совершения этого поступка и избежать наказания. При условии, что процесс обусловливания проходил надлежащим образом, можно сказать, руководствуясь психологическими принципами, что вероятность того, что человек воздержится от плохого поступка, гораздо больше вероятности того, что он его совершит. Таким образом внутри у ребенка появляется «личный полицейский», который контролирует его атавистические импульсы и который замещает настоящего полицейского, чьи действия вряд ли были бы настолько эффективными.

В данном процессе обусловливания большую роль, естественно, будет играть закон генерализации, с которым мы уже встречались раньше. Каждая нежелательная модель поведения должна будет подвергнуться процессу обусловливания, и в то же время обусловливание генерализируется на другие похожие модели поведения, причем этому будет особенно способствовать словесная идентификация, которая имеет место, когда

мать, например, называет все нежелательные действия «плохими» и таким образом обращает внимание ребенка на их схожесть. Результаты лабораторных экспериментов указывают на то, что генерализация следует законам нашего языка и мыслительных паттернов таким образом, что если у человека выработалась условная кожно-гальваническая реакция на слово «корова», то она будет проявляться и в случае со словами «козел» или «овечка», но не в случае со словами «дом» или «дерево», или «цветок». С помощью процессов обусловливания у ребенка формируется сложная, генерализированная вегетативная реакция на множество различных действий, за которые его наказывали в прошлом и которые связались у него вместе благодаря вербальной идентификации, осуществляемой его учителями, родителями, сверстниками и так далее. Мы предполагаем, что именно так формируется совесть, и поэтому можем вполне оправданно заявить, что совесть — это условный рефлекс.

Мы можем попробовать доказать нашу гипотезу, обратившись к экспериментам, проводившимся Р.Л. Соломоном в Гарварде. С шестимесячными щенками, которые не ели ничего целые сутки, он провел следующие эксперименты. Он садился на стул в пустой комнате, в которой не было ничего кроме двух мисок для кормления, одна из которых стояла справа от стула, а вторая — слева. В одной из мисок была сваренная на молоке овсяная каша, которую, как известно, любят есть щенки, а во второй менее любимый щенками специальный корм для собак. Миски можно было легко поменять местами, а щенок практически сразу же направлялся к миске с овсянкой, как только попадал в комнату. Экспериментатор держал в руке свернутую в трубку газету и, как только щенок начинал есть овсянку, ударял его газетой по спине. В данной ситуации процесс поедания овсянки представлял собой аморальный поступок, привычку совершать который нужно было искоренить и который сам по себе являлся условным стимулом; легкий удар газетой по спине является безусловным стимулом, вызывающим определенную боль (очень легкую) и неприятные ощущения у животного. При помощи постоянного похлопывания щенка газетой, когда он собирался есть овсянку, экспериментатор хотел выработать у щенка условный рефлекс, который со временем должен был развиться в миниатюрную «совесть» в отношении овсянки.

Через несколько дней щенки уже не подходили к овсянке, когда экспериментатор сидел на стуле, а сразу же направлялись к миске с собачьим кормом.

Далее наступил самый важный момент в эксперименте. Щенков не кормили два дня, а затем принесли в экспериментальную комнату, в которой не было экспериментатора.

Перед животными опять поставили две миски: в одной была овсянка, а в другой — специальный собачий корм. Все щенки сначала съедали полностью весь собачий корм, а затем начинали реагировать на миску с овсянкой. Соломон описывает это так: «Некоторые щенки ходили по кругу вокруг миски, некоторые щенки ходили по комнате, стараясь смотреть на стены, но не на миску. Другие щенки ложились на живот и медленно ползли к миске, скуля и повизгивая. Для поведения щенков в данном случае была характерна большая вариабельность. Мы измерили степень сопротивления искушению в количестве секунд, которое понадобилось каждому щенку, для того чтобы подойти к овсянке и начать есть. Каждый щенок находился в экспериментальной комнате каждый день всего лишь по полчаса. Если за этот период времени он не начинал есть овсянку, его относили в клетку, где он жил, и не кормили целый день, а на следующий день опять приносили в экспериментальную комнату с овсянкой».

Следует отметить значительную разницу в степени сопротивления искушению. Одному щенку понадобилось всего лишь шесть минут, чтобы подойти и начать есть овсяную кашу, в то время как другой не притрагивался к овсянке в течение шестнадцати дней и эксперимент пришлось прекратить, так как щенок мог умереть от голода. В целом эксперимент показал, насколько сильным может быть влияние процесса обусловливания и насколько прочно у животных укоренилась «совесть», искусственно созданная при помощи «наказания», которое нельзя назвать строгим. Если сравнить страдания, причиняемые голодом, и боль от шлепка газетой, то становится очевидно, что легкая боль, причиняемая газетой, не идет ни в какое сравнение с муками голода, который испытывали животные. Несмотря на тот факт, что рациональный расчет степени удовольствия и степени боли должен был бы заставить щенков есть овсянку, они, тем не менее, этого не делали. Условных вегетативных реакций оказалось достаточно, чтобы щенки воздерживались от соблазна в течение довольно длительного периода времени. Интересно отметить, что Соломон также проводил похожие эксперименты с детьми, и результаты оказались такими же.

Соломон выдвинул гипотезу, согласно которой совесть можно разделить на две части, которые он назвал сопротивление соблазну и вина, и попробовал выяснить, сможет ли в своих экспериментах разграничить причинные предпосылки каждого из двух состояний совести. Он представляет ряд доказательств того, что когда щенков ударяют газетой, как только они

приближаются к запретной еде, у них вырабатывается сильное сопротивление соблазну. Когда животные все-таки поддаются соблазну, для них не характерно чувство эмоционального расстройства или вины за совершенное «преступление». С другой стороны, если щенкам разрешается съесть немного овсянки прежде, чем их ударят газетой, то также можно добиться сопротивления соблазну, но в данном случае за «преступлением» следует определенная степень эмоционального беспокойства, которую Соломон называет реакцией вины. Он обнаружил, что для того чтобы вызвать эту реакцию вины, присутствие экспериментатора вовсе не обязательно, хотя оно, безусловно, усиливает реакцию. «Таким образом, мы полагаем, что условия для формирования сильной степени сопротивления соблазну, а также способности испытывать сильные реакции вины напрямую зависят как от интенсивности наказания, так и от времени, которое проходит между приближением к источнику соблазна и наказанием. Мы считаем, что отсроченное во времени наказание не может быть эффективным в формировании высокого уровня сопротивления соблазну, однако оно эффективно в формировании эмоциональных реакций вины после совершения «преступления».

Даже организмы более низшего порядка, чем собаки, можно заставить вести себя так, как будто они подчиняются внутреннему голосу совести. Субъектами одного очень известного эксперимента стали щука и минога. Экспериментатор разделил очень большой контейнер на две части, поместив посередине прозрачное стекло. Затем он поместил в одну часть несколько миног, а во вторую — голодную щуку. Щука тут же бросилась в направлении миног, которые в данном случае являлись условным стимулом, и врезалась в невидимое стекло (безусловный стимул), что причинило ей боль и сильно озадачило. Щука пыталась добраться до миног снова и снова, до тех пор, пока у нее не выработалась условная реакция, в результате которой она перестала обращать внимание на миног. После этого экспериментатор убрал стекло, и щука по-прежнему игнорировала маленьких рыбок, хотя на этот раз плавала прямо рядом с ними.

Эта ситуация очень напоминала сказку, в которой лев спокойно лежал рядом с овечкой, так как в нем проснулась совесть и он стал вегетарианцем. К сожалению, для обусловливания у рыб не характерна высокая степень генерализации, поэтому «совесть» щуки распространялась только на тех миног, в отношении которых у нее сформировалась условная реакция; когда в контейнер запустили еще пару миног, щука, не раздумывая, их

съела. Эксперимент однозначно указывает на необходимость помощи в генерализации стимула в процессе формирования «совести»; такой помощью для ребенка является речь.

Что предопределяет различные реакции различных субъектов на описанную нами ситуацию? Мы видели, что некоторые щенки сопротивлялись соблазну всего лишь пару минут, в то время как другие — восемь часов и даже больше, несмотря на то, что соблазн увеличивался по мере усиления чувства голода. То же самое можно сказать и о людях, которые также отличаются друг от друга своими реакциями на обучение, воспитание, моральные нормы. Существуют различные типы людей, начиная от практически святых на одном конце континуума до неуправляемых психопатов на другом: начиная от тех, кто всегда действует исходя из моральных и этических соображений, и заканчивая теми, для которых не существует понятий морали и этики и которые находятся исключительно во власти своих импульсов и желаний. Что же лежит в основе различий между противоположными концами шкалы морали? Одной возможной гипотезой является то, что неуправляемые психопаты и преступники более эмоциональны, и эта эмоциональная неуравновешенность сказывается на их поведении. В судах часто говорят о том, что клептоманы пытаются что-нибудь украсть, когда находятся в состоянии крайнего эмоционального беспокойства, и это иногда считается смягчающим обстоятельством. Существует немало доказательств, к которым мы обратимся позже, что для преступников в целом действительно характерна эмоциональная неустойчивость, и в этом отношении они мало чем отличаются от госпитализированных невротиков. Но прежде чем приступить к обсуждению этого вопроса, давайте рассмотрим еще один эксперимент, в котором на этот раз участвуют крысы. В процессе эксперимента они должны научиться бежать к кормушке, как только зазвенит звонок; кормушка наполнена специальным кормом для крыс. После того как этого удается добиться, экспериментатор устанавливает довольно спорный социальный закон: невежливо съедать корм, если после того, как начал звенеть звонок, не прошло трех секунд. Любая крыса, которая начинает есть до того, как истекут три секунды, наказывается слабым ударом электрического тока.

В эксперименте участвуют две разновидности крыс, эмоциональные и не эмоциональные. У каждой крысы есть три варианта поведения. Она может повести себя как преступник или психопат и сразу же наброситься на корм, не боясь наказания, которое неизбежно за этим последует; она может по-

вести себя нормально и подождет несколько секунд, прежде чем начать есть; и, наконец, она может повести себя как невротик и вообще не станет есть, даже когда это можно будет сделать без всякого риска. Для большинства неэмоциональных крыс была характерна нормальная реакция; многие из них принимались за еду только тогда, когда это было безопасно. Как же обстояло дело с эмоциональными крысами? В данном случае для животных были более характерны две другие реакции. Они либо вели себя как невротики и вообще отказывались есть, либо как преступники или психопаты и набрасывались на еду немедленно и, естественно, страдали от последующего удара тока.

Таким образом, результаты эксперимента не подтверждают предположения о том, что эмоции являются ключевым фактором, который отделяет преступное поведение от других моделей поведения; они лишь указывают на то, что существуют определенные параллели между невротическим и преступным поведением: и первое и второе можно противопоставить нормальному поведению.

Нетрудно найти теоретическое объяснение различий между этими двумя крайностями: преступником, с одной стороны, и невротиком — с другой. Мы уже говорили о том, что тревожность, фобии, навязчивые состояния и другие характерные для невротиков черты отчасти объясняются их чрезмерной готовностью к быстрому формированию условных рефлексов. Мы также говорили о том, что теоретически можно обосновать гипотезу, согласно которой совесть является условным рефлексом. Отсюда следует вполне логичный вывод, что отсутствие совести у преступника и психопатической личности объясняется тем фактом, что у них плохо формируются условные рефлексы, и что даже если эти рефлексы сформировались, они очень быстро исчезают. Также следует учитывать тот факт, что обусловливание связано с экстраверсией–интроверсией таким образом, что у интровертов условные рефлексы формируются быстро и легко, а у экстравертов — медленно и плохо. Далее мы можем выдвинуть гипотезу о том, что точно так же, как невротики в своем большинстве являются интровертами, преступники и психопаты будут являться экстравертами. На рисунке отображены результаты большого количества исследований, проводившихся на основе анкетирования различных групп людей, невротиков, нормальных людей, преступников и людей с психопатическим типом личности. Видно, что наша гипотеза не лишена здравого смысла. Группы невротиков оказываются ярко выраженными интро-

вертами, группы преступников — ярко выраженными экстравертами, причем для обоих типов личности характерно присутствие сильно выраженного эмоционального компонента, который мы окрестили в этой диаграмме «невротизмом».

К счастью, также существует несколько прямых доказательств того, что у психопатов и, по крайней мере, определенных типов преступников, слабо формируются условные рефлексы. К этим группам были применены различные типы обусловливания, и результаты проделанной работы указывают на то, что у невротиков условные рефлексы легче сформировать, чем у нормальных людей, а у психопатов и преступников — труднее.

Таким образом, вполне логично будет сделать вывод, что данная гипотеза представляет собой ценность с точки зрения прогнозирования и может пролить свет на поведение преступников.

До сих пор мы рассматривали только одну сторону проблемы, так как сконцентрировали свое внимание исключительно на том, что можем назвать негативным обусловливанием; то есть на формировании «совести» у человека при помощи наказания. Но, разумеется, существует и обратная сторона медали: необходимых моделей поведения можно добиться и с помощью поощрения. В данном случае мы опять должны подчеркнуть факт «немедленного» поощрения, точно так же как мы подчеркивали факт «немедленного» наказания; процессы обусловливания таковы, что даже самое незначительное промедление может помешать формированию необходимых условных реакций; в данном случае время является решающим фактором. К сожалению, в данном направлении было пока проделано очень мало работы, чтобы ее результаты можно было считать прямыми доказательствами нашей теории, и поэтому мы можем пока лишь упомянуть этот очень важный способ исследования нашей общей гипотезы.

Однако в качестве примера и полезной аналогии мы можем затронуть проблему лечения encopresis у детей. Encopresis связан с калом, точно так же как энурез с мочой; другими словами, encopresis — это детское заболевание, которое заключается в том, что дети опорожняются прямо в одежду, вместо того чтобы пойти в туалет. Теоретически, мы можем использовать приспособление, похожее на наше «одеяло и звонок» в случае с энурезом. Но на практике, однако, это очень трудно осуществить. На самом деле была сделана попытка использования обусловливания с помощью поощрения. Медсестрам было дано указание выяснить, как быстро ребенок какал в штаны после принятия пищи. Затем им было дано указание отво-

дить малыша в туалет до того, как этот момент наступит. После того как он выходил из туалета, медсестры должны были всячески его поощрять, давать ему конфеты и так далее. Таким образом, был начат процесс обусловливания, и вскоре ребенок стал ходить в туалет сам, как только у него появлялась потребность, причем для этого уже не была нужна медсестра, которая выполняла роль дополнительного стимула.

Теперь давайте вернемся к обсуждению личности. В нашем распоряжении имеются факты, которые указывают на то, что между преступностью и экстраверсией действительно существует взаимосвязь. В качестве примера давайте рассмотрим так называемый тест «Лабиринт Портеуса». Этот тест состоит из серии напечатанных лабиринтов, которые субъект должен пройти с помощью карандаша, следуя определенным инструкциям — так, чтобы карандашная линия не пересекала линии лабиринта и не срезала углы. Первоначально этот тест был предназначен для определения уровня умственных способностей и до сих пор используется с этой целью. Но Портеус также использует качественный показатель выполнения этого теста, или Q — подсчитывает количество правонарушений испытуемого, оценивая поведение, которое противоречит инструкциям по тесту. Так, если субъект поднимает карандаш, пересекает линии или срезает углы, допущенные ошибки суммируются, оценивается степень их серьезности и в результате выводится окончательный «балл за качество». Было обнаружено, что у экстравертов этот балл выше, чем у интровертов, также было проделано немало работы, чтобы доказать, что у преступников этот балл выше, чем у законопослушных граждан. В Америке средний балл у преступников составил 50 пунктов, а у законопослушных граждан он равнялся примерно двадцати. В Англии эта цифра составила тридцать пять — для преступников и четырнадцать — для законопослушных граждан. Интересно то, что у американцев в целом этот средний балл был выше, чем у англичан; учитывая более высокий уровень преступности в Америке, а также склонность американцев к экстраверсии, этот факт не является таким уж удивительным. Судя по результатам этого теста, не остается сомнений в том, что между экстраверсией и преступностью существует определенная взаимосвязь, что подтверждается также исследованием анкет, нашими теоретическими гипотезами и работой механизмов обусловливания. Существует также множество других объективных тестов, результаты которых также связывают преступность и экстраверсию.

На доказательство совершенно другого рода, которое может представлять большую важность по причинам, которые

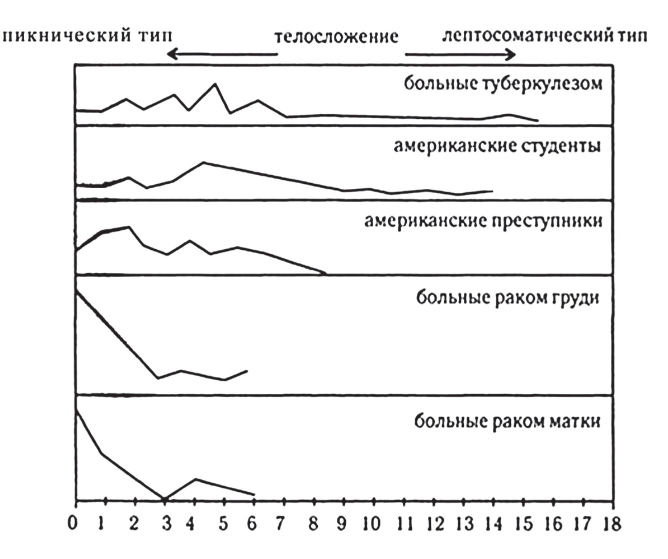
мы обсудим позже, указывает телосложение человека. Предположение, согласно которому существует взаимосвязь между телосложением с одной стороны и личностью (ее психическими и физическими расстройствами) с другой стороны, далеко не ново; Гиппократ, например, различал два главных типа телосложения человека: длинный, долговязый, линейный тип, который часто называют «лептосоматическим», и широкий, коренастый тип, который называют «пикническим». Он был убежден, что лептосоматический тип более подвержен туберкулезу, а пикнический — апоплексии и коронарным заболеваниям. Многие другие ученые также выделяли эти два типа, а некоторые добавляли еще третий, промежуточный, но они мало что изменили в учении Гиппократа, и только Кречмер в Германии выдвинул гипотезу, согласно которой эти типы телосложений тесно связаны с двумя главными разновидностями психотических расстройств. Согласно его теории, для шизофреников, как правило, характерно лептосоматическое телосложение, в то время как для маниакально-депрессивных пациентов — пикническое. В этой гипотезе есть доля истины, хотя существующая взаимосвязь не настолько тесна, чтобы представлять практическую пользу с точки зрения диагностики или психиатрии. Но тем не менее Кречмер обратил внимание многих людей, во-первых, на телосложение, а во-вторых, на взаимосвязь между телосложением и типом личности. С тех пор было проведено немало исследований, чтобы показать, что существует четкая взаимосвязь между лептосоматическим телосложением и интроверсией и между пикническим телосложением и экстраверсией. Читатель, возможно, вспомнит сэра Уинстона Черчилля, который был ярко выраженным экстравертом и пикническим типом, а также Невилла Чемберлена, который был явным интровертом и лептосоматическим типом.

Если для экстравертов в целом характерно пикническое телосложение и если преступники в основном являются экстравертами, то тогда следует предположить, что для преступников будет характерно пикническое телосложение в отличие от остальных нормальных людей. Так ли это в действительности? В Америке было проведено большое количество исследований в этой области, в частности Шелдоном и Глюксом, которые обнаружили, что взаимосвязь подобного рода действительно существует. В этой стране также проводилось несколько похожих исследований, одно из которых осуществлял Т.Н. Гиббенс, результаты проделанной работы также указывают на наличие этой взаимосвязи. Американским преступникам пикнический тип в целом свойственен больше, чем ту-

беркулезникам или американским студентам. Более всего склонны к пикническому типу телосложения люди, страдающие раком груди и матки; их кривые обрываются на отметке шесть, что является средним баллом для американских студентов, среди которых есть и такие, чей балл достигает шестнадцати. Кривая преступников обрывается на отметке десять. Средний балл у преступников составляет от трех до четырех, в то время как средний балл у американских студентов равняется шести. Таким образом, не остается сомнений в том, что наши прогнозы вполне обоснованы. (Читателю, возможно, будет интересно узнать, что последние исследования в области раковых заболеваний показали существование довольно выраженной взаимосвязи между раком и экстраверсией. Был установлен факт взаимосвязи межу экстраверсией и коронарными заболеваниями. Причины этой связи до сих пор не изучены, но интересен тот фактор, что предположения, которые Гиппократ выдвинул около 250 лет назад, оказались во многом верными.)

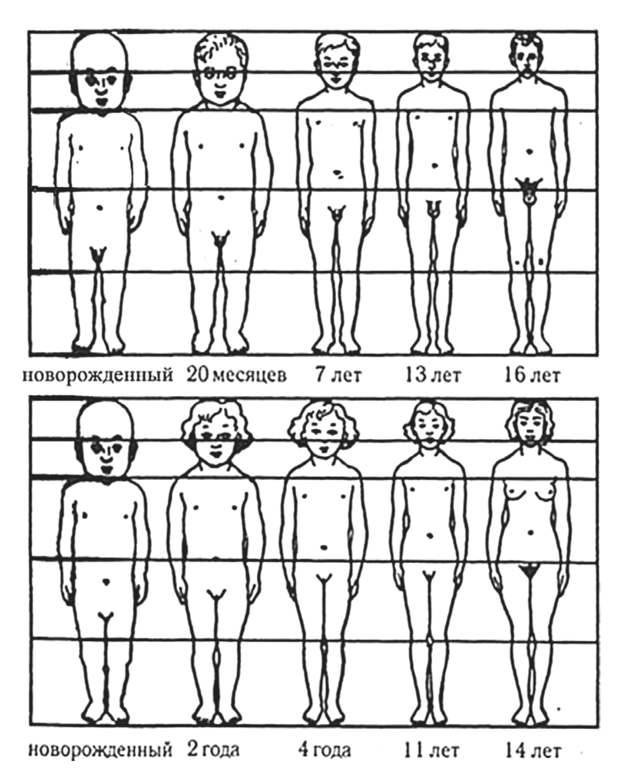
Было сделано предположение, согласно которому корреляция между телосложением, с одной стороны, и личностью и заболеваниями — с другой, может указывать на то, что поведение предопределяется психологическими и биологическими факторами. Может быть, это верно, а может, и нет; разумеется, исходя из фактов, нельзя с уверенностью сказать, что этот вывод является правильным. Мальчик с пикническим телосложением действительно может унаследовать свое телосложение, а также предрасположенность к преступному поведению от своих родителей; однако так же возможно, что он рождается с таким типом телосложения, из-за которого он склонен к проявлению агрессии и других отрицательных эмоций, которые не свойственны людям с лептосоматическим типом. Таким образом, определенные конфигурации тела сами по себе могут характеризовать поведение и тип личности. Тем не менее нам понадобятся более убедительные доказательства влияния наследственности на преступное поведение, чем факт различных типов телосложения, и позже мы обратимся к этим доказательствам, если они существуют. Но прежде чем сделать это, я хотел бы познакомить читателя с еще одним направлением исследований, родоначальником которого является Клаус Конрад из Германии.

Конрад начинает с анализа диаграммы, на которой отображены пропорциональные изменения телосложения по мере взросления ребенка. На графике видно, к примеру, что у младенца непропорционально большая голова, которая с годами



Телосложение различных групп людей, которое варьирует от пикнического типа до лептосоматического (долговязого, худого)

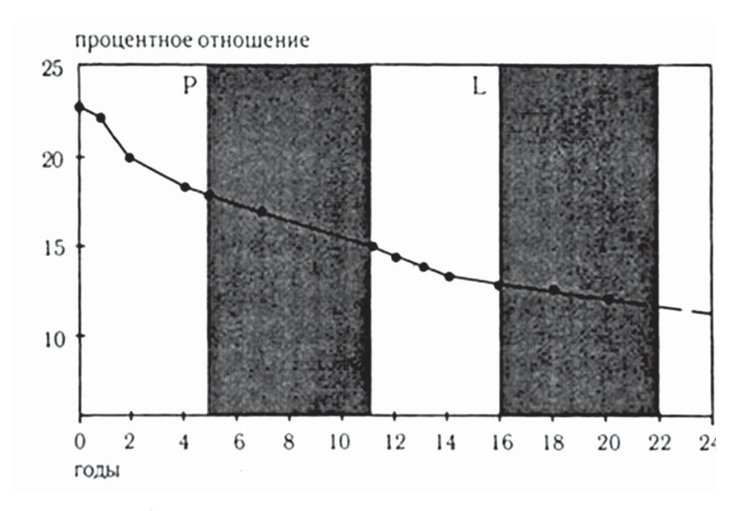
становится меньше. Эти изменения типичны для всех рас и для обоих полов. Конрад затем высчитывает относительный размер головы как отношение длины тела к возрасту. Это изображено на рисунке, где видно, что данная пропорция уменьшается от 27 процентов при рождении до 13 процентов в возрасте 24 лет. Кроме того, Конрад изучил относительный размер головы у людей пикнического и лептосоматического типов. Результаты проделанной работы отображены на следующем рисунке, на котором видно, что пикнический тип в данном отношении похож на детей в возрасте восьми лет, в то время как лептосоматический тип соответствует в целом взрослому человеку. Конрад делает вывод, что, по крайней мере, в данном отношении люди пикнического типа остановились на более низком уровне онтогенеза, чем люди лептосоматического типа, и, следовательно, их можно считать относительно менее развитыми. Очень часто также используется индекс «грудная клетка — плечи» — ширина в плечах в процентном отношении к объему грудной клетки. На рисунке видно, что и этот показатель быстро изменяется со временем. На этом рисунке также отображены результаты, полученные при изучении типичных групп лептосоматического и пикнического типа.



Изменение пропорций тела человека по мере взросления

В данном случае опять становится очевидно, что пикнические группы в данном отношении больше похожи на детей, а лептосоматические — на взрослых.

Конрад приводит большое количество похожих графиков и данных и приходит к заключению, что «морфологические пропорции разных видов телосложения позволяют утверждать, что пикнический тип можно сравнить с ранними стадиями онтогенеза, а лептосоматический тип — с поздними стадиями. Другими словами, пропорции, которые будут разными у людей пикнического и лептосоматического типа, также будут разными у маленьких и более взрослых детей». Конрад пошел еще дальше и заявил, что если определенные пропорции не изменяются с возрастом, то будут одинаковыми как у людей пикнического типа, так и у людей лептосоматического типа.

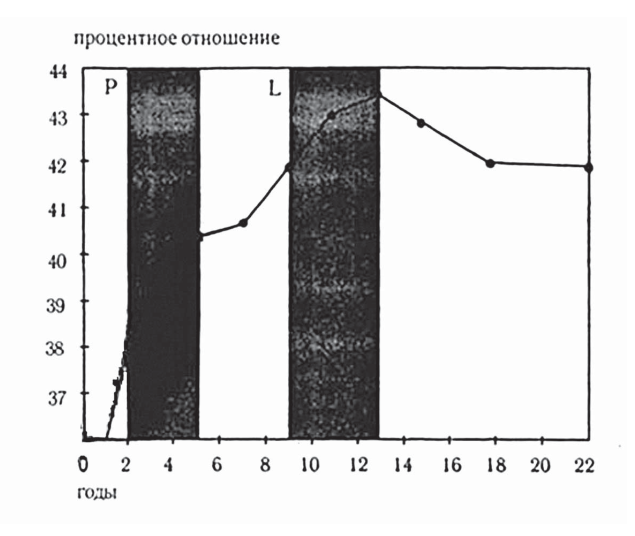


Кривая отображает уменьшение пропорционального отношения головы к телу с возрастом

Кроме того, он продемонстрировал действие похожего принципа в физиологической области, исследовав разнообразные вегетативные и другие реакции, а также в психологической области. В последнем случае он также пришел к заключению, что для пикнического типа (в отличие от лептосоматического) характерны поведенческие паттерны, которые отличают ребенка от взрослого человека, или более молодого человека от более старого. В целом его открытия можно суммировать, сказав, что пикнический тип является более незрелым в плане личности, поведения и физиологических характеристик.

Этот вывод, который подтверждается эмпирическими исследованиями, может представлять огромную важность, особенно если мы вспомним, что люди пикнического типа, как правило, являются экстравертами, а люди лептосоматического — интровертами. Далее одной из характерных черт экстраверта является незрелость поведения, которую в рамках нашей теории можно объяснить тем, что он не смог извлечь пользы, в отличие от интроверта, из процесса обусловливания, которое ему навязало общество. Можно даже сказать, что у десятилетнего интроверта сформировалось столько же условных реакций, сколько у пятнадцатилетнего экстраверта. Само понятие зрелости, разумеется, очень трудно измерить, а многочисленные предположения по этому поводу практически не представляют научной ценности. Конрад внес сущест-

венный вклад в науку, так как показал, как можно измерить это понятие, и связал его с поддающимися проверке морфологическими и физиологическими теориями. Позже мы еще вернемся к этому понятию зрелости при обсуждении результатов исследований Дениса Хилла и других экспериментаторов, которые показали, что электроэнцефалограммы мозга психопатических личностей выявили паттерны, характерные скорее для детей, чем для взрослых, что привело ученых к понятию «незрелой электроэнцефалограммы».



Результаты, полученные при изучении типичных групп лептосоматического и пикнического типа

В целом практически не остается сомнений в том, что между преступностью и паттернами экстраверсии действительно существует определенная взаимосвязь. Мы можем теперь задать себе вопрос: а что же лежит в основе этой взаимосвязи. Объясняется ли она влиянием окружающей среды и такими факторами, как различия в обучении, в социальном происхождении и так далее; или она объясняется врожденными чертами личности, которые передают ребенку его родители? В начале века в моде была теория наследственности, чему сильно поспособствовал итальянский писатель Чезаре Ломброзо, который постулировал доктрину il reo nato (прирожденный преступник). Он не только утверждал, что для всех преступников характерна врожденная тенденция к асоциальному пове-

дению, но также утверждал, что для них характерны определенные физические черты, по которым их можно отличить от остальных людей. Когда английские и американские исследователи не нашли подтверждений существования этих общих физических признаков у преступников, вся теория Ломброзо была поставлена под сомнение, однако отказавшись от нее полностью, мы потеряли то полезное, что в ней было. Мы уже приводили доказательства наследственного предопределения экстраверсии — интроверсии, с одной стороны, и невротизма, с другой. Если, что мы также показали, для преступников характерны высокие показатели по экстраверсии и невротизму, то отсюда может следовать вывод, что то место, которое они занимают в нашей описательной схеме личности, во многом определяется генетическим компонентом. Существуют ли прямые доказательства этого?

В данном вопросе нам, естественно, может помочь метод изучения близнецов, с которым мы уже встречались раньше. Первым использовал этот метод известный немецкий исследователь Ланге, который в 1928 году опубликовал свою знаменитую книгу «Преступление как судьба». Он прошелся по всем тюрьмам Баварии с целью найти заключенных, у которых были близнецы. В конце концов, ему удалось найти тридцать таких заключенных, у тринадцати из которых были однояйцевые близнецы, а у семнадцати — разнояйцевые. В соответствии с парадигмой исследования близнецов, обсуждавшейся нами ранее, можно предположить, что если бы наследственность была одной из главных причин преступного поведения, то среди однояйцевых близнецов было бы больше тех, кто также совершал бы преступления, — чем среди разнояйцевых. Ланге обнаружил, что среди тринадцати однояйцевых близнецов второй близнец также сидел в тюрьме в десяти случаях и оставался чист перед законом в трех случаях. Среди семнадцати разнояйцевых близнецов второй близнец отбывал тюремное наказание в двух случаях, а в пятнадцати случаях не имел проблем с законом. «Это подводит нас к следующему выводу: в том, что касается преступлений, однояйцевые близнецы в целом ведут себя одинаково, а разнояйцевые близнецы — по-разному».

Далее Ланге сравнил уровень преступности среди обычных братьев и сестер с уровнем преступности среди разнояйцевых близнецов.

Он говорит: «Если бы мы обнаружили, что в случае с разнояйцевыми близнецами оба близнеца наказывались бы чаще, чем обычные братья и сестры, то тогда мы говорили бы о

влиянии окружающей среды в зависимости от степени различий между ожиданиями и обнаруженными фактами». Другими словами, среди двух обычных братьев или сестер должно быть столько же преступников, сколько и среди двух разнояйцевых близнецов, так как в обоих случаях влияние наследственности примерно одинаково. Если бы мы обнаружили, что оба разнояйцевых близнеца становятся преступниками чаще, то тогда это можно было бы объяснить тем фактом, что они более похожи друг на друга, так как родились в одно и то же время и поэтому окружающая среда влияла на них одинаково, увеличивая таким образом вероятность того, что они оба должны были стать либо преступниками, либо законопослушными гражданами. В данном случае можно было бы допустить определенное влияние окружающей среды; но сравнение Ланге говорит об обратном. Он заключает, что «в случае с однояйцевыми близнецами одинаковые условия окружающей среды играют весьма незначительную роль».

Мы можем спросить, почему не всегда оба однояйцевых близнеца ведут себя одинаково. Если некоторым людям действительно предначертано судьбой совершать преступления, согласно Ланге, то почему тогда существуют исключения? На этот вопрос, естественно, есть несколько ответов. Во-первых, второй близнец также может быть преступником, но его просто пока еще не раскрыла полиция. Как мы уже говорили раньше, раскрываемость преступлений не может быть стопроцентной, поэтому нельзя надеяться на то, что там, где часто играет роль случай, будет непременно наблюдаться полное соответствие. Второй ответ нам дает сам Ланге, который обнаружил, что в двух случаях, когда среди двух однояйцевых близнецов действительно только один был преступником, этот преступник в свое время перенес тяжелую черепно-мозговую травму. В еще одной паре, в которой между близнецами не наблюдалось соответствия, только один из близнецов страдал увеличением щитовидной железы (зобом) — заболеванием, которое изменяет характер. Также было обнаружено, что черепно-мозговые травмы влияют на нормального человека таким образом, что его характер меняется в направлении большей степени экстраверсии. Зоб и связанные с этим заболеванием гормональные расстройства нервной системы также могут привести к похожим последствиям.

Таким образом, мы видим, что в случаях несоответствия между близнецами имело место вмешательство в нервную систему одного из близнецов, которое, возможно, и стало причиной того, что он совершил преступление. Для случаев

соответствия между близнецами также были характерны несколько интересных моментов, которые следует упомянуть. В случае с одной парой, например, Ланге подозревал общее наследственное венерическое заболевание. «Если это действительно так, то в данном случае мы имели бы дело не столько с врожденными тенденциями к совершению преступлений, сколько с результатами повреждений тканей мозга, которые, как известно, предрасполагают человека к асоциальному поведению». В целом результаты, полученные Ланге, довольно впечатляющи. Никто из тех, кто изучил подробные истории приводимых им болезней, которые наглядно демонстрируют соответствие между однояйцевыми близнецами не только в отношении преступности, но даже в конкретном типе преступления и в способе его совершения, не будет сомневаться в том, что наследственность играет очень важную роль в формировании асоциального поведения.

Количественное соотношение случаев соответствия среди близнецов-преступников, близнецов-гомосексуалистов и близнецов-алкоголиков (для однояйцевых и разнояйцевых близнецов представлены разные цифры)

	Кол-во пар близнецов	одно-яйцевые	разно-яйцевые	Процент соответствия	
				одно-яйцевые	разно-яйцевые
Преступления, совершенные совершеннолетними	225	107	118	71	34
Детская п реступность	67	42	25	85	75
Нарушения поведения у детей	107	47	60	87	43
Гомосексуализм	63	37	26	100	12
Алкоголизм	82	26	56	65	30

Подтвердились ли результаты исследований Ланге результатами работы его последователей? Такой важный вывод, как этот, неизбежно должны были захотеть проверить многие исследователи, и в действительности, как в Германии, так и в США, было проведено большое количество похожих исследований. В целом некоторые исследователи нашли даже более убедительные доказательства влияния наследственного фактора, другие же — и их большинство — обнаружили, что факты подтверждают общий вывод, но довольно слабо. В таблице

я собрал результаты всех исследований, которые были опубликованы до проделанной Ланге работы (включая и результаты его исследования), и читатель вправе сам сделать соответствующие выводы. В том, что касается преступности среди совершеннолетних, количество случаев соответствия у однояйцевых близнецов в два раза больше по сравнению с разнояйцевыми близнецами, такая же картина наблюдается и в случае с нарушениями поведения у детей. В случае с детской преступностью разница становится менее заметной, однако количество подобных случаев, разумеется, весьма небольшое. В таблицу также включены данные по алкоголизму и гомосексуализму, хотя они, возможно, не так уместны здесь, как остальные. В Англии гомосексуализм считается преступлением, а на континенте — нет, а алкоголь часто может привести к совершению преступления и часто с ним ассоциируется. Таким образом, эти данные все-таки представляют немалый интерес. В целом все данные подтверждают справедливость главного вывода Ланге, который заключается в том, что в асоциальном поведении присутствует мощный наследственный компонент, однако мы не можем согласиться с ним в той чрезмерной важности, которой он наделяет наследственные факторы, говоря, что «преступление это судьба». И все-таки мы не можем согласиться с теми, кто полностью пренебрегает собранными им фактами и заявляет, что преступление — это исключительно социальный феномен, который зависит от факторов окружающей среды. Разумеется, мы должны признать, что окружающая среда играет не последнюю роль, однако не менее важным является структура и природа организма, который испытывает на себе влияние окружающей среды. Как мы уже отмечали ранее, поведение является результатом взаимодействия наследственности и окружающей среды, и настоящий ученый никогда не будет преувеличивать значение одного фактора и принижать значение другого.

Один из примеров подобного взаимодействия, разумеется, является очевидным. Мы постулировали, что просоциальное поведение является, по сути, продуктом процесса обусловливания, которому иногда препятствует конституция определенных индивидуумов, которая не дает им формировать у себя условные рефлексы так же легко, как это получается у большинства людей.

Также становится очевидно, что даже если у человека легко формируются условные рефлексы, то он все равно может не выработать у себя просоциальные реакции, желательные для общества, поскольку его в свое время не заставили прой-

ти через процесс обусловливания, который мы считаем необходимым. Так сын проститутки и вора может вообще не получить того типа обусловливания, который необходим для того, чтобы человек стал законопослушным гражданином; в действительности может произойти как раз противоположное. Если у него легко формируются условные рефлексы, то вполне возможно, что он пройдет через процесс обусловливания, который выработает у него реакции, крайне нежелательные для общества. Однако подобная возможность вовсе не так важна, как кажется на первый взгляд. Даже в самых криминальных группах требуются определенные паттерны поведения для того, чтобы даже такие маленькие социальные организмы могли функционировать: «у вора должен быть кодекс чести». И наши гипотетические мать-проститутка и отец-вор постараются добиться у ребенка определенного послушания, ради собственных интересов, по крайней мере. Даже такие родители будут внушать ребенку, что он должен говорить им правду, что он должен уважать собственность, по крайней мере в том, что касается внутрисемейных отношений. Дети также будут получать обусловливание с помощью своих сверстников, учителей, так что в целом они не могут быть полностью лишены процессов обусловливания, которые призваны выработать привычки, полезные обществу. Тем не менее следует особо подчеркнуть тот факт, что результат обусловливания зависит от двух факторов. Первым фактором является степень обусловливаемости у субъекта, вторым является количество случаев связки условных и безусловных стимулов. Первый является конституционным фактором, а второй является фактором окружающей среды, и тот и другой выполняют одинаково важную роль в достижении конечного результата.

Почему многие люди недооценивали роль наследственного фактора в случае с преступностью? Одна из причин заключается в том, что те, кто доказывали важность наследственных принципов в данном отношении, не смогли указать на какой-либо узнаваемый механизм, через который эти принципы могли бы себя выразить.

Очевидно, что само по себе поведение не может быть врожденным; бессмысленно говорить о том, что преступность является врожденной. Теория, которую мы обсуждали, предоставляет отсутствующее звено цепочки, так как психологическая основа механизмов обусловливания и других механизмов научения как раз является тем, что можно передать наследственным путем.

Еще одним возражением является то, что принятие наследственных причин приводит к терапевтическому ниги-

лизму. Если невроз или преступность объясняются наследственными факторами, то получается, что с ними ничего нельзя поделать. Следовательно, гораздо логичнее было бы исследовать факторы окружающей среды, так как их можно изменить, и в результате как-то повлиять на поведение человека. Подобные аргументы в действительности являются ошибочными. Давайте, например, рассмотрим такое заболевание, как phenylketonuria. Этим заболеванием страдает один ребенок из сорока тысяч детей в Европе и Соединенных Штатах. Его можно обнаружить, соединив мочу пациента с хлоридом железа: если моча станет зеленого цвета, значит, человек болен. Многие люди, страдающие этим заболеванием, также страдают серьезными умственными дефектами, хотя в некоторых случаях коэффициент умственных способностей практически приближен к среднему уровню. Это заболевание связано с геном рецессивности, а механизмы его передачи наследственным путем хорошо известны. Учитывая, что данное заболевание полностью предопределено наследственностью, можно предположить, что людям, страдающим им, никак нельзя помочь. Тем не менее исследования показали, что для детей, больных phenylketonuria, характерна неспособность перерабатывать phenylalanine в tyrosine. Предполагается, что это приводит к умственным дефектам, по причине отравляющего эффекта некоторых продуктов неполного распада phenylalanine. На сегодняшний день, к счастью, phenylalanine не является важной составляющей диеты, при условии, что в ней присутствует tyrosine, и, следовательно, детям можно назначать диету, в которой phenylalanine будет практически отсутствовать.

Таким образом, мы можем не допускать отравления организма; было доказано, что если подобной процедуре следовать с первых месяцев жизни, то можно значительно снизить степень умственной отсталости. Другими словами, знание конкретного механизма наследования, а также механизмов действия конкретного заболевания не только не является антагонистическим по отношению к терапевтическим методам, но наоборот — формирует единственно возможную основу для этих методов.

Можем ли мы сделать похожее предположение в отношении преступности? Мы уже указывали на то, что положение человека в континууме экстраверсии/интроверсии можно изменить при помощи наркотиков, стимулирующих препаратов (кофеин, амфетамин и бензедрин), которые подтолкнут его в направлении крайней интроверсии, и депрессантов, таких как алкоголь и барбитураты, которые подтолкнут его в на-

правлении крайней экстраверсии. Мы также видели, что криминальное и психопатическое поведение характерно, главным образом, для экстравертов, и попытались показать, каким образом это связано с определенными врожденными чертами их нервной системы. Если в поведении преступника или психопата виновата их крайняя экстраверсия, то тогда не логично бы было переместить их в сторону большей интроверсии с помощью стимулирующих препаратов и, таким образом, превратить из преступника и психопата в законопослушного гражданина? В связи с этим было проведено немало экспериментов с детьми с нарушениями поведения. Было обнаружено, что применение стимулирующих препаратов приводило к немедленному и, в некоторых случаях, просто поразительному эффекту. Дети становились спокойнее, прекращали кричать, становились менее возбудимыми и более законопослушными, лучше усваивали уроки в школе. Подобные исследования, проводившиеся во многих странах, не оставляют никаких сомнений в том, что с помощью стимулирующих препаратов можно добиться значительного улучшения состояния у детей с нарушением поведения. Также были обнаружены два факта, которые можно рассматривать как следствия из общей теории.

Во-первых, было обнаружено, что такие дети были более устойчивы к этим препаратам, чем обычные дети или даже взрослые. Этого следовало ожидать исходя из теоретических соображений; экстраверт, находясь в континууме очень далеко от крайней интроверсии, может принять большое количество стимулирующих препаратов, прежде чем приблизится к точке крайней интроверсии; интроверт, который уже находится рядом с точкой крайней интроверсии, не может принять столько стимулирующих препаратов. Во-вторых, было обнаружено, что применение депрессантов приводило к ухудшению состояния у этих детей, что очень интересно, так как в случае с невротиками барбитураты и другие похожие препараты применяются в медицинской практике для того, чтобы заглушить различные фобические реакции. Это открытие согласуется с нашей гипотезой. Сравнительно недавно также была проведена интересная серия исследований взрослых людей и подростков. Профессор Д. Хилл, например, обнаружил, что для личностей, на которые благотворно влияли стимулирующие препараты, была характерна «тенденция к проявлению агрессии и враждебности в межличностных отношениях... Самыми хорошими пациентами являются те люди с предрасположенностью к агрессии, которые способны на теплые доброжелательные межличностные отношения, но ко-

торые постоянно сами их разрушают — в браке, на работе, в дружбе — из-за импульсивности, раздражительности, незначительных проявлений жестокости и нетерпимости по отношению к другим людям... Им быстро надоедает лечение, если оно не приводит немедленно к ощутимым результатам. Они известны своей безответственностью и тенденцией к нарушению правил морали». Для этой группы также характерен очень глубокий сон, чрезмерное сексуальное желание и незрелый паттерн энцефалограммы мозга. Хилл отмечает алкогольную зависимость, такие дурные привычки, как обкусывание ногтей в зрелом возрасте, а также попытки осуществить поджог или саботаж в подростковом возрасте. Все эти наблюдения согласуются с нашей теорией. Следует вспомнить, что мы рассматривали энурез как неспособность выработать у себя соответствующий условный рефлекс, поэтому нет ничего удивительного в том, что подобное заболевание характерно для категории людей, с трудом поддающихся обусловливанию.

В действительности не раз отмечается тот факт, что многие преступники страдают энурезом: количество случаев энуреза среди них составляет более двадцати пяти процентов.

Особенный интерес представляет эксперимент, в котором сравнивалось воздействие амфетамина на три группы преступников. Одна группа использовалась в качестве контрольной и не получала никаких препаратов, вторая — в качестве группы плацебо; а третья группа получала амфетамин. За поведением и симптомами групп наблюдали до и после применения препаратов. Были отмечены следующие изменения: для контрольной группы было характерно незначительное улучшение на два пункта; в случае с группой плацебо также наблюдалась похожая картина; в группе, получающей амфетамин, улучшение было значительным и составило примерно двадцать два пункта. Учитывая этот и другие результаты исследований, мы должны заключить, что с помощью относительно небольших доз стимулирующих препаратов можно добиться смещения ненормальных и криминальных форм поведения в сторону нормальных и этических.

Как же работает этот процесс? Вполне возможно, хотя и сомнительно, что увеличение обусловливаемости благодаря применению стимулирующих препаратов играет в данном случае не последнюю роль. Период, в течение которого пациент принимает стимулирующие препараты, занимает не месяцы и не годы, а всего лишь дни или недели, поэтому нельзя сказать, что в данном случае для обусловливания достаточ-

но времени. Обнаружено, что как только действие препаратов прекращается, пациент снова возвращается к прежним моделям поведения, хотя существуют доказательства того, что на этот раз его асоциальное поведение будет менее выраженным. Интересно было бы провести эксперимент, в котором была бы предпринята попытка осуществить обусловливание социального характера в то время, когда преступник находился бы под воздействием стимулирующих препаратов.

Кажется, что в данном случае мы смогли бы справиться с проблемами, связанными с плохой обусловливаемостью, и добиться результатов, которые в любом другом случае были бы невозможными.

Однако учитывая, что в типичной ситуации подобные препараты действуют несколько иным образом, мы должны найти альтернативы этому методу. Наиболее вероятной является, возможно, снижение «стимульного голода», который, как мы уже отмечали в предыдущих главах, является одним из последствий кортикального торможения. Под воздействием наркотика человек испытывает меньший голод в отношении внешней стимуляции, и поэтому соблазн уменьшается. В качестве примера мы можем рассмотреть сексуальное поведение. Хилл указывает на то, что среди группы психопатических пациентов, которых он изучал, было мало случаев завершенного полового акта со своими партнерами. Дело в том, что сильное сексуальное желание, которое часто не удовлетворяется, является источником стресса и напряжения для того, кому отказывают в сексе. Это, по его словам, приводит к дисгармонии в супружеских отношениях, а также к проявлению ревности. Хилл обнаружил, что применение соответствующих препаратов значительно снижает либидо, и сексуальная жизнь человека становится менее активной, что также приводит к снижению чувства сексуального голода, беспокойства и агрессии. Он заключает: «Этот эффект следует рассматривать как свидетельство того, что стимулирующие препараты можно успешно использовать для изменения нежелательных паттернов поведения».

Существует и еще одно возражение, которое иногда используется против всего подхода в целом, и в частности против использования животных в экспериментах, связанных с преступным поведением. Разве люди не обладают свободой воли, которая и отличает их от животных? Крыс и щенков, вне всякого сомнения, можно поставить в определенные рамки, но человек — это не мышь, и то, что применимо к низшим организмам, таким как животные, на которых проводят эксперименты, никак не может быть применимо к людям.

Вне всякого сомнения, в этом утверждении есть доля правды. Разумеется, крысы далеко не всегда ведут себя подобно людям. Но важно не просто постулировать или отрицать, что существуют определенные точки соприкосновения, необходимо проводить эксперименты, чтобы выяснить степень соответствия или несоответствия между поведением крыс и людей. В этой главе мы обращали внимание на довольно любопытное сходство между поведением животных и людей; на вопрос, является ли это сходство всего лишь аналогией, которая не представляет никакой практической ценности, или основой для новых теорий, которые могут помочь в искоренении преступного и асоциального поведения, можно будет ответить только после дальнейших исследований. Нельзя утверждать, что эта взаимосвязь действительно существует, но нельзя говорить и о том, что ее нет. Слишком много аналогий было выявлено между животными и людьми в том, что касается процессов обусловливания и научения, чтобы можно было отрицать схожую биологическую природу различных организмов. А если мы согласимся — считаю, должны это сделать, — что в отношении социального поведения действуют те же законы обусловливания, что и в отношении других типов поведения, то тогда не сможем отрицать, что знание этих законов, полученное в результате исследований поведения как животных, так и людей, необходимо нам для того, чтобы найти объяснения тем или иным моделям поведения.

Вопрос свободы воли является чисто философским, и поэтому мы не должны над ним задумываться. Сомнительно, что термин «свобода воли» вообще что-нибудь значит. Для биолога поведение является продуктом наследственности и окружающей среды, которые вместе предопределяют определенные модели поведения и привычки. Поведение является результатом комбинации этих двух факторов и, таким образом, полностью предопределено.

В данном контексте трудно понять, что же такое «свобода воли». Означает ли это, что поведение человека не зависит от его мотивов, от его привычек, от его прошлого опыта, или от чего-нибудь еще? Точно так же можно заявить, что поведением человека управляет слепой случай и что наследственные факторы и окружающая среда тут абсолютно ни при чем. На самом деле нельзя исключать и такую возможность; в конце концов, ведь существует же закон неопределенности Гейзенберга по отношению к мельчайшим частицам, из которых состоят атомы, заключающийся в том, что мы не можем предсказать поведение этих частиц. Учитывая, что наше тело состоит

из атомов и молекул, которые в свою очередь формируются из более мелких частиц, вполне логично было бы предположить, что случай играет не последнюю роль в предопределении нашего поведения и преуменьшает значение наследственных факторов и факторов окружающей среды. Однако это никак не может быть связано со «свободой воли», которая не имеет никакого отношения к вмешательству слепого случая на субатомном уровне в человеческие мотивы, желания, страхи и так далее. Тот факт, что ученые пока имеют мало доказательств справедливости своих теорий, вовсе не означает, что эти теории ошибочны. Вне всякого сомнения, через тысячу лет психологи смогут предоставить гораздо больше доказательств.

Наше обсуждение имеет некоторое отношение к теме, которая начиная с 1843 года была предметом жарких споров, а именно к законам М'Нагтена. Эти правила были сформулированы судьями в ответ на вопросы Палаты лордов относительно того, следует ли освобождать убийц от наказания на основании факта сумасшествия. М'Нагтен, по фамилии которого были названы законы, внушив себе, что он являлся жертвой преследования, пытался убить сэра Роберта Пила, которого считал виновным в своих злоключениях, но по ошибке лишил жизни его секретаря. Он был оправдан, и всеобщее недовольство фактом его освобождения привело к дебатам в Палате лордов, в результате которых были сформулированы эти известные правила. Согласно этим законам каждый считается вменяемым до тех пор, пока не будет доказано обратное, и для того, чтобы быть освобожденным от уголовной ответственности, обвиняемый на момент преступления должен быть невменяемым по причине душевной болезни, которая была настолько серьезной, что он либо не осознавал, какой поступок он совершает, либо не отдавал себе отчета в том, что его действия были противозаконны. Если у подсудимого была только частичная потеря рассудка, то тогда степень его ответственности перед законом должна оцениваться в зависимости от того, как он сам интерпретировал факты.

Эти правила, которые принимают во внимание состояние рассудка человека, а не его эмоции, являются отражением того времени, когда они были сформулированы, и на сегодняшний день являются объектом критики. Некоторые критики даже выносили предложение включить в документ пункт о «непреодолимых импульсах». Но отдельные из них пошли еще дальше и заявили, что закон невменяемости также должен распространяться на действия, которые не являются импуль-

сивными в этом смысле слова, а которые являются результатом постоянного состояния эмоционального расстройства.

На эту тему были написаны целые тома, но нельзя сказать, что исход всего нашего обсуждения можно назвать положительным. Если поведение человека действительно является продуктом наследственности и окружающей его среды, то тогда становится очевидным, что ни один человек не может нести ответственность за свое поведение, в том смысле, в котором этого от него требует закон, и любые попытки заставить его отвечать за содеянное могут оказаться бессмысленными. То, что это действительно так, становится очевидным, так как на каждом судебном заседании психологи принимают как ту, так и другую сторону, приводят одинаково убедительные доказательства о виновности и невиновности подсудимого.

Однако сказать, что никто «не может нести ответственности» в данном философском и юридическом смысле, вовсе не значит сказать, что никто не должен быть наказан; в конце концов, целью наказания является защита общества и исправление преступника. Для того, чтобы исправить преступника при помощи методов, эффективность которых была доказана учеными, вовсе не обязательно раздумывать над тем, несет ли он на самом деле ответственность за свои поступки или нет. Это справедливо как в отношении тех, кто совершает поступки в состоянии невменяемости, так и в отношении тех, кто находится в трезвом уме и памяти.

Споры по поводу законов М'Нагтена по сей день продолжаются только потому, что до сих пор существует смертная казнь. В последние годы споры по поводу смертной казни сосредоточились на одном вопросе, который заключается в том, является ли смертная казнь сдерживающим фактором для людей, собирающихся совершить преступления, которые наказываются подобной мерой наказания. Было доказано, что в случае, когда смертная казнь отменяется, количество убийств в целом по стране не растет, а когда эту меру наказания опять вводят, количество убийств не уменьшается. Начиная с 1957 года, когда смертная казнь предусматривалась для одних преступлений, а для других было решено ее отменить, оказалось, что возросло количество преступлений, в отношении которых смертная казнь была сохранена. Против запрета смертной казни выдвигаются, разумеется, аргументы эмоционального характера, однако рациональные аргументы говорят в пользу ее сохранения. Интересно, но многие люди полагают, что они не совершили бы преступление, если бы оно наказывалось смертной казнью, и делают вывод, что другие люди также воздержатся от совершения этих преступлений.

На самом деле мы пока еще очень мало знаем о ментальных процессах у людей, совершающих противоправные действия, которые наказываются смертной казнью, но я могу сказать, что разбираюсь в данном вопросе лучше других, так как в отличие от большинства моих читателей несколько раз совершал действия, которые наказывались смертной казнью, и поэтому имею некоторое представление о том, как человек относится к данному сдерживающему фактору.

Первый случай произошел со мной после того, как Гитлер пришел к власти в Германии. Согласно одному из установленных им законов, запрещалось вывозить из страны количество денег и ценностей, размер которых превышал определенный им предел. Мы с матерью решили, что пришло время перевезти наши фамильные драгоценности в более безопасное место, и вывезли наши деньги и ценности в Данию, прекрасно понимая, что если бы нас поймали, то мы не только были бы приговорены к смерти, но наша смерть была бы долгой и мучительной, как у узников концентрационных лагерей. Но это не помешало ни мне, ни моей матери осуществить задуманное. Я часто слышал, как многие говорили о том, что человек, совершающий преступление, за которое предусматривается смертная казнь, скорее всего сумасшедший, так как, исходя из рациональных соображений, наказание будет гораздо сильнее, каким бы ни было вознаграждение, полученное после совершения преступления. Подобное определение безумства вряд ли можно назвать реалистичным. Мы можем лишь сказать, что психологические проблемы, связанные со сдерживающими факторами, гораздо более сложны и неуловимы, чем это можно себе представить.

Завершив наш поверхностный обзор некоторых фактов и теорий в области преступности, мы видим, что точно так же, как меланхолик Галена соответствует группе невротиков в нашем обществе со своей комбинацией интроверсии и высокой степенью эмоциональной лабильности, так и холерик Галена соответствует современному преступнику с его комбинацией экстраверсии и высокой эмоциональности. Следует отметить, что в обоих случаях именно комбинация интроверсии или экстраверсии с эмоциональной нестабильностью представляет наибольшую опасность. У многих экстравертов и интровертов эмоциональная нестабильность отсутствует, и поэтому они живут нормальной жизнью, не страдают невротическими расстройствами и не имеют проблем с законом.

Именно сильная движущая сила эмоций несет ответственность за то иррациональное поведение, которое харак-

терно для современной цивилизации. Несколько веков назад сильные эмоции данного типа были даже полезны в рукопашной схватке, в случаях, когда нужно было убежать от врага и в других опасных ситуациях. Сегодня подобные эмоции являются анахронизмом; они уже не приносят пользы, а наоборот — могут привести к самым негативным последствиям и поэтому не находят выхода в повседневной жизни. Возможно, именно по этой причине они находят выход у невротиков или преступников, и поэтому количество подобных расстройств растет. (Я утверждаю здесь, что предполагаемый рост количества расстройств на самом деле действительно имеет место; к сожалению, существует очень мало доказательств, которые бы подтвердили эту гипотезу, но я думаю, что тщательное изучение различных фактов из нашей истории предоставит нам эти доказательства.) Но как бы там ни было, вне всяких сомнений, чрезмерная эмоциональность, которая характерна для невротиков и преступников, является одной из главных составляющих их личности, и поэтому она нуждается в самом внимательном изучении. В случае с преступниками мы с подозрением относимся к любому, кто пытается разобраться в их поведении, так как мы полагаем, что преступник не достоин сочувствия и жалости, что преступника нужно обязательно наказать. Я уверен, что это абсолютно неверный подход, так как наказание только обостряет сильные эмоциональные реакции, которые уже присутствуют у преступника, и, как следствие, препятствует искоренению набора преступных привычек. По этой же причине такие наказания, как порка, например, приводят к весьма слабому и противоречивому эффекту. Если бы человек действительно был homo sapiens, который действовал бы исключительно из соображений рационального расчета, то тогда строгие виды наказания действительно помогли бы значительно снизить уровень преступности. Но так как эта гипотеза не подтверждается результатами экспериментальных исследований и было доказано, что ее нельзя применить ни по отношению к животным, ни по отношению к людям, то мы должны решительно от нее отказаться и полагаться на эмпирические исследования. Несмотря на то, что это может противоречить нашим основным принципам, мы должны согласиться с Самюелем Батлером, который сказал, что преступников надо лечить, а не наказывать. Именно к этому выводу приходят те, кто подчеркивает важность реабилитации преступников; наказание является примитивным способом исправления преступных наклонностей, с его помощью нельзя добиться улучшения. Мы также должны доба-

вить, что у психологии есть еще одна гипотеза на этот счет. Она заключается в том, что мы не имеем права относиться ко всем преступникам одинаково и считать, что всех их можно исправить с помощью какого-то одного метода лечения. Очевидно, что для каждого человека должен быть разработан особый вид лечения, в зависимости от степени интроверсии, экстраверсии, невротизма или стабильности, и в особенности в зависимости от того, как у него формируются условные рефлексы. То же самое, естественно, можно сказать и в отношении воспитания детей. Пришло время отказаться как от принципа «сбережешь розгу — испортишь ребенка», так и от принципа laisses faine; мы должны понять, что для ребенка-экстраверта, у которого плохо формируются условные рефлексы, необходима более жесткая дисциплина обусловливания, иначе он может в будущем стать хулиганом, преступником, а ребенку-интроверту, у которого условные рефлексы формируются легко и быстро, наоборот, следует предоставлять большую свободу, иначе в будущем он станет невротиком. Существует много книг по проблемам воспитания детей и преступности, которые предлагают готовые решения. Прежде чем предлагать способы изменения поведения, мы должны вспомнить, что люди не представляют собой бесконечный поток однояйцевых близнецов и существенно отличаются друг от друга, и то, что является лекарством для одного человека, для другого может быть ядом. Тот, кто относится ко всем людям одинаково, нарушает один из главных законов психологии, а именно — что личность священна.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКИ

В соавтор. с М. Айзенком
1989 г.

Злой самаритянин

Один из повторяющихся образов нашего времени — образ человека, подвергшегося нападению и зовущего на помощь в центре огромного равнодушного города: его крики остаются неуслышанными, очевидцы продолжают заниматься своими делами, не делая ровным счетом ничего, чтобы прийти ему на помощь. Это вопиющее безразличие используется в качестве свидетельства равнодушного и апатичного отношения, которое порождают в большинстве своих обитателей современные большие города.

Несомненно, есть немало реальных происшествий, которые служат подтверждением этой мрачной картины. Знаменитый пример — случай с Китти Дженовезе, которую зарезали в одном из деловых районов Нью-Йорка — Квинсе, когда она возвращалась с работы домой в 3 часа дня. Несмотря на то что было 38 свидетелей, которые не просто видели, но наблюдали за убийством из своих окон, никто из них не вмешался. Только один человек хоть что-то предпринял, позвонив в полицию, но даже на этот шаг он пошел только после того, как посоветовался с другом, живущим в другой части города.

После того как эта наводящая ужас история появилась на страницах «Нью-Йорк таймс», последовали гневные письма читателей; некоторые из них требовали опубликовать имена очевидцев этого убийства с тем, чтобы их можно было подвергнуть заслуженному ими общественному порицанию. Различные известные психиатры попытались объяснить апатичное отношение очевидцев. Более интересным, чем сами объяснения, был тот факт, что они практически не имели ничего общего. Доктор Джордж Сербан утверждал следующее: «Это атмосфера Нью-Йорка, атмосфера несправедливости. Ощущение, что вы навлечете на себя несчастье, если проявите активность, и не важно, что вы сделаете, вы будете страдать». Доктор Ральф С. Бэней полагал, что апатичность наблюдателей была вызвана смешением фантазии и реальности, смешением, порожденным нескончаемым потоком насилия на телевидении: «Мы пре-

уменьшаем урон, который несут мозгу эти аккумулированные образы... они были оглушены, парализованы, загипнотизированы от возбуждения. Увлечены разворачивающейся на их глазах драмой, действием и в то же время не вполне уверены в том, что все это происходило в действительности». Возможно, наблюдатели ожидали, что объявится Бэтмен и решит проблему!

В другом происшествии в Нью-Йорке, на этот раз в Бронксе, была изнасилована и избита телефонистка, находившаяся одна в офисе. На короткое время она вырвалась из рук насильника и выбежала, голая и окровавленная, на улицу, крича о помощи. Примерно 40 человек наблюдали средь бела дня, как насильник пытался затащить свою жертву внутрь. Никто из них не пришел ей на помощь, несмотря на ее крики. Ее спасли два полицейских, которые случайно проходили мимо.

Был еще случай с Эндрю Мормиллом, семнадцатилетним юношей, которого пырнули ножом, когда он ехал домой в метро в Манхэттене. Несмотря на то что нападавшие тут же вышли из вагона, никто из находившихся в вагоне одиннадцати человек не попытался оказать помощь юноше, пока тот истекал кровью. На этом убийстве был основан сюжет полнометражного художественного фильма «Происшествие».

Контрольный эксперимент: распыление ответственности

Джон Дарли и Бибб Латане из Нью-Йоркского университета заинтересовались случаем с Китти Дженовезе. Была ли очевидная апатия, продемонстрированная свидетелями происшествия, вполне тем, чем она казалась? Они указали, что хотя предположение о том, что чем больше людей является очевидцами происшествия, тем выше вероятность того, что жертве придут на помощь, кажется разумным, в данном случае оно оказалось совершенно неверным. При таком количестве очевидцев ведь кто-то должен же был прийти девушке на помощь?

Дарли и Латане пришли к парадоксальному выводу, что жертва может находиться в более благоприятном положении, когда имеется всего лишь один очевидец, чем когда есть несколько очевидцев. В такой ситуации ответственность за оказание помощи жертве ложится исключительно на одного человека, а не распыляется среди многих. Другими словами, когда имеется много свидетелей преступления или происшествия, происходит распыление ответственности. Возможная вина за неоказание помощи также распределяется. Каждый человек в этой ситуации несет на себе только небольшую долю вины.

Дарли и Латане подвергли проверке свои идеи в серии экспериментов, в которых экспериментатор объяснял, что он пытается выяснить характер тех личных проблем, с которыми сталкиваются студенты вузов в стрессовых условиях городской жизни. Для того чтобы избавить студентов от смущения при обсуждении личных проблем перед незнакомыми людьми, им сказали, что они сохранят анонимность и будут помещены в разных комнатах. Экспериментатор сообщил им, что он не будет слушать их разговоры, поскольку присутствие постороннего слушателя могло оказать сковывающее влияние. Общение должно было протекать с помощью микрофонов и наушников. Каждый раз участников эксперимента заставляли думать, что в обсуждении принимает участие один, два, три или шесть человек. На самом деле в каждом «разговоре» был только один реальный участник — все остальные «участники» были представлены магнитофонными записями.

Будущая «жертва» высказывался первым, сказав, что ему трудно дается привыкание к Нью-Йорку и академическим требованиям. С некоторым смущением в голосе он упомянул, что подвержен припадкам, особенно во время напряженных занятий или сдачи экзаменов. Затем о своих проблемах высказались все остальные «участники», после чего снова заговорил «жертва». Он говорил громко и бессвязно, закончив, запинаясь, следующим образом: «У меня, кажется, начинается припадок. Мне нужна помощь, нужна помощь, помощь (задыхающимся голосом)... Я умираю, я... умираю... помогите... у меня припа... (звуки затрудненного дыхания, тишина)».

Исследователи хотели выяснить, кинутся ли участники эксперимента на помощь студенту, у которого, по всей видимости, начался эпилептический припадок. Из тех участников, которые считали, что они были единственным человеком, кто знал о том, что у «жертвы» начался эпилептический припадок, каждый вышел из комнаты и сообщил о случившемся. В свою очередь, из тех, кто считал, что призывы жертвы о помощи слышали также четыре других участника, только 62 процента отреагировали незамедлительно. Поскольку каждый участник эксперимента слушал одну и ту же пленку с записью, очевидно, что произошло распыление ответственности.

Конечно, все это представляет больше академический интерес с точки зрения жертвы. Ей все равно, кто поможет ей, главное, чтобы кто-нибудь помог. Для нее главный вопрос — выше ли ее шансы на получение помощи, скажем, при пяти свидетелях, чем при одном. В исследовании Дарли и Латане шансы «жертвы» на получение помощи в течение 45 секунд после начала припадка равнялись примерно 50 процентам

при единственном свидетеле и 0 процентов при пяти свидетелях. Другими словами, более вероятно, что помощь придет, и более быстро, когда имеется только один очевидец.

Другое интересное наблюдение, сделанное Дарли и Латане, касалось понимания участниками эксперимента тех факторов, которые определяли, реагировали ли они на призывы о помощи или нет. Участники, которые считали, что помимо них свидетелями припадка были еще четыре человека, и говорили, что они осознавали этот факт, когда случился эпилептический припадок, согласно заявляли, что это не оказало никакого влияния на их поведение.

Дарли и Латане также рассмотрели поведение тех участников, которые не проявили активности и не сообщили о случившемся. Несмотря на стереотипное представление о таких людях, они ни в коем случае не были «апатичными». Большинство из них поинтересовалось у экспериментатора, как чувствует себя жертва и оказали ли ему помощь. Многие проявляли различные признаки нервозности (дрожащие руки, вспотевшие ладони) и в действительности казались более эмоционально возбужденными, чем участники, которые сообщили о случившемся. Судя по всему, они решили не вмешиваться, но пребывали в неприятном состоянии нерешительности.

По примеру других

Конечно, количество очевидцев ни в коем случае не является единственным фактором, который определяет, окажут ли жертве помощь или нет. Как указали Дарли и Латане, реагирование на экстремальную ситуацию включает несколько этапов. Во-первых, происшествие должно быть замечено и истолковано. Процесс интерпретации крайне важен, так как многие ситуации подобного рода могут быть истолкованы по-разному: у мужчины, лежащего в канаве, может быть сердечный удар или он может быть сильно пьян. В свете выбранной интерпретации очевидцу необходимо решить, в чем состоит его обязанность, какого рода помощь требуется от него. Затем он должен действовать согласно принятому решению.

Латане и Дарли вполне справедливо утверждали, что процесс интерпретации особенно важен. Экстремальные ситуации редки, и большинство из нас плохо готовы к тому, чтобы распознавать их или реагировать на них. Итак, какого рода информацию мы используем для того, чтобы прояснить ситуацию? В большинстве случаев мы ориентируемся на других людей. Если они выглядят обеспокоенными, значит, это экс-

тремальная ситуация. Если они остаются спокойными и невозмутимыми, случившееся можно спокойно игнорировать.

Для подтверждения влияния социальных факторов Латане и Дарли провели простой эксперимент, в котором две девушки играли в мяч в зале ожидания железнодорожного вокзала в Нью-Йорке. Когда мяч бросался соучастнице эксперимента, она либо с энтузиазмом присоединялась к игре, либо обвиняла девушек в том, что они ведут себя по-детски и поступают опасно, и тотчас отталкивала от себя мяч. Если соучастница реагировала негативно, никто из тех, кто находился в зале ожидания, не присоединялся к игре; но если соучастница присоединялась к игре, так же поступали 86 процентов всех присутствовавших людей. Более того, в последнем случае люди подходили из отдаленных концов зала ожидания, чтобы присоединиться к играющим, и главной проблемой девушек было, как поскорее закончить игру!

Значение социального влияния на решение очевидцев оказать или не оказать помощь было продемонстрировано в другом исследовании, на этот раз проводившемся в Принстонском университете Джоном Дарли и его коллегами. Всех участников попросили сделать некоторые рисунки и поместили либо в комнату поодиночке, либо вместе с другим участником. Участники сидели либо лицом, либо спиной друг к другу. В то время как они рисовали, рабочий в соседней комнате опрокинул на себя какой-то тяжелый щит, который упал с оглушительным звуком. Вслед за этим последовали вскрик «Моя нога!» и громкие стоны. Девяносто процентов участников, которые находились в комнате в одиночестве, бросились на помощь к рабочему, 80 процентов пар участников, сидевших лицом к лицу, отреагировали на грохот, но только 20 процентов пар участников, сидевших спиной к спине, попытались прийти на помощь.

Почему такая огромная разница между парами, которые сидели лицом к лицу и спиной к спине? Почему расположение, не позволявшее видеть лицо другого, имело столь существенное значение? Ответом может быть то, что интерпретация неоднозначного события, такого, как звук падения, подвергается значительному воздействию со стороны реакций других людей. При расположении лицом к лицу каждый участник мог видеть встревоженную реакцию другого, что усиливало интерпретацию случившегося как действительного происшествия. Практически все участники, сидевшие лицом к лицу, выражали своим поведением тревогу по поводу звука падения, но только половина сидевших спиной к спине интерпретировали падение в таком же ключе. Таким образом, поведение других очевидцев крайне важно и может оказывать самое раз-

ное воздействие. Не раз отмечались случаи массовой паники, иногда с катастрофическими последствиями. Обвал фондового рынка в октябре 1987 года как раз такой случай. С другой стороны, если кто-то из членов группы показывает своим пассивным и незаинтересованным поведением, что происшедшее не является чрезвычайным событием, реакция остальной группы может быть подавлена.

Негативные последствия социального влияния были исследованы Латане и Дарли в другом эксперименте, в котором участники столкнулись с неоднозначной, но потенциально опасной ситуацией (в комнату, где находились участники эксперимента, через небольшое вентиляционное отверстие подавался дым). Они оказывались в этой ситуации в одиночестве, с двумя другими участниками или с двумя помощниками Латане и Дарли, которые получили инструкцию посмотреть на дым, пожать плечами, а затем полностью игнорировать его.

Семьдесят пять процентов участников, находившихся в одиночестве, вышли из комнаты, чтобы сообщить о возможной аварийной ситуации, в отличие от 10 процентов тех, кто находился в компании сообщников исследователей, игнорировавших опасность. Как указал много лет назад автор комедий и профессор Гарвардского университета Том Лерер, люди скорее умрут, чем выставят себя дураками! Очевидно, что именно невозмутимое поведение двух соучастников подавляло реакцию участников эксперимента, так как о дыме чаще сообщалось в том случае, когда в комнате присутствовали три настоящих участника, каждый из которых усиливал опасения другого.

Количественный фактор

Словом, может быть небезопасно полагаться на старую пословицу, гласящую, что «безопасность в количестве»*. Если при происшествии присутствуют несколько очевидцев, они могут быть менее расположены, чем один-единственный очевидец, предпринять какие-либо меры. Это может быть следствием того, что каждый из них не чувствует, что именно он обязан вмешаться, или следствием того, что пассивное и сдержанное поведение других очевидцев указывает на отсутствие чрезвычайных обстоятельств, требующих экстренных мер. Нежелание принимать на себя ответственность или ее распыление в толпе кажется более выраженным среди женщин, чем

* Примерно соответствует русским пословицам «в единении сила» и «за чужие спины легко спрятаться».

среди мужчин, возможно, вследствие культурной традиции, по которой женщины предоставляют мужчинам брать на себя инициативу в экстремальных ситуациях.

Бибб Латане и его коллеги также просили людей хлопать в ладоши или кричать как можно громче либо поодиночке, либо в небольших группах разного количества, и обнаружили, что звук двенадцати хлопающих ладоней даже в три раза не громче звука двух ладоней. Та же самая картина наблюдалась и тогда, когда люди кричали. Они сделали вывод, что это — свидетельство того же поведения, которое демонстрируют группы очевидцев, а именно свидетельство перекладывания ответственности друг на друга.

Существуют ли обстоятельства, при которых присутствие других очевидцев может скорее способствовать, чем препятствовать прямому вмешательству? Возможно, желание снискать одобрение со стороны окружающих может иногда побудить очевидца прийти на помощь? В эксперименте, организованном для того, чтобы изучить этот вопрос, участников заставили думать, что четыре других человека, участвующих в эксперименте, будут либо знать, либо не знать о том, как они реагировали на звуки, свидетельствовавшие о яростной борьбе между еще одним участником и «грабителем», — инцидент завершился тем, что грабитель «улизнул» вместе с магнитофоном другого участника. Из тех свидетелей, которые считали, что об их реакции не будут знать другие, 39 процентов пришли на помощь, в отличие от 74 процентов тех, которые думали, что находятся под наблюдением. Таким образом, присутствие других очевидцев может иметь как положительные, так и негативные последствия. Кроме того, многие из участников, которые полагали, что за их поведением наблюдают, заявили, что сознание этого в действительности помешало им прийти на помощь, что демонстрирует интересное расхождение между их действительным поведением и внутренними ощущениями.

Итак, присутствие других очевидцев может также делать более вероятным то, что люди окажут помощь в экстремальной ситуации, но только в том случае, если ситуация будет интерпретирована как таковая. Леонард Бикман подтвердил фактически, организовав эксперимент, в котором участники слышали звук, по всей вероятности, упавшего книжного шкафа на другого участника, сопровождавшийся криком. Когда сообщник экспериментатора интерпретировал звук падения и крик как экстремальную ситуацию, «очевидец» предлагал свою помощь гораздо быстрее, чем когда соучастник заявлял, что беспокоиться не о чем. Как и ожидалось, интерпретация происшествия соучастником влияла на поведение «очевидца»,

изменяя его собственную интерпретацию: 93 процента свидетелей, которые слышали опасения помощника экспериментатора о характере того, что произошло, полагали, что жертва пострадала, в сравнении с всего лишь 54 процентами тех, кому сказали, что ничего страшного не произошло.

Жертва: кому придут на помощь?

Большинство либерально настроенных людей и тех, кто мыслит понятиями равноправия, хотели бы думать, что всем людям будет оказываться помощь в экстремальной ситуации, однако имеющиеся факты свидетельствуют о том, что очевидцы и свидетели довольно избирательны в своих решениях, кому помогать. Один из моментов, который мог иметь значение в случае с Китти Дженовезе, — это то, что несколько очевидцев полагали, что происходившее было «любовной ссорой», а большинство людей в таких обстоятельствах инстинктивно предпочитают не вмешиваться. С целью дальнейшего исследования этого вопроса Ланс Скотланд и Маргарет Стро из Пенсильванского университета инсценировали яростную ссору и потасовку между мужчиной и женщиной в присутствии или в пределах слышимости очевидцев. Женщина начинала кричать и умолять: «Отстань от меня!» Для того чтобы наблюдавшие сцену люди могли установить характер «отношений» между этими двумя, женщина кричала либо: «Я не знаю вас!», либо: «Почему я только вышла за тебя!».

Огромное влияние на реакцию наблюдателей оказывали предполагаемые отношения между нападающим и жертвой: 65 процентов очевидцев вмешивались, когда считали, что речь идет о незнакомых друг с другом людях, но только 19 процентов поступали так, когда думали, что потасовка происходит между супругами. Очевидцы явно верили, что наблюдают настоящую драку, так как 30 процентов наблюдавших за сценой женщин настолько испугались за собственную безопасность, что закрыли дверь своей комнаты, выключили свет и даже заперли дверь!

Есть, вероятно, несколько причин, почему меньше людей пришли на помощь в случае драки между супругами. Во-первых, они считали, что замужняя женщина, вероятно, будет смущена заступничеством постороннего человека, в то время как женщина, подвергшаяся нападению незнакомого человека, не будет. Во-вторых, они полагали, что женщина, подвергшаяся нападению незнакомого человека, будет в большей степени нуждаться в помощи, чем женщина, ставшая жертвой своего мужа. И наконец, они посчитали, что мужчина с боль-

шей вероятностью применит силу ко всякому, кто вмешается, если объектом его нападения является его собственная жена.

Данные, опубликованные Администрацией по содействию в обеспечении правопорядка Соединенных Штатов, показывают, что 60 процентов нападений совершается по отношению к совершенно незнакомым людям. Однако когда Скотланд и Стро демонстрировали видеозаписи яростной потасовки между мужчиной и женщиной, только один человек из тридцати правильно угадал, что эти двое были незнакомыми друг другу людьми. Подавляющее большинство предположило, что между ними существовали близкие отношения. Интересно, что печатаемые в газетах интервью с очевидцами реальных происшествий такого рода подтверждают то, что наблюдатели обычно полагают, что мужчины избивают свою вторую половину. Одним словом, акты насилия с меньшей вероятностью побудят вмешаться окружающих в больших городах, чем в маленьких. Существует меньшая вероятность, что в большом городе отношения между двумя дерущимися людьми известны окружающим, а следовательно, более вероятно, что они будут неправильно истолкованы.

Другая причина, почему очевидцы неохотно вмешиваются в драку между людьми, которые, по их предположению, являются мужем и женой, — то, что они считают, справедливо или нет, что отчасти женщина сама может быть виновата в происходящем. Как правило, мы испытываем большее сочувствие к тем жертвам, которых мы считаем невиновными, чем к тем, которые, как нам кажется, «сами напросились». Пьяный бузотер в баре, задирающий окружающих, а затем сбитый кем-либо с ног, остается лежать на полу.

Ирвинг Пилиэвин и его коллеги исследовали этот феномен, инсценировав несколько происшествий в нью-йоркском метро. Мужчина, игравший роль жертвы, шел неуверенной походкой, а затем падал на пол, лицом вверх. Иногда он держал в руке черную палочку и производил впечатление трезвого человека, а иногда от него исходил запах алкоголя, а в руках он держал бутылку со спиртным, завернутую в бумажный пакет. Ему оказывали меньше помощи, когда он был «пьяным», чем когда он был «больным», вероятно, по той причине, что на самих пьяных возлагают вину за их состояние, а также потому, что оказание помощи человеку, от которого разит алкоголем, которого может вырвать или который может начать вас оскорблять, обходится дорогой ценой. Впрочем, стоит оказаться на месте одному доброму самаритянину, предлагающему свою помощь, как обычно быстро находятся еще несколько помощников, и кажется неважным в этом случае, пьян человек или болен.

В экстремальной ситуации наблюдатели вынуждены быстро принимать решение на основе довольно скудной информации. Впрочем, кое-что очевидно сразу — это расовая принадлежность жертвы, и разумно предположить, что этот момент играет свою роль в том, оказывают ли очевидцы помощь или делают вид, что ничего не замечают. Самуэль Гартнер из университета штата Делавэр выдвинул интересную теорию о том, что большинство белых в Соединенных Штатах предпочитают не думать о себе как о людях, которые проигнорировали бы крики негра о помощи, если бы исключительно от них зависело оказание помощи. Однако, утверждает он, если бы ситуация давала им возможность как-то оправдать свое предубеждение, то оно, пусть и не в очень большой степени, повлияло бы на их решение.

Гартнер исследовал эту гипотезу, устроив так, что несколько разных белых женщин становились свидетелями падения башни из стульев на кричащую девушку, которая была либо черной, либо белой. Свидетели были либо в одиночестве, либо вместе со спокойным, невозмутимым соучастником экспериментатора. Все женщины, ставшие единственными свидетелями происшествия, пришли на помощь жертве. Ее расовая принадлежность не оказала влияния на их действия. Однако 90 процентов тех, кто был вместе с невозмутимым соучастником, протянули руку помощи белой жертве, но только 30 процентов из них помогли черной жертве. В последнем случае у них была возможность оправдать свое предубеждение против черной жертвы хотя бы тем, что происшествие не было серьезным, или тем, что не только они были свидетелями этого происшествия. Кстати сказать, как в этом исследовании, так и в других, люди, выражавшие в анкетах взгляды, лишенные предубеждений, вели себя столь же пристрастным образом, как и те, кто признавался в том, что имеют предубеждения.

Итак, особенности жертвы имеют значение для определения того, окажут ли ей помощь. Помимо уже упомянутых факторов — расовой принадлежности, предполагаемых отношений между нападающим и жертвой, предполагаемой вины жертвы в своем несчастье, — имеется еще фактор физической привлекательности жертвы, который также необходимо принимать во внимание. Жертва с привлекательной внешностью имеет больше шансов получить помощь, чем жертва с уродливым родимым пятном на лице.

Почему же характеристики жертвы имеют столь важное значение? Согласно одной теории, наблюдатель решает, вмешиваться или нет, на основе «цены», связанной с оказанием помощи (возможное физическое насилие, словесные оскорб-

ления, смущение) или связанной с ее неоказанием (чувство вины, порицания со стороны окружающих), и «награды», получаемой в результате оказания помощи (чувство удовлетворения, похвала со стороны жертвы и окружающих) или в результате ее неоказания (продолжение своих занятий). В этом хрупком равновесии цена будет высока, если жертва производит неприятное и отталкивающее впечатление. В другом эксперименте было обнаружено, что если «жертва» падала в метро, шансы на получение помощи были ниже и помощь оказывалась не так быстро, когда изо рта «жертвы» капала «кровь» (пищевой краситель красного цвета), несмотря на то что «жертва», очевидно, нуждалась в помощи. Вероятно, цена оказания помощи окровавленной «жертве» выше, поскольку большинство прохожих и наблюдателей имеет врожденный страх перед кровью.

Однако из всех факторов, которые, как было обнаружено, влияют на готовность окружающих прийти на помощь жертве, ни один не имеет столь сильного действия, как двойственность ситуации или отсутствие такой двойственности. Если очевидно, что кто-то крайне нуждается в помощи, соображения такого рода, как расовая принадлежность жертвы, перекладывание ответственности на других и социальное влияние, имеют сравнительно небольшое действие — почти каждый быстро и не задумываясь бросается оказать посильную помощь.

Рассел Кларк и Ларри Уорд из университета штата Флорида провели эксперимент, в котором свидетели либо слышали, как упал и кричал в агонии электрик, либо просто слышали, как он упал, но не кричал. В первом случае, в ситуации однозначно экстремальной, каждая группа участников эксперимента независимо от того, были ли они в одиночестве, в парах или в группах из пяти человек, оказала помощь пострадавшему. Другими словами, не было никакого признака распыления ответственности. Если было неясно, было ли событие чрезвычайным происшествием или нет, как во втором случае, вероятность оказания помощи составила только одну треть. Характерно, что очевидцы в группах не реагировали вовсе в неоднозначных ситуациях.

Неоднозначность ситуации играет столь существенную роль в том, что если наблюдатель интерпретирует двойственную ситуацию как не являющуюся в действительности происшествием, то ему уже очень трудно решиться на какие-либо действия и взять на себя ответственность. Иначе говоря, жертва должна производить на очевидцев совершенно убедительное впечатление и не оставлять у них сомнений в том, что она действительно нуждается в их помощи.

Вместо заключения

Один из главных выводов многочисленных исследований, упомянутых в этой главе, состоит в том, что представление об апатичном наблюдателе совершенно не соответствует действительности. Во многих ситуациях почти все наблюдатели сделают все возможное, чтобы оказать помощь человеку, пострадавшему в результате несчастного случая или очевидно нуждающемуся в помощи.

Проблема определения того, является ли ситуация экстремальной и требующей вмешательства или нет и что необходимо предпринять, оказывается сложной для нас потому, что большинство из нас лишено опыта такого рода. Несомненно, что общество снабжает нас некоторыми правилами на этот счет, но многие из них противоречивы. «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними»* резко противоречит такому высказыванию, как: «Не суй свой нос в чужие дела» или более поэтичному библейскому: «Хватает пса за уши, кто, проходя мимо, вмешивается в чужую ссору»**.

Наблюдатель обычно не знаком ни с жертвой, ни с нападающим и не имеет времени на то, чтобы выяснить что-либо о них. Он должен реагировать на основе скорее вероятности, чем определенности, и потому он полагается на поведение других свидетелей и «убедительность» жертвы в качестве руководства к действию. Его проблема усугубляется нервозностью, которая делает его более неуклюжим и медленным, чем обычно.

В действительности очевидцы и свидетели, вероятно, в большей степени заслуживают похвалу, чем критику. В большинстве случаев они удивительно хорошо справляются с неприятными, сложными и быстро меняющимися ситуациями.

---

* Матфей, 7:12.

** Книга Притчей Соломоновых, 26:17.

ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ТЮРЬМЫ

Одним из самых скандально известных экспериментов в истории психологии, получившим широкую известность благодаря своим сенсационным результатам и тому, как он был устроен, была попытка выяснить, как именно и почему пребывание в тюрьме становится таким суровым испытанием для личности. Очевидно, что в тюремной системе в западных странах немало недостатков. Растущее количество тюремных бунтов — наглядное тому подтверждение.

Однако прежде чем что-либо реформировать, необходимо сперва правильно обозначить проблемы. При этом нужно учитывать по крайней мере три основных составляющих тюремной системы: охранников (или тюремщиков), самих заключенных и тюремную организацию и условия. Можем ли возложить вину за нынешнее состояние дел в тюремной системе на тюремщиков? Мы знаем, что люди несколько агрессивного или садистского склада нередко выбирают себе работу тюремщика. Вторая возможность — это то, что заключенные, по определению настроенные антисоциально, сами создают невыносимую для нормального человеческого существования атмосферу, какими бы ни были условия. Третья возможность — это то, что сама тюрьма, ее здание, условия содержания в камерах, отсутствие возможности для уединения и негибкая административная система оказываются определяющими.

Любой из этих факторов (или все эти факторы вместе) вполне может быть причиной бед, но доказать это крайне трудно. Какую лепту могут внести психологи в понимание изъянов тюремной системы? Филипу Зимбардо из Стэнфордского университета пришла оригинальная идея провести эксперимент, специально предназначенный для исследования пороков тюремной системы. Многочисленные критики обвинили его и его коллег в том, что они перешли допустимую границу в своей погоне за знаниями, однако до начала самого эксперимента они не могли бы предсказать его результатов. Эксперимент Зимбардо — один из самых известных, некоторые сказали бы — скандально известных экспериментов в анналах психологии.

Контрольный эксперимент: опыт экспериментальной тюрьмы

Филип Зимбардо и его коллеги из Стэнфордского университета — Крейг Хейни, Курт Бэнкс и Дэвид Джафф — захотели определить причины дегуманизации, которая в столь больших масштабах наблюдается в тюрьмах. Что будет в том случае, если удалось бы убедить обычных граждан выступить в роли заключенных и тюремных надзирателей в экспериментальной тюрьме, которая бы во всем походила на настоящую тюрьму? Если бы экспериментальная тюрьма не дала картины ненависти и отчуждения настоящей тюрьмы, это бы позволяло говорить, что главными составляющими нетерпимой атмосферы, свойственной настоящим тюрьмам, являются индивидуальные особенности тюремных надзирателей или заключенных, или тех и других одновременно. С другой стороны, если бы в экспериментальной тюрьме наблюдалось поведение, очень сходное с тем, которое характерно для настоящей тюрьмы, это дало бы основания считать, что определяющим фактором в создании атмосферы нетерпимости и вражды является тюремное окружение.

Эксперимент начался 14 августа 1971 года в Пало-Альто в штате Калифорния. Тишину спокойного воскресного утра нарушил вой сирен полицейских машин, когда полиция провела «облаву» на участвовавших в эксперименте студентов, забирая их прямо из дома. Всем «подозреваемым» предъявили обвинение в уголовном преступлении, сообщили об их конституционных правах, поставили их лицом к машине с заведенными за голову руками, обыскали, надели на них наручники и с соблюдением обычных мер отвезли в полицейский участок. Вся операция была проведена столь реалистично благодаря содействию, оказанному полицейским управлением Пало-Альто, что встревоженная мать одного из студентов восемнадцати лет, арестованного за вооруженное ограбление, воскликнула: «Я чувствовала, что мой сын в чем-то замешан».

В полицейском участке с каждого «подозреваемого» сняли отпечатки пальцев и заполнили на него полицейское досье. Затем его поместили в камеру временного содержания. Спустя некоторое время в тот же день всех «подозреваемых» с завязанными глазами доставили в Стэнфордскую окружную тюрьму, где их раздели догола, обыскали, подвергли дезинсекции и выдали им тюремную одежду, постельное белье и необходимые принадлежности. Одежда состояла из длинной хол-

щовой рубашки свободного покроя с идентификационным номером на груди и на спине, никакого нижнего белья, легкая цепь с замком на щиколотке, резиновые сандалии и шапочка, сделанная из нейлонового чулка.

Главный тюремный надзиратель собрал всех заключенных вместе и сообщил им о 16-ти основных правилах поведения «заключенного», начав с того, что «заключенные должны обращаться к надзирателям «господин начальник», а закончил тем, что «несоблюдение какого-либо из указанных правил наказуемо».

«Надзирателям» было еще раньше сказано, что их задача состоит в том, чтобы «поддерживать в разумных пределах порядок внутри тюрьмы, необходимый для ее нормального функционирования». Им дали минимальные инструкции относительно того, как они должны вести себя, за исключением запрета на применение физического насилия. От «заключенных» их легко было отличить по их униформе, состоявшей из рубашки и брюк цвета хаки, свистка, полицейской дубинки и зеркальных солнцезащитных очков.

«Надзиратели» и «заключенные» были отобраны из числа 75 человек, откликнувшихся на объявление в газете, которое предлагало добровольцам мужского пола принять участие в психологическом исследовании «тюремной жизни» за 15 долларов в день в течение двухнедельного периода. 10 «заключенных» и 11 «надзирателей», принявших участие в эксперименте, были в числе тех откликнувшихся на объявление людей, которых оценили как наиболее уравновешенных (физически и психически), как наиболее зрелых и наименее склонных к антисоциальному поведению. Большинство из них были студентами из небогатых семей.

«Надзиратели» и «заключенные» должны были жить в стенах Стэнфордской окружной тюрьмы, которая находилась в подвальном помещении здания психологического факультета Стэнфордского университета. Условия в экспериментальной тюрьме были сознательно сделаны как можно более суровыми. В ней было три небольшие камеры (9 на 6 футов), по три заключенных в каждой. Как и в настоящей тюрьме, окна были забраны решетками, а помимо «надзирателей» там были еще «главный надзиратель, директор тюрьмы (Зимбардо), комиссия по досрочному освобождению и комитет по наказаниям». Все участники согласились участвовать в эксперименте, несмотря на то что им было сказано, что те, кто будет играть «заключенных», могут испытать большие неудобства и столкнуться с ущемлением некоторых своих основных прав во время заключения.

События, происходившие в экспериментальной тюрьме, оказались столь неприятными и потенциально столь опасными, что эксперимент пришлось прекратить уже через шесть дней после его начала. Уже через два дня в тюрьме вспыхнуло насилие и разгорелся бунт. «Заключенные» срывали с себя одежду и идентификационные номера, выкрикивали ругательства в адрес «надзирателей» и баррикадировались в своих камерах. «Надзиратели» жестоко подавили бунт с использованием огнетушителей, превратили права «заключенных» в «привилегии», настраивали «заключенных» друг против друга и систематически устраивали демонстрацию своей власти. У одного из «заключенных» уже через день после начала эксперимента проявились столь очевидные симптомы нервного расстройства (бессвязная речь, непроизвольные вскрики и плач), что его пришлось выпустить.

На третий день по тюрьме распространился слух о готовящемся массовом побеге. Это побудило «директора» и «надзирателей» принять разнообразные репрессивные и предупредительные меры. На четвертый день еще два «заключенных» были выпущены на свободу ввиду появления симптомов сильного эмоционального расстройства; третий «заключенный» был освобожден после того, как все его тело покрылось сыпью психосоматического характера. Со временем некоторые из «надзирателей», похоже, стали получать большое удовольствие от демонстрации власти и садистского поведения. Интересно, что применение силы, демонстрация власти и проявление насилия со стороны «надзирателей» с каждым днем постепенно усиливались, несмотря на то что сопротивление «заключенных» ослабевало, а потом почти и вовсе прекратилось. По ходу эксперимента «надзиратели» также стали все больше прибегать к косвенным проявлениям своей власти, например, постукивать дубинкой по руке или по предметам, ходить враскачку или с вызывающим видом. Наоборот, «заключенные» начали сутулиться и прятать глаза.

К прекращению эксперимента, судя по всему, привело замечание, сделанное Кристиной Маслаш, невестой Зимбардо. Она пришла в тюрьму, чтобы помочь в проведении собеседования с «заключенными». Находясь в стенах тюрьмы, она стала свидетелем того, как «заключенных» с завязанными глазами строем вели в туалет. Мисс Маслаш расплакалась и воскликнула: «Это ужасно, как вы поступаете с этими мальчиками!» Естественно, что сердце Зимбардо смягчилось при этих словах, и на следующее утро эксперимент был официально остановлен.

Возможно, самыми яркими отчетами о том, каково было принимать участие в таком эксперименте, были дневниковые записи непосредственных его участников. Перед началом эксперимента один из «надзирателей» написал в своем дневнике, что он пацифист и настолько не склонен к проявлению насилия, что не может представить себя в роли человека, который жестоко обращается с другим живым существом. На третий день он, судя по всему, уже испытывал огромное удовольствие от возможности манипулировать другими людьми. Перед тем как допустить к «заключенным» посетителей, он предупреждал «заключенных», чтобы те не жаловались, если не хотят, чтобы посещение закончилось раньше срока. По его собственным словам, ему чрезвычайно понравилось чувствовать почти полный контроль надо всем, что говорилось и делалось.

На пятый день возникли проблемы, так как новый «заключенный» отказывался есть свою сосиску. Об этом моменте в дневнике «надзирателя» сказано: «Мы бросаем его в карцер и заставляем держать в каждой руке по сосиске... Мы решаем сыграть на солидарности заключенных и сказать новенькому, что все остальные будут лишены посетителей, если он не съест свой обед... Я прохожу мимо двери карцера и ударяю в нее своей дубинкой... Я очень зол на этого заключенного за то беспокойство и те проблемы, которые он причиняет остальным. Я решил силой заставить его есть, но он отказывается есть. Я вылил ему суп на лицо... Я ненавидел себя за то, что я заставляю его есть, но еще больше я ненавидел его за то, что он отказывается есть».

Как мы уже отмечали, в ходе эксперимента «надзиратели» становились все более грубыми и агрессивными и игнорировали запрет на использование физического воздействия. Однако Зимбардо и его коллеги сообщали, что в поведении «надзирателей» были различия и, по их мнению, только около одной трети «надзирателей» столь последовательно демонстрировали враждебность и агрессивность, что их поведение можно описать как садистическое.

С другой стороны, «заключенные» становились со временем все более пассивными и впадали в состояние депрессии и апатии. Возможно, причина этого заключалась в том, что они начинали понимать, что они мало могут повлиять на положение дел. Как гласит старая пословица: «Какая польза от того, что ты будешь биться головой об стену?»

Несмотря на свое преждевременное завершение, эксперимент Зимбардо показал, что ситуации насилия и нетерпимости, характерные для атмосферы тюрьмы, могут возникать

даже тогда, когда в качестве тюремных надзирателей и заключенных выступают нормальные законопослушные граждане. Наблюдавшаяся в Стэнфордском эксперименте дегуманизация едва ли может быть приписана «преступным склонностям» тех, кто принимал в нем участие. Наиболее естественным объяснением в данном случае является то, что главным образом в поведении участников эксперимента повинна сама обстановка тюрьмы. По собственным словам Зимбардо, его исследование вскрыло «способность социальных институтов заставлять добропорядочных людей совершать дурные поступки».

Но насколько экспериментальная тюрьма похожа на настоящую тюрьму? Свидетельства тех, кто не понаслышке знает о том, что такое настоящая тюрьма, не дают ясной картины. Заключенные, содержащиеся в наиболее строго охраняемом крыле исправительной тюрьмы Род-Айленда, заявили, что реакция заключенных экспериментальной тюрьмы напомнила им крайне эмоциональную и нервозную реакцию многих заключенных, впервые попавших в тюрьму. Замечание одного бывшего заключенного проливает некоторый свет на пассивность и апатичность заключенных: «Единственный способ поладить с начальниками — это уйти в себя, и физически тоже — в буквальном смысле сделаться как можно меньше. Это еще один способ, каким они отнимают у тебя человеческие права. Они хотят, чтобы ты и дышал незаметно».

Что сказали критики

Помощник начальника тюрьмы в Сан-Квентине в своем интервью по телевидению отнесся, как и можно было ожидать, скептически к эксперименту Зимбардо. Когда его спросили, имеет ли эксперимент значимость для тюремной системы, он ответил, что эксперимент несостоятелен, пристрастен и методологически порочен, однако свое суждение он основывал на краткой статье, прочитанной им в газете. Как следствие, Зимбардо было отказано в праве посетить одну из калифорнийских тюрем начальником управления исправительных учреждений. Это решение дает основания предполагать, по крайней мере людям, не склонным к прекраснодушию, что власти испугались, потому что Зимбардо оказался прав.

Наиболее мощной атаке Зимбардо подвергся со стороны бостонских психологов Али Бануазизи и Саймака Мохаведи, которые настаивали, что участники Стэнфордского эксперимента не находились в социальной ситуации, которая по сво-

ему значению была бы тождественна пребыванию в настоящей тюрьме; все, что их просили делать, — это играть роль надзирателей и заключенных, а поскольку у них были стереотипные представления о том, как ведут себя надзиратели и заключенные в условиях реальной тюрьмы, они просто-напросто стали копировать эти стереотипы в своем собственном поведении. Интересно отметить в этой связи, что большинство надзирателей, когда их спрашивали об их агрессивном поведении, заявляли, что они «просто играли роль» сурового надзирателя.

Бануазизи и Мохаведи проверили некоторые из этих идей, попросив людей заполнить анкету с серией вопросов, которые шли после описания Стэнфордского эксперимента. 81 процент ответивших на вопросы вполне точно определили, что пытался доказать экспериментатор; один из респондентов, например, написал: «Он считает, что в тюрьмах мучают и унижают».

Подавляющее большинство респондентов (90 процентов) предсказало, что надзиратели экспериментальной тюрьмы будут демонстрировать агрессивность, враждебность и нетерпимость. Столь полное согласие позволяет предположить, что люди разделяют схожие стереотипы представления о поведении тюремных надзирателей. Меньшее согласие наблюдалось в отношении вероятного поведения заключенных в эксперименте. Приблизительно 30 процентов полагали, что заключенные будут демонстрировать признаки бунта и неповиновения, другие 30 процентов предсказывали, что они будут выказывать пассивность и послушание, а большинство остальных опрошенных считали, что заключенные будут демонстрировать признаки и того, и другого поведения.

Таким образом, как показывают данные, надзиратели в эксперименте могли просто притворяться, следуя стереотипному представлению об агрессивном, жестоком тюремном надзирателе, и «по-настоящему» не были теми, кого они играли. Однако не столь понятно, можно ли с такой же легкостью отнести поведение заключенных в эксперименте на счет стереотипного представления. В отношении поведения заключенных нет каких-то широко распространенных стереотипных представлений.

Несомненно, верно, что поведенческие установки, продемонстрированные теми, кто принял участие в ролевой игре, отражают немало различных вещей, в том числе то, как участнику эксперимента хотелось бы вести себя, что представляется ему социально значимым, и то, что он воспринимает как

ожидания экспериментатора. В этом отношении Бануазизи и Мохаведи были правы, когда критиковали Зимбардо за предположение, что результаты его эксперимента можно объяснить достаточно просто. Однако их собственное объяснение результатов эксперимента также не было полностью адекватным. Были ли пассивность, депрессия, беспомощность, нервные расстройства со стороны заключенных всего лишь замечательной игрой, предназначенной для того, чтобы угодить экспериментатору? Даже если можно симулировать сильное эмоциональное расстройство, то психосоматическую сыпь, скорее всего, нет.

Наиболее сильным свидетельством против того, что участники эксперимента Зимбардо просто «играли» культурно обозначенные роли, является то, что крайние формы эти роли приобрели в основном к концу эксперимента. Если Бануазизи и Мохаведи правы, то почему стереотипное поведение не проявилось в своем законченном варианте в самом начале? Кроме того, проявления физического насилия и демонстрация власти имели гораздо больший размах, чем следовало бы ожидать при обычной ролевой игре. В то время как играют по большей части в присутствии аудитории, Зимбардо обнаружил, что надзиратели с большим удовольствием демонстрировали свою власть над заключенными как раз тогда, когда оставались с заключенным один на один или находились вне досягаемости записывающего оборудования.

Пристальное изучение сведений, собранных Зимбардо, дает основание предполагать, что на ранних стадиях эксперимента, несомненно, присутствовал некоторый элемент игры, при этом стереотипные представления помогали участникам определиться в своем поведении. Однако стоит заметить, что и настоящие тюремные надзиратели или охранники тоже, вероятно, «играют» на первых порах. По ходу же эксперимента его участники все больше входили в назначенную им роль, все меньше прилагая сознательных усилий при этом.

Более всего в Стэнфордском эксперименте людей беспокоила моральная сторона дела, а именно можно ли было подвергать участников эксперимента таким испытаниям. Действительно, можно ли оправдать исследование, в котором четырех участников пришлось отпустить на волю ввиду «крайней депрессии, расстройства мыслительной деятельности, приступов плача и ярости»? Разумно ли было экспериментатору стоять в стороне и наблюдать за тем, как надзиратели заставляли заключенных чистить туалеты голыми руками, поливали их из огнетушителей и заставляли их отжиматься от пола, иногда даже вместе с надзирателем, стоящим у них на спине?

Профессор Хэррис Савин из Пенсильванского университета, например, охарактеризовал экспериментальную тюрьму как «ад» и сравнил Зимбардо с продавцами подержанных автомобилей и им подобными, «чьи роли искушают их вести себя настолько вопиющим образом, насколько позволяет закон». Заключил он следующим образом: «Профессора, которые в погоне за академическими наградами и профессиональными достижениями обманывают, унижают и третируют своих студентов, подрывают атмосферу взаимного доверия и интеллектуальной честности, без которой — как мы любим говорить посторонним, которые вмешиваются в наши дела, — не смогут процветать ни образование, ни исследовательская наука».

Защита Зимбардо

В ответ на критику Зимбардо заявил, что психологическое исследование морально оправдано, если приобретения — в виде новых знаний, например, — превосходят убытки. Он настаивал, что понесенные участниками «убытки» ограничились рамками эксперимента и не отразились на их психике. Чтобы удостовериться в этом, участникам эксперимента рассылались анкеты спустя несколько недель после эксперимента, спустя несколько месяцев, а затем с интервалом в несколько лет. Для того чтобы попытаться свести к минимуму негативные последствия эксперимента, были проведены сеансы психологической коррекции, на которых были прояснены моральные конфликты, вызванные ходом эксперимента.

Зимбардо признался, что во время эксперимента участники испытали немало неприятных эпизодов, но указал на то, что все участники эксперимента подписали официальную бумагу, в которой говорится, что они дают «информированное согласие» на участие в эксперименте и знают о том, что в ходе эксперимента они столкнутся с нарушениями их гражданских прав и с ограничением их свободы. Он также заметил, что любой профессиональный психолог, сомневающийся в моральности проведения эксперимента, мог подать жалобу в комитет по этике Американской ассоциации психологов. В действительности в течение двух лет с того момента, как был проведен эксперимент, в комитет поступил только один запрос, и то от самого Зимбардо!

Если говорить о положительных моментах эксперимента, то большинство его участников признались, что они узна-

ли много ценного о себе. Некоторые из участников высказали желание посвятить часть своих летних каникул работе в местных тюрьмах, и большинство стали сторонниками реформирования системы исправительных учреждений. Другим положительным моментом исследования было влияние, которое оно оказало на общество в целом. Например, группа граждан использовала результаты исследования в суде, где они выступали против строительства большой новой тюрьмы в графстве Контра-Коста в Калифорнии в пользу небольших тюрем, тесно связанных с жизнью населенного пункта, в котором они располагаются.

Моральная позиция, занятая Зимбардо, — это позиция, согласно которой цель оправдывает средства, а исследование оценивается с точки зрения баланса пользы и вреда. Эта позиция согласуется с мнением большинства психологов, она была выражена в следующих словах комитета по этике Американской ассоциации психологов: «Общий этический вопрос всегда заключается в том, имеются ли негативные последствия, затрагивающие достоинство и здоровье участников эксперимента, которые не оправдывает ценность исследования». Но даже в этом случае мы сталкиваемся с трудностями.

Во-первых, можно, конечно, оправдать исследование на основе вероятной пользы и вреда, но мы не всегда знаем, какие последствия ожидают нас уже после завершения эксперимента. Зимбардо заявляет, что высокая цена его эксперимента с точки зрения проявлений насилия и вражды удивила его. Однако еще раньше под наблюдением Зимбардо в Стэнфордском университете был проведен тот же самый эксперимент, но в меньшем масштабе, с теми же тревожными результатами.

Во-вторых, оценка потерь и приобретений исследования одного человека может не совпадать с оценкой другого человека. Многие люди не согласились бы с Зимбардо, заявив, что страдания участников эксперимента не могут быть оправданы ценностью приобретенных данных.

Иммануил Кант и другие мыслители утверждали, что цель не оправдывает средства. В независимости от последствий моральный принцип не должен иметь исключений. Однако слепое следование таким принципам может иметь крайне негативные последствия. Если сумасшедший с пистолетом в руке спрашивает вас, где находится ваша мать, так как он хочет застрелить ее, скажете ли вы ему это ради соблюдения принципа всегда говорить только правду? Такая моральная позиция мало кого привлекает.

Направления тюремной реформы

Несмотря на всю критику, Стэнфордский эксперимент дал поразительные результаты, требующие серьезного осмысления. Чем же все-таки определяется столь губительное влияние тюремной системы на моральное состояние и поведение заключенных? По утверждению Зимбардо, немаловажным фактором является то, что в тюрьмах всячески насаждается анонимность. Всех заключенных одевают в стандартную одежду, одинаково стригут и кормят одинаковой пищей из одинаковой посуды в одинаковое время. Разумеется, что личность заключенного оказывается в осаде.

Однако наиболее важным фактором Зимбардо считал структуру власти в тюрьмах: «Власть является наиболее важной переменной в социальной психологии и наиболее неучтенной... Великое открытие американского бихевиоризма, а именно, что реакции, получающие подкрепление, учащаются, — только техническое примечание к главному вопросу о том, кто управляет процессом подкрепления».

Внутри тюремной системы власть осуществляют тюремные надзиратели. Они требуют от заключенных соблюдения всех правил, но они не вознаграждают их за послушание. Однако если заключенные не соблюдают правила, это замечается и за этим следует наказание. Поэтому в лучшем случае, на что может рассчитывать заключенный, это то, что надзиратели будут вести себя предсказуемо, что даст ему возможность вести себя таким образом, который позволит ему избежать наказания. Когда заключенных спрашивают, что отличает хорошего надзирателя, большинство отвечает, что они предпочитают надзирателей, которые действуют по уставу и не делают исключений.

Возможно, тот факт, что заключенные мало имеют возможностей влиять на свое окружение или получать вознаграждения за хорошее поведение, и обладает решающим значением. Лабораторные исследования продемонстрировали, что подобные обстоятельства порождают состояние апатии, известное как состояние «осознаваемой безнадежности», которое, по-видимому, имеет много общего с пассивностью и апатичностью заключенных в эксперименте Зимбардо. Возможно, заключенные легче бы примирились со своей участью, если бы они получали похвалу и вознаграждения за соблюдение тюремных правил, чем в том случае, когда их наказывают за неповиновение. Подобный подход использован с некоторым успехом в опытах тюремного поощрения.

Вместо заключения

Филип Зимбардо организовал экспериментальную тюрьму, чтобы исследовать изъяны тюремной системы. Он выяснил, что обычные, законопослушные граждане, оказавшись в роли тюремных надзирателей, начали вести себя жестоким и социально неприемлемым образом по отношению к другим таким же законопослушным и нормальным гражданам, которые играли роль заключенных. Это позволило предположить, что в ужасах тюремной жизни скорее повинна обстановка тюрьмы и организация тюремной власти, чем садистские наклонности надзирателей или антисоциальные наклонности заключенных. Выяснилось также, что система тюремной власти требует от надзирателей наказывать заключенных за несоблюдение тюремных правил, а заключенные не имеют сколько-нибудь существенного влияния на собственное окружение. Однако исследование Зимбардо по-настоящему не опровергло альтернативные объяснения, и есть основания полагать, что преступники действительно отличаются от обычных людей.

Помимо того, что Стэнфордский эксперимент дал новые сведения о тюремной системе, он также поставил важные морально-этические вопросы. По мнению Зимбардо, исследование должно оцениваться исходя из того, перевешивает ли полученная польза причиненный вред. В исследовании, в котором вред исчисляется несколькими днями унижений и страданий для некоторых из участников, польза должна в таком случае быть действительно очень существенной. Многие люди считают, что исследование Зимбардо — тот случай, когда причиненный вред намного превосходит гипотетическую пользу, и что его следовало прекратить в самом начале или не проводить вовсе.

СЕКС, НАСИЛИЕ И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В большинстве западных стран наблюдается в последние годы заметное увеличение числа особо жестоких преступлений, изнасилований и других преступлений на сексуальной почве. Не важно, как подходить к анализу этих данных, факт увеличения реален и требует своего объяснения. Многие люди возлагают вину на средства массовой информации, настаивая на том, что чрезмерное насилие и порнография, тиражируемые средствами массовой информации, оказывают пагубное влияние на молодое поколение и на тех, кто восприимчив к информации такого рода. Является ли простым совпадением тот факт, что за последние 30 лет также увеличилось число сцен насилия, демонстрируемых по телевидению, и количество ничем не прикрытой и откровенной эротики в видеофильмах и порнографических журналах? По всей видимости, все-таки существует временная связь между усилением влияния секса и насилия в средствах массовой информации и увеличением числа особо жестоких преступлений и изнасилований, но является ли одно причиной другого?

В печати приводится огромное количество случаев, которые указывают на существование такой связи. Вот один из страшных примеров такого рода, в котором четырнадцатилетняя девушка подверглась нападению и была изнасилована двумя подростками пятнадцатилетнего возраста и одним четырнадцати лет. Девушка подрабатывала няней и возвращалась домой около 11 часов вечера. Пара, с ребенком которой она сидела, подвезла ее в тот вечер до улицы, на которой она жила. Когда она направлялась к дому, около нее затормозила красная спортивная машина — она была угнана в тот же самый день с улицы неподалеку. В ней сидели три парня, которые девушке были неизвестны. Они предложили подвезти ее, но она отказалась.

Все трое последовали за ней в многоэтажный дом, где они напали на нее. Один из них толкнул ее в темный угол и велел ей снять с себя брюки, а другой достал нож. Они начали приставать к ней, но их прервал сердитый жилец, который стал кричать на них. Тогда они оттащили девушку подальше от

дома и бросили ее на землю позади дерева около реки. Один из них сказал: «Если ты не разденешься, то мы тебя утопим».

Напуганная девушка подчинилась, и все трое изнасиловали ее. Затем поочередно они снова и снова насиловали девушку. Они совершали также «и другие отвратительные сексуальные действия». Один подросток избил девушку, потому что она заплакала, когда ей велели выполнить сексуальное требование. Несколько минут спустя на место прибыли трое мужчин тридцатилетнего возраста. Поначалу они наблюдали за тем, как подростки насилуют девушку, затем присоединились к ним. По словам девушки, они были друзьями одного из подростков. В какой-то момент подростки и мужчины все вместе насиловали девушку. Когда мужчины ушли, подростки снова изнасиловали девушку. После чего двое из них помочились на нее. Потом все трое ушли, пригрозив, что сломают ей шею, если она кому-нибудь скажет.

Девушка, вся истерзанная и в грязи, кое-как прикрылась одеждой и пошла в квартиру своей подруге, из которой была вызвана полиция. Женщина-врач, которая осматривала девушку, обнаружила синяки, следы зубов и царапины на теле девушки, но не смогла осмотреть ее как следует, поскольку любое прикосновение причиняло девушке сильную боль. Троих подростков нашли, и все трое признались в совершении изнасилования. Во всех их объемных показаниях не было ни единого слова раскаяния или сострадания к девушке.

От мысли к действию

То, что эта ужасная история имеет отношение к теме данной главы, следует из слов помощника прокурора, который заявил: «В доме главаря шайки было обнаружено огромное количество порнографических журналов, в некоторых иллюстрировались как раз те акты сексуального насилия, которые были совершены против девушки». Это позволяет говорить, но, разумеется, не доказывает, что эта порнографическая литература была, по крайней мере отчасти, ответственна за совершенное преступление. Даже тот факт, что можно процитировать множество подобных случаев, в которых сексуальное насилие является точной копией того, что насильник прочитал в книге или увидел на видео или по телевидению, не дает такого доказательства. Однако подобные случаи вызывают настоятельную потребность в исследовании этой темы. Нельзя игнорировать здесь вероятность причинно-следственной связи.

Те, кто настаивает, что имеются причинно-следственные отношения между средствами массовой информации и жестокими преступлениями, часто используют в качестве основного аргумента рекламу. Если телевидение, газеты и журналы способны с успехом убеждать тысячи людей покупать такой-то товар, просто показывая, как другие люди покупают его и наслаждаются своим приобретением, то почему бы многим людям не следовать примеру, когда им показывают людей, которые ведут себя жестоким или сексуально агрессивным образом и, очевидно, получают от этого наслаждение? Почему рекламодатели получают огромные деньги, рекламируя свои товары в средствах массовой информации, если это не стимулирует интереса покупателей к их товарам?

Это сильный аргумент, но логически несостоятельный. Большинство рекламируемых товаров нужны людям в любом случае, например автомобили, холодильники и стиральные машины. Несомненно, что они не нуждаются столь же сильно в извращенных или связанных с насилием формах секса. Большинство рекламных объявлений и роликов сообщают людям о том, какая компания производит нужные им товары или предлагает нужные им услуги или где их можно приобрести. Демонстрация насилия и разнузданных сексуальных сцен может дать людям представление о существовании определенных форм поведения, но это совсем другое дело.

Другая «причинная» аргументация выглядит так. Телевидение дает нам представление об обществе и показывает нам, как люди ведут себя в различных ситуациях. Подростки имитируют поведенческие модели, которые им демонстрируются, и вот таким образом они учатся реагировать на ситуации, с которыми никогда не сталкивались до этого. Родители, учителя, звезды эстрады, старшие братья или сестры, школьные товарищи, книги, журналы и телевидение — все это является источником поведенческих моделей. Так что если подросткам свободно демонстрируется насилие или жестокость и разнузданный или грубый секс, то они могут привыкнуть считать такое поведение нормальным и социально одобряемым. Действительно, у такой аргументации есть сильные доводы, которые трудно оспаривать.

Разумеется, телевидение, видеофильмы, порнографические журналы — не единственный и даже не основной источник негативных влияний на общество. Очень сложно доказать, что существует причинная связь между средствами массовой информации и повышением уровня насилия в обществе, поскольку нельзя не учитывать влияния и множества других факторов.

Нельзя также говорить и о том, что сцены насилия и секса оказывают одинаковое влияние на всех людей. Скорее следует говорить о том, что отдельные люди — число их предположительно не столь велико — подвержены влиянию образов насилия в достаточной степени, чтобы превращать мысли в действие. Но не будем поддаваться иллюзии и считать, что это незначительная проблема, так как только незначительный процент населения подвержен влиянию телевидения, видео или порнографических журналов. В 1952 году в Соединенных Штатах в дорожных авариях погибло всего лишь 0,024 процента населения страны, однако в стране с такими размерами, как Соединенные Штаты, это означает, что с жизнью расстались 34 794 человека. И небольшой процент может увеличивать и без того большое число убийств, изнасилований и других жестоких преступлений.

Точная интерпретация данных исследований

В последние 40 с небольшим лет было проведено немало экспериментальных исследований, которые пытались установить связь между проявлениями насилия в жизни и картинами насилия в средствах массовой информации или доказать отсутствие таковой. Прежде чем мы рассмотрим полученные результаты, следует напомнить о возможности предвзятых установок в таких исследованиях. Во многих случаях были вовлечены сильные финансовые интересы, которые едва ли способствуют беспристрастности при интерпретации результатов, а в некоторых случаях данные, полученные в результате честно проведенных исследований, были принесены в жертву групповым интересам. В комиссии, образованной при президенте США для изучения влияния сцен насилия и секса в средствах массовой информации, крупные телевизионные компании сумели воспрепятствовать назначению в комиссию двух очень уважаемых психологов, которые считались экспертами в данном вопросе, и заменили их людьми, благосклонными к телевизионной индустрии. В результате комиссия состояла в основном из неспециалистов, которые, кроме того, представляли определенные интересы. Заключение комиссии было не то чтобы неверным, но было выражено в такой осторожной и сдержанной манере, что подчас производило неверное впечатление. Например, в докладе комиссии о телевизионном насилии говорилось, что телевизионное насилие оказывает па-

губное влияние, но это заключение было облечено в столь туманные выражения и выражалось с таким количеством оговорок, что многие газеты поняли это так, что комиссия вынесла телевидению оправдательный приговор. Таким образом, всякий, кто хотел выяснить, каковы же были выводы комиссии, должен был полагаться на (неточную) интерпретацию журналистов, основанную на (пристрастном) заключении, написанном предубежденными неспециалистами, неспособными понять многотомные, написанные сугубо научным языком доклады психологов, которые в действительности проводили исследования!

В недавно выпущенной книге, озаглавленной как «Секс, насилие и средства массовой информации», Г. Айзенк и Д.К.Б. Ниас рассмотрели все доклады комиссии и подытожили их выводы и заключения, однако они столкнулись с огромными трудностями при получении этих докладов в комиссии, что явно противоречит заявлениям о том, что каждый может ознакомиться с результатами исследований!

Другая проблема в том, что заинтересованные стороны нередко говорят неспециалисту, что данные «противоречивы», что «ничего нельзя доказать» и что «требуются дополнительные исследования», прежде чем делать какие-либо заключения и принимать меры. Конечно, можно критиковать отдельное исследование, но когда разные исследователи, используя разные методы, разных людей и разные стимулы, приходят к одинаковым выводам, тогда к этим выводам следует отнестись серьезно. Работа Ньютона по гравитации подвергалась критике при его жизни и не сумела решить проблему трех небесных тел (отношения между солнцем, луной и землей), тем не менее серьезная наука не может отказаться от его выводов. Идеальных исследований не существует, но это не означает, что из лучших исследований нельзя извлечь надежных и доказательных выводов.

Частая и крайне враждебная критика экспериментальных исследований, проводимых в области средств массовой информации и насилия, заслуживает особого упоминания. Один из авторов этой книги однажды был вызван в качестве эксперта в Королевскую комиссию при британском правительстве, рассматривающую проблему возможных негативных последствий сцен насилия и разнузданного секса в средствах массовой информации. Комиссию возглавлял не кто-нибудь, а профессор философии, и в нее входило немало известных людей, но ни одного ученого и тем более психолога. Вполне очевид-

но, что комиссия не могла иметь представление об огромной литературе по данной теме, не в состоянии была понять ее и едва ли могла прийти к каким-либо профессиональным заключениям, повторяя тем самым пример большинства других Королевских комиссий!

Когда членам комиссии было сообщено об экспериментальных исследованиях, которые были проведены в данной области, они заявили, что лабораторные эксперименты (в которых, к примеру, испытуемым демонстрировали телевизионные фильмы или видеофильмы со сценами крайнего насилия или разнузданного секса) были «искусственными» и что нельзя судить по ним о поведении в реальной жизни. С тем же успехом они могли бы заявить, что Галилей, катавший шары по наклонной плоскости, ставил свои опыты в «искусственных» условиях и его результаты неприменимы к реальному миру! Они допускали распространенную ошибку, считая, что лабораторные исследования, проводимые в искусственно созданных условиях, дают всего лишь случайные результаты. В действительности это не так.

Обычно лабораторные опыты ставятся с целью проверить теории: на основе теории выдвигается гипотеза, а затем эту гипотезу проверяют в лабораторных условиях. Если опыт подтверждает выдвинутое предположение, положение теории укрепляется; если этого не происходит, положение теории может пошатнуться и, возможно, от теории даже придется отказаться. Важна именно проверка теории. Никто не пытается переносить выводы, сделанные в лаборатории, на реальный мир.

Предположим, что наш эксперимент заключается в том, чтобы продемонстрировать нескольким людям видеофильмы, в которых содержатся сцены типичного изнасилования, и проверить взгляды участников эксперимента на женщин до и после просмотра фильмов. В таких экспериментах обычно выясняется, что эти взгляды меняются в направлении большей жестокости: после просмотра сцен изнасилования больше участников склонны считать, что женщинам нравится, когда их рассматривают в качестве сексуальных объектов, и что когда они говорят «нет», они в действительности говорят «да», или же такие взгляды усиливаются. Налицо смещение в сторону более выраженного мужского шовинизма, явный отход от социально принятого взгляда, что женщины имеют право принимать или отвергать сексуальные предложения. Какого рода теория проверяется таким экспериментом?

Эффект подмены рефлексов

Психологи — сторонники бихевиоризма разработали очень эффективную методику лечения пациентов, страдающих фобиями и другими проявлениями тревожности, заключающуюся в повышении порога чувствительности. Снижения тревожности добиваются путем сочетания провоцирующих страх ситуации или предмета, представленных в сравнительно более мягкой форме, с положительным стимулом (печенье, шоколадка и т.п.) при расслабленном состоянии пациента. Так, если женщина испытывает сильную боязнь перед кошками, ее сначала учат расслабляться, а затем, когда она находится в спокойном и расслабленном состоянии, ей показывают картинку с изображением котенка. Картинка вызывает у женщины некоторый страх, но не настолько сильный, чтобы вывести ее из расслабленного состояния, подкрепляемого положительным стимулом в виде печенья или плитки шоколада; на этом этапе уже удается добиться некоторой нечувствительности к страху. Постепенно воздействие негативного стимула усиливают (переходя от котенка к кошке и от картинок к реальному объекту), но делают это очень осторожно, чтобы вызываемое в этом случае беспокойство и страх всегда были слабее приятных эмоций, вызываемых состоянием расслабленности и положительным стимулом. Снова и снова психологи демонстрируют, что постепенное повышение порога чувствительности способно излечивать даже самые сильные фобии и невротические расстройства в сравнительно короткий промежуток времени. Процесс представляет собой выработку нового условного рефлекса на основе старого или замену одного рефлекса другим, когда стимул, который раньше вызывал страх и беспокойство, теперь начинает ассоциироваться с положительными эмоциями.

Применяя теорию замены рефлексов к эксперименту, в котором испытуемым демонстрировались видеопленки со сценами изнасилования, нужно ожидать, что нормальные социальные реакции ужаса и отвращения будут подменены другими под действием образов на экране, если зрители находятся в расслабленном состоянии, сидят в удобных креслах и потягивают спиртное или курят сигарету. Такую картину предсказывает теория, и когда предсказание проверено в лаборатории, она оказывается верной. Тогда мы можем говорить, что теория укрепила свои позиции. В действительности теория замены рефлексов подкреплена сотнями лабора-

торных экспериментов, проведенных в разных контекстах, потому здесь не может быть речи о том, что обобщения делаются на основе одного-единственного эксперимента. Эта теория применяется и вне лаборатории для лечения разных видов невротических расстройств и с большим успехом. Так что от результатов лабораторных экспериментов нельзя просто так отмахнуться.

Кто насильник?

Можно ли предсказать, кто именно предрасположен к совершению актов насилия по отношению к женщинам под влиянием сцен насилия в средствах массовой информации? В книге «Секс и личность человека» главный автор этой книги показал, что существует довольно тесная связь между личностью человека и сексуальными установками, взглядами и поведением. Экстраверты, как правило, раньше начинают половую жизнь, чем интроверты, они также чаще занимаются сексом, имеют больше партнеров и используют больший набор поз. У них также более продолжительная любовная игра, чем у интровертов, и более разнообразное сексуальное поведение вне половых отношений. С другой стороны, люди, имеющие высокие показатели на второй важной оси координат личности (невротизм — уравновешенность), ведут себя отличным образом. Поскольку они столь переменчивы в своих эмоциях и поскольку они реагируют со страхом и беспокойством даже на вполне безобидные ситуации (в эту категорию необходимо включить социальные контакты в целом и сексуальные контакты в частности), то более вероятно, что секс будет вызывать у них беспокойство, более вероятно, что они будут испытывать отвращение к некоторым сторонам секса и, следовательно, более вероятно, что у них будет меньше сексуальных партнеров и меньше сексуальных контактов, чем у их более уравновешенных сверстников. Это особенно справедливо в отношении тех, кто не состоит в браке.

Наибольший интерес в связи с проблемой изнасилования имеет психотизм, третья важная ось координат личности. Люди, имеющие высокие показатели на этой шкале, демонстрируют такие черты, как агрессивность, холодность, эгоцентризм, импульсивность и ригидность мышления, и ведут себя антисоциальным образом, проявляя жестокость. Многочисленные исследования показали, что психотизм тесно связан с преступными наклонностями и психопатией. Что же каса-

ется сексуального поведения, для людей с высоким уровнем психотизма характерны неразборчивость в связях, любопытство, враждебность и ненасытность, а также интенсивная сексуальная жизнь до брака. Следовательно, можно предсказать, что люди, совершающие изнасилование, будут личностями с высоким уровнем психотизма, а также можно предсказать, что люди, неповинные в каком-либо преступлении, но имеющие высокий уровень психотизма, будут интересоваться порнографией, демонстрирующей насилие по отношению к женщинам, будут склонны к применению силы по отношению к женщинам, а также будут позволять себе акты насилия время от времени.

Контрольный эксперимент: использование силы в сексуальном контексте

В очень значимом эксперименте Варне, Маламут и Чек протестировали большую группу студентов на предмет личностных характеристик и разнообразных аспектов сексуальности — сексуальные знания, установки, мысли, поведение в жизни. Особое внимание было уделено тем видам установок, мыслей и поведения, которые ассоциируются с высоким уровнем психотизма. Было обнаружено, что у испытуемых с высоким уровнем психотизма сексуальные отношения в меньшей степени мотивировались потребностью в выражении любви и привязанности; у них также чаще были мысли, связанные с применением силы в сексуальных отношениях; им меньше нравились мысли о более типичных сексуальных отношениях, чем о принуждении других к сексуальным действиям.

Отвечая на вопрос, позволили бы они себе осуждаемое обществом сексуальное поведение, если бы у них была возможность остаться безнаказанными, испытуемые с высоким уровнем психотизма одобрили изнасилование — принуждение женщины к сексуальным действиям против ее воли, — а также садомазохизм. Когда их спросили об их намерениях в отношении противоположного пола, испытуемые с высоким уровнем психотизма отвергли намерения иметь половую связь и орально-генитальный контакт, но одобрили групповой секс и принуждение женщины к сексуальным действиям против ее воли. Что касается пристрастия к порнографии, испытуемые с высоким уровнем психотизма сообщали о меньшем пристрастии, чем испытуемые с низким уровнем психотизма, за исключением тех порнографических материалов, которые де-

монстрируют использование силы. Выясняется еще раз, что традиционные сексуальные отношения в целом не вызывают в них приятных эмоций, однако такие эмоции вызывают сексуальные отношения, связанные с принуждением.

Держа в уме эти результаты, Варне и его коллеги продолжили проверку гипотезы о том, что личности с высокими показателями психотизма испытывают большее сексуальное возбуждение, чем личности с низкими показателями психотизма, от материалов, изображающих сексуальное насилие. Сексуальное возбуждение измерялось двумя способами — отчет испытуемого и эрекция полового члена (фиксируемая с помощью термометра). Использовавшийся в качестве стимула сексуальный материал состоял из записанных на пленку различных версий рассказа длиною примерно в 1000 слов. Всего было четыре версии рассказа, с насилием или без него (наличие согласия со стороны женщины или его отсутствие) и с причинением боли или без него. Результаты, как и ожидалось, получились очень характерными. Испытуемые с низкими показателями психотизма испытывали большее возбуждение, когда в рассказе не было насилия и причинения боли, а испытуемые с высоким уровнем психотизма — при предъявлении версии, в которой было насилие. Это было справедливо как в том случае, когда испытуемые давали собственный отчет, так и в том, когда возбуждение фиксировалось физиологически. Таким образом, имеется очевидная связь между подверженностью влиянию порнографических материалов с изображением насилия и сильными сексуальными реакциями на такой материал.

Высокие показатели по шкале психотизма и шизофрении регулярно выявлялись в исследованиях личностных характеристик у осужденных насильников. Таких людей обычно описывают как враждебно настроенных, раздражительных, непредсказуемых и импульсивных субъектов, которые избегают эмоциональной привязанности, демонстрируют неадекватную оценку социальных ситуаций и плохую ориентацию в них и часто сталкиваются с проблемами несоблюдения закона. Таким образом, личностный портрет действительного насильника очень близко соответствует портрету потенциального насильника, охарактеризованному выше.

Другие исследования показали, что при предъявлении порнографических материалов, демонстрирующих использование силы по отношению к женщинам, мужчины с таким типом личности становятся более агрессивными в своем поведении. Их поведенческие установки в отношении к женщи-

нам меняются в направлении большей жестокости. Полевые и лабораторные исследования в целом приходят к сходному заключению.

Для того чтобы такое заключение было абсолютно научным, его следует неоднократно проверить, но, поскольку было бы варварством постоянно демонстрировать личностям с высокими показателями психотизма видеопленки со сценами изнасилования, рискуя значительно увеличить количество совершаемых изнасилований, мы должны удовлетвориться менее прямыми свидетельствами.

Вместо заключения

В более широком контексте следует процитировать здесь заключение, к которому пришли Айзенк и Ниас после рассмотрения всех эмпирических свидетельств зависимости насилия в жизни от демонстрации насилия в средствах массовой информации: «Наше основное заключение состоит в том, что данные прямо указывают на то, что сцены насилия и секса в средствах массовой информации влияют на установки и поведение людей; что это влияние неоднородно и зависит от деталей демонстрируемого материала и особенностей личности человека и что рекомендации к действию определяются исключительно системой ценности личности. Сцены насилия, демонстрируемые на телевидении, в кино или в театре, способны вызывать к жизни как те акты агрессии, которые являются новыми для спектра реакций человека, так и уже установившиеся поведенческие стереотипы. Порнография также оказывает влияние на многих людей, но это влияние, очевидно, гораздо более неоднородно. Неоднородность реакций связана с такими факторами, как пол человека или его личностные характеристики; определенное значение имеют также факторы среды. Большая неоднородность установок и реакций делает почти невозможным дать универсальные рекомендации, пригодные для всех; компромиссы неизбежны, а компромисс не удовлетворяет никого. Наши рекомендации, с которыми, конечно же, можно спорить и не соглашаться в той части, в которой позволяют факты, предполагают более тщательное изучение изображений насилия в средствах массовой информации, а также некоторые ограничения в сфере порнографии, но ни в коем случае не эротики... Больше нельзя говорить, что данные неоднозначны или слишком противоречивы, чтобы делать какие-либо определенные выводы; данные как раз однозначны и совершенно недвусмысленны...»

Часто заявляют, что любые попытки контроля над средствами массовой информации влекут за собой цензуру и, следовательно, запрет на свободу слова и свободу выражения. Мы сами являемся приверженными сторонниками свободы слова, но нас этот аргумент не убеждает. Вполне справедливо, что запрещено законом подстрекательство к расовому насилию. Если бы в Веймарской республике в тот период, когда «Штюрмер» публиковал свои выпады против евреев, существовали такие законы, мало кто захотел бы выступать против них под предлогом защиты свободы слова. Почему же тогда мы должны иначе относиться к неприкрытому и явно эффективному подстрекательству к насилию над женщинами? Свобода — да, распущенность — нет. Подстрекательство к насилию любого рода несовместимо с основанным на соблюдении законов демократическим государством и не может быть оправдано под предлогом защиты свободы слова или свободы выражения.

Конечно, необходимо провести еще немало честных и добросовестных исследований, но мы сомневаемся, что конечный результат будет намного отличаться от того, который получен на основе уже проведенных работ. И самое важное, нельзя позволить заинтересованным сторонам мутить воду своими утверждениями о том, что результаты противоречивы, методы неадекватны или заключения спорны. Слишком много людей согласны в своем мнении относительно природы такой критики и уверены в надежности хорошо подкрепленных теорий, чтобы подвергать сомнению главные выводы. Общество отвергнет их дорогой для себя ценой.

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ

Одна из первых попыток выйти за узкие границы лабораторных исследований в надежде на новые открытия была предпринята в самом конце прошлого века немецким психологом Хуго Мюнстербергом. Он заинтересовался тем, насколько психология приложима к даче показаний в суде, и именно его работа впервые вскрыла то, что свидетельские показания зачастую оказываются очень ненадежными. Мюнстерберга беспокоила возможность того, что невинные люди получают тюремный срок исключительно на основе показаний одного или нескольких свидетелей, которых могла подвести память.

Несколько случаев, очевидно, ошибочного опознания были рассмотрены недавно в британском телевизионном сериале «Несовершенное правосудие». В некоторых из этих случаев было убедительно продемонстрировано, что невинные люди были посажены за решетку из-за неточных свидетельских показаний.

Несколько удивляет, если принять во внимание неоценимое значение проделанной работы, что плоды изучения психологами сложностей, сопряженных с показаниями свидетелей, оказали очень мало влияния на критерии рассмотрения свидетельских показаний в качестве доказательств. Мы считаем, что психологи могли бы оказать неоценимую помощь. Как бы то ни было, в своем докладе о свидетельских показаниях в судебных слушаниях, опубликованном в 1976 году, Девлин рассматривал то, насколько психологические исследования проливают свет на такие проблемы: «Нам было продемонстрировано, что между академическими исследованиями возможностей человеческого интеллекта и требованиями судебной практики существует пропасть и что еще не достигнут тот этап, когда заключения психологических исследований достаточно широко приняты в обществе или приспособлены к потребностям судебной системы, чтобы они стали основанием для изменений судебной практики». Даже сегодня судебная система продолжает приводить аргументы из доклада Девлина.

Активная память

Давайте рассмотрим природу процессов восприятия и памяти, которые являются основой свидетельских показаний. Принято думать, что восприятие и память представляют собой процессы копирования, другими словами, что человеческий мозг обращается с богатством чувственной информации, поступающей в него из внешнего мира, так же, как магнитофоны и кинокамеры, которые выдают записи звуков и визуальных событий, способные сохраняться в неизменном виде максимально длительное время. Потому неспособность свидетеля припомнить детали произошедшего могут относить на счет его нежелания или недостаточных усилий. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что это взгляд многих, если не большинства тех, кто работает в судебной сфере.

Однако большинство психологов считает, что крайне ошибочно рассматривать восприятие и память как простые копии внешнего мира. Они склонны рассматривать восприятие как активный и творческий процесс, зависящий не только от идущей из внешнего мира информации, но и личностных установок, убеждений и мотивов.

Наиболее очевидное следствие этой теории заключается в том, что нередко вероятны систематические, хотя и не сознательные, искажения восприятия. На бытовом уровне представление о том, что люди часто видят то, что хотят увидеть, а не то, что происходит в действительности, может находить подтверждение каждую субботу во время футбольного матча. Назначение пенальти в пользу одной команды воспринимается как справедливое и оправданное болельщиками этой команды, но как вопиющая несправедливость болельщиками другой команды. В рефери видят либо замечательного судью, либо недоноска, заслуживающего того, чтобы его отправили «на мыло»!

Контрольный эксперимент: искажение фактов

Элизабет Лофтус и Джон Пальмер из Вашингтонского университета захотели выяснить, может ли память свидетелей также подвергаться искажениям информацией, получаемой после происшествия или преступления. Чтобы исследовать этот вопрос, они провели два эксперимента. В первом эксперименте испытуемым показывали семь разных фильмов, в ка-

ждом из которых демонстрировалась дорожно-транспортная авария, а затем предлагали ответить на несколько вопросов о каждом из происшествий. Те, кому был задан вопрос: «С какой скоростью ехали машины, когда они врезались друг в друга?», — регулярно оценивали скорость машин как более высокую, чем те, кому задавался тот же вопрос, но с заменой слова «врезались» словами «столкнулись», «соприкоснулись», «ударились» или «наехали». В самом деле, в среднем скорость оценивалась примерно на 10 миль в час выше, когда использовалось слово «врезались», чем когда использовалось слово «соприкоснулись». Реальная же скорость движения машин почти не имела никакого значения для оценки скорости. Средняя оценка составляла 38 миль в час, когда машины сталкивались со скоростью в 40 миль в час, и 38 миль в час, когда машины сталкивались со скоростью 20 миль в час!

Эти результаты ясно показывают, что наша память на события довольно неустойчива и подвержена искажениям. Еще более убедительные свидетельства этому были получены во втором эксперименте, в котором испытуемые просматривали короткую видеозапись дорожной аварии с участием нескольких машин. В этом фильме первая машина выезжала на встречную полосу, что заставило резко затормозить ехавшие ей навстречу машины, а это привело к столкновению пяти машин. В конце фильма испытуемые отвечали на несколько вопросов об этом происшествии. Один из вопросов звучал либо: «Примерно с какой скоростью ехали машины, когда они врезались друг в друга?», либо: «Примерно с какой скоростью ехали машины, когда они ударились друг о друга?» Как и в первоначальном эксперименте, средняя оценка скорости была выше у тех, кто отвечал на вопрос, включавший слово «врезались», чем у тех, кому задавался вопрос со словом «ударились».

Спустя неделю снова отвечали на несколько вопросов о том же самом происшествии, но без повторного просмотра фильма. Один из вопросов звучал так: «Вы видели разбитое стекло?» Из тех, кто за неделю до этого отвечал на вопрос, содержавший слово «врезались», 32 процента ответили утвердительно; только 14 процентов тех, кто отвечал на вопрос, включавший слово «ударились», ответили, что видели разбитое стекло. Поскольку в действительности никакого разбитого стекла не было в происшествии, можно заключить: довольно тонкие нюансы формулировки вопросов могут привести к тому, что свидетели «запомнят» подробности, которых на самом деле не было.

Наложение информации

Как Лофтус и Пальмер объясняли эти результаты? Они объясняли это тем, что в основном память свидетеля имеет дело с двумя видами информации, когда он наблюдает сложное событие вроде происшествия или преступления. Первый вид — это информация, получаемая при восприятии самого события, второй — это внешняя информация, которая входит в память свидетеля впоследствии. По прошествии времени информация из этих двух источников интегрируется в такой степени, что невозможно сказать, из какого источника происходит та или иная подробность. И вместо двух видов информации у нас оказывается одна однородная «память».

Разумеется, что люди, работающие в судебной системе, знают о некоторых из проблем, связанных с формулировкой вопросов, задаваемых свидетелям. Вопросы, которые по своей форме либо по своему содержанию подсказывают свидетелю желаемый ответ или «наводят» его на нужный ответ, называют в суде «наводящими вопросами». В большинстве стран приняты законы, запрещающие такого рода вопросы. В Соединенных Штатах, к примеру, эти законы объединены в сборнике судебных решений Верховного суда от 1973 года.

Но несмотря на такие меры предосторожности, по-прежнему существует очевидная опасность того, что сохранившаяся в хрупкой памяти свидетеля картина события будет систематически искажаться разговорами с другими свидетелями либо полицейским допросом еще задолго до начала судебных слушаний. Внешне незначительные изменения в формулировке вопросов могут оказывать значительное влияние. Возьмем, к примеру, другой эксперимент, проведенный Элизабет Лофтус и Гвидо Дзанни. На этот раз в фильме показывалось небольшое столкновение между мужчиной, выезжавшим задним ходом из узкого прохода между машинами на автостоянке около магазина, и женщиной-пешеходом, которая несла в руке большую сумку с продуктами. После просмотра испытуемых просили ответить на вопросы относительно предметов, которых не было в фильме. Те, кому задавались вопросы, которые явным образом указывали на присутствие данных предметов в фильме («Вы заметили бутылку?»), в три раза чаще отвечали утвердительно, чем те, кому эти же вопросы задавались в менее определенной форме («Вы заметили какую-нибудь бутылку?»).

Перенос одной памяти на другую

В своей последующей исследовательской работе Элизабет Лофтус изучала явление, известное как «неосознанный перенос». Оно наблюдается в тех случаях, когда человека, увиденного за выполнением одного действия, путают с человеком, увиденным за выполнением другого действия. В одном реально произошедшем случае продавца билетов на железнодорожной станции ограбили, угрожая пистолетом. Впоследствии среди подозреваемых он опознал в качестве преступника моряка, но у моряка было твердое алиби.

Позднее выяснилось, что этот моряк покупал у этого человека три раза билеты незадолго до ограбления. Другими словами, продавец билетов ошибочно заключил, что раз лицо моряка ему знакомо, значит, он имеет отношение к ограблению, в то время как в действительности он лишь имел отношение к покупке у него билетов.

В одном из экспериментов, специально посвященных изучению неосознанного переноса, Лофтус предъявляла испытуемым записанный на пленке рассказ о шести студентах колледжа, каждого из которых представляли с помощью наводящего вопроса в соответствующий момент рассказа. Повествование развивалось следующим образом: «Стив Кент схватил тяжелое пресс-папье и бросил его в Фишера, нанеся тому удар по затылку; одним из свидетелей произошедшего был Роберт Диркс». Диркс был представлен с небольшой коричневой шляпой на голове. Примерно через час участников эксперимента спрашивали: «После того как парень в шляпе бросил пресс-папье в Фишера, он убежал?» — либо задавали тот же вопрос, но опуская слова «в шляпе».

Три дня спустя испытуемые попытались выбрать виновного среди шести студентов, представленных слайдами. Пятьдесят восемь процентов тех, кому до этого задавался наводящий вопрос (подразумевавший, что описанный поступок совершил человек в шляпе), выбрали настоящего виновного (Стива Кента); 24 процента выбрали человека в шляпе. Восемьдесят процентов тех, кому был задан честный вопрос, правильно опознали виновного, и только 6 процентов выбрали человека в шляпе. Вывод, следующий из этого эксперимента, не может не вызывать тревоги: наводящие вопросы довольно легко могут подтолкнуть свидетеля к тому, чтобы обвинить невинного человека в том, чего он не совершал.

На месте преступления

То, что восприятие сложного события вроде преступления может быть подвержено влиянию имеющихся у свидетеля знаний и опыта, равно как и его установок, убеждений, ожиданий и мотивов, было ясно продемонстрировано в 20-х годах Гордоном Оллпортом из Гарвардского университета. Он попросил испытуемых взглянуть на рисунок, изображавший нескольких людей в вагоне подземки. Рисунок включал чернокожего человека и белого человека, стоящих рядом друг с другом. Несмотря на тот факт, что именно белый человек держал в руках бритву, почти 50 процентов испытуемых сказали, что они увидели чернокожего человека, держащего в руках бритву. В то время бритва рассматривалась многими белыми американцами как стереотипный символ насилия чернокожих. По-видимому, именно это распространенное предубеждение и вызвало искажение памяти о событии.

Очевидный вывод, следовавший из исследования Оллпорта, состоял в том, что люди склонны видеть то, что они ожидают увидеть. К настоящему времени это было продемонстрировано уже много раз. Два видных американских исследователя, Джером С. Брунер и Лео Постман из Гарвардского университета, показывали испытуемым колоду игральных карт в течение нескольких секунд, а затем просили их сообщить, сколько пиковых тузов они увидели. Большинство людей сказали, что они видели три туза «пик». На самом деле в колоде было пять тузов, но два из них были красного цвета. И в этом случае прошлый опыт исказил процесс восприятия.

Имеются ли другие причины, кроме искажающего влияния прошлого опыта и предубеждений, считать, что свидетели нередко превратно воспринимают события? На первый взгляд кажется, что нет. В конце концов, люди с поразительной памятью на визуальные события нередко фигурируют в лабораторных исследованиях. В одном американском исследовании было обнаружено, что испытуемые могли распознавать 90 процентов фотографий с изображениями незнакомых полотен, мест и событий из огромного набора в 2500 фотографий, показанных в течение всего нескольких секунд каждая. Даже когда испытуемым предъявляли 10 000 фотографий, по-прежнему правильно опознавалось 86 процентов фотографий.

Но в отличие от этих лабораторных исследований инсценируемые события, когда актеры разыгрывают кражу кошелька, нападение на человека и так далее, порой дают очень тре-

вожную картину памяти наблюдателей. Почему наблюдается столь большое различие в результатах? Ответ заключается в том, что совершенно различны обстоятельства. Испытуемые в лаборатории знают, что искать, знают, что будет предъявлено. Свидетели преступления оказываются застигнутыми врасплох и нередко по вполне естественным причинам больше озабочены своей собственной безопасностью, чем запоминанием номерного знака машины грабителей.

Часто из виду выпускается то, что люди склонны обращать больше внимания на те аспекты события или особенности человека, которые они находят интересными. В повседневной жизни женщины всегда замечают, если какие-то детали наряда другой женщины не сочетаются между собой или если у женщины накладные ресницы, в то время как мужчины замечают, встречая по пути мистера Смита, что он купил новую машину или газонокосилку. Питер Пауэрс из Вашингтонского университета исследовал этот феномен. Испытуемым продемонстрировали слайды, на которых мужчина и женщина шли по автостоянке и замечали двух людей, которые, видимо, дрались друг с другом. Мужчина бросался, чтобы остановить потасовку, а женщина бежала к телефону, чтобы вызвать помощь. Женщины-испытуемые более точно, чем мужчины, припоминали детали того, как выглядела женщина и что она делала, в то время как мужчины-испытуемые точнее описывали мужчину и стоявшую рядом с ним машину.

Влияние страха на память было исследовано на основе изучения показаний свидетелей, записанных полицейскими спустя несколько минут после прибытия на место происшествия. Типичные показания передают общее впечатление о преступнике, но лишены таких специфических черт, как цвет волос или глаз. В целом полицейским удается получить менее подробные описания в связи с более страшными преступлениями (изнасилование, физическое нападение), чем в связи с другими преступлениями (кража). Независимо от вида преступления жертвы, не пострадавшие физически, дают более подробные описания преступников, чем физически пострадавшие жертвы.

Нередко говорится, что представители другой расы «выглядят на одно лицо», и отчасти этому находится свое подтверждение. Белые свидетели с гораздо большей точностью опознают белые лица, чем чернокожие. Однако чернокожие свидетели демонстрируют равную точность при опознании и белых, и чернокожих лиц. Разумеется, верно также и то, что представителей некоторых рас легче запомнить из-за их яркого отличия от остальных. В действительности именно необычные черты лица мы запоминаем лучше всего.

Разумно предположить, что свидетели будут обращать меньше внимания на тривиальные преступления, чем на серьезные преступления. В одном эксперименте на глазах очевидцев была инсценирована кража вещи; одни считали, что ее стоимость не превышает 1 фунта, другие считали, что она стоит около 25 фунтов. Пятьдесят шесть процентов тех, кто считал, что украденная вещь стоила 25 фунтов, правильно указали человека на фотографии, помещенной среди шести фотографий разных людей, по сравнению с 19 процентами тех, кто считал, что вещь сравнительно недорогая. Однако свидетели, видевшие кражу дорогой вещи, продемонстрировали худшее припоминание различных физических характеристик вора, чем те, кто считал, что они видели кражу недорогой вещи. Когда очевидцы считают, что совершается серьезное преступление, они обращают свое внимание на какой-то один визуальный аспект преступления (то есть на черты лица преступника). Таким образом, вероятно, несправедлива попытка лишить ценности все показания свидетеля во время перекрестного допроса путем демонстрации уязвимости его памяти.

Процедура опознания

Решающая проверка свидетельских показаний — это когда свидетель сталкивается лицом к лицу с подозреваемым, вживую во время процедуры опознания либо среди набора фотографий или полицейских снимков. Важно, чтобы люди, включенные в число опознаваемых или фигурирующие на фотографиях, имели общее сходство с подозреваемым. Если хорошо известно, что преступник — белый и очень высокого роста, абсурдно проводить опознание, помещая высокого белого мужчину в ряд с несколькими низкорослыми чернокожими.

Есть несколько реальных примеров такого пристрастного отношения. Вспомним дело черной активистки Анджелы Дэвис в 60-х годах. Набор из девяти фотографий, использовавшийся для проведения опознания, включал три фотографии обвиняемой, снятой на митинге, два полицейских снимка других женщин с табличками на груди, на которых были указаны их имена, фотографию 55-летней женщины и так далее.

Любой свидетель тотчас мог бы отбраковать большинство из этих девяти фотографий как смехотворный выбор. Вероятность выбора одной из фотографий Анджелы Дэвис, таким образом, составляла по меньшей мере 75 процентов!

По мнению Роберта Бакхаута, одно из проявлений пристрастности при использовании полицейских снимков — это

косвенный намек на то, что свидетели обязаны выбрать подозреваемого. Другими словами, существует социальное давление, заставляющее «сотрудничать» с полицией. Бакхаут инсценировал акт физического насилия на территории студенческого городка Калифорнийского университета, в котором расстроенный студент «напал» на профессора на глазах у 141 свидетеля. Другой человек того же возраста, что и студент, присутствовал при этом. После происшествия свидетелей попросили выбрать фотографию напавшего студента среди шести фотографий; в беспристрастном случае использовались одинаковые фотографии всех подозреваемых, в то время как в предвзятом случае нападавший в отличие от всех был снят в профиль и с хмурым выражением лица. Инструкции, которые давались при этом свидетелям, были либо беспристрастными («Вы узнаете кого-нибудь из этих людей?»), либо пристрастными («Виновный на одной из этих фотографий»).

Оба проявления пристрастности отношения оказали влияние на результаты опознания. Больше свидетелей выбрали фотографию виновного при пристрастном, чем беспристрастном отношении со стороны тех, кто проводил опознание, и они также были более уверены, что выбрали именно того человека. Сочетание предвзятых фотографий и предвзятых инструкций привело к тому, что более 60 процентов выбрали виновного. Только 40 процентов правильно опознали виновного при непредвзятой процедуре опознания.

Очевидно, что не может не беспокоить, что то, как проводится процедура опознания, может оказывать столь сильное влияние на кажущуюся точность, с которой свидетели помнят события. Также беспокоит то, что 25 процентов всех свидетелей происшествия (включая подвергшегося нападению профессора) ошибочно опознали в качестве нападавшего невинного наблюдателя, чья фотография также была включена в набор фотографий для опознания (подозреваемый номер 2).

В своих дальнейших исследованиях Бакхаут очень ясно показал, что свидетели обычно готовы опознать кого-нибудь, возможно, потому, что они чувствуют, что в противном случае они впустую потратили бы чье-то время. Пятьдесят два студента стали свидетелями кражи кошелька в аудитории, а затем участвовали в двух процедурах «живого» опознания. Во время одного дознания среди опознаваемых находился вор, а во время другого — человек, похожий на него. Восемьдесят процентов свидетелей выбрали подозреваемого, хотя большинство из них — ошибочно. Четырнадцать свидетелей правильно опознали виновного во время одной процедуры, но поло-

вина из них не остановились на этом и опознали человека, который был похож на виновного, во время второй процедуры опознания. Еще семь свидетелей выбрали только человека, похожего на виновного, 18 выбрали невиновного человека, который даже не был похож на виновного, а три свидетеля пошли еще дальше и выбрали двух невиновных людей, ни тот, ни другой из которых не был похож на виновного.

Одна из проблем, связанная с опознанием по полицейским снимкам, заключается в том, что мы склонны помнить какую-то информацию лучше, чем другую. Например, всем нам знакома ситуация, когда мы чувствуем, что уже видели человека, но не можем вспомнить где. Это обычно случается, когда мы привыкли видеть человека в одной обстановке, а затем видим его в другом окружении. Звезды экрана, посещающие магазины, или глава крупной компании, посещающий квартал публичных домов, дают нам яркие примеры этого феномена. В другом эксперименте студентам предъявляли 25 фотографий людей, снятых в одной комнате, а спустя два часа — еще 25 фотографий, сделанных в комнате, полностью отличавшейся от первой. В последующем тесте лица на фотографиях были правильно опознаны в 96 процентах случаев, но большинство испытуемых не смогли более или менее точно вспомнить, в какой комнате они видели эти лица. Эта неспособность припоминать обстоятельства, при которых видели лицо, может обернуться особенно серьезными проблемами, если свидетель преступления встречал одного из подозреваемых при других обстоятельствах.

На результаты опознания по полицейским снимкам также оказывается влияние, если подозреваемые выглядят так, как они выглядели в момент преступления. В одном британском исследовании был правильно опознан 91 процент лиц, когда для опознания эти лица предъявлялись в том же виде, как и при ознакомлении. Однако результаты правильного опознания снизились до 82 процентов, когда были изменены поза и выражение лица, и упали до 45 процентов, когда была проведена маскировка лиц (добавление или устранение бороды или очков, изменение прически). Ясно, что преступники, прибегающие к использованию накладной бороды и темных очков, обладают интуитивным знанием принципов психологии человека.

Полиция часто использует «живое» опознание в добавление к фотокарточкам, чтобы получить надежный результат. При этом, однако, могут случаться очень неприятные казусы. В одном исследовании было инсценировано преступление, после чего свидетелям показали набор фотографий, а

затем провели «живое» опознание. Главным результатом эксперимента оказалось то, что любой человек, увиденный на одной из фотографий, рисковал быть опознанным в качестве преступника во время процедуры «живого» опознания! «Преступники» опознавались 65 процентами свидетелей, если они были на одной из фотографий, но только 51 процентом, если свидетели видели их впервые во время процедуры опознания. Невинные люди, увиденные раньше на одной из предъявленных фотографий, были ошибочно опознаны во время процедуры опознания в качестве преступников в 20 процентах случаев по сравнению с 8 процентами, когда их не видели до этого на фотографии. Ясно, что столь высокий процент ошибочного опознания (20 процентов) гораздо выше, чем могла бы себе позволить любая разумная система правосудия.

Наконец, еще одна потенциальная проблема — это проблема неосознанной (или сознательной) предвзятости, вызванной действиями полицейских при проведении процедуры опознания (как с помощью фотографий, так и «вживую»). Если полицейский знает, кто является главным подозреваемым, он может сообщить это знание свидетелю посредством тонких изменений выражений лица, когда свидетель смотрит на этого человека. Давно уже выяснено, что такого рода пристрастие влияет на поведение крыс. Студенты, которым сообщали, что им дали умных крыс, обнаруживали, что их крысы пробегают через лабиринты быстрее, чем крысы других студентов, которым было сказано, что им дали глупых крыс, при том что крыс выбирали случайным образом. Вполне вероятно, что люди даже более восприимчивы, чем крысы, к намекам человека, проводящего эксперимент.

Свидетельские показания: хрупкие, но необходимые

Многие психологи, изучавшие свидетельские показания и обнаружившие, что они могут быть очень ненадежными, отмечали, что большое доверие со стороны суда к показаниям свидетелей очень опасно. Однако если бы мы отказались от свидетельских показаний вообще, оказалось бы невозможно невиновному человеку доказать свое алиби.

Психологи также склонны считать — не приводя при этом убедительных доказательств, — что судьи и присяжные слишком полагаются на показания свидетелей. В действительности есть основания считать, что свидетельские показания не столь ненадежны, как полагают психологи. В целом ряде

аспектов инсценированные преступления существенно отличаются от реальных преступлений. Участники экспериментов почти всегда знают, что «преступление» было инсценировано, к тому времени, как начинается процедура опознания, а потому, вероятно, не столь озабочены тем, что могут указать на невиновного человека. В реальной жизни преступники нередко имеют отличительные черты, но в экспериментальных исследованиях ученые часто предпринимают все меры предосторожности, чтобы «преступник» не имел отличающих его черт. Наконец, в то время как полиция обычно сосредотачивает свое внимание на тех свидетелях, которые заявляют, что, вероятно, смогут опознать преступника, исследователи почти всегда просят принять участие в процедуре опознания всех свидетелей. Все эти отличия могут означать, что свидетели преступлений в реальной жизни не столь склонны к допущению ошибок, как иногда думают.

Хотя, вероятно, нет никакой возможности заставить свидетелей обращать больше внимания на важные подробности во время совершения преступления, возможно улучшение их способности припоминать важную информацию с помощью гипноза. При расследовании одного из преступлений полицейское управление Калифорнии подвергло гипнозу 55-летнего водителя школьного автобуса, который был захвачен, а находившиеся в нем 26 детей взяты в заложники. Когда водитель отвечал на вопросы полиции вскоре после происшествия, он вспомнил очень мало о грузовиках, в которые погрузили детей трое преступников, спрятавших затем детей в каком-то подземном укрытии. Однако под гипнозом он смог дать полиции очень важную информацию в виде последних пяти букв и цифр номерного знака одного из грузовиков.

Гипноз довольно широко используется израильской полицией. В какой-то год они провели 17 арестов на основе свидетельств, полученных под гипнозом. Еще не вполне понятно, почему гипноз позволяет добиваться такого успеха. Впрочем, в обычных условиях мы всегда посвящаем часть нашего внимания (так называемое «свободное внимание») тому, чтобы обследовать окружающую нас обстановку в поисках возможных источников важной информации. Под гипнозом же люди перестают обследовать окружающую обстановку, оставляя все свое внимание для решения требуемой задачи (то есть восстановления подробностей преступления).

Главным направлением повышения надежности свидетельских показаний должно быть предупреждение систематического искажения информации, которой изначально об-

ладает свидетель, последующими событиями. Полицейский допрос должен быть совершенно нейтральным и не должен внушать свидетелю косвенным или прямым образом, что такие-то события действительно имели место. При проведении процедуры опознания, как с помощью фотографий, так и «вживую», человек, отвечающий за проведение опознания, не должен располагать какими-либо сведениями о данном деле; это поможет устранить какую-либо предвзятость. Свидетелям следует настойчиво повторять, что они должны опознавать человека только в том случае, если они уверены, что это именно тот человек; свидетели не должны ощущать никакого давления во время процедуры опознания и не должны чувствовать, что они обязаны кого-нибудь опознать. Наконец, защита должна иметь доступ к видеозаписи процедуры опознания либо к тем фотографиям, которые предъявлялись свидетелю, с тем чтобы она могла убедиться в том, что процедура опознания была проведена беспристрастно.

Вместо заключения

Главная причина психологических исследований свидетельских показаний — выяснение условий, при которых такие показания могут быть надежными. Многие психологи, однако, склонны совершенно отказывать свидетельским показаниям в какой-либо ценности. В действительности свидетельские показания способны давать суду крайне важную информацию, но важно понимать хрупкую природу человеческой памяти. Простой допрос свидетеля, если его не проводить с крайней осторожностью, может вызвать сильнейшие искажения в памяти свидетеля и тем самым практически сделать его показания бесполезными. Точно так же и процедуры опознания должны проводиться совершенно беспристрастным образом, если мы желаем избежать дальнейших искажений памяти свидетеля. Если судебная система станет прислушиваться к психологам и если будут приниматься все разумные меры предосторожности для предупреждения таких искажений, тогда свидетельские показания могли бы стать гораздо более надежным источником доказательств в суде.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

С тех пор как в 1859 году Чарлз Дарвин опубликовал свою теорию эволюции и установил, что люди происходят от низших видов, всем занимающимся науками о человеке приходится принимать в расчет животных предков хомо сапиенса, но не более, чем известному американскому нейрофизиологу П.Д. Макклину. Человеческий мозг отчетливо делится на три части — когда мозг препарируют, их можно увидеть невооруженным глазом, — каждая из которых эволюционировала в разное время нашей долгой человеческой и животной истории. Макклин называет человеческий мозг «триадой», или трехсоставным мозгом.

В основании находится ствол мозга и нижняя его часть, которую Макклин называет «рептильным мозгом». Это наиболее древняя часть нашего мозга с точки зрения эволюции (архикортекс, или старая кора), которую мы унаследовали от древних пресмыкающихся. Над ним располагается, прикрывая его, палеокортекс (древняя кора), или лимбическая система, мозговая структура, сформировавшаяся позже и управляющая выражением эмоций. Над этими двумя структурами, прикрывая их, располагается неокортекс (новая кора), серое вещество, которое в первую очередь отличает нас от наших животных родственников. Именно неокортекс позволяет нам логически рассуждать, пользоваться языком и выходить за тесные границы биологической эволюции. Мы наследуем больше, чем гены, — мы наследуем также культуру. Конечно, эти три части нашего мозга сообщаются между собой, но все они имеют свои самостоятельные функции, и никакая попытка объяснения человеческой природы не может быть успешной без учета этих различий.

Развитие неокортекса сделало возможным совместное функционирование логического мышления и языка, но поскольку они происходят из «отдельной», развившейся позже структуры, логическое мышление и язык имеют незначительную власть над лимбической системой палеокортекса и эмоциями, которыми она управляет. Однако лимбическая система также обладает языком, но это язык павловских рефлексов. Большинство людей наверняка знакомо со знаменитым экс-

периментом Павлова, в котором он приучил собак вырабатывать слюну на звук колокольчика, подкрепляя это едой; после нескольких таких подкреплений собаки стали вырабатывать слюну на звук колокольчика даже в том случае, когда за этим не следовала еда. О важном значении эксперимента Павлова нередко забывают. Эксперимент был важен тем, что он показал — эмоции и физические реакции могут вырабатываться одинаковым способом. Именно это делает теорию условных рефлексов столь важной для управления человеческим поведением, в особенности для исправления преступников. В действительности можно даже говорить о том, что адекватная теория преступности, подобно адекватной теории невроза, в значительной степени определяется экспериментами Павлова по выработке условных рефлексов. Но давайте сначала кратко упомянем две альтернативные теории, ни одна из которых, по нашему глубокому убеждению, в действительности не объясняет природы преступного поведения.

Социологический и психоаналитический подход

Социологическая теория связывает преступность с такими факторами, как бедность, несправедливое распределение экономических благ, капитализм, плохие жилищные условия и так далее. В последние 40 лет эти факторы становятся слабее в большинстве европейских стран и в Соединенных Штатах. В то же время наблюдается снижение общего богатства тех 10 процентов населения, находящихся на вершине социальной лестницы. В Европе и Соединенных Штатах наблюдается более справедливое распределение экономических благ, лучшие жилищные условия и более высокий уровень жизни. Если исходить из социологической теории, тогда преступность должна была бы снизиться. В действительности же факты красноречиво свидетельствуют об ее увеличении, а в некоторых случаях даже о многократном. Очевидно, что это опровергает представление о том, что причиной преступлений являются плохие экономические условия. Теории, претендующие на истинное объяснение причин, должны точно прогнозировать последствия.

Психоаналитическая теория рассматривает преступное поведение как подвид невротического поведения, вызываемый детскими комплексами и излечимый с помощью психоаналитических сеансов. Мы упомянем только два исследования, которые противоречат этой гипотезе. В первом исследовании

большая группа юных потенциальных преступников в Бостоне, штат Массачусетс, была наобум разделена на две группы. Экспериментальная группа получала психоаналитическое лечение и консультирование, а контрольная группа не получала такого лечения. Надежды связывались с тем, что психоаналитические сеансы окажут профилактическое действие. Однако после того как спустя 30 лет подвели окончательные итоги, все оказалось совершенно не так, как предсказывала теория. Полученные результаты говорили в пользу контрольной группы: группа, прошедшая курс психоаналитического лечения, совершила больше преступлений, чем контрольная группа.

Сходным образом поступили в тюрьме в Грендоне в Англии, в которой решили проводить курс психотерапии заключенных в психоаналитических традициях. Затем сравнили уровень рецидивизма в Грендоне с уровнем рецидивизма в типичной тюрьме старого типа (в Оксфорде). Уровень рецидивизма был совершенно одинаковым как в группе, проходившей психоаналитическое лечение, так и в контрольной группе. И имеется еще немало таких свидетельств, говорящих о том, что психоаналитическая интерпретация преступности не отвечает действительности, а психоаналитическое лечение бесполезно для изменения поведения преступника.

Имеет ли преступное поведение рефлекторную основу?

Рефлекторная теория преступности, однако, гораздо лучше согласуется с фактами. Из соображений краткости мы изложили теорию гораздо более догматично, чем нам бы хотелось, а для ознакомления с подробным ее изложением мы отсылаем читателя к книге Г. Айзенка «Преступление и личность». Первое, что нужно заметить, — это то, что моральное поведение не является результатом рациональных решений и мало управляется рассудком.

Очень немногие из тех, кто совершает преступления, попадают на скамью подсудимых и оказываются в тюрьме — это широко известный факт. Любой, кто строит свою жизнь на исключительно рациональной основе, может выбрать жизнь преступника, поскольку она скорее приблизит его к материальному благополучию, чем жизнь праведника. Потому возникает законный вопрос: почему сравнительно мало людей совершает преступления, когда вознаграждение так очевидно и столь незамедлительно, а вероятность наказания столь невелика? Ответ, мы полагаем, заключается в понятии «совесть», воспринимаемом не как религиозный механизм, встроенный



Диаграмма 1. Исследование показало, что две группы заключеенных — одна в традиционной тюрьме, другая в тюрьме, в которой была доступна психоаналитическая терапия, — не отличались между собой с точки зрения количества повторных заключений в последующие четыре года после освобождения.

в человека богом, а скорее как условный рефлекс, сформированный путем длительной выработки и закрепления (как в экспериментах Павлова). Обратимся к событиям, которые сопровождают детство ребенка. Он плохо себя ведет, он эгоистичен и не желает считаться с другими. Когда он ведет себя таким образом, его наказывают родители, учителя, сверстники или тот, кто оказывается в этот момент рядом. Такое наказание — выражается ли оно в том, что ребенок получает подзатыльник, стоит в углу, ложится спать без ужина, — болезненно и неприятно. Таким образом, у нас оказывается цепочка связанных между собой событий. Сначала условный стимул — звук колокольчика в эксперименте Павлова, а в случае с ребенком намерение совершить антисоциальное действие или фактическое его осуществление. Безусловным стимулом — в эксперименте Павлова соответствует появлению еды — является наказание, получаемое ребенком от родителей, учителей или сверстников. Безусловной реакцией — в эксперименте Павлова соответствует слюноотделению у собак — является боль, нервное возбуждение и страх, которые вызывает в ребенке наказание. Согласно теории Павлова, условный стимул после нескольких подкреплений должен начать связываться с безусловной реакцией, так что через некоторое время антисо-

циальное намерение или поведение должны начать ассоциироваться в сознании ребенка с беспокойством, обычно вызываемым наказанием. Это беспокойство, возникающее в связи с намерением совершить какое-либо антисоциальное действие, мы и называем «совестью», которая эффективно удерживает большинство людей от совершения антисоциальных и преступных действий, даже если они сулят большую выгоду, а вероятность наказания очень мала.

Для многих людей это изложение может показаться слишком преувеличивающим значение вырабатываемых рефлексов, и они могут отвергнуть эту теорию на этих основаниях. Однако имеются экспериментальные свидетельства того, что условные реакции — чрезвычайно сильное средство выработки социально положительного поведения. У нас, к примеру, есть работа Р.Л. Соломона и его коллег, которая была выполнена как на примере щенков, так и на примере детей. Здесь мы только кратко расскажем об их работе со щенками, однако результаты, полученные в эксперименте с детьми, одинаково впечатляют.

От щенков к людям

Это, разумеется, только пример теории совести. Накоплен огромный экспериментальный материал, который указывает на то, что эта теория, по крайней мере, на правильном направлении. Это предполагает две вещи. Первое — то, что причина огромного увеличения уровня преступности после Второй мировой войны, возможно, состоит в том, что общая атмосфера вседозволенности в последние 40 лет сократила число таких событий в жизни детей, которые способствуют формированию совести. Другими словами, объем социального воздействия значительно уменьшился. Это автоматически ослабило совесть ребенка и сделало его гораздо менее устойчивым в моральном отношении, чем были его довоенные сверстники. Здесь также имеется богатый эмпирический материал, подкрепляющий эту гипотезу. По-видимому, нет сомнений, что школы, проповедующие больший либерализм, имеют более высокие показатели преступности среди учеников, чем школы, в которых исповедуют более традиционные и строгие принципы воспитания детей. У нас нет места для того, чтобы приводить здесь все эксперименты и исследования в поддержку этого взгляда.

Второе — то, что теорию совести можно использовать для исправления преступников, будь то дети, молодые люди или взрослые. Она указывает способы, которыми можно добиться изменения их поведения с тем, чтобы они стали нормальными человеческими существами с нормальной совестью. Здесь требуется не психоаналитическое лечение несуществующих комплексов и неврозов, не апелляция к разуму и «лучшей природе» преступников. Необходимо просто восполнить упущенные при их воспитании возможности, а именно требуется необходимое количество событий, вызывающих формирование социально положительных условных реакций.

Символические накопления

Существует много способов, которыми можно добиться выработки новых рефлексов взамен старых, и один из них — «символические накопления». Это понятие было впервые введено английским специалистом по исправительным учреждениям, чья работа была выполнена столетие тому назад, — Маконоки с острова Норфолк. Остров Норфолк являлся в то время исправительной колонией у берегов Австралии, куда ссылались все наиболее опасные преступники Англии. Когда Маконоки прибыл туда, он обнаружил, что обращение с заключенными было бесчеловечным и жестоким. Никакого перевоспитывающего влияния исправительная колония не оказывала, напротив, имела устойчиво высокие показатели рецидивизма.

Маконоки ввел систему очков, которые заключенные могли получить, упорно работая, воздерживаясь от драк и общим примерным поведением; наказанием являлось отбирание очков. Довольно скоро влияние нового порядка стало очень заметным. Заключенные начали вести себя гораздо лучше, чем раньше, когда их жестоко наказывали. Столь же заметно было влияние новой системы на рецидивизм. По всеобщим утверждениям (даже критиков), Маконоки, очевидно, удалось внушить своим заключенным представление о социально приемлемом поведении, которому они следовали и по выходе из заключения. К сожалению, его усилиям по преобразованию тюремной системы постоянно чинились препоны и наконец был положен конец министерством внутренних дел Великобритании, который в конце концов освободил его от занимаемой должности.

В более близкие к нам времена подобный метод исправления преступников был испробован на многих разных группах, главным образом на несовершеннолетних преступниках, американскими психологами. Разумеется, пока трудно говорить о результатах с полной уверенностью, поскольку потребуются еще многие годы наблюдений, чтобы узнать, насколько успешными были эти попытки. Как бы то ни было, уже сейчас можно говорить о том, что подобные методы при правильном применении могут снижать уровень рецидивизма у юных преступников примерно на 50 процентов в течение более трех лет после освобождения из тюрьмы. Это, конечно, далеко от полного успеха, но если бы количество заключенных во всех тюрьмах и исправительных колониях удалось бы сократить наполовину, одна экономия денежных средств уже оправдала бы все предприятие.

В последнее время исследователи предпочитают не проводить подобные опыты в таких учреждениях, как исправительные колонии или тюрьмы, по той простой причине, что в учреждениях группы сверстников демонстрируют активное неприятие каких-либо воспитательных попыток по отношению к ним. В такой обстановке все попытки по перевоспитанию только усиливают и закрепляют криминальные наклонности заключенных. По-видимому, нет сомнений в огромных плюсах процесса снятия институциональных ограничений. Это к тому же гораздо дешевле. В нескольких экспериментах, проведенных в Соединенных Штатах, было обнаружено, что новые психологические методы исправления преступников, применяемые вне стен исправительных учреждений, не только стоят всего лишь одну треть от стоимости традиционных мер перевоспитания, но и оказываются гораздо более эффективными с точки зрения профилактики рецидивизма. Несмотря на это, европейские страны не проявляют большого интереса к этим инновациям.

Мы не хотим преувеличивать достигнутые в этой области исследований успехи. Возможно, что разработанные методы применимы не ко всем типам заключенных. Возможно, методы, показавшие себя эффективными в Америке, окажутся малоэффективными в Великобритании или Германии. Мы, однако, предлагаем, чтобы небольшие пробные эксперименты такого рода теперь были проведены с подходящими правонарушителями, в особенности несовершеннолетними, чтобы проверить эти методы и посмотреть, в какой мере достижения наших американских коллег мы можем использовать и в других странах.

Существует ли криминальный тип личности?

В картине преступности, которую мы нарисовали, отсутствуют некоторые важные черты. Первая из них связана с проблемой личности. Мы нередко считаем, что для преступников характерны определенные черты личности, и теперь имеются убедительные свидетельства в поддержку этого взгляда.

Во-вторых, разные люди имеют разные предрасположения с точки зрения формирования условных рефлексов. Павлов наблюдал это на собаках. У одних собак связь между колокольчиком и слюноотделением формировалась уже после нескольких подкреплений, в то время как для других требовалось 100, 200 или даже 300 подкреплений, прежде чем формировался соответствующий условный рефлекс.

Теория указывает, а многие эксперименты демонстрируют, что у интровертов условные рефлексы формируются гораздо быстрее, чем у экстравертов. Люди, отличающиеся общительностью, импульсивностью, легкомысленностью и несдержанностью в своем поведении, с большим трудом поддаются такому воспитанию.

Диаграмма 2 показывает результаты эксперимента, проведенного с целью выявления таких различий между интровертами и экстравертами, и иллюстрирует заметную разницу между ними. Эксперимент использовал мигательный рефлекс, то есть реакцию века, на струю воздуха, направленную на роговицу. Испытуемые надевали защитные очки, в которых было проделано отверстие, соединенное при помощи резинового шланга с внешним источником воздуха; затем на роговицу направляли через шланг струю воздуха. Условным стимулом являлся тон, менявшийся в наушниках, а эксперимент состоял в измерении миганий в ответ на тон. Вначале не было никакой реакции, но когда тон несколько раз подкреплялся струей воздуха, испытуемый постепенно начинал реагировать опусканием века (опускание века в этом случае не является произвольной реакцией; произвольные реакции гораздо медленнее, чем условные, и тем самым могут быть отчетливо дифференцированы от них).

Судя по всему, интроверты заметно быстрее обучаются мигать, чем экстраверты. Другими словами, у них быстрее формируется условный рефлекс. Следовательно, можно ожидать, что экстраверты труднее поддаются такому обучению и в других отношениях, а значит, при прочих равных, в большей степени предрасположены к антисоциальному поведению.

Имеются многочисленные исследования, подтверждающие это, которые демонстрируют одинаковые результаты в отношении школьников, молодых людей и взрослых.

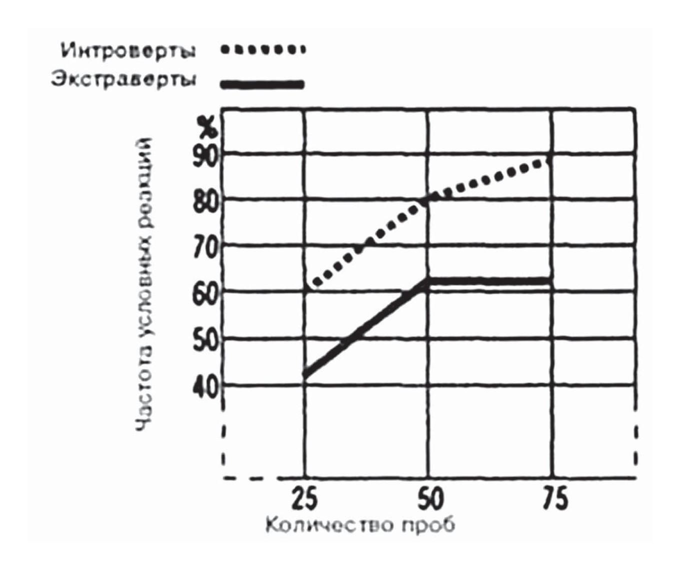


Диаграмма 2. Этот график показывает заметное различие в «обучаемости» условным реакциям между интровертами и экстравертами. Условный раздражитель, смена тона в наушниках, связывался со струей воздуха, направленной на роговицу, провоцируя мигательный рефлекс. После 50 проб частота, с которой мигали экстраверты, оставалась одинаковой, в то время как у интровертов она продолжала увеличиваться.

Другой чертой личности, характерной для преступников и людей, склонных к антисоциальному поведению, является сильная эмоциональность, то есть сверхчувствительность лимбической системы (размещающейся в палеокортексе), которая контролирует выражение эмоций. Имеются и другие черты личности, связанные с преступностью, но нет необходимости входить здесь в подробности, чтобы показать, что антисоциальное поведение тесно связано с некоторыми личностными типами.

Эта связь обнаружена не только в Западной Европе и в Соединенных Штатах, но также и в таких восточноевропейских странах, как Венгрия, а также в странах третьего мира, например в Индии. Другими словами, эта связь не является культур-

но зависящей, как хотели бы представить это некоторые критики марксистского толка, она универсальна и распространена повсеместно.

Генетический компонент преступности

Теперь хорошо установлено, что изменения личности, рассматриваемые здесь, глубоко укорены в генетической конституции человека, при этом генетические факторы отвечают примерно за три четверти всех индивидуальных особенностей, в то время как факторы среды отвечают примерно за одну треть. Это красноречиво говорит о том, что преступные наклонности, как и умственные способности, имеют генетический компонент, и действительно факты полностью подтверждают такой взгляд.

Один из источников фактического материала — исследования близнецов (однояйцевых и двуяйцевых). В экспериментах такого рода психологи отправляются в тюрьмы и читают там дела всех заключенных с целью выяснить, есть ли среди них близнецы. Затем они разыскивают другого близнеца, чтобы выяснить, является ли он однояйцевым или двуяйцевым близнецом и привлекался ли он к уголовной ответственности. Поскольку в случае однояйцевых близнецов имеется 100-процентная общность наследственности, в отличие в среднем от всего лишь 50 процентов для двуяйцевых близнецов, от однояйцевых близнецов можно было бы ожидать большего «согласия», чем от двуяйцевых близнецов, если корни преступного поведения уходят в наследственность. Теперь мы имеем более десятка таких исследований, проведенных в разных странах. И общий вывод этих исследований говорит о том, что однояйцевые близнецы примерно в четыре раза чаще демонстрируют «согласие», чем двуяйцевые близнецы. Таким образом, если один из близнецов преступник, вероятность того, что и другой близнец тоже преступник, в четыре раза выше, если он однояйцевый, а не двуяйцевый близнец.

Другим источником фактических свидетельств являются исследования приемных детей. Дети, усыновляемые в раннем детстве, получают свой генетический багаж от своих биологических родителей, а среду от своих приемных родителей. Что из двух сильнее в определении криминальных или некриминальных черт, когда они вырастают? И в этом случае, если судить по проведенным в нескольких странах исследованиям, можно сказать, что генетический компонент гораздо бо-

лее важный. Приемные дети склонны вести себя во многом так же, как и их биологические родители, а не так, как воспитывали их приемные родители. Здесь можно увидеть, что среда и воспитание обладают меньшим влиянием, чем наследственность, однако оба фактора важны и оба играют свою роль в формировании антисоциального поведения. Мы особенно подчеркиваем здесь значение генетических факторов потому, что в последние 50 лет наблюдается тенденция усиливать значение среды и умалять значение генов.

Теперь мы можем понять, почему попытки изменить криминальные наклонности, повлиять на мотивы и поведение преступников и убедить их стать законопослушными гражданами редко когда увенчивались успехом. Существует сильный генетический фактор, действующий на уровне довольно примитивной части нашего мозга (палеокортекса), которая говорит на языке, совершенно отличном от языка рассудочного мышления, который понимает неокортекс (новая кора). Вот почему рациональный подход — апеллирование к разуму и чувству социальной ответственности — так часто терпел неудачу, как потерпели неудачи социологический метод и психоаналитический подход. Если мы хотим добиться успеха, нам придется научиться разговаривать на языке палеокортекса (древней коры) и понять, как применить законы формирования условных рефлексов к проблемам, которые ставит перед нами преступность.

Перевоспитание против наказания

Это крайне сложная задача, но начало уже положено и успех, хотя и ограниченный, уже достигнут. Мы хотим подчеркнуть здесь один важный момент, который часто превратно толкуют. Люди склонны делать поспешный вывод, что теория формирования условных рефлексов, которую мы описали, оправдывает суровые и дикие исправительные меры. Это не так. Очень много известно о влиянии наказания, и самое важное из этого то, что суровое наказание усиливает эмоциональную реакцию врожденного характера преступника и только усугубляет ситуацию. Вспомните, что в эксперименте Соломона со щенками наказание — легкий шлепок свернутой газетой — было очень мягким, столь мягким, что едва ли может рассматриваться наказанием. Только когда используются сравнительно мягкие наказания или вознаграждения при тщательном наблюдении специалистов, достигается желан-

ный эффект. Теория воспитания путем формирования условных рефлексов не оправдывает грубого и жестокого обращения с преступниками, но она и не оправдывает слишком мягкого с ними обращения.

Интерес и практическое значение может представлять еще один вывод эксперимента Соломона со щенками. Формирование у щенков сильной совести с использованием условных рефлексов шло гораздо успешнее, если в роли экспериментатора выступал человек, который до эксперимента кормил их и ухаживал за ними. Другими словами, наличие эмоциональной связи между человеком и животным делало процесс формирования условных рефлексов более эффективным. Это говорит о том, что воспитание совести у детей должно быть скорее задачей родителей, чем кого-либо еще, а наказание должно применяться только на общем фоне любви и эмоционального контакта с ребенком, если мы хотим добиться желанного результата.

С точки зрения профилактики преступности очень важно, чтобы это хорошо понимали все родители. В наш век вседозволенности многие родители увиливают от своей обязанности передать социальное послание нашей культуры своим детям. Только если мы сможем перевоспитать родителей и заставим их признать и выполнять эту свою обязанность, мы сможем предотвратить еще большую деградацию нашей цивилизации.

Советуя родителям, учителям и другим наделенным властью людям необходимость воспитывать у детей совесть путем формирования определенных условных рефлексов, важно держать в голове еще один вывод из эксперимента Соломона.

Он обнаружил, что чрезвычайно важное значение имело время, выбираемое для шлепка газетой. Если шлепок приходился на тот момент, когда щенок пытался приблизиться к вареной конине и до того, как он начинал есть, он оказывал сдерживающее воздействие. В результате щенки переставали пытаться съесть мясо, а этого и пытались добиться во время формирования «совести». Однако если шлепок отпускался позже, после того как они начали есть мясо, результат оказывался совершенно другим. Оставленные без присмотра, щенки приближались к мясу и ели его, но потом у них наблюдались отчетливые признаки испытываемого чувства вины (они избегали экспериментатора, забивались в углы и в целом вели себя так, словно понимали, что провинились). Таким образом, не вовремя примененное наказание или неправильное использование условных рефлексов может, судя по всему, приводить

не столько к предупреждению антисоциального поведения, сколько к чувству вины, а это, разумеется, не тот результат, к которому следует стремиться. Совершенно бессмысленно заставлять людей чувствовать себя виноватыми после того, как ими совершен проступок или преступление. Целью в первую очередь должно быть предупреждение, профилактика антисоциального поведения, недопущение того, чтобы этот проступок или это преступление были совершены.

Проблема ригидного типа личности

Есть еще одна черта личности, которая чрезвычайно важна в связи с антисоциальным поведением и преступностью. Эта черта имеет прямое отношение к психопатическому поведению и характеризуется прежде всего такими особенностями поведения, как эгоцентризм, злобность, агрессивность и эгоистичность; такой тип поведения связан с отсутствием сочувствия и внимания к другим людям, их проблемам, заботам и потребностям, и стремлением удовлетворять свои собственные желания и потребности, не считаясь с другими. Установлено, что эта черта, которую можно было бы назвать «ригидностью» или «косностью» мышления, также наследуется. Можно предположить, что она связана с такой характеристикой, как «мужественность» — у мужчин эта черта наблюдается гораздо чаще, чем у женщин. Это хорошо согласуется с тем, что большинство преступлений совершается мужчинами, что мужчины демонстрируют гораздо больше агрессивности в своем поведении, чем женщины, а также проявляют гораздо большую социальную бесчувственность. Вероятно, ригидное поведение причинным образом связано с выработкой тестостерона в организме (мужского полового гормона). В крайнем своем выражении ригидность мышления ведет к психопатическому поведению и даже психическим расстройствам (главным образом к шизофрении).

Ригидность мышления имеет непосредственное отношение к особенно жестоким преступлениям. Разбой, сексуальное насилие и убийство очень часто связаны с этой чертой личности. А как раз преступления, связанные с насилием, наиболее разрушительны для общества, и именно их число растет быстрее, чем число любых других преступлений, особенно на Западе. Судя по всему, и здесь главным фактором является царящая в обществе атмосфера вседозволенности.

Ригидность мышления также важна с терапевтической точки зрения, поскольку неоднократно было продемонстри-

ровано, что люди с ригидным типом личности гораздо менее восприимчивы к психотерапевтическому и — в действительности — любому другому методу лечения. Можно даже сказать, что степень, в которой поведение человека поддается изменению с помощью того или другого вида социального воздействия, определяется главным образом степенью ригидности мышления данного человека; чем более ригидным он является, тем труднее изменить его поведение или перевоспитать его. Единственный известный способ воздействия на ригидного человека — это воздействие на него с помощью «символических накоплений» (программ перевоспитания с использованием условных рефлексов), или фенотиазинов, или других подобных препаратов, которые временно снижают его ригидность и делают его восприимчивым к лечению. К сожалению, фенотиазины оказывают феминизирующий эффект — у мужчин, длительное время принимающих этот препарат, начинает расти грудь и так далее.

Оправданно ли использование препаратов с целью снижения ригидности заключенного с тем, чтобы сделать его более восприимчивым к курсу психотерапевтического лечения или перевоспитанию с использованием условных рефлексов, — это вопрос морали, который мы не можем обсуждать здесь. Этот вопрос необходимо оставить специалистам в области морали и политикам. В данном случае мы видим свою задачу в том, чтобы изложить факты, а не давать рекомендации.

И последний момент. Было бы большим упрощением считать, что преступники образуют однородную группу или что можно говорить о них обобщенно. В своих исследованиях мы обнаружили, что целый ряд преступлений может совершаться людьми с разными структурами личности. Как мы уже сказали, заключенные с высокой степенью ригидности гораздо более склонны к совершению тяжких преступлений, сопряженных с насилием. Однако убийство в семье — наиболее распространенный вид убийства на Западе, за исключением Америки, — обычно связано с интровертностью. Потенциальные убийцы в этом случае, как правило, достаточно мягкие, интровертированные люди, которые копят в себе ненависть и злобу, пока не происходит взрыв, приводящий к убийству. Напротив, мошенники, втирающиеся к другим в доверие, крайне экстравертированны, но отличаются низким уровнем невротизма и ригидности. Это тоже вполне объяснимо, поскольку в этом случае преступникам очень важно производить хорошее впечатление, а отклонения в поведении, ассоциирующиеся с невротизмом и ригидностью, отпугивали бы их жертв.

Вместо заключения

Метод исправления всегда должен определяться личностью преступника, а это означает, что ни один из рассмотренных здесь методов не может подходить для всех преступников. Общие границы очерчены довольно ясно, однако необходимо еще провести немало детальных исследований, чтобы выяснить, какие методы наилучшим образом подходят для разных типов личности. Помимо особенностей личности при выборе метода большое значение могут иметь возраст и пол преступника.

Впрочем, все имеющиеся на данный момент факты свидетельствуют о том, что традиционные методы практически не дают никакого эффекта, в то же время современная психология дает надежду на то, что могут быть разработаны эффективные методы изменения установок и поведения в направлении, благоприятствующем выживанию общества. Реабилитация преступников не является утопической мечтой или невыполнимой задачей, в наших силах решить эту задачу.

ТЕОРИЯ АЙЗЕНКА: ЛИЧНОСТЬ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Курт Бартол

Покойный Ганс Ю. Айзенк (Hans J. Eysenck and Gudjonsson, 1989) был убежден, что социологическая теория может мало помочь пониманию и искоренению преступности. «Во многих случаях мы не соглашаемся с различными социологическими теориями, которые стали так популярны после Второй мировой войны; мы убеждены, что в своей основе эти теории ошибочны и противоречат истине» (Eysenck and Gudjonsson, 1989, p. 1). Айзенк утверждал, что психологические знания дают ключевые ответы и обеспечивают стратегию для предотвращения преступного поведения. «Мы верим, что психология является основной дисциплиной, которая лежит в основе любых успехов, каких мы можем достичь в предотвращении преступления и перевоспитании преступников» (Eysenck and Gudjonsson, 1989, p. 9). Айзенк не только говорил, что вопрос о преступности разрешим психологическими методами, но и считал, что неврологические особенности личности являются одним из основных факторов, обусловливающих антисоциальное и преступное поведение.

Айзенк (1977) предполагал, что преступное поведение является результатом взаимодействия между определенными условиями окружения и свойствами нервной системы. Он был уверен, что обстоятельная теория преступности должна включать обследование нейрофизиологической структуры и изучение социальной истории каждого человека. Утверждения о том, что преступления вызывают социальные условия, такие как бедность, плохое образование или безработица, так же неточны, как наследственные и биологические объяснения. Преступление нельзя понять только в свете наследственности, но его нельзя объяснить и одними условиями окружения. В своей работе 1973 года (p. 171) Айзенк также предположил, что различные комбинации нейробиологических, личностных факторов и факторов окружения вызывают различные типы преступления (Eysenck & Eysenck, 1970). Такая точка зрения означает, что некоторые личности более восприимчивы к определенным преступлениям, чем другие, — тема, к которой мы вскоре вернемся.

В отличие от большинства современных теорий преступности, в теории Айзенка большое внимание уделяется генетической предрасположенности к антисоциальному и преступному поведению. Айзенк (1996, p. 146) утверждал: «Генетические причины играют важную роль в антисоциальном и преступном поведении. Этот простой факт больше не вызывает сомнения». Важно отметить, что автор теории не считал, что люди рождаются преступниками, скорее, он полагал, что некоторые люди появляются на свет со свойствами нервной системы, значительно отличающимися от свойств нервной системы обычных людей и влияющими на их способности соответствовать социальным ожиданиям и правилам. «Ни само преступление, ни склонность к нему не являются врожденными; это определенные особенности центральной и периферийной нервной системы, которые реагируют на окружающую обстановку, воспитание и другие факторы окружения и повышают вероятность того, что данный человек поведет себя определенным антисоциальным образом» (Eysenck & Gudjonsson, 1989, p. 7). Айзенк выделил особые черты центральной и периферийной нервной системы, от которых зависят особенности личности в целом. Функции нервной системы каждого человека могут быть такими же уникальными, как и личностные характеристики. Рассуждая далее, мы могли бы утверждать, что обладатели некоторых типов нервной системы, похоже, склонны к преступной деятельности из-за своей реактивности, восприимчивости и возбудимости.

На основании опытных работ и статистического анализа Айзенк доказывает, что личности свойственны четыре фактора высшего порядка: один из них — общий интеллект «g» (general intelligence — общее умственное развитие), три остальных фактора это факторы темперамента, а именно экстраверсия (extraversion), нейротизм (neuroticisin) и психотизм (psychoticism). Айзенк был уверен, что фактор способностей влияет на склонность к преступности, но роль его менее важна, чем роль факторов темперамента. Он писал: «Мы можем сделать вывод, что умственное развитие влияет на проявления преступности, но его влияние, возможно, слабее, чем можно было ожидать» (Eysenck and Gudjonsson, 1989, p. 50). Большая часть исследований о преступлении и личности была связана с экстраверсией и нейротизмом, которые составляли основу концепции Айзенка. Айзенк не принимал по внимание психотизм до тех пор, пока ему не потребовалось истолковать некоторые тины поведения, которые невозможно было исчерпывающе объяснить экстраверсией или нейротизмом.



Иллюстрация к оценкам личности Айзенка
по степени невротизма и экстраверсии

Айзенк представлял себе каждый из трех темпераментов или личностных факторов в виде континуума, причем оси нейротизма и экстраверсии пересекаются под прямым углом. Психотизм — это отдельный континуум. Большинство людей попадает на промежуточные или срединные области континуума, на крайних точках люди оказываются очень редко. Степень экстраверсии может меняться от крайней экстраверсии до крайней интроверсии, с областью средних значений, которая называется амбиверсией (ambiversion). В зависимости от того, куда попадает человек на этом пространстве, он может быть экстравертом, интровертом или амбивертом. Континуум нейротизма располагается от полярных уровней нейротизма к состоянию стабильности без среднего уровня. Психотизм варьируется от глубокого расстройства психики (высшая ступень психотизма) до слабого расстройства (низкая ступень психотизма) также без выделения среднего состояния. Считается, что степень экстраверсии отражает основные функции центральной нервной системы (ЦНС), которая состоит из головного и спинного мозга, тогда как степень нейротизма отражает функции периферийной нервной системы (нервные пути за пределами центральной нервной системы). Ни Ай-

зенк, ни другие исследователи не выдвигали мысль о том, что психотизм обусловлен особенностями нервной системы.

Айзенк разработал несколько опросников для личных ответов с целью измерения вышеназванных личностных характеристик; наиболее известны «British Maudsley Personality Inventory» (MPI) и его американские издания «Eysenck Personality Inventory» (EPI) и «Evsenck Personality Questionnaire» («Личностный опросник Айзенка», EPQ). Недавно опубликовано пересмотренное издание «Evsenck Personality Questionnaire Revised» (EPQ R). Опросники помогли ученым изучать как валидность своих работ, так и валидность концепции личности Айзенка. Результаты широко известных исследований подкрепляют теорию Айзенка, однако когда эту теорию стали применять к преступности, подкреплений стало меньше. Далее в данной статье мы рассмотрим некоторые из этих исследований, но после того как подробно ознакомимся с основными концепциями, стоящими за каждым состоянием.

Экстраверсия

Поведенческие характеристики и сфера охвата. Из каждых трех человек двое при измерении экстраверсии демонстрируют «средний» уровень, что исключает их из исследований, основанных на экстраверсии и интроверсии. Приблизительно 16% людей являются экстравертами, еще 16% — интроверты, а оставшиеся (68%) являются амбивертами.

По утверждению Айзенка, типичный экстраверт общителен, импульсивен, оптимистичен, у него большая потребность в активности, ему требуется разнообразная, меняющаяся окружающая обстановка. Экстраверты обычно быстро выходят из себя, легко становятся агрессивными и могут быть ненадежными. Им нравится находиться в окружении людей, устраивать вечеринки, обычно они очень говорливы. Типичный интроверт, наоборот, замкнут, молчалив, осторожен. Он держит свои чувства под контролем и обычно пытается избежать волнений, перемен и особенно общественной деятельности. Интроверты надежны и неагрессивны, их поведение помогает сохранять высокими этические стандарты (Eysenck and Rachman, 1965). Амбивертам свойственны черты как экстравертов, так и интровертов, хотя не в такой степени, как у них.

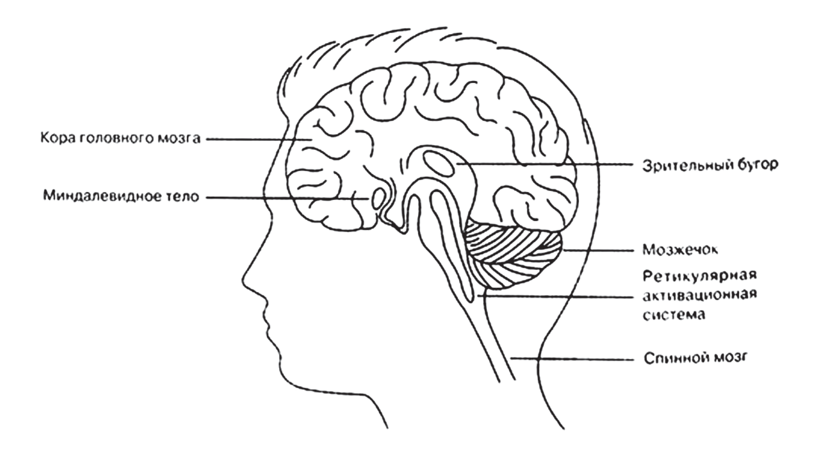
Представьте экстраверсию как континуум, отражающий прогрессирующую потребность в стимуляции, которую можно сравнить с тем, как стимулы влияют на область мозга. Им-

пульс аналогичен вкусу пищи. Некоторые люди почти постоянно едят острую, горячую пищу (например, мексиканская кухня), что сильнее воздействует на их вкусовые центры, тогда как другие выбирают более мягкую пищу (например, макароны с сыром), поскольку им не нравится сильное вкусовое раздражение. Некоторые люди активно ищут стимуляции в других областях жизни: им нравится возбуждающая музыка, беспрестанная суматоха, психотропные лекарства. Айзенк утверждал, что людям с высокой степенью экстраверсии требуется сильная стимуляция от окружения из-за биологического устройства их организма. Если рассматривать оценку их состояния с этой точки зрения, то можно обнаружить, что широко известный термин «extrovert» (обратите внимание на написание) приобретает дополнительное значение. Экстраверты — общительные создания, которым нравится быть среди людей и окунаться в деятельность, потому что это стимулирует их. Следует отметить, что общепринятое употребление слов «экстраверт» и «интроверт» не совпадает с полярной классификацией Айзенка.

Так как у экстравертов более высокая потребность в возбуждении и стимуляции для того, чтобы развеять повседневную скуку, то кажется вероятным, что они могут чаще преступать закон. Они импульсивны, любят шутки, активных людей, которые готовы рисковать и подставлять свои головы. Они любят шутливые проделки и розыгрыши и не упускают возможности проявить нетрадиционное или даже антисоциальное поведение. В интересной работе о бразильских правонарушителях Лабато (Labato, 2000) выявил, что экстраверты при совершении преступления пользуются устрашающим, мощным огнестрельным оружием, тогда как интроверты предпочитают пользоваться менее впечатляющим оружием, например ножами. Некоторые черты нервной системы экстравертов не только заставляют их искать стимуляции, но и мешают усвоить общественные правила и соответствующим образом контролировать свое поведение, что мы вскоре увидим.

Физиологические основы экстраверсии-интроверсии. Айзенк (1967) предположил, что люди различаются по линии экстраверсии–интроверсии из-за генетического различия определенных механизмов в их нервной системе, особенно в сети мельчайших, но очень сложных нейронов, расположенных в центральной части мозгового ствола, которые называются ретикулярной активационной системой. Ретикулярная система действует как страж, который возбуждает и держит в готовности ту часть мозга, которая называется корой головного моз-

га. Все функции высшего порядка — мышление, память, принятие решения — свершаются в коре головного мозга (French, 1957). Ретикулярная система возбуждает кору головного мозга и держит ее готовой к принятию поступающих импульсов. Нервные пути, передающие информацию в кору головного мозга, разветвляются на боковые пути, ведущие к ретикулярной системе. На самом деле эти боковые пути «говорят» ретикулярной системе о готовности мозга к приему входящей информации.



Расположение ретикулярной активационной системы относительно других структур мозга

Айзенк выдвинул мысль о том, что и экстраверты, и интроверты наследуют такую ретикулярную систему, которая управляет возбуждением коры мозга уникальным в своем роде способом, в отличие от ретикулярных систем других людей. Ретикулярная система экстраверта не порождает реакции или возбуждения коры головного мозга. На деле она снижает влияние стимуляции и возбуждающих свойств стимулов до того, как они достигнут коры. Интроверт, с другой стороны, получает в наследство такую ретикулярную систему, которая усиливает входящий стимулирующий импульс, удерживая возбуждение коры головного мозга на относительно высоком уровне. Итак, у экстраверта возбуждение коры подавлено или ищет дополнительной стимуляции, чтобы достичь оптимального возбуждения коры, а у интроверта кора головного мозга перевозбуждена, и он пытается избежать стимуляции. Амби-

верт, который достигает среднего уровня возбуждения, обычно бывает доволен умеренными объемами стимуляции.

Движущей силой поведения человека является желание достичь надлежащего уровня стимуляции или возбуждения коры головного мозга. Слишком сильная стимуляция становится неприятной и даже болезненной, тогда как слишком слабая вызывает скуку и может нагнать сон. Предполагается, что экстраверт из-за тормозящего действия ретикулярной системы нуждается в более высоком уровне стимуляции, чтобы поддерживать надлежащий или оптимальный уровень возбуждения коры головного мозга. Интроверту из-за усиливающего действия ретикулярной системы требуются более низкие уровни стимуляции. Это объясняет традиционное пристрастие экстраверта к острой пище, громкой музыке и предметам, окрашенным в живые, яркие цвета, а также предпочтение интровертом мягкой пищи, тихой музыки и предметов, окрашенных в холодные, темные тона.

Потребность экстраверта в стимуляции хорошо документирована. Как отмечалось выше, повышенная потребность экстравертов искать острых ощущений, по-видимому, скорее приводит их к столкновению с законом. Айзенк предполагал, что у большинства людей, связанных с преступной деятельностью, возбуждение коры головного мозга подавлено и появляется сильное побуждение получить стимуляцию или острые ощущения из окружающей их обстановки. Поэтому они подвергают себя риску, катаются на угнанных автомашинах и занимаются незаконной деятельностью, для которой характерна высокая степень стимуляции. Иными словами, большинство преступников являются экстравертами.

Прежде чем закончить разговор об экстраверсии, давайте отвлечемся и рассмотрим, как на возбуждение коры головного мозга влияет алкоголь. Алкоголь является основным депрессантом центральной нервной системы. Он снижает возбуждение коры головного мозга настолько, что человек может потерять сознание или заснуть. Экстраверты и без алкоголя уже наполовину «готовы», а алкоголь делает их еще менее настороженными. У интроверта алкоголь снижает обычно высокий уровень возбуждения коры головного мозга до такой степени, когда поведение и физиологическое состояние интроверта становятся более похожим на состояние экстраверта. Обычно тихий, сдержанный человек, выпив немного спиртного, может расшуметься или даже пуститься в пляс на кофейном столике. У опьяневшего интроверта появляется уровень возбуждения, характерный для экстраверта, и он начинает искать дополнительной стимуляции.

Айзенк предполагал, что активная, возбужденная кора головного мозга лучше сдерживает активность других отделов головного мозга, чем слабо возбужденная. Поэтому высокое возбуждение коры приводит к подавлению активности, тогда как слабое возбуждение коры позволяет подкорковым областям центральной нервной системы функционировать без ограничения. Алкоголь снижает бдительность коры головного мозга, которая, по-видимому, ослабляет свой контроль над основными подкорковыми областями центральной нервной системы. Это способствует возникновению неуместного, антисоциального поведения, которое в обычном состоянии находится под контролем коры головного мозга. Итак, в представлении Айзенка интроверты под действием алкоголя могут совершить такое, чего никогда не сделали бы в нормальном состоянии. С другой стороны, на экстраверта, который из-за низкого уровня возбуждения коры уже склонен к более несдержанному поведению, действует даже небольшое количество алкоголя. Связь между алкоголем и преступлением очень сильна.

Вы ознакомились с тем, как Айзенк описывает одну из характеристик личности. Далее мы рассмотрим другую характеристику, не менее важную.

Нейротизм

Как и экстраверсия, нейротизм является важным аспектом изучения связи между типом личности и преступлением. Это состояние, называемое иногда эмоциональностью, отражает врожденную биологическую предрасположенность к тем или иным физиологическим реакциям на стрессовую ситуацию. В основном нейротизм связан с силой эмоциональных реакций. Считается, что он проявляется у людей так же часто, как экстраверсия, с 16% отклонением выше или ниже от среднего стандарта.

Человек с высоким уровнем нейротизма сильно и длительно реагирует на стресс. Фактически даже при слабом стрессе человек может впасть в уныние, стать раздражительным, обидчивым и тревожным; он может жаловаться на различные физические недомогания — головную боль, боль в спине или проблемы пищеварения. Такие люди обычно переживают стресс слишком сильно, и им трудно вернуться к нормальному, спокойному состоянию. Очень эмоциональные люди тоже склонны к невротическим состояниям, например к фобиям и навязчивым идеям. Их антиподы, стоящие на противоположном конце континуума, эмоционально стабильны и ведут себя спо-

койно и уравновешенно. В стрессовой ситуации и при сильных волнениях они хорошо владеют собой и адекватно реагируют на критические ситуации. Исследователи, проверяющие теорию Айзенка, относят высокоэмоциональных индивидов к невротикам, а их антиподов к стабильным личностям.

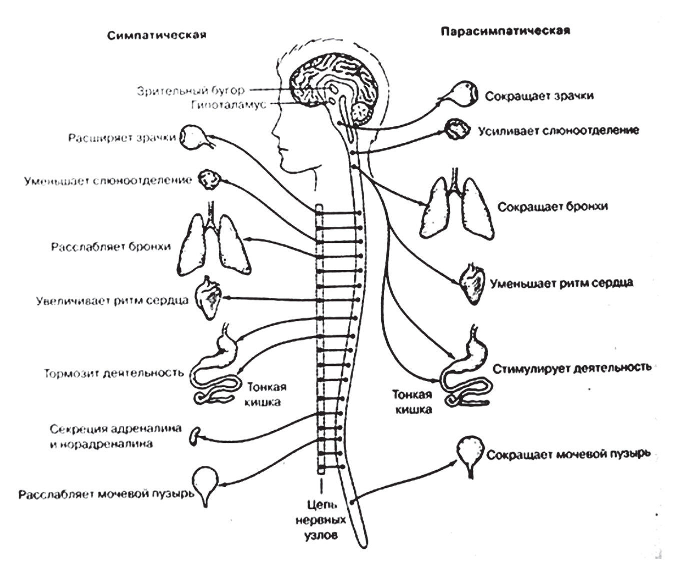
Нейрофизиологические основы нейротизма-стабильности. Тогда как оценка экстраверсии-интроверсии связана с центральной нервной системой, континуум нейротизма-стабильности связан с вегетативной нервной системой, которую можно разделить на симпатическую и парасимпатическую нервные системы. Симпатическая система активизирует организм в критических ситуациях: повышается сердечный ритм, учащается дыхание, расширяются зрачки, усиливается потоотделение. Парасимпатическая система является противовесом для симпатической; она возвращает организм к нормальному уровню возбуждения. По Айзенку, различия в эмоциональности обусловлены разной чувствительностью этих подразделений нервной системы, находящихся под контролем так называемого висцерального мозга или лимбической системы.

Дополнительно к сложной организации нейронной цепи лимбическая система включает неврологические структуры, такие как гиппокамп, миндалевидное тело, перегородка и гипоталамус. Большая часть контроля над автономной нервной системой приходится на гипоталамус, который является основным механизмом эмоциональности.

Считается, что у невротиков необычайно чувствительная лимбическая система, поэтому эмоциональное возбуждение у них возникает быстро и надолго. (Употребляемый в тексте термин «невротик» не следует смешивать с невротической квалификацией психических расстройств.) Теоретически это можно представить так: симпатическая система невротика быстро активизируется, тогда как его парасимпатическая система не успевает уравновесить это состояние. Стабильные, флегматичные люди могут обладать симпатической нервной системой со слабой активностью и, наоборот, сверхактивной парасимпатической.

Хотя активизация вегетативной нервной системы, по-видимому, вызывает общее возбужденное состояние у всех, есть основание считать, что каждый человек реагирует на стресс по-своему. Некоторые напрягают мышцы шеи, лба или спины; другие более тяжело дышат, у кого-то учащается сердцебиение. Специфичность реакции может быть причиной различных форм невротического поведения человека при реагировании на стресс. Некоторые жалуются на головные боли,

другие — на проблемы пищеварения или на боли в спине. (Разумеется, мы не предполагаем, что все, у кого болит спина, являются невротиками.)



Симпатический и парасимпатический подразделы автономной нервной системы

Айзенк предположил, что высокоэмоциональный человек скорее проявит себя в преступной деятельности, чем тот, у кого слабые эмоции. Он основывал свое предположение на данных проводимого исследования о том, что эмоциональность может служить стимулом, толкающим человека на привычные формы поведения. При повышенной эмоциональности (сильный стимул) человек наиболее подвержен своим привычкам, хорошим или плохим. Таким образом, если у человека есть антисоциальные привычки, то он скорее прибегнет к ним при сильном стимуле, чем при слабом. Следовательно, нейротизм поддерживает любое бессознательное или привычное поведение, которым овладел индивид. Более того, поскольку у молодых людей привычки не настолько укоренились, как у старых, можно предполагать, что степень нейротизма может оказаться существенно важной для взрослых преступников, менее значимой для подростков и вовсе не важной для малолетних преступников (Eysenck, 1983).

Рассмотренные выше два аспекта личности при классификации личности индивида обычно учитываются вместе. Итак, согласно теории личности Айзенка, человек может быть невротическим интровертом, стабильным экстравертом, невротическим амбивертом и т.д. Если принять точку зрения Айзенка по этому вопросу, то следует согласиться с тем, что из всех возможных типов личности невротические экстраверты наиболее склонны к преступному поведению.

Психотизм

Не установлено никакого нейрофизиологического механизма, который объяснил бы такое свойство личности, как психотизм. Это понятие было сформулировано Айзенком позднее, чем остальные ключевые понятия его концепции. Айзенк (1996) предположил, что высокое содержание мужского гормона тестостерона в сочетании с низким уровнем фермента окиси моноамина и нейротрансмиттера серотонина может играть значительную роль в формировании психотизма.

Психотизм представляется похожим на обычную психопатию. С точки зрения поведения, отличительными признаками «психотиков» являются жестокость, социальное равнодушие, низкая эмоциональность, пренебрежение к страху, беспокойное поведение, неприязнь к другим и тяга к необычному. Такие люди враждебно настроены к окружающим, им нравится дурачить и высмеивать других. Важно различать «психотиков» в понимании Айзенка и психически больных, которые потеряли связь с реальностью в клиническом смысле. Хотя в последнее время этот признак у клиницистов не в почете, в литературе часто именно он представляется решающим критерием для определения этой разницы.

Определение психотизма по Айзенку не заслужило такого же интереса у исследователей, как экстраверсия и нейротизм. Однако Айзенк предполагает, что психотизм, так же как и экстраверсия и нейротизм, может оказаться отличительным свойством преступников. Он предполагает, что психотизм будет особенно заметен в основном у закоренелых преступников, осужденных за насильственные преступления (1983). Более того, в отличие от нейротизма, психотизм играет важную роль на всех этапах развития — от детства до юности и взрослой жизни.

До сих пор мы только определили характеристики личности по Айзенку и выделили физиологические механизмы, которые отвечают за нейротизм и экстраверсию. Все это, од-

нако, не объясняет, почему невротикам, экстравертам и психотикам легче стать преступниками. Причина заключается в некоторых принципах, к которым мы теперь и обратимся.

Преступление и обусловливание

Основной темой настоящей работы является мысль о том, что преступному поведению можно научиться. Традиционно психологи описывают три основных типа научения: классическое, или павловское, обусловливание, оперантное, или инструментальное, обусловливание и социальное научение. Важно более внимательно рассмотреть эти процессы, если мы хотим понять, почему некоторые люди связываются с преступлениями.

Читатель, знакомый с основами психологии, вспомнит известные опыты И.П. Павлова с собаками, которых научили выделять слюну при звуке звонка. Павлов открыл, что соединение нейтрального стимула (в данном случае это звонок) со значимым стимулом (например, пища) приводило к тому, что в конце концов собака училась связывать звонок с пищей. Как мы узнаем, что собака научилась этому? Мы узнаем это по тому, что она начинает выделять слюну просто при звонке, тогда как такая реакция бывает у животных на пищу. Научение реагировать на нейтральный стимул (звонок), который ассоциируется с другим стимулом, уже вызывающим реакцию, называется классическим, или павловским, обусловливанием. При классическом обусловливании животные (или люди) не контролируют ситуацию даже тогда, когда что-то происходит непосредственно с ними самими. Животное «вынуждено» отвечать. Звонок зазвенит, а вскоре появится пища, независимо от того, что делает животное. В предвкушении этого животное начинает выделять слюну без всякого усилия со стороны. Подобное научение происходит не из-за какой-либо награды или выгоды, а просто из-за ассоциации между звонком и пищей.

Оперантное научение (или инструментальное обусловливание) связано с совершенно другим процессом. Обучаемый должен что-то предпринять, чтобы получить от окружения какую-либо награду или, в некоторых случаях, избежать наказания. Формирование оперантного обусловливания заключается в научении определенной последовательности поведения: если вы что-то делаете, то существует некоторая вероятность того, что произойдет какое-либо поощрительное событие (или, по крайней мере, найдется возможность избе-

жать наказания). Ребенок может научиться, например, тому, что один из родителей может дать ему конфету, чтобы успокоить вспышку гнева, а от второго этого не получишь. Ребенок привыкает капризничать в присутствии отца, но не позволяет себе этого при матери (или наоборот).

Таблица 1. Сводная таблица по теории Айзенка

Особенности личности	Нейробиологическое влияние	Высокие показатели	Низкие показатели
Экстраверсия	Ретикулярная активационная система Центральная нервная система	Поиск стимуляции	Уклонение от стимуляции
Нейротизм	Вегетативная нервная система	Нервный, неустойчивый	Устойчивый, спокойный
Психотизм	Избыточные андрогены	Грубый	Нежный
Ложь		Обороняющийся	Открытый и честный

Следует подчеркнуть важный аспект оперантного научения: у животного или у человека должна быть цель, побуждающая его действовать по обстановке. Другими словами, у индивида должна быть причина и ожидание своего поведения, и он должен надеяться на вознаграждение за свои реакции. Вознаграждение или поддержка повышают значимость реакции. По сравнению с оперантным научением, классическое обусловливание возникает в результате соединения стимулов и без вознаграждения.

Социальное научение сложнее классического и оперантного научения, так как оно заключается в наблюдении за другими и в фиксировании в сознании социального опыта.

Айзенк (Eysenck, 1977) предложил новую формулировку вопроса о подходе к криминальному поведению. Вместо привычного: «Почему люди становятся преступниками?» он задал вопрос: «Почему большинство людей не связано с преступлениями?» Ответить на этот вопрос поговоркой «За преступления не платят» было бы бессмысленно, так как известно, что для большинства преступников преступление окупается. В конце концов, главным мотивом поведения может быть желание получить вознаграждение и удовольствие (то есть гедонизм). «Может показаться... что человек вполне безопасно для себя может избрать карьеру преступника, не очень беспокоясь о последствиях» (Eysenck, 1964, p. 102). По мысли Айзенка,

те преступники, которые были выслежены полицией, осуждены и заключены в тюрьму, часто просто менее умны, хуже образованны, не могут позволить себе известного адвоката или просто невезучи. Итак, если главным фактором является оперантное научение, то преступлений должно быть значительно больше, потому что люди, поступая преступно в окружающей их обстановке, чаще получают вознаграждение, чем не получают его.

И даже тогда, когда наказание действительно следует, его приходится так долго ждать, что считать его средством устрашения попросту нельзя. Айзенк считает, что отложенное во времени, а иногда и неадекватное наказание может даже способствовать преступной деятельности.

Чтобы объяснить, почему большинство людей не становятся преступниками, Айзенк утверждал, что на большинство людей классическое обусловливание действует сильнее, чем оперантное научение, то есть большинство людей ведут себя так, а не иначе, потому что у них с детства сформированы рефлексы на правила общества. По мнению Айзенка, тот путеводный свет, супер-эго, сознательность и так далее, который заставляет нас чувствовать себя неспокойно перед, во время и после действий, подвергающихся моральному и социальному осуждению, — это условный рефлекс. В атмосфере традиционной семьи ребенка могут отчитать или наказать физически за поведение, несовместимое с общественными нормами. Сразу после совершения аморального поступка, например после драки с приятелем, ребенок обнаруживает, что за этим быстро следует наказание.

Давайте ненадолго вернемся к экспериментам Павлова с собакой и заменим пищу болевым шоком. Сразу после звонка собака получает сильный электрический удар (наказание) через решетку пола клетки. После нескольких сеансов (за звонком следует удар) собака не только не выделяет слюну на звонок, а начинает дрожать от страха. У животного формируется классический рефлекс бояться звонка даже тогда, когда после звонка не следует удар. Теперь животное скорее связывает звонок с ударом, чем с пищей.

Айзенк утверждает, что подобная последовательность проявляется в детстве. К примеру, ребенок бьет другого ребенка, а мать его наказывает. После нескольких повторений такой последовательности мысль о драке вызывает боязнь последствий. По существу, «неоднократно наказывая ребенка за антисоциальное поведение, родители, учителя и все, кто ответственен за его воспитание, включая сверстников, играют

роль участников эксперимента Павлова». Драка ассоциируется у ребенка с наказанием, и эта связь между поведением и неприятными последствиями должна отпугнуть его от проступка. Чем ближе индивид подступает к совершению действия, тем сильнее становится ассоциация (страх).

Айзенк считает, что большинство людей не занимаются преступной деятельностью (он предпочитает термин «антисоциальное поведение»), потому что после нескольких судов у них прочно укрепляется ассоциативная связь между девиантным поведением и неприятными последствиями. Люди, у которых не сложились соответствующие ассоциации из-за слабого обусловливания (например, экстраверты) или из-за того, что не представилось возможности для подобных наблюдений (социальные условия), чаще проявляют девиантное или преступное поведение. Айзенк считает, что эти люди не представляют себе неприятные последствия настолько, чтобы испугаться, так как ассоциативный ряд развит недостаточно.

Павлов наблюдал, что рефлекторные реакции на звонок сильно различались, и заключил, что эти различия зависят от особенностей нервной системы собак. Айзенк также провел аналогичное наблюдение и сделал вывод: «Немецкие овчарки очень послушны: они легко дрессируются и именно за эти качества высоко ценятся любителями собак и пастухами. Собаки породы африканский терьер настоящие психопаты: их трудно или почти невозможно ничему научить, они непослушны и антисоциальны» (Eysenck, 1983, p. 61). Айзенк перевел это наблюдение на людей: экстраверты обучаются с меньшей готовностью, чем интроверты, из-за биологических особенностей их нервной системы. Интроверты лучше обусловливаются и поэтому реже ведут себя вразрез с законами и нравами общества.

Принципы обусловливания прочно установлены в области психологии как веское объяснение многих форм поведения. Процесс обусловливания оказывает значительное влияние на формирование жизненного опыта у детей, особенно если надо подавить нежелательное поведение. Есть основание считать, что процесс обусловливания может оказаться решающим при определении того, кто демонстрирует девиантное или преступное поведение. Однако существуют свидетельства того, что обусловливание может и провоцировать подобное поведение. Как мы узнаем из последующих глав, связь доставляющих удовольствие событий с определенным поведением является чрезвычайно мощным двигателем преступной деятельности.

Как считает Айзенк, обусловленная совесть двояко влияет на поведение: она может уберечь нас от запретных действий

или заставить чувствовать вину после их свершения. Обусловленная совесть удерживает нас от участия в антисоциальной деятельности посредством ассоциации с неблагоприятными последствиями подобной деятельности, которые мы наблюдали в прошлом. Однажды совершив проступок, мы склонны чувствовать себя неловко, думая о своем правонарушении. Айзенк (1983) предполагал, что различия связаны со временем неблагоприятных последствий. Выговор ребенку до совершения проступка или во время его будет иметь иное воздействие, чем выговор после проступка. В первом случае возникнет чувство неловкости перед совершением проступка (или во время его проведения), тогда как во втором случае после проступка возникнет чувство вины.

Какую роль играют в этом нейротизм и эмоциональность? Как отмечалось выше, Айзенк предсказал, что нейротизм действует как стимул, поощряя то поведение, которое усвоено в детстве, то есть усиливает в реакциях индивида существующие навыки. Если невротический экстраверт должным образом не научился тому, чтобы не воровать, и в прошлом совершал частые и успешные кражи, то в этом случае нейротизм будет мощной силой или стимулом, толкающим человека к старому навыку — к воровству. Другими словами:

поведение (несоответствующее или соответствующее) = предшествующее обусловливание или привитые навыки Ч эмоциональность.

По словам Айзенка (Eysenck, 1983, p. 65), «общее расширение пределов дозволенного в семье, школе, суде привело к значительному снижению числа обусловливающих обстоятельств, с которыми сталкиваются дети. Как прямое следствие этого, дети могут вырасти менее совестливыми, что впоследствии может привести многих детей к участию в преступной и антисоциальной деятельности». По существу, Айзенк утверждает, что рост преступности может быть прямо связан с условиями дома или в школе, не способствующими формированию обусловленной совести, которая могла бы помочь воздержаться от антисоциального поведения.

Иллюстрация теории Айзенка

После подробного рассмотрения теории преступности Айзенка возникает вопрос о том, существует ли исследование, подтверждающее эту теорию. Теория преступности Айзенка предполагает, что преступники в массе своей демонстриру-

ют низкий уровень возбуждения коры головного мозга (экстраверсия), высокие уровни вегетативного (симпатического) возбуждения (нейротизм), большую жестокость (психотизм). Айзенк выдвигает мысль о том, что преступники получают самые высокие оценки по шкалам E, N и P в «Личностном опроснике Айзенка», и эти оценки не просто соотносятся с преступлением — они прямо с ним связаны.

Некоторые исследователи поддерживают гипотезу Айзенка, но многие работы опровергают ее. Хотя может показаться, что некоторые исследования опровергают теорию, на самом деле их результаты вовсе не обязательно говорят о том, что Айзенк не прав. Авторы работ, результаты которых не способны подтвердить некоторые разделы теории, считают, что теорию следует модифицировать, учитывая новые данные, которые дают тщательно проведенные эксперименты. Теория в целом может оставаться многообещающей и полезной.

Пассингам (Passingham, 1972) проанализировал всю литературу о теории Айзенка, опубликованную до 1972 года, и обнаружил изъяны в постановке большинства экспериментов. Он отмечал, что лишь в немногих работах использовался должный контроль для сравнения преступников и невиновных. Контрольная группа, конечно, должна быть подобрана как можно более адекватно экспериментальной по всем релевантным параметрам (т.е. социальная принадлежность, экономические и культурные данные, умственное развитие). Без адекватной контрольной группы невозможно сделать многозначительные сравнения и обоснованные заключения. Предположим, к примеру, что мы планируем провести эксперимент с целью определить, действительно ли личности преступников разительно отличаются от личностей законопослушных граждан: предположим также, что контрольная группа состоит из студентов колледжа. Если мы выявим значительные различия, то сможем сделать вывод, что преступники отличаются от студентов. Но тип студента с большой вероятностью изначально отличается от типа преступника по многим важным параметрам, например по классовой принадлежности. Так как студенты колледжа, как правило, принадлежат к среднему или высшему классу, а изучаемые преступники обычно не из этих классов, результаты могут отражать различия между социальными классами, а вовсе не обязательно различия между личностью преступника и законопослушного гражданина. Поэтому группа, состоящая из студентов, не может считаться адекватной контрольной группой.

Пассингам обнаружил также, что большинство исследователей, разъясняющих теорию Айзенка, не выделяло подгруппы преступников. Они просто отбирали заключенных разного типа, составляли опросники, проводили сравнения и делали выводы на основе ответов контрольной группы, зачастую плохо подобранной. Заключенные являются заключенными по целому ряду причин и из-за целого ряда нарушений. Айзенк признавал это, когда отмечал (1971, p. 289), что «похоже, не все преступления в одинаково высокой степени соотносятся с экстраверсией» и что «некоторые преступники, например рецидивисты типа старый каторжник, в полной мере не обладают социальными навыками, необходимыми для устройства жизни вне тюрьмы, и могут проявлять черты характера, свойственные интровертам». Действительно, многие убийцы и сексуальные насильники в значительной степени проявляют черты интровертов. Поэтому недостаточно того, что исследователи изучают категории преступников, чтобы определить, действительно ли определенные личности соотносятся с определенными преступлениями. В своем обзоре Фаррингтон, Байрон и Ле Блан (Farrington, Biron and LeBlanc, 1982) указывают, что с некоторыми из вышеупомянутых сложностей удается справиться, но многие еще остаются.

В целом уверенность Айзенка в том, что лица преступного и антисоциального поведения должны занять по шкале экстраверсии более высокое место, четко не подтверждается (Passingham, 1972; Allsopp, 1976; Feldman, 1977; Farrington, Biron and LeBlanc, 1982). Результаты особенно противоречивы для взрослых преступников-мужчин и для несовершеннолетних правонарушителей обоих полов. Тогда как в некоторых работах (например: Price, 1968; Buikhuisen and Hemmel, 1972) сообщается о высоких показателях шкалы экстраверсии для этих двух групп, в других исследованиях представляются свидетельства того, что их показатели даже ниже, чем у обычного населения (см., например: Hoghughi and Forrest, 1970; Cochrane, 1974). Некоторые авторы не обнаружили разницы между заключенными и правонарушителями по сравнению с контрольными группами (например, Little, 1963; Burgess, 1972). В других исследованиях было выявлено, что показатели шкалы E у насильников по сравнению с преступниками другого профиля очень высоки (Gossop and Kristjansson, 1974). При исследованиях, в которых разделялись характерные черты экстраверсии, отражающие импульсивность, от тех, которые отражают общительность, выявилось, что показатели взрослых заключенных мужского пола по импульсивности были

выше, чем у невиновных мужчин, но аналогичные показатели по общительности оказались ниже, чем у невиновных. Это может отражать ошибочную постановку вопроса об общительности применительно к заключенным: пребывание в исправительном заведении не способствует общительности.

Берман и Пейсли (Berman and Paisey, 1984) изучали соотношение антисоциального поведения и личности у осужденных американских подростков мужского пола. Испытуемые были разделены на 2 группы: 30 подростков, обвиненных в изнасиловании или в разбойном нападении, были названы насильственной группой, а другие 30 подростков, обвиненные в имущественных преступлениях без нападения на жертву, — ненасильственной группой. Эти подростки содержались в Центре предварительного заключения для несовершеннолетних преступников округа Дейд (Майами, штат Флорида) в ожидании приговора. Все они были англоязычными белыми. Насильственная группа при сравнении с ненасильственной показала значительно более высокие результаты по всем трем разделам шкалы личности Айзенка — P, E и N, особенно по разделу P.

В работе испанских исследователей Сильвы, Марторелла и Клементе (Silva, Martorell and Clemente, 1986) сравнивались показатели по «Личностному опроснику Айзенка для юношей» у 42 несовершеннолетних преступников мужского пола, содержавшихся в исправительном заведении, и соответствующие показатели 102 законопослушных мальчиков-подростков. Авторы обнаружили, что показатели по шкалам P и N были значительно выше в группе обвиненных. Однако вопреки тому, что предполагал Айзенк, показатели шкалы E были значительно выше у невиновных. В Лондоне Лейн (Lane, 1987) сравнивал «60 учеников, которым были предъявлены обвинения», с «60-ю учениками, которым не было предъявлено обвинение». У преступной группы были выше показатели по шкале P, тогда как у законопослушных школьников показатели были выше по шкале N. В обеих группах были одинаковые показатели по шкале E. Лейн несколько неохотно признает: «Экстраверсия..., которая долго являлась главной темой в теории о расстройствах поведения и преступности, к настоящему времени не способна сохранять главенствующее положение» (p. 805). Более того, показатели по нейротизму были прямо противоположны тому, что предсказывал Айзенк: они оказались выше в группе законопослушных, чем в группе преступников. Лейн заключает: «Решить проблему разногласий можно путем перенесения обсуждения из узкой обусловленной моде-

ли в более широкую многофакторную и интерактивную область, которая связывает индивидуальные различия с поведенческим и социологическим анализом».

В вышеупомянутой работе были использованы официальные данные, сравнивающие показатели «Личностного опросника Айзенка» по осужденным правонарушителям с данными по законопослушным гражданам, или показатели одной группы осужденных с показателями другой группы. В некоторых работах не использовали данные о преступниках, официально признанных таковыми, а выводили сведения о преступлениях среди населения в целом по данным, представленным информантами в опросниках. Наиболее известным среди подобных опросников в Великобритании является «Шкала антисоциального поведения» (Antisocial Behavior Scale), разработанная Гибсоном (Gibson, 1967) и переработанная впоследствии Оллсоппом и Фельдманом (Allsopp and Feldman, 1976). Однако те работы, в которых использовалась «Шкала антисоциального поведения», также не подтверждали теории преступности Айзенка. Джеймисон (Jameson, 1980), изучая 1282 учеников средней школы (13–16 лет) из Лондона и его окрестностей, выявил явную корреляцию между лично заявленным антисоциальным поведением и показателями шкалы P, но корреляция с показателями шкалы N и E оказалась незначительной или слабой соответственно. Пауэлл и Стюарт (Powell and Stewart, 1983) также изучали английских учеников средней и начальной школы и тоже обнаружили, что лично объявленное антисоциальное поведение сильно связано с показателями по шкале P, слабо — по шкале E и незначительно — по шкале N. Подобные результаты сообщаются в работе Rushton and Chrisjohn (1981), в которой изучались канадские студенты.

Результаты исследований, изучающих связь нейротизма и преступного или антисоциального поведения, ясны: связь не подтверждается. Более того, связь между экстраверсией и антисоциальным поведением подтверждается слабо, однако умеренная связь между психотизмом и склонностью к преступлениям все же есть. То, что данные шкалы E не смогли веско подтвердить гипотезу Айзенка, может отражать слабость его аргумента о том, что большинство преступников являются недостаточно обусловленными. Несмотря на то, что у многих может быть «нечистая совесть», точка зрения слабого обусловливания кажется стишком ограниченной. Точнее было бы предположить, что одни преступники совершали проступки из-за слабой обусловленности, другие потому, что счита-

ли антисоциальное поведение одним из немногих возможных путей чего-то добиться, а у третьих это было вызвано сочетанием обеих названных или каких-то еще причин. Многие оказываются за решеткой не из-за того, что не могут соотносить факт правонарушения с чувством вины или тревожности. Скорее, они попадают в тюрьму за различные преступления, совершенные по разным причинам в разных социальных ситуациях. Так как шкала Е, которая отражает обусловленность, не способна отвечать за все вышеперечисленное, то требуются дополнительные исследования подгрупп заключенных.

В работе Bartol and Holanchock (1979) «Личностный опросник Айзенка» применялся при обследовании 398 заключенных в тюрьме особого режима в штате Нью-Йорк. 62% изучаемых были афроамериканцы, 30% американцы испанского происхождения и 7% — белые. Исследуемые преступники были разделены на шесть групп в соответствии с приговором: убийство, тяжкие преступления с попыткой убийства, изнасилование и сексуальное домогательство, воровство, кражи со взломом, преступления, связанные с наркотиками. Если заключенный совершал преступления различных категорий, его причисляли к группе наиболее серьезных преступников. Контрольная группа включала посетителей в приемных бюро по найму преимущественно в негритянских и испанских кварталах Нью-Йорка. Авторы отобрали 187 мужчин, которые согласились ответить на вопросы «Личностного опросника Айзенка». Контрольная группа соответствовала группе преступников по всем показателям: по возрасту, расе, социально-экономическому положению и профессиональным занятиям.

Во всех шести группах преступников показатели шкалы Е были ниже, чем в контрольной группе, но между подгруппами преступников различия в показателях были весьма значительны. Сексуальные преступники оказались наиболее интровертными, за ними следовали грабители-взломщики. У воров наиболее сильно проявлялась экстраверсия.

Хотя приведенная выше работа продемонстрировала действенность «Личностного опросника Айзенка» для того, чтобы провести различия в данной конкретной группе преступников, предположение Айзенка об экстраверсии она не подтвердила. Причин для этого было много, но основной оказался культурологический фактор. Заключенные в данном исследовании в основном были из негритянских и испанских кварталов Нью-Йорка, и многие из них были осуждены за насилие. Айзенк же в основном изучал заключенных белых европей-

цев, осужденных в большинстве случаев за имущественные преступления. Это наблюдение подчеркивает необходимость учитывать культурные факторы при изучении разнородных представителей преступного мира.

Фаррингтон, Байрон и Ле Блан (1982) нашли некоторое подтверждение теории Айзенка о преступности в своем обзоре литературы, который включал и их собственное исследование антисоциальных личностей Лондона и Монреаля. «Мы пришли к заключению, что кажется маловероятным, чтобы в настоящее время теория Айзенка, разработанные им шкалы для оценки личности или его статьи часто использовались для объяснения правонарушений» (р. 196).

Мы не должны, однако, легко отказываться от теории Айзенка. Авторы достаточно многих работ обращаются к этой теории, чтобы подтвердить свои предположения или выяснить, почему те или иные результаты сомнительны. Связаны ли подобные результаты с разными культурными факторами, разницей в подборе групп для исследования — как групп преступников, так и контрольных групп, — или же причина в выборе вопросов для личностных опросников? Шкала Р также некоторым образом помогает при исследовании как правонарушителей, которым предъявлены обвинения, так и тех, кто лично сообщал о своем преступлении. Эти данные дают основания предполагать, что те люди, которые связаны с антисоциальными или преступными действиями, обычно лишены чувствительности, они агрессивны, импульсивны, жестокосердны, эгоцентричны. Понятно, что этому свойству личности следует посвятить еще много исследований.

Хотя теория Айзенка сейчас почти забыта, в этой работе мы посвятили ей значительное внимание по трем причинам. Во-первых, потому, что эта теория дает исчерпывающую информацию о роли генетики в антисоциальном поведении. Нам предстоит еще многое узнать из этого опыта, и, возможно, некоторые видоизменения укрепят объяснительные возможности теории. Во-вторых, теория Айзенка признает взаимодействие окружения — особенно через классическое обусловливание — с особыми свойствами нервной системы. Особенно важно то, что Айзенк обращает внимание на индивидуальные особенности в нервной системе и рассматривает их как биологическую основу личности в целом (Nebylitsyn and Gray, 1972). В криминологии нельзя не учитывать наличия биологических факторов в антисоциальном поведении, даже если эти факторы являются причиной такого поведения лишь у небольшого процента людей. Однако если рассматри-

вать теорию с такой точки зрения, то получается, что избирательное внимание Айзенка к классическому обусловливанию как главному объяснению преступности и его нежелание учитывать другие формы когнитивного процесса и процесса научения может оказаться слабым звеном его теории. Гордон Траслер (Gordon Trader, 1987) отмечает, что и сама концепция обусловленности чревата трудностями и вызывает много споров у современных психологов. Существует даже значительная полемика о значении самого термина, а экспериментальные данные, имеющие целью подтвердить концепцию, сомнительны и противоречивы. И все-таки теория Айзенка уникальна, так как она представляет одну из немногих попыток со стороны психологов сформировать общую, универсальную теорию криминального поведения.

Выводы

Понимая, что преступление, как любое другое поведение человека, происходит в результате взаимодействия наследственности, нейрофизиологии и факторов окружения, в данной главе мы рассмотрели изучение темы генетических и биологических свойств личностей, ставших преступниками. Чезаре Ломброзо, пионер в области генетико-биологической криминологии, утверждал, что существуют «прирожденные преступники», физически отличающиеся от обычных людей и имеющие склонность к антисоциальным поступкам. Теория Ломброзо неоднократно пересматривалась, но в ее основной версии сохранилась идея о врожденных криминальных наклонностях, по крайней мере у некоторых преступников. Вскоре теорию Ломброзо забыли, но она породила другие теории, в которых утверждалось, что факторов для проявления преступления может быть больше, чем только социальные факторы или факторы окружения.

Позднее теоретики изучали отношение телосложения (Кречмер) или типов телосложения (Шелдон) к преступлению. Их исследования и другие работы подтвердили связь этих факторов с преступлением, но сомнительная методология часто мешала определить, является ли эта связь причинной. Остается неизвестным, до какой степени могут влиять на преступное поведение физические свойства, определяемые генетически.

Изучение генетического фактора проводилось также в работах о близнецах и приемных детях. В целом эксперимен-

тальные работы выявили высокий процент конкордантности у идентичных близнецов, замешанных в преступлениях, что в некоторой степени подтверждает генетическую предрасположенность.

Однояйцевые близнецы, даже разлученные при рождении, одинаково проявляют себя в преступных действиях. На тему об усыновлении написано мало работ, прежде всего из-за недоступности фактов. Исследователи в этой области, которые говорят, что их работы поддерживают генетическую точку зрения, напоминают о том, что окружение может стимулировать или подавлять любую врожденную наклонность.

Айзенк предложил теорию о преступлении в виде взаимодействующих сил, рассматривая его как результат воздействия условий окружения (прежде всего через классическое обусловливание) на врожденные свойства нервной системы Суть теории Айзенка заключается в том, что у индивидов с определенным типом нервной системы (интроверты) быстрее вырабатывается обусловленность, то есть они с большей готовностью осваиваются с общественной моралью, чем люди с другими типами нервной системы (экстраверты и амбиверты). Иными словами, интроверты связывают проступок с осуждением гораздо быстрее, чем это делают другие. Некоторые могли бы сказать, что интроверты более совестливы, больше тревожатся перед совершением проступков и сильнее чувствуют себя виновными после их свершения. Однако, эта быстрая ассоциативная и рефлекторная способность может также означать, что интроверты скорее способны проявлять отклоняющееся сексуальное поведение.

Айзенк предполагал, что нейротизм и эмоциональность усиливают привычки, которые в некоторых случаях могут быть антисоциальными. У индивидов с высокой эмоциональностью быстрее вырабатываются антисоциальные привычки, чем у тех, у кого низкая эмоциональность. Психотизм, свойство, которое не удостоилось достаточного внимания исследователей, возможно, связан с некоторыми чертами психопатов и преступников-рецидивистов.

Ясно, что положения Айзенка нуждаются в значительном пересмотре и усовершенствовании. В современном виде теория имеет недостатки, которые могут оказаться для нее фатальными. Самым явным слабым звеном теории является то, что она опирается на классическое обусловливание, исключая при этом когнитивные факторы и социальное научение. Несмотря на названные проблемы, работа Айзенка представляет собой обширную теорию преступности, которая подда-

ется проверке и продолжает стимулировать исследования в разных странах.

В заключении к главе следует обратить внимание на один момент. Приписывание основной роли в возникновении криминального поведения различным неврологическим нарушениям и функционированию нервной системы очень упрощено. В то время как биопсихологические и нейрофизиологические факторы действительно могут играть некоторую роль в формировании преступного поведения, очень вероятно, что преступное — особенно связанное с насилием — поведение развивается в результате сложного взаимодействия этих факторов с другими, не менее значительными факторами, относящимися к социальному окружению. Тем не менее во многих современных исследованиях затрагивается вопрос о соотношении «насилие и мозг».

ОБ АГРЕССИИ

Количество свидетельств долгой истории человеческой агрессии и насилия просто огромно. Последние пять тысяч шестьсот лет письменной истории человечества включают 14 600 войн, т.е. средняя цифра составит более 2,6 войн каждый год (Baron, 1983; Montagu, 1976). Некоторые авторы доказывают, что агрессия, будучи по своей функции инструментальной, помогает выживанию человека. Из многовекового опыта люди научились тому, что агрессивное поведение позволяет получить материальные блага, землю, богатство; защитить собственность и семью, завоевать престиж, статус и власть. На самом деле мы могли бы задуматься о том, что, может быть, человечество смогло выжить благодаря агрессии.

В этой книге агрессии посвящена целая глава, поскольку она — основная составляющая насильственного поведения. Более того, исследуя агрессию, психологи внесли существенный вклад в понимание насилия и преступности. Является ли человеческая агрессия инстинктивной, биологически обусловленной или усваиваемой в процессе научения, или же она является неким комбинированным вариантом этих характеристик? Если агрессия порождается врожденными, биологическими механизмами, то методы контроля, редуцирования или устранения агрессивного поведения будут значительно отличаться от методов, которые могут быть использованы в том случае, если она является продуктом научения.

Различные взгляды на человеческую природу четко представлены в работах теоретиков и специалистов-исследователей. Некоторые из них полагают, что агрессивное поведение в основном имеет физиологическое и генетически обусловленное происхождение, представляя собой наследие нашего эволюционного прошлого. Эта физиологическая, генетическая концепция подкрепляется внушительной массой данных о том, что объяснения человеческой агрессии можно найти в животном мире. С другой стороны, сторонники теории научения утверждают, что хотя некоторые виды животных могут быть генетически запрограммированы на агрессивное поведение, люди научаются быть агрессивными у своего социального окружения. Сторонники данного подхода тоже предлагают

убедительные свидетельства в пользу своей теории. Есть и исследователи, которые занимают двойственную позицию, принимая и отвергая некоторые аспекты двух других подходов.

Если агрессия и насилие являются встроенным генетически запрограммированным аспектом человеческой природы, мы, по мнению Бэрона (Baron, 1983), вынуждены прийти к исключению. Мы должны организовывать среду и общество таким образом, чтобы противодействовать насилию, например незамедлительно применяя аверсивные воздействия (наказания) при каждом по проявлении. А в лучшем случае, оставляя пока в стороне этические и правовые соображения, мы могли рассчитывать на психохирургию, имплантацию в мозг электродов и фармакологический контроль — все эффективные методы редуцирования, если не полного устранения насилия.

Если, с другой стороны, мы считаем, что агрессия представляет собой результат научения и зависит от широкого ряда ситуационных, социальных, средовых переменных, то можно быть более оптимистичными. Агрессия не является неизбежным аспектом человеческой жизни. Определив факторы, решающие главную роль в ее формировании и сохранении, мы будем в состоянии изменять человеческое поведение, манипулируя этими факторами. Существуют, разумеется, как позитивные, так и негативные аспекты человеческой агрессии. Многим людям, которые занимаются соревновательными видами спорта, спортивной охотой, находятся на военной службе, работают в правоохранительных органах и т.д., приходится проявлять агрессию в социально приемлемых формах, и это способствует повышению их качества жизни. В этой главе мы концентрируемся на негативных аспектах агрессии.

Согласно наиболее распространенной трактовке, агрессия у животных отражает биологически запрограммированные в генах механизмы, предназначенные для сохранения вида. У людей с их чрезвычайно развитой и усложненной корой головного мозга важнейшее значение имеют мышление, ассоциации, убеждения и научения, которые становятся основными детерминантами поведения. Теоретики расходятся в оценках того, в какой степени генетическое программирование обусловливает человеческое поведение. Люди агрессивны и склонны к насилию постольку, поскольку животные инстинкты продолжают определять их агрессивное поведение? И если у нас аверсивные побуждения, как считают некоторые ученые, продуцируются подкорковыми структурами мозга (расположенными в «старом» мозге), возможно ли их какимто образом изменять? Если нет, то каким образом предотвратить нападение людей друг на друга или убийства? С другой

стороны, внутривидовые различия в степени агрессивности свидетельствуют о том, что влияние генетической предрасположенности или биологическая запрограммированность агрессии на человеческое поведение, в лучшем случае, минимальны. После определения агрессии мы вернемся к рассмотрению этих точек зрения.

Определение агрессии

Задача определения человеческой агрессии чрезвычайно сложна, и это уже давно поняли социальные психологи. Если кто-то наносит кому-то сильный удар в живот — будет это примером агрессии или нет? А если кто-то наносит легкий удар, в шутку? Согласится ли каждый с утверждением о том, что футбол или бокс — проявления агрессии? Если кто-то подчеркнуто игнорирует заданный вопрос, это считать агрессией или нет? А если кто-то распространяет злостную сплетню? Если грабитель врывается и наш дом, а вы хватаете свое заржавевшее ружье, прицеливаетесь в налетчика и нажимаете спусковой крючок, будет ли ваше действие актом агрессии? А если ружье не выстрелит? Если кто-то сидит на пороге и мешает вам пройти, это агрессия или нет?

Некоторые социальные психологи определяют агрессию как намеренное стремление причинить другому лицу вред, физический или социальный ущерб или, в некоторых случаях, уничтожить объект нападения. Такое определение можно считать адекватным, но оно имеет ограничения. Игнорирование заданного вопроса или нежелание разговаривать не вполне соответствует этому определению, поскольку здесь отсутствует активное стремление причинить кому-то вред, как и в том случае, когда некий субъект мешает другому человеку войти в дом, хотя и не причиняет ему видимого вреда. Большинство психологов включили бы эти два случая в особую категорию агрессивных реакций и назвали бы такое поведение пассивно-агрессивным, так как они в общем интерпретируются как агрессивные по намерению, хотя подобного рода агрессия является непрямой и пассивной.

Сколь бы ни было интересно пассивно-агрессивное поведение само по себе, в общем оно не является релевантным при обсуждении проблем преступности, так как в этом случае нас интересует такой тип агрессии, который выражается прямо в насильственном или антисоциальном поведении. Мы можем расширить понятие, предположив, что в приведенном приме-

ре сидящий на пороге нарушает право владения, и тогда его можно обвинить в агрессивных намерениях.

В общем, однако, агрессивное поведение, на котором мы концентрируемся в этой главе, не относится к пассивно-аффективному типу.

Стремясь концептуализировать разнообразие проявлений человеческой агрессии, Buss (1971) разработал ее классификацию, основываясь на мотивации агрессора. Вы можете легко обнаружить исключения и пересечение категорий в схеме Басса, но это лишь показывает, насколько трудно четко разграничить различные виды агрессивного поведения. Она также являет собой пример одной из многих связанных с определениями дилемм, которые затрудняют социальным психологам изучение агрессии.

Прежде чем попытаться сформулировать удовлетворительное определение агрессии, полезно выделить два ее типа: враждебную (или экспрессивную) и инструментальную агрессию, деление, впервые предложенное Фешбахом (Feshbach, 1964). Эти два типа различаются целями, или вознаграждениями, которые получает агрессор при их достижении. Внешняя (или экспрессивная) агрессия, которой мы в основном будем заниматься в этой главе, это акты агрессии, совершаемые в ответ на вызывающие гнев аверсивные стимулы и воздействия, такие как оскорбления, физические атаки или личные неудачи. Цель агрессора заставить жертву страдать (причинить жертве страдание). Большая часть убийств, изнасилований и других насильственных преступлений, направленных на причинение вреда жертве, вызываются враждебной агрессией. Поведение агрессора в таких случаях характеризуется интенсивной и бурно протекающей эмоцией гнева, определяемой как состояние возбуждения, вызываемое определенными стимулами, особенно связанными с атакой со стороны других и фрустрациями. В состоянии гнева, вызванного экономическим положением, безработный стреляет в случайно проезжавшего в этот момент мотоциклиста и чувствует удовлетворение от того, что «удачно» отомстил обществу.

Инструментальная агрессия порождается обычно конкуренцией или желанием заполучить какой-либо объект или статус, которым обладает кто-то другой, драгоценности, деньги, территорию. Агрессор стремится завладеть желаемым объектом любой ценой. С инструментальной агрессией обычно связаны грабежи, кражи со взломом, хищения и разного рода преступления, характерные для «белых воротничков». Оче-

видная цель грабителей — завладеть ценными объектами. Как правило, при этом отсутствует намерение причинить жертве страдание, боль. Однако когда кто-то становится препятствием на пути грабителя к цели, он чувствует себя вынужденным напасть на этого человека, иначе он рискует не достичь желаемой цели. Хороший пример инструментальной агрессии — хладнокровное, рассчитанное убийство, совершаемое наемным киллером.

Бандура (Bandura, 1973) обращает внимание на то, что в большинстве определений агрессии предполагается, что она касается только поведения и интенций агрессора.

Типы человеческой агрессии

	Активная	Непрямая	Пассивная прямая	Пассивная непрямая
Физическое	Нанесение удара	Каверза, подвох	Создание помех, препятствий	Отказ выполнять поручение
Вербальное	Оскорбление	Сплетни	Нежелание контакта	Нежелание соглашаться

Делая шаг дальше, он утверждает, что адекватное определение агрессии должно учитывать как поведение агрессора, «наносящее ущерб», так и «социальное суждение» («social judgment») жертвы. Так, например, несильный толчок в живот можно квалифицировать как агрессию, если таким способом выражается пренебрежение и если получивший толчок именно так его и интерпретирует. Учебник криминальной психологии, однако, должен концентрироваться на агрессии, как она проявляется в поведении, а не на том, как оно воспринимается потерпевшим. Для наших целей мы определяем агрессию как: «действие или попытка действия с намерением причинить другому зло, вред, ущерб, физический или психологический, или уничтожить объект. Это определение включает все виды поведения, описанные в типологии Басса. Агрессивное поведение, разумеется, не всегда квалифицируется как криминальное. Более того, мы будем определять насилие как деструктивную физическую агрессию, намеренно направленную на причинение вреда другим людям или порчу (уничтожение) вещей. Насилие может быть заранее спланированным или случайным, длительным или кратковременным, интенсивным или неконтролируемым. Оно всегда причиняет вред или уничтожает жертву или является попыткой причинить вред или уничтожить» (Daniels & Gilula, 1970).

Теории агрессии

Психологи-бихевиористы и социологи более полувека спорили о том, рождается ли человек агрессивным и склонным к насилию или же он приходит на свет свободным от агрессивных тенденций. Этот спор, будучи частью более широкой контроверзы относительно проблемы природы и воспитания, захватывает все направления мысли, объектом изучения которых является человеческое поведение. Согласно первому подходу, люди запрограммированы на агрессивное поведение, предназначенное защищать себя, свою семью и свою территорию. Согласно второму подходу, люди становятся агрессивными, усваивая в обществе агрессивные модели и способы поведения. В данном разделе мы начнем с обсуждения инстинктивистских и биологических подходов и далее будем переходить к концепциям, ориентированным преимущественно на процессы научения.

Психоаналитический подход

Теоретики психоаналитической ориентации считают, что люди по самой своей природе всегда склонны к реализации агрессивных побуждений. Зигмунд Фрейд, отец психоанализа и врач по образованию, был убежден, что у человека с самого рождения идет накопление энергии, которая должна быть рассеяна или канализирована, прежде чем достигнет опасного уровня. Эта концепция получила название психодинамической или гидравлической модели, по аналогии с замкнутым сосудом, в котором нарастающее давление воздуха или пара может привести к взрыву. Если давление в резервуаре — человеческой психике — нарастает и нарастает, может произойти «взрыв», вспышка ярости и, как следствие, совершается акт насилия. Согласно традиционному фрейдистскому подходу, люди, склонные к бурным проявлениям ярости, «взрываются» от чрезмерного давления агрессивной энергии.

Фрейд считал, что насилие во всех его формах является результатом разряда этой агрессивной энергии. Внутренняя энергия аккумулируется до опасного уровня, если люди не располагают возможностью адекватной разрядки посредством так называемого катарсиса (катарсис одно из важнейших понятий психоаналитической психотерапии). Катарсис может осуществляться посредством реального поведения (например, игра в футбол) или косвенным путем (в ходе наблюде-

ния за игрой футболистов). Сторонники фрейдистского психоаналитического подхода предсказывают, что дети, которые участвуют в школьных спортивных состязаниях или с азартом наблюдают за ними, будут менее агрессивными по сравнению с теми детьми, которые не участвуют в них и не наблюдают за ними в качестве азартных зрителей. Последователи Фрейда также полагают, что люди, склонные к совершению насильственных преступлений (враждебной агрессии), не имели достаточных возможностей «выпустить пар» и удерживать свою агрессивную энергию на контролируемом уровне.

Согласно психоаналитической точке зрения, для того чтобы иметь возможность контролировать насильственную преступность, необходимо обеспечить людей многочисленными, но адекватными каналами для катарсиса (например, адекватные условия для развлечений). Таким образом, как предполагается, дети и взрослые научаются распылять агрессию социально одобряемыми, адекватными способами. Психотерапия представляет один из каналов, по которому осуществляется катарсис под руководством терапевта.

Этологический подход

Этология — наука, изучающая поведение животных в естественной среде обитания и сопоставляющая его с поведением человека. В середине 60-х годов ряд этологов опубликовали книги и статьи, посвященные агрессии, которые вызвали интерес и привлекли внимание широкой общественности. Особенно популярными стали книги К. Лоренца «Агрессия» (Lorentz, 1966), П. Ардри «Территориальный императив» (Ardrey, 1966) и Д. Моррис «Голая обезьяна» (Morris, 1967). Лоренц был главным представителем этологии в ее связи с агрессией.

Лауреат Нобелевской премии по биологии Лоренц считал, что агрессия наследуемый инстинкт как у животных, так и у человека. Его главное назначение — защищать «огороженную» территорию, территорию, которая обеспечивает достаточно пищи, питья и пространства для двигательной активности и воспроизводства. Если в это пространство вторгается нарушитель, полагает Лоренц, инстинктивной или генетически запрограммированной реакцией является атака нарушителя или, по крайней мере, выраженно агрессивное поведение, предотвращающее продолжение вторжения. Тенденция атаковать нарушителя пространства обозначается как территориальность. Лоренц утверждает, что это врожденное качество, результат длительного, сложного процесса эволюции. Это

врожденное агрессивное поведение по отношению к членам своего вида животных (внутривидовая агрессия) предотвращает перенаселенность и обеспечивает возможности спаривания наиболее сильных и лучших для получения потомства.

Чем более опасное «оружие» приобретает животное в ходе эволюционного процесса (например, зубы, когти, размер, сила), тем более сильными становятся механизмы сдерживания, препятствующие слишком опасным атакам против членов собственного вида. Такие врожденные запрограммированные механизмы сдерживания, полагает Лоренц, являются способом обеспечения выживания видов, так как постоянные внутривидовые сражения в конце концов привели бы к уничтожению видов. Внутривидовая агрессия осуществляется, таким образом, не путем действительных сражений, но посредством разного рода проявлений силы и превосходства, таких как оскаливание зубов, демонстрация размеров или пышной расцветки. Подобные демонстрации обозначаются термином «ритуализованная агрессия». Посредством сложной системы коммуникации, еще не вполне понятной ученым, животные передают сигналы, соответственно которым более сильное, доминирующее животное обычно становится победителем. Проигравшее животное сигнализирует о своем поражении разного рода примирительными формами поведения, такими как переворачивание на спину (характерное для щенков), опускание хвоста или головы, издавание криков, выражающих признание поражения. Более слабое животное затем оставляет территорию более сильному.

Какое отношение все это имеет к человеческой агрессии? Лоренц и другие этологи считают, что прежде чем пытаться понять человеческую агрессию, важно понять агрессию у животных, так как люди — часть животного мира и их поведение, вероятно, следует многим из его основных принципов. Другими словами, этологи принимают точку зрения Дарвина — «различие в степени». Efran и Cheyne (1974), например, из своих наблюдений за вторжением в личное пространство людей сделали вывод о том, что «человеческое общество может функционировать посредством механизмов, которые не настолько уникально человеческие, как это обычно принято думать» (p. 225).

Лоренц, однако, поднимает другой вопрос, который может иметь большее значение для понимания криминального поведения. Он утверждает, что люди обогнали эволюционный процесс сдерживания агрессии. Вместо развития естественных видов оружия и предназначенной для сохранения вида ритуализованной агрессии люди изобрели технологическое оружие. Таким образом, он и многие другие этологи полагают, что они

знают, по крайней мере, частичный ответ на вопрос, почему люди бессмысленно калечат и убивают членов собственного вида: у них не развилась способность переключаться па необходимое для сохранения вида поведение типа ритуализованной агрессии. Вместо этого, благодаря замечательной способности научения, у них развились способности уничтожать.

Этологический подход вызывает живой интерес, но он не получил подкрепления в исследованиях человеческой агрессии (Bandura, 1983; Zillmann, 1983; Montagu, 1973). Зоологи, биологи и психологи пытались применить идеи Лоренца к пониманию поведения человека, но без особых успехов. Одна из проблем состоит в том, что дологическая позиция основывается главным образом на аналогии между животным и человеком. Лоренц приводит, например, в качестве доказательства то, что европейский серый гусь (Greylag) поразительно похож на представителей вида Eloino sapiens (Berkowitz, 1973). Однако человеческий мозг делает нас уж слишком непохожими на европейского серого гуся и вряд ли допускает возможность принимать инстинкты в качестве фактора, определяющего наше поведение. Исследователям предстоит еще описать разнообразие инстинктивного или инвариантного генетически запрограммированного поведения человека. Помимо того, «способность контролировать свои мысли, мотивацию и поведение является отличительной человеческой характеристикой» (Bandura, 1989, p. 1175).

Этологи также не могут интерпретировать множество существующих научных исследований, которые проверяли их концепцию и нашли ее недостаточно доказательной. Эта любопытная реакция или отсутствие таковой подрывает валидность представленных этологами данных в целом. Некоторые критики характеризовали теоретизирование этологов как «наукообразную дезинформацию» (Leach, 1973). В настоящее время, таким образом, существует немного свидетельств, поддерживающих взгляд на человека как существо прирожденно опасное и жестокое или управляемое инстинктами.

Гипотеза «фрустрация — агрессия»

В 1939 году, в год смерти Фрейда, группа психологов Йельского университета выдвинула гипотезу о том, что агрессия является прямым следствием фрустрации (Dollard, Miller, Mowrer & Sears, 1939). Согласно утверждению Долларда и его коллег, люди, подвергающиеся фрустрации, депривации, разозленные, находящиеся в ситуациях, связанных с угрозой,

будут вести себя агрессивно, так как агрессия — это естественная, почти автоматическая реакция на фрустрирующие воздействия. Более того, люди, ведущие себя агрессивно, это люди фрустрированные, депривированные, раздраженные или чувствующие себя в опасности. «Агрессия всегда является следствием фрустрации» (Dollard et al., 1939, p. 1).

Благодаря простоте и важным следствиям, гипотеза «фрустрация — агрессия» стимулировала множество последователей и вызвала многочисленные критические выступления. Психологи констатировали, что не только не просто решить, в чем состоит фрустрация, но и определить, каким образом точно ее измерить. Исследователи также установили, что агрессия куда более сложный феномен, чем думали Доллард и его коллеги. Фрустрация не всегда ведет к агрессии, а агрессивное поведение не всегда является следствием фрустрации. Эксперименты показали, что люди реагируют на фрустрацию по-разному. Некоторые действительно реагируют агрессией, но другие проявляют широкий диапазон способов реагирования.

Вслед за Леонардом Берковицем (Berkowitz, 1962, 1969, 1973), исследователи начали предлагать современную, пересмотренную версию гипотезы «фрустрация — агрессия». Согласно Берковицу, фрустрация увеличивает вероятность того, что индивид будет испытывать состояние гнева и затем действовать агрессивно (агрессия при этом определяется как поведение, целью которого является причинение вреда или ущерба, нанесение повреждений или уничтожение вещей или людей). Короче говоря, фрустрация облегчает осуществление агрессивных действий. Поведение может быть открытым (физическим или вербальным) или неявным (желание чьей-то смерти). Гнев, однако, не единственная потенциально агрессивная эмоция. Аверсивные ощущения, такие как боль, или приятные состояния, например сексуальное возбуждение, также могут вести к агрессивному поведению (Berkowitz, 1973). Мы вскоре еще вернемся к этому вопросу.

Важным компонентом ревизованной гипотезы «фрустрация — агрессия» является понятие предвосхищаемых целей или ожиданий. Когда поведение, направленное на достижение конкретной цели, блокируется, результатом обычно бывает фрустрация. Таким образом, индивид должен был представлять себе достижение цели или определенного существенного успеха. Просто недоступность тех или иных благ не обязательно будет вызывать фрустрацию. Люди, живущие в условиях депривации, могут не испытывать фрустрации, если у них нет ожиданий чего-то лучшего. «Люди из бедных слоев общества, которые никогда не мечтали о том, чтобы иметь ав-

томобили, стиральные машины или новые дома, не испытывают фрустрации из-за того, что они лишены всего этого; они становятся фрустрированными только тогда, когда у них появляется надежда» (Berkowitz, 1969, p. 15).

Агрессия, считает Берковиц, это только одна из возможных реакций на фрустрацию. Индивид может усвоить другие способы реагирования, такие как замыкание в себе, ничегонеделание или попытки изменить ситуацию путем компромисса. Формулируя свою концепцию, Берковиц не только акцентирует значение научения, но и подчеркивает роль индивидуальных различий в том, как люди реагируют на фрустрирующие ситуации.

Ревизованная гипотеза «фрустрация — агрессия», таким образом, предполагает следующую последовательность составляющих: 1) индивид блокируется в достижении ожидаемой цели; 2) возникает состояние фрустрации, порождающее чувство гнева; и 3) гнев предрасполагает или вызывает готовность к агрессивному поведению. Совершит ли фрустрированный индивид агрессивные действия, будет зависеть частично от его или ее истории научения, интерпретации события и индивидуального способа реагирования на фрустрацию. Это будет, однако, зависеть также и от присутствия в окружении «запускающих» агрессию стимулов.

Берковиц отмечает, что наличие во внешнем окружении (или во внутренней «ситуации», представленной мыслями) агрессивных стимулов увеличивает вероятность агрессивного реагирования. Оружие хороший пример таких стимулов. Большинство людей в нашем обществе ассоциируют огнестрельное оружие с агрессией. Берковиц (1983) уподобляет оружие обусловленному стимулу, вызывающему агрессивные ассоциации и облегчающему открытую агрессию. Оружие, даже если оно не используется, с большей вероятностью порождает агрессивные действия, чем нейтральные объекты. «Одно лишь восприятие оружия может вызвать идеи, образы и экспрессивные реакции, которые были связаны с агрессией в прошлом...» (Berkowitz, 1983, p. 124).

В одном из экспериментов, проведенном с целью проверить эту гипотезу (Berkowitz & Le Page, 1967), испытуемые, разгневанные молодые люди, чаще совершали агрессивные действия при наличии в поле зрения оружия, чем испытуемые, в поле зрения которых вместо оружия находились ракетки для бадминтона. Полученные в этом эксперименте результаты позволяют предполагать, что вид оружия (такого, например, которое могут иметь при себе офицеры полиции) может

фактически у некоторых людей не подавлять, а скорее, облегчать агрессивные реакции.

Полученные Берковицем и Лепажем результаты породили множество дискуссий по поводу того, действительно ли оружие может провоцировать агрессивное поведение. В ряде исследований делались попытки воспроизвести эти результаты, но они не подтвердили существование эффекта оружия (Penrod, 1983). Некоторые исследователи пришли к выводу, что многие испытуемые, участвующие в подобных экспериментах, догадываются о цели исследования, и это искажает получаемые результаты. Однако обстоятельный анализ многочисленных исследований по данному вопросу позволяет делать вывод, что существуют веские доказательства того, что эффект оружия действительно существует (Carlson, Marche-Newhall & Miller, 1990). Карлсон и его коллеги заключают: «Связанные с агрессией предметы, находящиеся в поле зрения испытуемого во время эксперимента, способствуют агрессивному реагированию. Этот эффект оказывается особенно выраженным, если испытуемые, перед тем как увидеть такие предметы, переживают состояние негативного возбуждения» (p. 632). Эффект оружия был обнаружен также и в исследованиях, проведенных в других странах, включая Бельгию, Грецию, Италию и Швецию (Berkowitz, 1994).

Следует упомянуть, что «запускающие» агрессию стимулы не обязательно должны быть явно «агрессивными» по своему виду (например, ружье, нож, бомба), но могут быть и по видимости нейтральными. Это значит, что достаточно только ассоциации стимула или объекта с аверсивными событиями или их определенно неприятного значения для индивида, чтобы интенсифицировать агрессивные реакции. Даже некоторые виды музыки могут способствовать агрессивному поведению (Bogers & Ketcher, 1973).

Berkowitz (1983) подчеркивал два важных составляющих уравнения «фрустрация — агрессия». Во-первых, агрессивное поведение зависит от того, в какой степени человек воспринимает фрустрирующие действия другого лица как намеренные. Во-вторых, агрессия зависит от того, в какой степени фрустрация переживается как аверсивное состояние. Согласно Берковицу, люди впадают в гнев и становятся агрессивными, когда на пути к достижению желаемой цели возникает препятствие и если при этом они думают, что это препятствие намеренно создается кем-то или этот некто намеренно стремится им навредить. «Они с большей вероятностью будут вести себя агрессивно, когда кто-то препятствует им в достижении цели, если считают действия фрустратора намеренны-

ми и несправедливыми, нежели в том случае, когда эти действия воспринимаются ими как ненамеренные или не направленные против них лично» (Berkowitz, 1989, p. 68). Таким образом, в игру вступает самоконтроль, и люди сдерживаются, если считают, что никто намеренно не стремился причинить им зло, или если они не расценивают действия фрустратора как незаконные. С другой стороны, люди испытывают чувство гнева и проявляют агрессию, если считают, что с ними поступили несправедливо, или думают, что подвергались атаке, направленной против них лично.

Берковиц также утверждает, что депривации и фрустрации порождают негативный аффект, эмоциональное состояние, которое люди обычно стремятся ослабить или устранить. Кроме того, неожиданное препятствие с большей вероятностью может спровоцировать агрессивную реакцию, чем предвидимый барьер на пути к цели, потому что первое обычно бывает много более неприятным. То есть оно порождает более сильный негативный аффект.

В его переформулированном варианте гипотезы «фрустрация — агрессия» Берковиц акцентирует значение когнитивных факторов. Теперь эта гипотеза получила название «когнитивно-ассоциативная модель». Она описывается следующим образом. На ранних стадиях аверсивное событие порождает негативный аффект. Этот негативный аффект может быть следствием физической боли или психологического дискомфорта. С физическим страданием как аверсивным воздействием все ясно, но психологический дискомфорт требует некоторого уточнения. Словесное оскорбление может служить хорошим примером. Хотя физическая боль при этом отсутствует, личные оскорбления или унизительные комментарии порождают гнев, депрессию или печаль — все это негативные аффекты практически у любого человека. Неприятные чувства или негативные аффекты затем продуцируют, вероятно, почти автоматически разнообразные чувства, мысли и воспоминания, ассоциированные с тенденциями к бегству (страх) или борьбе (гнев). На этой ранней стадии опосредующие когнитивные процессы имеют незначительное влияние, помимо непосредственной оценки ситуации как аверсивной. Некоторые люди могут реагировать быстро на основе этих инициальных эмоций без сознательного обдумывания, и при этом иногда совершая насильственные действия. На последующих стадиях, однако, в действие могут включаться когнитивные процессы, оказывая существенное влияние на эмоциональные реакции и психические состояния, возникающие вслед за инициальными, автоматическими действиями. Эти когнитив-

ные процессы опосредуют и реализуют оценку хода событий. На последних стадиях находящийся в состоянии возбуждения человек осуществляет каузальные атрибуции относительно неприятных событий, думает о природе своих чувств и, возможно, пытается контролировать свои эмоции и действия.

Берковиц подчеркивает, что любое неприятное чувство или возбуждение может вызвать агрессивную или даже связанную с насилием реакцию. Человек в состоянии депрессии может убить свою семью, или фрустрированный подросток может в ярости наброситься на человека, наделенного властью.

Теория переноса возбуждения

Зильманн (Zillmann, 1988) предложил теорию, объясняющую процесс генерализации физиологического возбуждения с одной ситуации на другую. Получившая название «теория переноса возбуждения», эта концепция основывается на том допущении, что физиологическое возбуждение, чем бы оно ни было выражено, не исчезает моментально, но угасает лишь постепенно. Например, у человека, разозленного или расстроенного из-за критической оценки выполненной работы, сохраняется некоторое остаточное возбуждение еще и тогда, когда вечером он приходит к себе домой. Если дома случается что-нибудь не очень приятное, такой человек способен «выйти из себя» и взорваться из-за пустякового домашнего инцидента. Таким образом, комбинация предсуществующего возбуждения и гнева, вызванного домашним инцидентом, может увеличить вероятность агрессивного поведения. Перенос возбуждения от одной ситуации к другой оказывается наиболее вероятным, когда индивид не осознает, что у него сохраняется некоторое возбуждение от предыдущей ситуации в новой ситуации, не связанной с первой.

Агрессивное вождение

Агрессивное вождение, или дорожная агрессия, хорошо иллюстрирует рассмотренную выше теорию переноса возбуждения. Агрессивное вождение определяется как такое поведение, когда рассерженный, нетерпеливый или возбужденный автомобилист намеренно причиняет вред или убивает или же пытается причинить вред или убить другого автомобилиста, пассажира или прохожего в результате происшедшего во время движения спора, ссоры, перебранки (Mizell, 1995). Дорож-

ная ярость — другой термин, обозначающий агрессивное вождение. Этим термином обозначаются крайние акты агрессии, являющиеся прямым результатом ссоры между водителями (Joint, 1995). В последние годы агрессивное вождение, или дорожная ярость, приобретает все большие масштабы и становится все более опасным феноменом. Как можно заключить из имеющихся отчетов за 1996 год, в Вашингтоне и его окрестностях агрессивные водители представляли даже большую угрозу для других водителей, чем водители в состоянии алкогольного опьянения. По имеющимся оценкам, ежегодно в среднем свыше 1500 мужчин, женщин и детей получают увечья или погибают в результате агрессивного вождения или дорожной ярости.

Исследования показывают, что большинство агрессивных водителей — это молодые мужчины с криминальным прошлым или такие, у которых имеются проблемы с наркотиками или алкоголем (Mizell, 1995). Однако агрессивные водители встречаются среди представителей любых социальных групп, независимо от социально-экономического уровня или рода занятий. Также и знаменитости не являются исключением. «В Калифорнии обладатель „Оскара“ Джек Николсон решил, что водитель „Мерседеса“ его „подрезал“. Пятидесятисемилетний актер вышел в момент остановки на красный свет из машины и нанес битой для гольфа несколько ударов по лобовому стеклу и крыше „Мерседеса“» (Mizell, 1995, p. 5).

Обычно агрессивные водители используют огнестрельное оружие (37%) или в качестве оружия — свой собственный автомобиль (35%). В качестве оружия применяются также монтировки, ручки от домкрата, бейсбольные биты, защитные пульверизаторы, кулаки и ноги. Mizell (1995, p. 8) пишет: «Хотя событие, спровоцировавшее инцидент, может быть тривиальным, в любом случае существует некоторый „резервуар“ гнева, враждебности или фрустрации, которые „выплескиваются“ под его воздействием». Однажды водитель подвергся атаке из-за того, что не смог выключить противоугонную сигнализацию на своем взятом напрокат джипе.

Семейные скандалы также часто являются причиной агрессивного вождения, когда взбешенные супруги или любовники разряжают свой гнев на автостраде. Не являются редкими случаи, когда в состоянии гнева водители используют свой автомобиль, атакуя стражей порядка и их машины. Гендерные различия в агрессивном вождении не столь значительны, как можно было бы ожидать. По данным одного обзора, 54% женщин признавались в агрессивном вождении, в то время как у мужчин эта цифра составила 64% (Joint, 1995). В этом обзоре по сообщениям респондентов наиболее частым проявлением

дорожной ярости было несоблюдение дистанции (то, что называется «висеть на хвосте») — 62%. Следующими по частоте проявления были: ослепленные светом фар (59%), непристойные жесты (48%), намеренное загораживание проезда (21%) и словесные оскорбления (16%).

Причиной дорожной ярости чаще всего оказывается неправильное понимание происходящего одним из водителей и восприятие и интерпретация его поведения другим водителем как агрессивного, аверсивного или направленного лично против него. По всей видимости, главным фактором, определяющим дорожную ярость, является фрустрация, порождающая эмоциональное возбуждение, которое нарушает нормальные процессы когнитивного регулирования поведения. В большинстве случаев дорожной ярости агрессивный водитель находится в состоянии уже сформировавшейся готовности к агрессивным или насильственным действиям, обусловленной каким-то инцидентом, случившимся до того, как водитель оказался за рулем автомобиля. Ссора с любовницей, неприятности на работе, финансовые трудности и множество других предшествующих событий могли вызвать состояние возбуждения. Стимулом, который «запускает» агрессивное поведение, как мог бы аргументировать Берковиц, согласно своей когнитивно-неоассоциативной модели, является раздражающее поведение другого водителя. Доступным оружием является собственный автомобиль. Таким образом, имеются в наличии необходимые компоненты для «запуска» агрессивного поведения: негативный аффект и соответствующий стимул.

Социальное научение

Почему некоторые люди в состоянии фрустрации ведут себя агрессивно, в то время как другие изменяют свою тактику, замыкаются в себе или как будто бы сохраняют спокойствие. Главным фактором, определяющим эти различия, является опыт предшествующего научения. Человек — существо, необычайно способное к научению, и сохраняет усвоенные паттерны поведения, даже если они были усвоены случайно. Этот процесс научения начинается в раннем детстве. Дети усваивают многие формы поведения, просто наблюдая за действиями родителей и других авторитетных лиц в своем окружении, т.е. посредством процесса, который мы назвали моделированием, или обсервационным наблюдением. Таким образом, различные паттерны поведения часто усваиваются ребенком через моделирование, или подражание другим лю-

дям, реальным лицам из своего окружения или воображаемым персонажам (Bandura, 1973a). Действительно, имеющиеся исследования показывают, что с наибольшей эффективностью научение агрессии происходит при условиях, когда ребенок: 1) имеет много возможностей наблюдения агрессии, 2) получает подкрепление за его или ее собственную агрессию или 3) часто оказывается объектом агрессии (Huesman, 1988).

Вообразим себе, что отец Гарри возвращается домой после жаркого дня, в течение которого ему не удалось достичь каких-либо заметных успехов (фрустрация). В почтовом ящике он находит официальное письмо из ИНС. Он вскрывает конверт, быть может, мысленно уже произнося пока еще не слишком крепкие ругательства, и узнает, что ИНС подозревает его в обмане правительства на несколько сотен долларов, хотя ему прекрасно известно, что никакого обмана он не совершал (следующая фрустрация). Его приглашают на аудиторскую проверку (еще одна фрустрация). Прочитав об этом, он бьет кулаком по столу и кричит: «Черт бы побрал!» или выкрикивает что-нибудь более колоритное и пинает ближайший стул (как раз настолько сильно, чтобы не повредить свою ногу, ибо научился, что можно сделать себе больно, из опыта прошлых подобных эпизодов). Отец не знал, что все это наблюдал его сынишка Гарри. Несколько часов спустя, когда рушится башня из кубиков, малыш стучит кулаком, пинает стул и выкрикивает: «Черт бы побрал!»

Когда имитативное поведение ребенка подкрепляется или вознаграждается похвалой или одобрением, исходящим от авторитетных людей, вероятность того, что подобное поведение будет повторяться в дальнейшем, увеличивается. Есть подтверждения тому, что в Америке родители (сознательно или не отдавая себе в том отчета) поощряют или подкрепляют агрессивное поведение своих детей, особенно сыновей. Например, поведение Гарри могло бы быть подкреплено, если бы отец или мать обратили на него свое внимание: «Каков герой, а!» или просто засмеялись — в следующий раз пинок мог бы получить не стул, а, скажем, кошка. В нашем обществе немало таких «Гарри», от которых ожидают или которых вознаграждают за агрессивное поведение. Дети научаются тому, что те, кто агрессивен и при этом достигает успеха, часто получает вознаграждение в виде статуса, престижа, более привлекательных игрушек или материальных благ.

Бандура выделяет три основных типа моделей: члены семьи, члены субкультуры и символические модели, демонстрируемые масс-медиа. Члены семьи, особенно родители, могут быть весьма влиятельными моделями до начала ранней юно-

сти. Начиная с ранней юности, модели из числа сверстников обычно становятся доминирующими. Не приходится удивляться, что чаще всего агрессия наблюдается в сообществах и группах, которые изобилуют агрессивными моделями, а способность самоутверждаться посредством драки рассматривается как весьма ценное качество (Bandura, 1989; Joint, 1968; Wolfgang & Ferracuti, 1967).

Масс-медиа, включая телевидение, кино, журналы, газеты и книги, изобилуют символическими моделями. Телевидение буквально заполняет жизнь ребенка, даже совсем маленького, и демонстрирует сотни потенциально мощных агрессивных и совершающих насильственные действия моделей в самых разных формах, начиная от утренних субботних мультфильмов и кончая порнофильмами по кабельному телевидению. Вопрос о том, насколько велико влияние этих моделей на детей, вызывает много дискуссий, и мы к нему еще вернемся дальше в этой главе.

Поскольку родители являются сильно действующими моделями, есть все основания ожидать, что у агрессивных или антисоциальных родителей такими же будут дети — агрессивными или антисоциальными. В классическом исследовании Сирса, Маккоби и Левина (Sears, Maccoby & Levin, 1957) интервьюировали 400 матерей детей детсадовского возраста на предмет применяемых ими методов дисциплинирования, их отношения к агрессивности детей и выражению детьми агрессивности по отношению к сверстникам, братьям, сестрам и родителям. Одним из главных выводов, сделанных на основании этого исследования, был вывод о том, что физические наказания, применяемые родителями, связаны с агрессивностью детей. Эта связь была особенно выраженной в тех случаях, когда физические методы дисциплинирования применялись наряду с высокой нетерпимостью в отношении проявляемой детьми агрессивности. Полученные в этом исследовании результаты подтверждаются данными других исследователей, которые показали, что дошкольники играли более агрессивно, когда за ними наблюдал попустительствующий взрослый, по сравнению с теми детьми, за игрой которых никто из взрослых не наблюдал (Siegel & Kolin, 1959).

Бандура (Bandura, 1973) убедительно доказывает, что агрессивное поведение можно более правильно понимать, успешно модифицировать, если использовать принципы научения, подобные тем, что рассматривались ранее. По мере того как психологи больше узнают о человеческом поведении, многие из них начинают соглашаться с позицией Бандуры.

Теория социального научения предполагает, что результаты агрессивного поведения усваиваются через наблюдение агрессивных моделей или на основе прямого опыта; затем агрессивные действия постепенно «совершенствуются» и закрепляются в результате получаемых подкреплений. Следовательно, люди могут усваивать агрессивные паттерны поведения, но редко их применять, если они не имеют функциональной ценности или не поощряются значимыми лицами из их социального окружения. Концепция социального научения признает, что биологические структуры могут ограничивать типы агрессивных реакций, которые могут быть усвоены, и что генетические факторы влияют на быстроту научения (Bandura, 1973a). Биология, однако, не программирует специфическое агрессивное поведение индивида. Разные способы поведения усваиваются через наблюдение, намеренное или случайное; они совершенствуются в ходе подкрепляемой практики.

Следует также добавить, что простая демонстрация модели не гарантирует того, что наблюдатель будет действовать в дальнейшем так же агрессивно, как действовала модель. Во-первых, разнообразные условия могут препятствовать обсервационному научению. Между людьми существуют большие индивидуальные различия в их способности к научению через наблюдение. Некоторые люди не умеют подмечать существенные черты в поведении людей, или у них может быть слабая символическая и визуальная память. Или же они могут не желать имитировать поведение модели. Бандура считает также, что важным компонентом обсервационного научения может быть мотивация к воспроизведению того, что человек наблюдал. Он отмечает, что массовый убийца, например, может заимствовать идею из описаний массовых убийств, совершенных кем-то другим. Эта идея, как и само описание массового убийства, может занимать центральное место в его сознании длительное время после того, как оно было забыто всеми другими. Такой человек продолжает думать о преступлении и мысленно проигрывать брутальный сценарий до тех пор, пока при благоприятных обстоятельствах он не осуществит его в реальном убийстве.

Другое ограничение обсервационного научения связано с тем, что происходит с наблюдаемой моделью. Если модель получает выговор или наказание во время или непосредственно после агрессивного эпизода, аналогичное поведение наблюдавшего, вероятно, будет подавляться. Поведение «плохого» парня нельзя оставлять безнаказанным, если мы не хотим поощрять антисоциальное поведение демонстрацией развлекательных телевизионных программ.

Условием закрепления и поддержания агрессивного поведения является его периодическое подкрепление. Согласно теории социального научения, агрессия сохраняется в результате инструментального научения. На инициальной стадии научения важно наблюдение, но на последующих стадиях существенную роль играет подкрепление. Подкрепление может быть позитивным, когда индивид получает материальные или социальные вознаграждения, или негативным, если оно позволяет человеку изменить или избавиться от аверсивных действий. Если агрессивное действие приносит вознаграждение любым из этих способов, индивид с большой вероятностью будет продолжать эти действия. Подросток, измученный безжалостными насмешками из-за его необычного имени, может наброситься на обидчиков с кулаками, чтобы прекратить эти издевательства. Агрессивное поведение увенчается успехом, это будет негативное подкрепление, но оно все равно будет вознаграждением. Агрессия может также обеспечить индивиду чувство контроля над ситуацией, если раньше дела обстояли не так, как ему или ей хотелось. Психологическое подкрепление, создаваемое чувством контроля, является чрезвычайно действенным фактором, влияющим на поведение.

Когнитивные модели агрессии

Недавно разработанные когнитивные модели научения агрессии предполагают, что хотя научение играет важную роль в формировании агрессивного поведения, не менее важны также когнитивные способности индивида и усвоенные им стратегии переработки информации. Две главные когнитивные модели были разработаны в последнее время. Одна из них предложена Роуэллом Хезманом и его коллегами (Huesmann & al., 1997) и получила название «модель когнитивных сценариев» (cognitiv scripts model). Другая модель, разработанная Кеннетом Доджем (Dodge, 1986; Dodgi & Coie, 1987), обозначается как модель враждебной атрибуции (hostile attribution model). Согласно Хезману, социальное поведение в общем и агрессивное в частности определяется в основном когнитивным сценарием, усвоенным в процессе накопления повседневного опыта и хранящимся в памяти. «Сценарий отражает предполагаемые события, которые могут произойти в окружающей среде, и „предписывает“, как следует реагировать на эти события, а также предусматривает вероятные результаты наших действий» (Huesmann, 1988, p. 15). Каждый сценарий отличается от любого другого и является уникальным для каждого индиви-

да, но, однажды сформировавшись, сценарии становятся устойчивыми к изменениям и могут сохраняться до зрелого возраста и далее. Для того чтобы сценарий сохранялся, его необходимо время от времени репетировать. В ходе практического использования сценарий не только кодируется, закрепляется в памяти, но и все с большей и большей легкостью используется, когда человек сталкивается с реальной проблемой. Кроме того, «оценка человеком уместности или адекватности сценария играет важную роль в определении того, какие сценарии сохраняются в памяти, а также того, какие сценарии актуализируются и продолжают использоваться» (Huesmann, 1988, p. 19). Процесс оценивания включает уверенность индивида в отношении предвосхищаемых результатов реализации сценария, оцениваемую им степень собственной способности исполнения сценария и то, в какой степени сценарий рассматривается как конгруэнтный с внутренними стандартами саморегуляции индивида. Сценарии, которые неконгруэнтны или нарушают наши внутренние стандарты, вряд ли будут сохраняться в памяти и использоваться. Индивид, противодействующие агрессии внутренние стандарты которого интегрированы слабо, или человек, убежденный в том, что агрессивность это нормальный способ действий, с большой вероятностью будет инкорпорировать сценарий агрессивного поведения. Агрессивный ребенок, например, способен провоцировать агрессивные реакции других людей, подтверждающие его или ее представления об агрессивности человеческой природы, в результате чего начинается циркулярный процесс взаимодействия причины и следствия.

Кеннет Додж и его коллеги выявили, что для крайне агрессивных детей характерна предрасположенность к враждебно-предубежденным аттрибуциям. То есть дети, склонные к насильственным действиям, чаще интерпретируют неоднозначные действия как враждебные и угрожающие, чем их менее агрессивные сверстники (Dodge, 1993). Они часто усматривают агрессию и насилие там, где на самом деле ничего такого не происходит. Исследования неизменно показывают, что склонные к насильственным действиям подростки «обычно определяют социальные проблемы враждебным образом, усваивают разные цели, находят немного дополнительных фактов и мало результативных решений». Аналогично Серин и Престон (Serin & Preston, 2001, p. 259) заключают: «Для агрессивных подростков характерны дефицитарность навыков решения социальных проблем и множество убеждений в поддержку агрессии. Особенно выделяется их склонность определять проблемы враждебным образом, осваивать враждеб-

ные цели и стремиться найти больше надежной информации, меньше генерировать альтернативных решений, меньше предвосхищать последствия агрессивных решений и выбирать менее эффективные решения».

Рональд Блэкберн (Blackburn, 1998) также сообщает данные исследования, на основании которых можно предполагать, что повторяющиеся правонарушения, совершаемые взрослыми, представляют попытки контролировать социальное окружение, воспринимаемое как враждебное и угрожающее. Блэкберн предполагает, что крайне криминальные правонарушители отличаются резко выраженным враждебно-доминирующим стилем взаимодействия с окружающим миром. Иначе говоря, часто повторяющееся криминальное поведение данного индивида отражает не столько просто дефицитарность сознания (как предполагал Айзенк) или самоконтроля (как считает Хиршу), сколько постоянное стремление контролировать и доминировать над другими в социальном окружении.

Согласно Блэкберну, хроническая криминальность может объясниться как «стремление сохранить статус или контроль над социальным окружением, от которого человек чувствует себя отчужденным» (Blackburn, 1988, p. 174). Хорошо отрепетированный когнитивный сценарий упорного, пожизненного правонарушителя, следовательно, отражает стремление индивида доминировать, часто враждебным образом, над социальным окружением, которое воспринимается им как враждебное.

Агрессия является простым, прямым способом разрешения конфликтов. Если что-то происходит не так, как хотелось бы вам, воздействие на социальное окружение с помощью угроз и враждебных действий может быть использовано как самый прямой (хотя и не обязательно самый эффективный в конечном счете) способ конфронтации с вашими обидчиками. С другой стороны, просоциальные решения и альтернативные неагрессивные сценарии представляют менее прямые и более сложные, по сравнению с агрессивными, решения. По существу, их использование представляется более затруднительным. Теоретически когнитивно более «простой» индивид будет более склонен к упрощенным и прямым решениям проблем. Помимо того, поскольку просоциальные решения более сложные и не так легко осуществимы, они требуют эффективных социальных навыков. Однако овладевание социальными навыками требует времени, а необходимые для их формирования подкрепления весьма неоднородны. Агрессивное поведение, с другой стороны, часто обеспечивает агрессору немедленное подкрепление и, следовательно, с большей вероятностью закрепляется и сохраняет-

ся в его арсенале стратегий непосредственных решений конфликтных ситуаций. На основе результатов двадцатидвухлетнего лонгитюдного исследования Huesmann (1984) пришел к выводу, что низкие интеллектуальность, компетентность и слабые социальные навыки повышают вероятность того, что ребенок, в основном, будет усваивать более агрессивные способы разрешения конфликтов. Например, данные исследований неоднократно подтверждали тот факт, что подростки, совершавшие серьезные сексуальные преступления, отличаются значительным дефицитом социальной компетентности, например, неадекватными социальными навыками, а также слабыми связями и изоляцией от сверстников (Righthand & Welch, 2001). Кроме того, имеются свидетельства, говорящие о том, что сформировавшийся агрессивный стиль поведения оказывается устойчивым и проявляется в разных ситуациях и в разное время и будет предпочтительным стилем данного индивида в течение взрослого периода его жизни. Но связь между ограниченной интеллектуальной компетентностью и агрессивным поведением не является простой и однонаправленной. Эта связь, по-видимому, скорее имеет интерактивный характер. Агрессивное поведение может интерферировать с позитивными социальными интеракциями с учителями и сверстниками, необходимыми для интеллектуального и социального развития, создавая непрерывную последовательность взаимовлияющих событий: агрессивное поведение влияет на социальное окружение, а социальное окружение, в свою очередь, — на агрессивное поведение.

Дольф Зиллманн (Zillmann, 1988) выдвигает похожий вариант теории когнитивных сценариев, но он, подобно Берковицу, акцентирует значение физиологического возбуждения и его взаимодействия с когнитивными процессами. Зиллманн соглашается с Хэббом (1955, p. 249) по поводу того, что возбуждение — «это энергетизатор, но не „менеджер“, двигатель, но не механизм управления». Когнитивные процессы направляют и регулируют энергетизирующие эффекты гнева, страха или фрустрации. Как хорошо известно из наблюдения агрессии у животных и человека, индивид, обнаружив угрозу своей безопасности и благополучию, может либо драться, либо спасаться бегством. «Распознавание опасности» незамедлительно вызывает состояние физиологического возбуждения, подготавливающее организм к борьбе или бегству. Распознавание опасности, напоминает нам Зиллманн, может быть непосредственным, а реакция рефлекторной. Что происходит дальше, также в большей степени зависит от когнитивных процессов, особенно у человека. Это верно в случаях, когда включаются

когнитивные сценарии. Если возбуждение умеренное, индивид, обладающий адекватными навыками и хорошо интегрированными стандартами просоциальных ценностей, по всей вероятности, будет следовать неагрессивному сценарию, хотя вначале он мог испытывать чувство гнева или страха. Однако очень высокие уровни возбуждения интерферируют со сложными когнитивными процессами, которые опосредуют активизацию нашего внутреннего кодекса поведения и обеспечивают нам возможность оценить намерение других и смягчающие обстоятельства (Zillmann, 1988). Вспомните какую-либо крайне стрессовую или опасную ситуацию, в которую, возможно, вам пришлось когда-то попасть, и вы оцените, насколько трудно при этом сохранить ясность мышления. Или вспомните случай, когда вы испытали сильнейший гнев и говорили или делали что-то такое, чего вы вовсе не собирались делать или говорить. При высоких уровнях возбуждения наши когнитивные процессы, по-видимому, суживаются и становятся более ограниченными, временами практически выключаются. Обычно при столь высоких уровнях возбуждения мы прибегаем к прочно сформировавшимся навыкам, управляющим и доминирующим в нашем поведении. По существу, мы становимся «импульсивными» и, в общем, бездумно действующими, а когнитивные процессы, которые могли бы ослабить враждебность или агрессивность, значительно редуцируются. Однако если мы практиковали или репетировали решения проблем посредством ненасильственных пли неагрессивных способов поведения, такие способы поведения с большей вероятностью могут стать навыками, к которым мы будем прибегать во всех случаях сильного стресса, страха и высокого уровня возбуждения.

Открытые и скрытые акты агрессии

Рольф Лебер и Магда Штутхамер-Лебер (Loeber & Stouthamer-Loeber, 1988) рекомендовали исследователям не забывать о том, что агрессивные действия бывают как открытые, или явные, так и скрытые. Согласно Леберу и Штутхамер-Лебер, эти две формы агрессии различаются: 1) паттернами поведения, 2) эмоциями, 3) когнитивными процессами и 4) развитием. В поведенческом плане открытая агрессия обычно предполагает прямое столкновение с жертвой и причинение физического вреда или угроз такового. Скрытая агрессия, с другой стороны, не предполагает прямого столкновения, но выражается в сокрытии, обмане, распространении сплетен и

т.д. Во многих случаях открытая агрессия с возрастом ослабевает, в то время как скрытая усиливается (Loeber, Lahey & Thomas, 1991; Stanger, Achenbach & Verhulsl, 1997). Однако у детей с серьезными формами открытой агрессии (насильственные действия) наблюдается тенденция к усилению с возрастом их агрессивности, и такие дети, вырастая и становясь взрослыми, часто совершают как насильственные преступления, так и преступления, связанные с собственностью (Loeber & Stouthamer-Loeber, 1998).

В эмоциональном аспекте гнев обычно является важным ингредиентом в большинстве открытых актов агрессии, в то время как для скрытой агрессии характерны более нейтральные эмоции. Насильственные действия обычно сопровождаются высокими уровнями возбуждения, вызванного чувством гнева. Скрытые действия, с другой стороны, такие как мошенничество, воровство, растрата казенных денег и всякого рода профессиональные преступления, чаще всего бывают менее эмоциональными.

Когнитивные процессы также различаются в случаях скрытой и открытой агрессии. Как мы уже объяснили в этой главе, для агрессивных и склонных к насилию субъектов характерна когнитивная дефицитарность, которая затрудняет им поиск и реализацию неагрессивных способов разрешения межличностных конфликтов и споров. Для скрытых агрессоров характерны также враждебные атрибутивные предубежденности, которые способствуют ориентации когнитивных процессов на реализацию насильственных способов поведения. Люди, которые пользуются скрытой агрессией как предпочитаемой стратегией, не проявляют выраженной когнитивной дефицитарности при решении межличностных проблем и не проявляют враждебной атрибутивной предубежденности. «Вместо этого постулируется, что большинство скрытых актов агрессии облегчается специфическими когнитивными способностями, такими как способность планирования (например, умение находить или выбрать подходящие ситуации, прежде чем совершить кражу), особый интерес к товарам широкого потребления и собственности и умение ловко лгать, чтобы избежать разоблачения» (Loeber & Stouthamer-Loeber, 1988, p. 250). Профессиональные преступления, например такие, как кража собственности своей компании, незаконное использование информации или программного обеспечения, часто совершаются после тщательного планирования и с большой предусмотрительностью. Преступления, совершаемые с использованием компьютеров, так называемые кибер-

преступления, также являют собой хороший пример скрытой агрессии.

В плане развития или формирования отмечается, что открытая агрессия наблюдается довольно рано, особенно у мальчиков, как это можно ясно видеть, например, в случаях упорных пожизненных правонарушителей. Однако Лебер и Штутхамер-Лебер предполагают, что формирование открытого агрессивного поведения необязательно идет параллельно усвоению скрытых агрессивных действий. Вместо этого «некоторые дети никогда не были социализированы родителями таким образом, чтобы быть честными и уважать собственность других людей. Как правило, это характерно для безразличных к своим детям родителей или родителей, не обладающих четко выраженной и твердой моральной позицией в отношении этих вопросов». Честность и уважение к собственности других людей внушаются наставлениями родителей и формируются также через подражание действием просоциальных моделей, которые они предлагают своим детям. Некоторые скрытые агрессивные действия, особенно ложь, могут формироваться также в качестве хорошо выученной стратегии, которая служит тому, чтобы минимизировать шансы разоблачения и наказания.

Агрессии	Паттерны поведения	Эмоции	Когниции	Формирование
Открытая	Прямое столкновение с жертвой. Ослабевает с возрастом	Гнев, высокий уровень возбуждения	Дефицит социальных когниций	Агрессия проявляется рано, особенно у мальчиков
Закрытая	Коварство. С возрастом усиливается	Слабые эмоции, преступления, такие как мошенничество, хищение	Основывается на когнитивных способностях	Может развиваться как хорошо отработанная стратегия избегания наказаний

Необходимо подчеркнуть, что не все открытые агрессоры, склонные к насильственным действиям, проявляют свою агрессивность в раннем возрасте. Как отмечают Лебер и Штутхамер-Лебер: «Следует принимать во внимание также и то, что у некоторых субъектов агрессивность и склонность к насилию проявляются, когда они становятся взрослыми, хотя в более раннем возрасте они не были агрессивными» (p. 246). Этот поздно проявляющийся тип (Lateonset-types) представ-

ляет меньшую часть взрослых правонарушителей, но можно предполагать, что не все крайне агрессивные и склонные к насилию субъекты проявляют свою агрессию в детстве.

В заключение следует отметить, что насильственные преступления представляют открытое агрессивное поведение, в то время как многие преступления, связанные с собственностью, и экономические преступления относятся к другому виду агрессии — скрытому агрессивному поведению.

Гендерные различия в проявлении агрессии

Хотя мальчики с возрастом начинают все чаше и чаще проявлять открытую агрессию и вступать в прямую конфронтацию с окружающими, вопрос о том, действительно ли они более агрессивны, чем девочки, остается еще открытым. Из работ современных психологов когнитивного направления следует, что многое определяется различиями в том, как осуществляется процесс социализации у мальчиков и у девочек. Теоретики социального научения давно уже отмечали тот факт, что девочки «социализируются» иначе, чем мальчики, и, как следствие, учатся не проявлять открытой агрессии. Энн Кэмпбелл (Campbell, 1993, p. 19) утверждает, что «мальчики не просто более агрессивны, чем девочки; они проявляют свою агрессивность по-другому». Согласно Кэмпбелл, мальчики и девочки рождаются потенциально равно агрессивными, но девочки социализируются таким образом, чтобы не быть открыто агрессивными, в то время как мальчиков поощряют именно быть открыто агрессивными, уметь постоять за себя. Лебер и Штутхамер-Лебер (Loeber & Stouthamer-Loeber, 1988, p. 253) на основании обзора исследований делают вывод о том, что «в общем, гендерные различия в агрессивности у маленьких детей документально не подтверждаются». Они отмечают, что только в период от трех до пяти лет начинают проявляться гендерные различия, а именно мальчики больше проявляют открытую агрессию, чем девочки. Открытая агрессия становится особенно доминирующей у мальчиков, начиная с младшего школьного возраста и далее. Мальчики научаются быть жесткими, не плакать, задирать других и физически защищаться. Однако исследователи (например: Bjorkgvist, Lagerspetz& Kankianinen, 1992; Cairnsetal,1989) также обнаружили, что девочки и женщины склонны использовать более скрытые, косвенные и вербальные формы агрессии, такие как, например, клевета и остракизм. Другие исследователи показали, что женщины используют агрессию отношений

(relational aggression), например бойкот, злобные сплетни и тайный сговор, направленный на разрушение чьих-то дружеских отношений (Crick, 1995; Crick & Grotpeter, 1995; Loeber & Stouthamer-Loeber, 1998).

В заключение отметим, что среди исследователей в последнее время все большее признание находит идея о том, что гендерные различия в агрессивности обусловлены не просто биологически, но в основном определяются культуральными факторами и процессом социализации, который способствует различным видам агрессии. Особенности социального окружения отражаются в когнитивных сценариях и агрессивных стратегиях, используемых индивидом в тех или иных ситуациях. Какой сценарий или какая стратегия будет использована, зависит от имеющихся в конкретной ситуации ключевых сигналов.

Факторы окружающей среды

Плотность населенности

С позицией этологов тесно связан подход, сторонники которого рассматривают агрессию как результат чрезмерной густонаселенности или, другими словами, нахождения в условиях перенаселенности. В зонах с высокой концентрацией проживающих личное пространство постоянно нарушается. Крупные города с огромным населением, непрерывным потоком транспорта и множеством многоквартирных домов переполнены людьми, постоянно нарушающими личное пространство и территорию. Может ли такая сверхнаселенность быть основным фактором, обусловливающим насильственные преступления, а возможно, и преступления против личной собственности?

Джон Б. Кэлоун (Calhoun, 1961, 1962) провел серию интересных исследований с домашними крысами и на основе полученных результатов счел возможным провести аналогию между крысами и людьми. Сначала он обеспечил для крыс возможности свободно размножаться в ограниченном пространстве с достаточным количеством пищи и воды. В конце концов колонии крыс стали сверхнаселенными до такой степени, что грызуны начали демонстрировать аномальное поведение.

В норме крысы-самцы находят одну или несколько самок, строят гнездо вместе с ними, производят и выращивают потомство. Имея возможность свободного перемещения, они редко проявляют интерес к чужим гнездам. В условиях пере-

населенности в эксперименте Кэлоуна, однако, крысы-самцы не занимались постройкой гнезд и не были способны защищать их от банд самцов-«мародеров». «Мародерствующие» самцы проникали в чужие гнезда, атаковали самок и разрывали все на куски. Самки были настолько измучены и запуганы этими мародерами, что утрачивали способность заботиться о своих отпрысках. Мародерствующими становились те крысы, которые не могли построить собственного гнезда из-за отсутствия места. Они усваивали образ жизни, который сводился к нападениям на других самцов и самок, к физическим и сексуальным атакам.

Кэлоун обнаружил также группу «делинквентных подростков» — самцов и самок, не имеющих гнезд, которые были обычно слишком слабыми, чтобы защищать себя или находить партнера или партнершу для спаривания. Эти крысята собирались в большие группы и целыми днями слонялись по клетке, спали, затевали драки, нападали на других крыс, находящихся поблизости. Довольно быстро крысиное сообщество деградировало, а его численность резко снизилась. Исследования Кэлоуна были воспроизведены другими учеными с использованием других животных, и полученные результаты, в общем, были схожими.

Возможно ли проводить аналогию между крысами и человеком? Данные исследований влияния перенаселенности на поведение человека далеко не однозначны. В настоящее время нет доказательств связи между перенаселенностью и преступностью среди людей, но некоторые данные, свидетельствующие о связи между перенаселенностью и агрессией, существуют.

Некоторые исследователи экспериментировали с людьми, создавая условия скученности и варьируя при этом температуру помещения (Griffin & Veitch, 1971). В общем, по мере увеличения количества людей и повышения температуры у испытуемых возникали негативные чувства по отношению друг к другу. Другие исследования (Freedman, Levy, Buchman & Price, 1972) выявили гендерные различия в реагировании на скученность. В группах, состоящих из лиц только мужского пола, и в условиях большой скученности испытуемые вели себя более агрессивно и враждебно по сравнению с испытуемыми, которые находились в нормальных условиях. Обратная картина наблюдалась у лиц женского пола. В смешанных группах гендерные различия не наблюдались. Полученные данные дают основания предполагать, что мужчины ощущают дискомфорт и становятся враждебными в ситуаци-

ях, где присутствуют только лица мужского пола и находясь при этом в условиях скученности, в то время как женщины в подобных условиях склонны быть более миролюбивыми и дружелюбными. Однако эти же результаты допускают и другие истолкования. Мюллер (Muller, 1983), например, считает, что данные, полученные Фридманом, свидетельствуют о том, что мужчины в условиях низкой скученности на самом деле были менее склонными к соперничеству и менее агрессивными и лишь немного более обвиняющими других, чем женщины. Вопрос о гендерных различиях в агрессивном поведении в связи с перенаселенностью или скученностью еще далек от разрешения.

Фридман (Freedman, 1975) выполнил ряд корреляционных исследований в разных регионах США и не обнаружил связи между плотностью населения и преступлениями, связанными с насилием, такими как убийства, изнасилования и разбойные нападения. Когда же были учтены социально-экономические факторы и другие релевантные переменные, оказалось, что частота насильственных преступлений снижалась пропорционально увеличению плотности населения. Фридман объясняет полученный результат большим числом потенциальных свидетелей в густонаселенных регионах.

Таким образом, в исследованиях плотности населения не было получено достаточно ясного подтверждения связи между густонаселенностью и агрессией (Muller, 1983; Harries, 1989; Kirmcyer, 1978). Хотя фактор скученности может играть значительную роль в порождении агрессивного поведения у животных, в человеческом обществе положение дел куда более сложное. В общем, имеющиеся данные по этому вопросу не могут служить доказательством того, что густонаселенность оказывает значительное влияние на преступность. Однако существуют некоторые предварительные свидетельства, говорящие за то, что фактор скученности в домашних условиях может играть определенную роль в порождении агрессии и преступности (Mueller, 1983; Gove, Hughes & Gallc, 1977; Roncek, 1975).

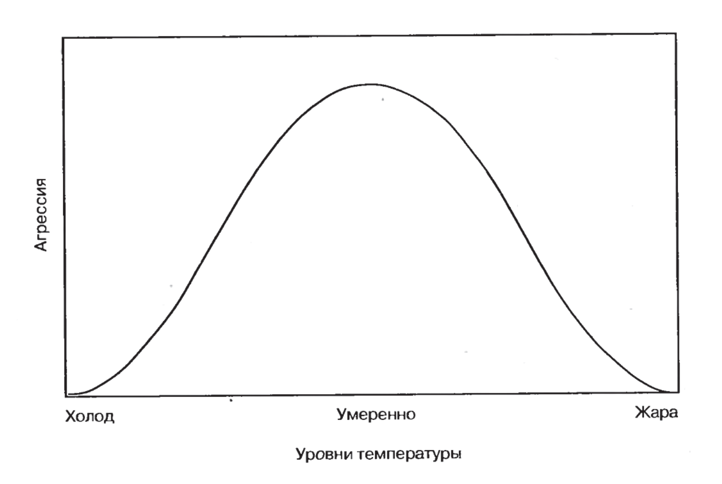
Агрессия и температура окружающей среды

С повышением температуры повышается уровень преступности. Так ли это? Гипотеза о влиянии сильной жары была предложена в качестве частичного объяснения уличных беспорядков и мятежей в конце 60-х и начале 70-х годов (Baron, 1977). Последующие исследования, проверенные под руководством Роберта Бэрона (Baron & Ransberger, 1978; Baron & Bell, 1975), подтвердили связь между температурой окружаю-

щей среды и агрессией. Эта связь, однако, по-видимому, имеет достаточно сложный характер. Как утверждает Роберт Бэрон, крайне низкие и очень высокие температуры, как правило, подавляют агрессию, в то время как промежуточные уровни обычно бывают связаны с ее проявлениями. Бэрон предполагает, что когда температура становится очень неприятной (слишком жарко или слишком холодно), главной заботой субъекта становится предпринять что-нибудь такое, что могло бы облегчить его положение, например, попить прохладной воды, надеть теплую одежду. Другими словами, субъект пытается, как говорит Берковиц (1989), избежать аверсивных воздействий (негативное подкрепление). Несколько более низкие уровни дискомфорта, однако, у некоторых людей могут увеличить вероятность агрессии. Представьте себе очень жаркий, но без чрезмерной влажности день в большом многонаселенном городе. Бэрон утверждает, что ваш дискомфорт плюс неприятные запахи и другие средовые факторы могут продуцировать раздражительность; у потенциальных агрессоров все это может стимулировать враждебность и агрессивное поведение.

Бэрон считает, что коллективное и индивидуальное насильственное поведение может быть спровоцировано скорее дискомфортными средними температурами, чем экстремально сильными жарой или холодом. Он предполагает также, что существует аналогичная криволинейная связь между уровнями шума и агрессией (Baron, 1977). Однако, как отмечает Пенрод (Penrod, 1983), эти исследования не учитывают в достаточной мере возможные влияния других средовых или ситуационных факторов, которые могут быть связаны с жаркой погодой, таких как, например, сезонная безработица. Проведенное недавно исследование Андерсон и Андерсон (Anderson & Anderson, 1984) не подтвердило предполагаемой криволинейной зависимости. Исследователи обнаружили, что количество ежедневных насильственных преступлений увеличивалось в прямой зависимости от температуры в двух разных городах. С увеличением температуры количество преступлений увеличилось в линейной зависимости. В другом исследовании Андерсон (Anderson, 1987) обнаружил, что общее количество преступлений в США было наибольшим в жаркие летние дни, как и в самые жаркие годы. Исследование также показало, что уровень преступности, связанный с насилием, был выше в городах, где стояла сильная жара, чем в тех городах, где было прохладнее. Это исследование, таким образом, также выявило скорее прямолинейную зависимость, а не криволинейную.

Другие исследователи обнаружили, что сочетание таких факторов, как высокая температура и загрязненность атмосферы, оказывает большое влияние на семейные ссоры и насильственное поведение (Rotton & Frey, 1985). Кэнрик и Мак-Фарланд (Kenrick & Mac-Farland, 1986) также нашли выраженную линейную зависимость между частотой автомобильных гудков и температурой воздуха, по крайней мере до уровня 106 градусов по Фаренгейту. То есть частота подаваемых водителями гудков увеличивалась с повышением температуры. Эта зависимость особенно явно прослеживалась в тех случаях, когда автомобили двигались с опущенными стеклами (вероятно, они были без кондиционеров). Помимо частоты увеличивалась также и продолжительность подаваемых сигналов в зависимости от температуры и влажности, причем гудки часто сопровождались вербальными и невербальными проявлениями враждебности. Исследователи также отмечают, что особенно высокие уровни подобных проявлений агрессии свойственны молодым водителям, лицам мужского пола.



Предполагаемая криволинейная зависимость агрессии от температуры

Имеющиеся данные также показывают, что в регионах с более жарким климатом совершается больше преступлений, связанных с насилием, таких как убийства, изнасилования, различные нападения, уличные беспорядки и жестокое обращение с женами. На основе обзора исследований, посвящен-

ных зависимости насильственных действий от температуры, Андерсон (Anderson, 1989) делает вывод о том, что, несомненно, существует выраженная связь между высокой температурой и насильственными преступлениями. Саймон Фильд (Field, 1992, p. 340) пишет следующее:

«Помимо возраста и гендера трудно найти какой-либо другой фактор, который бы столь же устойчиво коррелировал с насильственной преступностью. Этому вопросу уделяется мало внимания в криминологической литературе. Это связано, видимо, с тем, что мысль о том, что высокая температура может индуцировать криминальное поведение, воспринимается как проявление устаревшего, все сводящего к влияниям среды детерминизма и, следовательно, не может достаточно легко вписываться в современную социологическую теорию. Все же каковы бы ни были причины, имеющиеся свидетельства настолько весомы, что вопрос заслуживает серьезного изучения».

Однако хотя описанная зависимость проявляется вполне четко, она имеет, по-видимому, весьма сложный характер. Например, при условии высоких температур люди могут чаще принимать алкогольные напитки. Таким образом, скорее именно алкоголь может сыграть решающую роль в совершении насильственных действий, а не высокая температура воздуха сама по себе. Фильд (Field, 1992) предполагает, что связь насилия с температурой может быть обусловлена большей доступностью жертв, которые, спасаясь от жары, покидают свои дома и отправляются куда-нибудь, где попрохладнее, например в парки развлечений и отдыха.

Фильд (Field, 1992) расширяет рамки гипотезы о зависимости насильственных преступлений от температуры, включая в круг исследования также и преступления против собственности (кражи со взломом, воровство, ограбление и пр.) В своем исследовании Фильд рассмотрел данные статистики по погоде и преступлениям в Англии и Уэльсе за 40-летний период, уделив особое внимание подробным ежемесячным сведениям за десятилетие 1977- 1987 годов. Помимо сведений о температуре он включил в свой анализ данные о дождливой и солнечной погоде, ибо дождь часто называют другом полицейских, поскольку в дождливую погоду как потенциальные жертвы, так и преступники без особой надобности не стремятся покидать свои жилища и выбираться на улицы. Результаты показали устойчивую и статистически значимую связь между температурой и большей частью видов преступлений, но не выявили связи между преступлениями и дождливой или солнечной погодой. Конкретно высокие температуры коррелировали с

большей частотой совершаемых преступлений. Фильд (Field, 1992, p. 347) делает вывод: «...эти данные представляют убедительные свидетельства того, что превалирующие температуры влияют на уровень большей части видов совершаемых преступлений в Англии и Уэльсе». Далее Фильд утверждает, что «...данные не могут быть полностью объяснены с помощью гипотезы о влиянии температуры на агрессию, поскольку необъяснимыми остались бы данные о преступлениях против собственности» (p. 348), следовательно, линейная гипотеза, предложенная Андерсоном и другими, не дает адекватного объяснения тем данным, которые свидетельствуют о значительно более сложном характере связей, чем это предполагалось вначале. Быть может, температура влияет на насильственное поведение прямо, а на другие типы преступлений косвенным путем, через воздействие на социальное поведение. То есть температура влияет на преступления против собственности через воздействие на рутинные виды активности. В жаркую погоду, например, семьи отправляются на пляжи, оставляя свои дома более доступными для взломщиков и подвергая себя риску быть ограбленными или обворованными.

Другие средовые факторы

Связь агрессии с другими средовыми факторами, такими как, например, шум, загрязнение воздуха и даже эротически возбуждающие стимулы, представляет относительно новую область исследований. В связи с фактором загрязнения воздуха, например, некоторые исследования показывают, что воздействие сигаретного дыма делает людей более агрессивными (Jones & Bodat, 1978). Некоторые люди становятся более агрессивными, даже если в помещении не накурено, а просто кто-то курит поблизости от них (Zillmann, Baron & Tamborini, 1981). Другие исследователи сообщают о том, что неприятные запахи также провоцируют враждебное, агрессивное поведение. Имеются также некоторые свидетельства, говорящие о том, что громкие, неожиданные или непонятные шумы могут активизировать агрессивные тенденции. Например, Конечни (Konecni, 1975) нашел, что рассерженные субъекты в условиях громкого или непонятного шума становятся более агрессивными по сравнению с рассерженными людьми в условиях слабого и привычного шума. По-видимому, дополнительное возбуждение, вызванное шумом, суммируется с возбуждением, которое было продуцировано гневом, уже ощущаемым субъектом. Это увеличение уровня возбуждения, как можно предполагать, провоцирует агрессивное поведение.

Влияние эротических стимулов на агрессию и насилие, и особенно на сексуальные преступления, является важной темой, которая привлекла большое внимание исследователей в последние годы.

Влияние масс-медиа

98% американских семей имеют, по крайней мере, один телевизионный приемник (Американская психологическая ассоциация, 1993). К шестнадцати годам среднестатистический ребенок уже провел перед экраном телевизора больше времени, чем в школьном классе, и, вероятно, успел посмотреть свыше тринадцати тысяч сцен убийства (Walter & Malamud, 1975).

Четыре сцены насилия, демонстрируемые на экранах телевидения, приходятся на одну сцену, изображающую выражение чувств любви и нежности. Проводившееся в течение трех лет (1994–1997) четырьмя университетами исследование насилия, демонстрируемого американским телевидением, выявило, что 90% телевизионных фильмов включают сцены насилия. Было обнаружено, что чаще всего насилие изображается в фильмах, идущих по подписному телевидению (85% по ведущему каналу и 59% по основному), в то время как меньше сцен насилия демонстрируется в программах PBS (18%). В течение трех лет исследования почти 40% сцен насилия, показываемых по телевидению, инициировались «хорошими» персонажами, которые, по всей вероятности, воспринимаются как аттрактивные ролевые модели. 67% программ изображали насилие в юмористическом контексте. В общем, исследование показало, что в большинстве случаев сцены насилия производят сильнейшее впечатление, а долгосрочные негативные последствия насильственного поведения изображаются весьма редко. Почти все сцены насилия не содержат ни сожаления о содеянном, ни критической оценки, ни наказания, ни эмоциональных реакций преступников. В общем, как выяснилось, процент телевизионных программ, содержащих сцены насилия, остался неизменным за трехлетний период, в течение которого проводилось исследование. По одной из имеющихся оценок, среднестатистический американский ребенок ко времени достижения юношеского возраста успевает посмотреть по телевидению более ста тысяч эпизодов насилия и около двадцати тысяч убийств (Myers, 1996).

В другом обзоре было обнаружено, что в сводках новостей репортажи о насилии против женщин и детей использу-

ются не для воспитательных целей, а скорее для того, чтобы впечатлять и развлекать (НМА, 1990). Что касается предпочитаемых видеоигр, то оказалось, что наибольшей популярностью пользуются «фэнтези»-игры с насилием и другие «человеческие» игры с насилием (Funk & Buchman, 1996). В этом же исследовании было установлено, что число девочек, играющих в игры с насилием, равняется числу мальчиков. Излюбленными играми девочек чаще оказываются «фэнтези»-игры, в то время как мальчики предпочитают «человеческие» игры с насилием.

Не приходится удивляться тому, что многих тревожит насилие, представляемое в масс-медиа, у многих вызывает беспокойство и озабоченность и что у многих социальных ученых вызывает большой интерес его возможная связь с насилием в нашем обществе. Вопрос о влиянии насилия, демонстрируемого посредством масс-медиа, на уровень реального насилия в обществе был в центре внимания нескольких общественных комиссий и докладов, целью которых было повлиять на социальную политику (Wood, Wond & Chachcre, 1991). В общем, результаты многочисленных экспериментальных исследований показали, что насилие, демонстрируемое на телеэкранах, оказывает особенно большое влияние на частоту и тип агрессивного поведения взрослых и некоторых детей, особенно детей с повышенной восприимчивостью. Связь между насилием, демонстрируемым на телеэкранах, и реальной агрессией оказывается особенно выраженной в случаях подростков, которые идентифицируют себя с агрессивными персонажами, которых они видят по телевидению, и детей с трудностями в отношениях со сверстниками (Eron & Huesman, 1986). Помимо прочего, существует, по-видимому, также и корреляция между насилием, изображаемым в печатной продукции, включая порнографическую литературу, и реальными преступлениями с применением насилия. Однако исследователи на данный момент не установили причинной связи. Фридман (Freedman, 1988, p. 158), например, напоминает о том, что имеющиеся эмпирические данные не могут служить достаточным доказательством причинной связи между насилием на телеэкранах и реальной агрессией. Давайте рассмотрим некоторые исследования более подробно.

В классическом исследовании Бандуры (Bandura, 1965) 66 детей дошкольного возраста, разделенные на группы, смотрели один из трех пятиминутных фильмов. В каждом из фильмов взрослый мужчина вел себя крайне агрессивно, атакуя физически и словесно большую надувную куклу Бо-Бо. В од-

ной группе дети наблюдали, как этот человек за свое агрессивное поведение получил вознаграждение в виде сладостей и лимонада. Дети второй группы были свидетелями того, как агрессор за свое поведение подвергался наказаниям, физическим и словесным. Третья группа наблюдала ситуацию, в которой модель не получала ни наказания, ни вознаграждения.

После просмотра фильма дети получали возможность в течение десяти минут играть в соседней комнате, где было много разных игрушек, среди которых была и кукла Бо-Бо. В группе, наблюдавшей поведение модели, которая за свои действия получила вознаграждения, дети проявили больше агрессии, чем дети из двух других групп. Кроме того, мальчики были более агрессивными, чем девочки. Дети из группы, которая наблюдала за поведением модели, подвергавшейся наказанием, проявили наименьшую агрессивность в игровой комнате.

Дальнейшие исследования Бандуры, которые включали и разные варианты вышеописанного основного эксперимента, неизменно демонстрировали этот эффект моделирования, кроме того, многочисленные исследования других авторов не только воспроизвели результаты, полученные Бандурой, но и подтвердили предположение о том, что насилие, представляемое посредством масс-медиа, может оказать большое влияние на совершение насильственных действий во многих ситуациях в реальной жизни (Baron, 1977). Было высказано предположение о том, что даже репортажи о происшествиях, связанных с совершением насилия, могут иметь эффект заражения или эффект подражания, порождая у некоторых людей тенденцию подражать или копировать действия, демонстрируемые в развлекательных программах или сводках новостей. Эффект заражения, как полагают, имеет место, когда показываемые на экране действия тех или иных субъектов оцениваются определенным индивидом как привлекательные и имитируются ими. Например, изобретательное ограбление банка, драматизированное посредством телевидения, может быть имитировано кем-то из телезрителей. Эффект заражения, однако, не ограничивается только воздействием телевизионных моделей. Например, в исследовании Джойнер (Joiner, 1994) было продемонстрировано, как заразительной может быть депрессия студента колледжа. Студент в состоянии депрессии может понизить настроение своих друзей, членов семьи и других лиц, контактирующих с ним и пытающихся ему помочь.

Трагической иллюстрацией эффекта подражания могут послужить серии школьных расстрелов, которые начались в 1997 году. В октябре этого года в городе Пирл, штат Миссиси-

пи, подросток, после того как убил ножом свою мать, ворвался в школьное здание и открыл беспорядочную стрельбу, убив двух одноклассников и ранив еще семерых. Менее двух месяцев спустя в городе Уэст-Падьюка, штат Кентукки, четырнадцатилетний подросток открыл огонь по группе учащихся, убив двух школьников и ранив пятерых. Этот инцидент вызвал огромный резонанс и в течение нескольких недель широко обсуждался в средствах массовой информации. Несколько месяцев спустя, 24 марта 1998 года в городе Джонсборо, штат Арканзас, двое подростков, одиннадцати и тринадцати лет, вооруженные семью пистолетами и тремя винтовками, открыли стрельбу по своим одноклассникам, собравшимся в школьном дворе, убив двух девочек и учительницу и ранив еще десятерых. Из пятнадцати убитых или раненых только один был мальчик, из чего следует, что юные убийцы специально стреляли в девочек.

После трагедии в Джонсборо и ровно через месяц убийство было совершено в Эдинборо, штат Пенсильвания, когда четырнадцатилетний подросток открыл стрельбу во время школьных танцев и застрелил учительницу. Вслед за этим аналогичный трагический инцидент менее месяца спустя произошел в Файетвилле, штат Теннесси, в результате которого был убит один учащийся средней школы. Неделю спустя пятнадцатилетний подросток в городе Спринпрелд, штат Орегон, ворвался в школьный кафетерий. Прежде чем отправиться в школу, он застрелил также своих родителей. Менее чем через две недели после этого события, 15 июня 1998 года, четырнадцатилетний учащийся, вооруженный 32-калиберным полуавтоматическим пистолетом, открыл стрельбу в вестибюле школьного здания, ранив тренера по волейболу и его помощника. Все эти юные преступники отличались повышенным интересом к оружию, были из проблемных семей, знали во всех подробностях предыдущие случаи школьных расстрелов и проявляли особенно большой интерес к насилию, демонстрируемому с телеэкранов. 20 апреля 1999 года двое подростков, Эрик Харрис и Дилан Клибальд, в Литльтонс, штат Колорадо, ворвались в школьное здание, убили тринадцать человек и еще многих ранили, после чего покончили с собой. Оба подростка числились аутсайдерами, проявляли чрезмерный интерес к насилию, показываемому по телевидению, выражаемому через музыку, и насилию в видеоиграх.

Демонстрация насилия через масс-медиа не ведет, разумеется, автоматически к агрессии. Некоторые субъекты более чувствительны, чем другие. Дети из семей с низким уровнем дохода, по-видимому, испытывают большее влияние, чем дети

из среднего класса (Eisenhower, 1969); не вполне ясно, объясняется ли это только восприятием насилия как таковым или же кроме этого действуют и другие факторы. Данные некоторых исследований показывают, что позитивные родительские модели, по-видимому, могут успешно противодействовать влиянию телевизионных моделей, демонстрирующих насилие (Chaffe & Me Leod, 1971; Goldstein, 1975). Помимо того, телевизионное насилие, по всей вероятности, оказывает значительно меньшее влияние на семьи, в которых родители не используют агрессивное поведение как средство разрешения проблем (Chaffe & Me Leod, 1971)

Согласно результатам проведенных исследований, агрессивные дети, по сравнению с неагрессивными, больше смотрят телевизионных передач со сценами насилия, больше идентифицируют себя с персонажами, совершающими насильственные действия, и более склонны считать, что наблюдаемое ими насилие отражает реальную жизнь (Lefkowitz, Eron, Walter & Huesman, 1977; Huesman, 1988; Huesman & Eron, 1986). Означает ли это, что их агрессивный стиль поведения формируется через влияние масс-медиа? Ответ не вполне ясен. Берковиц (Berkowitz, 1970) считает, что люди, которые для реализации своих потребностей в основном полагаются на агрессивные действия, более подвержены влиянию насилия, демонстрируемого через масс-медиа, чем те люди, которые обычно не склонны к насильственным способам разрешения проблем. Исследования также показали, что крайне агрессивных подростков особенно сильно привлекает насилие, изображаемое в развлекательных программах (Berkowitz, 1970; Eron, 1963; Halloren, Brown & Chaney, 1969).

Регулярный просмотр телевизионных передач, изображающих насилие, может вызывать у зрителей привыкание к насилию, а также формировать у них искаженное представление о мире. «Запойные» телезрители реагируют на сцены насилия с меньшим физиологическим возбуждением по сравнению с людьми, которые меньше времени проводят перед телеэкраном, из чего можно предположить, что многократное созерцание сцен насилия приводит к десенсибилизации по отношению к насилию (Cline, Croft & Courrier, 1973; Thomas, 1988). Кроме того, телевизионные программы изобилуют злодеями и бессовестными персонажами, образами, которые могут у зрителей, слишком много времени проводящих перед телеэкраном, создать пессимистическую картину мира. Имеются данные, свидетельствующие о том, что «запойные» телезрители, по сравнению с «нормальными», отличаются большей подозрительностью по отношению к другим людям и склонны

переоценивать вероятность того, что они могут стать жертвами преступления (Gerbner & Cross, 1976).

Блэк и Бивен (Black & Bevan, 1992) сообщают данные исследования, говорящие о том, что кино может оказывать большее влияние на агрессивное поведение, чем телевидение. Они аргументируют свою точку зрения, ссылаясь на то, что телевизионные программы прерываются рекламой, телезрители во время их просмотра разговаривают, выходят из комнаты, читают, и вообще их внимание отвлекается на друзей, членов семьи и т.п. В кинотеатре фильм демонстрируется в темноте, в присутствии многих незнакомых людей, без перерывов и в условиях полной концентрации внимания зрителей. Следовательно, изображение насилия на киноэкране должно быть более реалистичным, более захватывающим и прочнее фиксироваться в памяти, по сравнению с его демонстрацией на телевизионном экране. Блэк и Бивен нашли, что взрослые (как мужчины, так и женщины), которые смотрели фильмы со сценами насилия, были более агрессивными, чем те, кто смотрел без таковых, хотя их агрессивность, вероятно, довольно быстро «распылялась» после ухода из кинотеатра.

В своем весьма обстоятельном обзоре литературы Вуд и его коллеги (Wood et al., 1991, p. 380) делают следующее заключение:

«Наши результаты показывают, что демонстрация насилия посредством масс-медиа повышает вероятность агрессивности детей и подростков при взаимодействии с незнакомыми, соучениками и друзьями. Наши данные нельзя не принимать во внимание, как представляющие искусственные экспериментальные конструкции, поскольку исследования, включенные в наш обзор, оценивали демонстрацию агрессии средствами масс-медиа в таком виде, как она естественно проявляется в свободном социальном взаимодействии».

Однако Вуд и его коллеги делают оговорку по поводу того, что эти исследования фокусировались на кратковременных эффектах масс-медиа, поскольку исследователи оценивали агрессивное поведение непосредственно сразу же после просмотра фильма. Долговременные эффекты влияния насилия, демонстрируемого посредством масс-медиа, остаются, в общем, еще неизученными. Однако после проведения свыше трех тысяч исследований, посвященных влиянию насилия и агрессии, изображаемых средствами масс-медиа, представляется вполне убедительным вывод о том, что демонстрация насилия на теле- и киноэкранах усиливает агрессивные тенденции как у детей, так и у взрослых.

Агрессия, спровоцированная жертвой

До настоящего момента мы утверждали, что агрессия, в основном, представляет собой способ поведения, усвоенный в результате научения. Хотя на агрессию и может влиять ряд переменных — температура, фрустрация, ситуационные сигналы — люди совершают агрессивные действия, потому что они научились тому, что агрессия приносит пользу. Теория социального научения постулирует, что агрессивное поведение, в основном, усваивается через моделирование и фиксируется посредством различных форм подкрепления, особенно социального подкрепления. Однако мы еще не уделяли внимания другому параметру, жертве агрессии. Нередко бывает так, что конкретное агрессивное действие провоцируется или стимулируется поведением индивида, который в конечном счете становится жертвой. Например, все дело начинается с жаркого спора, а заканчивается ссорой, переходящей в драку, — процесс, который называется эскалацией.

В обзоре исследований, проведенном Бэроном (Baron, 1977), было показано, что большинство людей реагируют на провокацию, пытаясь отплатить той же монетой (например: Taylor, 1967; Epstein & Taylor, 1967; Hendrick & Taylor, 1971; O'Leary & Dengcrink, 1973). Более того, ответная реакция приближается по интенсивности к вызвавшей ее провокации. Зачинщик далее реагирует усилением провоцирующих действий. Таким образом, словесные атаки часто ведут к попыткам физического возмездия и насилия. Отсюда следует, что в некоторых случаях совершения преступлений жертва играет активную роль в эскалации действий преступника.

Понятие эскалации хорошо вписывается в концепцию социального научения. То есть мы влияем на наше окружение, и социальное окружение, в свою очередь, влияет на нас. В любом интерперсональном контакте имеет место взаимодействие участвующих лиц. Многие инциденты с насилием происходят между членами семей или между лицами, которые знакомы друг с другом. Исследования часто обнаруживают эскалацию гнева и возбуждения среди участников инцидентов, нередко заканчивающуюся серьезными увечьями или даже смертью.

Физиология агрессии

Хотя большая часть агрессивных действий представляет результат сформировавшегося путем научения способа реа-

гирования на те или иные ситуации, некоторые теоретики и исследователи агрессии настаивают на том, что значительную роль в ее детерминации играют физиологические факторы. В последние годы отношения между физиологией и агрессией широко обсуждались в связи с так называемым предменструальным синдромом, проблемой фармакологического лечения сексуальных преступников и предполагаемой связью определенных психических и физических нарушений (шизофрения, эпилепсия) с насильственными преступлениями. В то время как существуют данные, свидетельствующие о выраженной связи между агрессией и физиологическими переменными у некоторых видов животных, подобные данные, касающиеся человека, значительно менее убедительны.

Имеются экспериментальные факты, говорящие о том, что нервная и эндокринная системы у животных играют значительную роль в детерминации их агрессивного поведения. Эндокринная система выделяет гормоны в кровь или лимфу. Различие действия мужских и женских гормонов связывают с различиями в тенденции к агрессивному поведению. Таким образом, мужской гормон тестостерон, как полагают исследователи, повышает готовность к агрессивному реагированию как у самцов, так и у самок (Moyer, 1971; Goldman, 1977). У животных женский гормон прогестерон, введенный с целью коррекции гормонального дисбаланса, может ослабить симптомы раздражительности и напряженности. Существуют некоторые данные, свидетельствующие о том, что женщины, с целью предупреждения беременности принимающие таблетки, содержащие прогестерон, демонстрируют меньшую раздражительность, враждебность по сравнению с теми, которые таких таблеток не принимают (Hamburg, Moos & Yalom, 1968).

Некоторые исследователи считают, что различные гормональные эффекты могут частично объяснять, почему подавляющее большинство насильственных преступлений совершается не женщинами, а мужчинами. Помимо этого было установлено, что связь между скоростью секреции тестостерона и уровнем явной враждебности хорошо выражена у молодых мужчин, но не у старых (Goldman, 1977). Эта связь особенно заметна у юношей, совершавших нападения на людей или попытки убийства. Тестостерон может выделяться в больших количествах у молодых мужчин, чем у мужчин более старшего возраста. Мы, однако, подчеркиваем, что научение, социальные ожидания и когнитивные процессы играют крайне значительную роль в любой статистике, показывающей гендерные различия в криминальном поведении.

Предменструальный синдром (ПМС)

Здесь будет уместно обсудить предменструальный синдром (ПМС) — комплекс физиологических и психологических изменений, происходящих перед менструацией, обычно за 4-7 дней до ее начала. Хотя ведутся активные дебаты по поводу того, насколько значимы предменструальные симптомы и насколько они распространены, чтобы их можно было диагностировать как синдром. Эти изменения могут включать опухание конечностей и грудей, утомляемость и головные боли. С другой стороны, некоторые исследователи сообщили также и о позитивных симптомах, связанных с ПМС, таких как повышение креативности и физической энергии.

Исследователи считают, что предменструальные симптомы связаны с изменениями в гормональном балансе между эстрогеном и прогестероном (Moyer, 1976; Tasto & Jnsel, 1977). Во время предовуляционной фазы (от начала цикла до четырнадцатого дня) прогестерон доминирует относительно эстрогена, и это доминирование достигает максимального уровня приблизительно на четырнадцатый день (овуляция), когда уровень эстрогена начинает расти и в конечном счете становится доминирующим. Понижение уровня прогестерона ассоциируется с высокой степенью риска суицида, особенно насильственного суицида (Wetzee, Me Clure & Reich, 1971), госпитализацией, связанной с депрессией и шизофренией (Tasto & Jnsel, 1977), и совершением преступлений женщинами (Dalton, 1964; Moyer, 1971). Поскольку физиологические изменения предположительно могут оказывать сильное влияние на поведение, они с успехом использовалось защитой в судебных процессах в Англии.

Возражения против того, чтобы связывать ПМС и женское криминальное поведение, вполне понятны. Во-первых, имеется слишком мало согласия относительно того, существует ли данный синдром на самом деле. Во-вторых, если бы общество согласилось использовать ПМС для вынесения оправдательных приговоров даже в какой-то части преступлений, совершенных женщинами, это могло бы иметь весьма серьезные социальные последствия. По каким критериям следовало бы определять подверженность женщины влиянию ПМС, и можно ли полагаться на показания женщин относительно их состояния в течение предменструального периода? Хотя может показаться, что значимость этих вопросов преувеличивается, они совершенно уместны, если учесть, что в течение зна-

чительной части своей жизни некоторые женщины оказываются во власти своей биологии.

Связь между предменструальным синдромом и насильственными преступлениями еще должна быть убедительно подтверждена. Первое широко цитированное исследование по данной теме было проведено Мортоном и его коллегами (Morton, Addison, Addison, Hunt & Sallivan, 1953). Цель исследования состояла в том, чтобы оценить эффективность различных методов обращения с заключенными-женщинами, применяемых для облегчения их предменструального напряжения. Мортон помимо прочего упоминает о том, что 62% его выборки, состоящей из 249 женщин, совершили преступления, связанные с насилием (убийства, непреднамеренные убийства и нападения на людей), во время предменструальной недели. Другие 17% из той же выборки совершили насильственные преступления в период менструации. Однако это исследование страдает многими методологическими недостатками, вследствие чего полученные данные вызывают большие сомнения. Проценты преступлений были указаны для периода, состоящего из четырех фаз (предменструальная неделя, средняя часть цикла, менструация и конечная фаза), но длительность этих фаз не учитывалась (Homey, 1978). Помимо этого не были приведены данные статистического анализа и ничего не сообщалось о методах сбора данных (Homey, 1978). И наконец, необходимо отметить, что данные Мортона никому другому не удалось воспроизвести.

В другом исследовании Дальтон (Dalton, 1961) интервьюировала 156 только что осужденных и находящихся в английских тюрьмах женщин. По ее данным, 22% из этой выборки совершили преступления во время предменструальной фазы цикла, а другие 26% во время менструации. Ее метод определения этих процентов основывался исключительно на ретроспективных воспоминаниях самих женщин об их менструальном цикле. Далее, Дальтон разделила менструальный цикл на 7 четырехдневных частей с периодом менструации от первого дня до четвертого и предменструальным периодом — от двадцать пятого до двадцать восьмого.

В этом исследовании, однако, мы можем видеть ряд серьезных проблем. Во-первых, преступления в этом случае относились не к разряду насильственных, но скорее имели экономический характер (магазинные кражи, кражи со взломом, растрата казенных денег, подделка документов, проституция). Во-вторых, полагаться на разовые оценки, полученные по самоотчетам респондентов об их менструальных циклах, чрева-

то возможными ошибками, особенно ввиду того, что женщины обычно не могут точно вспомнить свои менструальные циклы (McFarland, Ross & De Courvill, 1988). В-третьих, не у всех женщин бывают регулярные двадцативосьмидневные циклы. Следовательно, разделение циклов на семь четырехдневных периодов представляется весьма сомнительной процедурой.

Недавние исследования также показали, что негативные эмоции (раздражение, чувство одиночества, депрессия и т.д.) не обязательно усиливаются во время предменструальной и менструальной фаз у большинства женщин. Например, Мак-Фарланд, Росс и де Курвиль (McFarland, Ross & De Courville, 1989) исследовали связь между представлениями женщин о менструальном дистрессе и их воспоминаниями о физическом дискомфорте и эмоциональных состояниях, сопровождающих цикл. Испытуемые ежедневно заполняли вопросник, в котором они оценивали свои эмоциональные состояния и физические симптомы на протяжении цикла. Затем их просили вспомнить свои ответы по вопроснику во время менструации. Воспоминания женщин не только не отличались точностью, но помимо этого, как оказалось, они соответствовали их представлениям о менструальном дистрессе. «Чем больше женщина верила в существование менструального дистресса, тем больше она в своих воспоминаниях преувеличивала негативный характер своих симптомов во время последнего периода» (p. 552). Сходные наблюдения были сделаны П. Като и Д. Рубле (Kato & Ruble, 1992), показывающими, что интенсивность негативных эмоций, переживаемых во время менструальной фазы, таких как напряженность, раздражительность, депрессия, эмоциональная лабильность и тревожность, остается вопросом, открытым для дискуссий. Исследование Догерти (Dougherty et al., 1998) не обнаружило свидетельств, подтверждающих связь между менструальным циклом и агрессивностью в двух группах женщин, различающихся по тяжести предменструальных симптомов, оцениваемых по их самоотчетам.

Таким образом, в настоящее время не существует доказательств того, что эмоции и настроения, предположительно сопровождающие ПМС, провоцируют или способствуют криминальному поведению. Фактически, крайне сомнительно, возникают ли вообще выраженные или интенсивные негативные настроения во время предменструальной и менструальной фаз у большинства женщин, вопреки тому, что утверждает «ходячая мудрость». В своем тщательном обзоре литературы Харри и Балкер (Harry & Balcer, 1987, p. 318) утверждают: «Вопреки наблюдающемуся значительному интересу к этой теме, мы

считаем, что научного подтверждения связи между любой из фаз менструального цикла и криминальным поведением не существует». В криминальной юстиции и юридических системах все еще продолжаются дебаты о том, должны ли гормональный баланс и дисбаланс служить оправданием криминального поведения или, по крайней мере, смягчать ответственность (Carney & Williams, 1983), или же им вообще нет необходимости придавать значение. Хотя некоторые исследователи настаивают на том, что общество должно принимать ПМС как существенный фактор, который следует учитывать при защите во время судебных процессов по насильственным преступлениям (то есть как состояние, освобождающее женщину от моральной ответственности), другие считают, что такой подход подрывает завоевание женщин в борьбе за экономическое, социальное и политическое равенство.

Физиологический контроль посредством хирургии и медикаментов

Еще один спорный вопрос, связанный с физиологией агрессии, — это вопрос о лечении преступников, совершающих насильственные преступления. Хотя лечение в широком смысле этого слова может означать психотерапию или психоанализ, в узком смысле оно приобретает чисто медицинскую коннотацию. Лицам, совершающим насильственные преступления, вводятся препараты, притупляющие их ощущения или противодействующие чрезмерной активности стимулирующих агрессию гормонов. В более крайних случаях они могут быть подвергнуты психохирургии или кастрации. Первая из этих двух процедур модифицирует центры агрессии мозга; вторая состоит в удалении тестикул, которые содержат тестостерон, тем самым прекращается их функционирование.

Существуют довольно убедительные свидетельства того, что кастрация снижает агрессивность животных. В немногих случаях кастрация заключенных, осужденных за сексуальные преступления, приводила к существенному снижению их агрессивности. Вас может удивить тот факт, что насильственная кастрация в США была узаконенной вплоть до 60-х годов XX века. Например, в Сан-Диего было проведено свыше 370 «добровольных» операций двусторонней орхидектомии (удаление обоих тестикул) у сексуальных преступников с психическими нарушениями «на юридическом основании» (Reiss, 1977).

Более распространенным является лечение препаратами, имитирующими химический состав и действие сексуальных

гормонов. Например, медроксипрогестерон (Depo-Provera), который химически подобен женскому гормону прогестерону, по всей видимости, является высокоэффективным препаратом, снижающим уровень тестостерона (Moyer, 1976). Пониженный уровень стимулирующего агрессию мужского гормона тестерона, по-видимому, снижает тенденцию к сексуальной активности Depo-Provera, следовательно, подавляет эксцессивное и импульсивное сексуальное агрессивное поведение сексуальных преступников. Существуют некоторые данные, свидетельствующие в поддержку этого предположения. Блюмер и Мижон (Blumer & Migeon, 1973), например, нашли, что введение высоких доз Depo-Provera успешно редуцировало сексуальное возбуждение и потребность предаваться сексуальным «девиациям». Однако необходимо еще провести много исследований, прежде чем могут быть сделаны обоснованные рекомендации к использованию подобных средств. Помимо того, использование препаратов подобно психохирургии поднимает многочисленные юридические вопросы, многие из которых до сих пор не рассматривались судебными органами.

В недавних исследованиях в области нейропсихологии была получена дополнительная информация об агрессивном поведении. Технологический прогресс и совершенствование инструментария обеспечили нейропсихологам возможности изучения потенциального влияния молекулярных компонентов, особенно так называемых нейротрапемиттеров на фасилитацию (facilinftion) или подавление (inhibiting) агрессии. Нейротрансмиттеры на биохимическом уровне непосредственно задействованы в передаче нервных импульсов. Без них коммуникация в нервной системе млекопитающих была бы невозможной. Исследователи установили, что некоторые из этих нейротрансмиттеров — а именно норэнинефрин, ацетилхолин и серотонин могут оказывать значительное влияние на кортикальные и субкортикальные механизмы, ответственные за агрессию и насилие. Однако ни один из них в отдельности не возбуждает и не подавляет агрессию.

Недавно проведенные исследования дают основание предполагать, что нейротрансмиттер серотонин может играть наиболее значительную роль в порождении агрессии и насилия. В частности, у многих субъектов, ведущих себя агрессивно или совершающих насильственные преступления, обнаруживается ненормально низкий уровень серотонина (Rosenzweig, Leiman & Breedlove, 1999; Bear, Connors, & Paradiso, 1996). Поскольку серотонин трудно измерить непо-

средственно, обычно применяемая процедура состоит в измерении концентрации этой субстанции в цереброспинальной жидкости.

Большинство исследований было проведено не на людях, а на животных. В одном из них, например, было обнаружено, что концентрация серотонина у агрессивных резусов была ниже нормального для этого вида обезьян (Higleyctal, 1992). В другом исследовании у ручных серебристых лис и лабораторных крыс были выявлены более высокие уровни серотонина, чем у их диких сородичей (Pihl & Peterson, 1993; Popova, Voitenko, Kulikov & Augustinovich, 1991).

В отношении людей Пиль и Петерсон (Pihl & Peterson, 1993, p. 114) утверждают: «Пониженный уровень серотонина связан с повышенной подверженностью депрессии, повышенным риском насильственного суицида, склонностью к агрессивному и импульсивному поведению и злоупотреблению алкоголем как у лиц с психическими отклонениями, так и у людей, не выходящих за рамки нормальности».

Например, Манн, Аранго и Ундервуд (Mann, Arango & Underwood, 1990) в своем обзоре литературы нашли, что у жертв суицида, как правило, обнаруживается пониженный уровень серотонина. Серотонин, по-видимому, играет значительную роль в детерминации некоторых форм депрессии, о чем может свидетельствовать относительный успех применения новых антидепрессантов, таких как прозак и золофт, которые поддерживают высокие уровни этой субстанции в различных частях мозга. Некоторые предварительные и еще не вполне доказанные данные говорят о том, что лица, которые проявляют жестокость после принятия алкоголя (Virkkuncn & Linnoila, 1993), а также дети, которые любят мучить животных (Kruesi, 1979; Kruesi et ah., 1990), по-видимому, отличаются ненормально низкой концентрацией серотонина. Другие исследования свидетельствуют о том, что низкие уровни серотонина в мозге стимулируют импульсивные формы агрессивного или насильственного поведения (Kruesi & Jacobsen, 1997).

Если нейротрансмиттеры влияют па агрессивное поведение, то было бы целесообразно определить возможности контролирования агрессии с помощью лекарственных препаратов. Нейротрансмиттеры чрезвычайно чувствительны к воздействию таких препаратов. Однако поскольку они являются основными субстанциями, влияющими на всякое поведение, любое изменение их уровней в нервной системе, по всей вероятности, будет влиять на большой диапазон поведенческих проявлений и эмоциональных состояний, а не только на то

поведение, которое исследователи хотели бы контролировать. Таким образом, хотя мы и не можем игнорировать значительные возможности контролирования и редуцирования агрессии с помощью лекарственных препаратов, однако при этом должны учитываться их периферические эффекты.

Некоторые нейрофизиологи концентрируют свои исследования на попытках идентифицировать центры агрессии мозга. Предполагается, что если удается локализовать структуры мозга, контролирующие или усиливающие агрессивное, или насильственное поведение, то им можно будет управлять. Современные исследования показывают, что если центр агрессии существует, то, скорее всего, он находится в той части ствола мозга, которая получила название лимбической системы и которая состоит из группы сложных мозговых структур и нервных волокон. Более конкретно, небольшая миндалевидная группа нервных клеток, расположенная в стволе мозга и называемая миндалевидным телом, а также еще одна структура мозга, а именно височные доли, оказались в центре научных исследований. Сегодня, однако, мы еще слишком мало знаем о том, как работает наш мозг, и не знаем, где локализованы поведенческие центры (Chorover, 1980).

Изучая связь между агрессией и центрами мозга, исследователи обычно используют стереотаксическую методику, с которой многие связывают большие возможности контролирования агрессии. Через маленькие отверстия, проделанные в черепной коробке, в мозг вводятся электроды, через которые осуществляется электронная стимуляция тех или иных его центров. Исследователи могут также вводить в мозг тончайшие стеклянные трубочки (канюли), через которые возможно химически стимулировать отдельные участки мозга. Имплантированные в мозг и прикрепленные к черепной коробке электроды позволяют не только осуществлять воздействие электрическими импульсами, но и дистанционное управление по радио. Эта процедура беспроволочной коммуникации получила название телеметрии. Внешняя часть электрода достаточно мала, чтобы ее было не видно под волосами. Боли во время проведения этой процедуры субъект не чувствует.

Через электроды подаются электрические импульсы, стимулирующие те или иные структуры мозга (или разрушающие их в случае необходимости воздействием высокочастотного переменного тока) Таким способом агрессивное или насильственное поведение может стимулироваться или подавляться, в зависимости от того, какой эффект имеет стимуляция определенных центров — возбуждающий (фасилитация) или по-

давляющий. Если электрические импульсы подаются в центры фасилитации, субъект, по всей вероятности, будет вести себя агрессивно, если в центры ингибиции — он будет вести себя спокойно.

Как результат вышеупомянутых исследований, теперь у исследователей имеется возможность имплантировать электроды в специфические участки мозга и отслеживать паттерны мозговых волн с помощью компьютера, даже если субъект находится на некотором расстоянии от лаборатории. Когда у данного конкретного индивида появляется конфигурация мозговых волн, которая, как известно, связана с его насильственным поведением, компьютер активирует электрическую стимуляцию соответствующего центра.

Насилие можно контролировать также посредством перманентных изменений тканей мозга хирургическими, электрическими или химическими средствами (все вместе получившими название психохирургии). Хирургические операции повреждения височных долей мозга были проведены у нескольких заключенных в Калифорнии (Valenstein, 1973). Японский нейрохирург Хиротаро Нарабайаси сообщает об успешном проведении операции миндалевидного тела у пациентов с агрессивным, неконтролируемым, деструктивным и насильственным поведением. Около 68% его пациентов стали значительно менее агрессивными и менее склонными к насильственному поведению (Valenstein, 1973).

Каковы социальные последствия этих научных достижений? Некоторые исследователи утверждают, что мы должны контролировать антисоциальные элементы в нашем обществе любыми эффективными биохимическими, электрическими или хирургическими средствами, если это необходимо. В начале 1970-х годов тогдашний президент Американской психологической ассоциации Кеннет В. Кларк призывал своих коллег к наиболее полному использованию этих достижений в биологических исследованиях, которые он называл психотехнологией. Полагая, что ни один человек не совершал бы преступных действий, если бы «не был побуждаем к их совершению теми или иными внутренними, биохимическими, или внешними, Социальными, силами или некоторой комбинацией тех и других» (1971, p. 105в), Кларк сделал следующий комментарий:

«Значение эффективной психотехнологии для контроля криминального поведения и устранения моральной дефективности, которая порождает преступность, вполне понятно. Таким образом, представляется оправданным с моральной и рацио-

нальной точки зрения использование компульсивных преступников в качестве испытуемых в поисках точных форм вмешательства и морального контроля человеческого поведения».

Кларк также полагал, что мировые лидеры сами должны подвергаться наиболее совершенным формам психотехнологического и биохимического вмешательства, с тем чтобы их потенциальные агрессивные, враждебные импульсы могли находиться под контролем. Это было бы оправдано, так как послужило бы цели предотвращения массового уничтожения цивилизации.

После этого широко цитировавшегося заявления Кларка немногие психологи ратовали за столь радикальные интервенции, хотя методы биохимического воздействия и хирургические техники оперирования мозга (психохирургия) становятся все более и более совершенными. Если бы предложения Кларка стали осуществляться в широких масштабах, то связанные с ними медицинские, правовые, моральные и этические проблемы оказались бы чрезвычайно сложными, а поставленные вопросы остались бы неразрешенными. Кто должен решать, какие методы применительно к кому следует использовать? Кого необходимо принудительно подвергать психохирургии, а кого убедить в ее необходимости? Каковы конституционные права субъектов? Хотя некоторые судебные органы уже начали искать ответы на те или иные из этих вопросов применительно к институционализованным индивидам, остается еще много неразрешенных вопросов, выходящих за рамки данного текста.

Кроме того, биологическое редуцирование агрессивного поведения, несомненно, повлияло бы также и на социально желательные формы поведения. Существуют научные данные, говорящие о том, что биологическое манипулирование мозгом может оказать значительное влияние на эмоциональное, когнитивное и интеллектуальное функционирование. Нейронные сети в центральной нервной системе не функционируют изолированно. По имеющимся оценкам, человеческий мозг содержит от 10 до 13 миллиардов нервных клеток (нейронов), цепочки взаимосвязей между которыми образуют самую сложную интеркоммуникативную связь в известной нам вселенной. Каждая нервная клетка или нейрон может играть некоторую роль в детерминации поведения. Ученые говорят о зонах или структурах мозга, которые могут обусловливать некоторые виды поведения, но им известно, что каждая из этих зон содержит множество нейронов и поддерживающих клеток, которые вносят свой вклад в разнообразие функций. Та-

ким образом, хирургические, электрические или химические воздействия с целью повлиять на агрессию могут в то же время случайно повлиять и на другие формы поведения, изменение которых не вызывается никакой необходимостью.

Патология мозга и агрессии

Рутинные посмертные исследования хронически антисоциальных, склонных к насильственным действиям субъектов обычно не выявляют заметных повреждений или злокачественных образований в лимбической системе или в других частях нервной системы (Godman, 1977). Это не означает необходимого отсутствия физиологической анормальности. Инструменты, используемые при посмертном анализе, могут не быть достаточно совершенными и точными для того, чтобы обнаружить их. С другой стороны, насильственное поведение индивида могло быть обусловлено скорее биохимическими субстанциями трансмиттеров, нежели каким-либо злокачественным образованием или повреждением нейронных структур. В некоторых случаях, однако, были обнаружены симптомы серьезных заболеваний мозга. Например, такие симптомы были выявлены у Ричарда Спека, убившего в Чикаго пятерых студентов (Valenstein, 1973). У Чарльза Уитмена, который застрелил прохожего с крыши университетского здания, при вскрытии была обнаружена большая опухоль в области миндалевидного тела (Mark & Ervin, 1979). Но даже и в этих случаях остается неясным, повлияли ли эти патологические изменения мозга непосредственно на насильственные действия Спека и Уитмена.

Кроме того, представляется крайне маловероятным, чтобы большинство преступников в нашем обществе страдало патологией или выраженной дисфункцией мозга. Небольшая часть преступлений может быть совершена лицами, страдающими теми или иными заболеваниями мозга, но такие заболевания не объясняют большую часть агрессии в нашем обществе.

Аномальные паттерны мозговых волн встречаются более часто. У значительного числа заключенных, совершивших насильственные преступления, были обнаружены такие паттерны. Вы можете вспомнить, что одна из категорий аномальных паттернов мозговых волн, низковолновая активность, особенно характерна для области височных долей мозга. По оценкам Хэйра (Hare, 1970), у 2% общей популяции обнаружива-

ется этот феномен, в то время как среди осужденных за убийство доля лиц с подобным паттерном составляет 8,2%, а среди агрессивных психопатов 14%. Другой тип аномальной мозговой активности, позитивная пиковая активность, наблюдается у менее 2% общей популяции. Однако по имеющимся оценкам, такой паттерн мозговой активности наблюдается у 20–40% субъектов, отличающихся импульсивным, агрессивным и деструктивным поведением (Hare, 1970). Деструктивные и насильственные реакции могут быть вызваны относительно слабыми провоцирующими воздействиями, но их результатом могут оказаться серьезные преступления против собственности, а также наносимые жертвам увечья или их смерть. Являются ли аномальные мозговые волны причиной насильственного поведения? Или же насильственное поведение становится причиной аномальных мозговых волн? Дать однозначный ответ на этот вопрос невозможно. На настоящий момент исследования паттернов мозговых волн выявили лишь корреляции, которые не означают причинно-следственной связи. Имеющиеся в настоящее время научные данные свидетельствуют о том, что некоторые формы патологии мозга или дисфункции обнаруживаются у очень небольшого процента лиц, для которых характерно насильственное поведение, и ни о чем более.

Наследственность и XYY-хромосомы

Некоторые из ранних исследователей полагали, что криминальное поведение и предрасположенность к насильственным действиям обусловлены наследственностью. Наиболее знаменитым сторонником этой позиции является Ломброзо, который был убежден, что «криминальный» тип можно идентифицировать посредством специфических физических характеристик, таких как асимметричность головы и челюстей, низкий лоб, оттопыренные уши и кустистые, сходящиеся брови.

Более современные исследования отношения между генетикой и криминальностью были сфокусированы на так называемом хромосомном XYY-синдроме. Стимулом для этих исследований послужило открытие Джакоба и его сотрудников (Jacob, Brunton, Melville, Bittain & McCleremont, 1965), которые выявили значимую связь лишней Y-хромосомы у лиц мужского пола с триадой характеристик — высокий рост, отставание в умственном развитии и необычайно высокий уровень агрессивности. После опубликования результатов это-

го исследования некоторые специалисты приняли гипотезу о том, что XYY-хромосомная аномалия тесно связана с насильственной преступностью у лиц мужского пола.

Хромосомы — цепочки генетической субстанции, известной как ДНК, которая содержит наследственный код, определяющий рост и продуцирование каждой живой клетки в организме. Хромосомы контролируют физические свойства, такие как, например, цвет глаз и волос или рост человека, а также могут оказывать значительное влияние на его темперамент и многие психологические предиспозиции. Например, хромосомы могут обусловливать предрасположенность к депрессии. В норме каждая клетка в человеческом теле содержит 46 хромосом, или 23 пары хромосом. Одна из них определяет пол человека и все его половые характеристики. Одной из хромосом в каждой паре является X-хромосома, но другой может быть либо X-, либо Y-хромосома, в зависимости от пола индивида. Они получили свое название по их виду под микроскопом. Каждая клетка нормальной женщины содержит две X-хромосомы, в то время как каждая клетка нормального мужчины X-хромосому и Y-хромосому. В некоторых случаях, однако, наблюдается генетическая аномалия у лиц мужского пола, состоящая в том, что две Y-хромосомы соединяются с одной X-хромосомой — отсюда феномен XYY. Вместо обычных сорока шести хромосом получается сорок семь.

Основные характеристики, связанные с наличием лишней Y-хромосомы, включают необычайно высокий рост, вспышки насильственной агрессии и низкий уровень интеллекта — хотя существует и немало исключений. Характерными являются также крупные прыщи или рубцы от прыщей.

У ряда знаменитых убийц, по-видимому, имела место XYY-аномалия. Одним из них был Роберт Петер Тайт, который был осужден за то, что избил до смерти семидесятисемилетнюю женщину (Fox, 1971). XYY-феномен был обнаружен у него после суда, но это не помешало приведению приговора в исполнение. XYY-генотип впервые был использован в качестве основания для защиты в 1968 году во время суда над Дэниэлом Хьюгоном в Париже. Хьюгона судили за зверское убийство немолодой женщины-проститутки. Будучи осужденным, он получил, однако, лишь семь лет тюремного заключения. Все же осталось неясным, принял ли суд во внимание XYY-аномалию в качестве смягчающего обстоятельства при вынесении приговора (Fox, 1971). В США не было случаев успешного использования судебной защитой XYY-феномена. «Большой злой Джон» Фарли, гигант 6 футов и 8 дюймов рос-

та, весивший 240 фунтов, который в 1969 году изувечил и убил женщину, был осужден, несмотря на его протесты и ссылки на свое психическое заболевание, обусловленное хромосомным дисбалансом. Наконец, у Ричарда Спека, убившего нескольких студентов, имелись некоторые физические особенности, связанные с XY-феноменом. После вынесения приговора специалисты исследовали его хромосомную структуру. Хотя опубликованные результаты вызвали в то время немало разногласий и разночтений, все-таки эксперты пришли к заключению, что генетическая структура Спека не была аномальной.

Хотя XYY-феномен не использовался судебной защитой, однако в некоторых из проведенных исследований были получены эмпирические данные, подтверждающие его связь с преступностью. До настоящего времени, однако, не было получено свидетельств того, что насилие и XYY-феномен идут рука об руку. На основании обстоятельного обзора мировой литературы Джарвик, Клодин и Мацуяма (Jarvik, Klodin & Matsuyama, 1973) пришли к выводу, что число лиц с XYY-синдромом составляет 0,11–0,14% от общей популяции, среди психически больных людей с этим синдромом значительно больше — от 0,13 до 0,20%. Однако в криминальной популяции, по данным Jarvik, XYY-феномен встречается в 1,9% случаев. В работе Jarvik проанализирована информация, полученная в двадцати шести исследованиях, включающих 5066 криминальных субъектов. Число лиц с XYY-синдромом, составляющее 1,9%, представляет, однако, лишь очень малую часть осужденных и только незначительную долю насилия в нашем обществе. В другом исследовании заключенные с XYY-аномалией, как выяснилось, совершили меньше насильственных преступлений, чем заключенные из группы с «нормальной» конфигурацией хромосом (Price & Whatmore, 1967). Подавляющее большинство заключенных с XYY-синдромом были осуждены за преступления против собственности.

Эпилепсия и насилие

С 1889 по 1970 год в США состоялось всего лишь пятнадцать судебных процессов, на которых эпилепсия была использована защитой подсудимых, которые обвинялись в совершении преднамеренного или неумышленного убийства и других насильственных антисоциальных действий (Delgado-Escueta, Mattson & King, 1981). Однако в 1970-х годах исследователи в области медицины предположили, что между эпи-

лепсией и насильственным поведением существует причинная связь (Goldstein, 1974; Pincus, 1980). Следствием этой предполагаемой связи явились поспешные решения в плане пониженной ответственности и использования психического заболевания защитой, начиная с 1977 года. Предполагаем, что лица, страдающие этим заболеванием, склонны к неконтролируемым вспышкам насилия и деструктивности. Однако имеющиеся данные исследований не подтверждают какой-либо связи между насильственным поведением и эпилепсией в общем и психомоторной эпилепсией в частности (Valenstein, 1973; Blumer, 1976).

Хотя гневное, раздражительное поведение в интервалах между приступами обычно бывает характерно для лиц, страдающих хронической височной эпилепсией, они редко причиняют физический ущерб другим людям (Blumer, 1976). В редких случаях насильственные действия могут совершаться во время состояний спутанного сознания, которое наступает непосредственно после эпилептического припадка, если индивид был спровоцирован. Во время такой кратковременной яростной атаки индивид, по-видимому, утрачивает самоконтроль и может даже уничтожить что-нибудь из мебели или какие-либо другие вещи или ударить кого-то из членов семьи. Действительные физические повреждения причиняются нечасто, и криминальные действия совершаются редко. Более того, остается не ясным, совершается ли агрессия вследствие самого припадка, по причине связанного с ним повреждения мозга, которое часто сопровождается психомоторной судорожной активностью, или же независимо от самого припадка (Hetberg & Fenwick, 1988). Имеющиеся свидетельства (например, Wong, Lumsden, Fenton & Fenwick, 1994) указываюn на то, что если насильственные действия совершаются во время припадка, то они, вероятно, обусловлены устойчивым долговременным паттерном реагирования индивида и не связаны непосредственно с самим припадком.

Резюме и выводы

В этой главе мы рассмотрели основные психологические подходы к агрессии и насилию. Ответы на вопрос о том, что может быть сделано в плане редуцирования агрессии и насильственных преступлений, основываются, в конечном счете, на нашем понимании природы человека. Если считать, что агрессия является врожденной и представляет часть наше-

го эволюционного наследия, как полагают сторонники психоаналитического и этологического подхода, то приходится делать вывод о том, что агрессия — неизбежная часть нашей жизни и мало что может быть сделано для того, чтобы изменить этот базовый ингредиент человеческой природы. Ключи к редуцированию агрессии следует искать в поведении животных. Если же, с другой стороны, мы полагаем, что человеческая агрессия является приобретенной, то ключевыми становятся принципы человеческого научения и мышления, и в таком случае допускается возможность изменять усвоенное поведение с целью улучшения человеческого рода. Это различение между двумя точками зрения было несколько упрощенным, но большинство современных теорий агрессии относится к одному из этих двух направлений. В настоящий момент подход с точки зрения научения находит значительно больше эмпирических подтверждений, чем концепция врожденной агрессии. Когнитивные факторы особенно важны для объяснения человеческой агрессии.

Однако по мере публикации все новых и новых исследований концепция научения становится все более сложной, и должны учитываться дополнительные факторы. Во-первых, как утверждает Берковиц (Berkovitz, 1989), физиологическое возбуждение играет главную роль в агрессивном и насильственном поведении. Высокие уровни возбуждения в определенных ситуациях, по-видимому, облегчают агрессивное поведение. Возбуждение крайнего уровня, по-видимому, интерферирует с нашим самоосознанием и внутренним самоконтролем, делая нас более подверженными воздействиям среды и обусловливая бездумное или привычное поведение. В связи с этим возникают серьезные вопросы относительно значимости высшей меры наказания или пожизненного заключения как средств сдерживания насильственных преступлений.

В этой главе рассматривались также различные типы агрессивного поведения. Открытые и скрытые формы агрессии должны приниматься во внимание при любом обсуждении преступности. Открытые агрессоры чаще совершают как насильственные преступления, так и преступления против собственности (экономические), в то время как скрытые агрессоры более склонны совершать преступления против собственности, особенно связанные с профессиональной деятельностью. И хотя традиционная «мудрость» гласит, что мальчики более склонны к агрессивному поведению, имеющиеся данные говорят о том, что и девочки с не меньшей вероятностью могут совершать разного рода агрессивные действия.

Ситуационные и нейрофизиологические факторы также могут оказывать значительные влияния на агрессивное поведение. Агрессивные стимулы, толпа, загрязненная атмосфера, температура, запахи и патология центральной нервной системы — все это может способствовать проявлению агрессии и насильственному поведению. Сторонники концепции социального научения также отмечают, что масс-медиа и демонстрируемые ими модели играют немалую роль в формировании наших установок, ценностей и общих впечатлений относительно насилия. Установки, убеждения и мысли начинают все больше выступать в качестве когнитивных процессов, играющих ведущую роль в объяснении криминального поведения. Оперантное и классическое обусловливание сохраняют свою значимость, но они оказываются неадекватными при объяснении многих сложных и запутанных случаев криминального поведения.

Мы заканчиваем главу коротким и емким высказыванием Роуэлла Хуэсманна, который на основании проведенного им обзора литературы заключает: «Ни один каузальный фактор сам по себе не объясняет больше, чем малую долю индивидуальных различий» (1997, p. 70). Он спешит добавить, однако, что «раннее научение и социализация играют ключевую роль в развитии привычной агрессии» (1997, p. 70).

УБИЙСТВА, ФИЗИЧЕСКИЕ НАПАДЕНИЯ И НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ

Если учесть, что телевизионные новости и развлекательные программы — довольно точные барометры заинтересованности публики, становится очевидным, что насилие и убийство — одна из самых интересных тем: как и секс, она хорошо продается. Обычно, чем изощреннее, чудовищнее и гнуснее убийство, тем больше о нем пишут в газетах, выпускают книг, снимают телевизионных сериалов и фильмов. Среди самых популярных преступлений — неординарные серийные убийства и так называемые убийства без явного мотива. Между тем в масштабе страны убийства составляют всего 1–2% особо опасных преступлений, о которых сообщает ФБР и другие источники официальной статистики. В 1999 году в США произошло 15 533 убийства (ФБР, 2000). Если взять процентное соотношение всех типов преступлений, то на убийства придется всего 0,2% общего количества правонарушений. Кроме того, в подавляющем большинстве убийств очень мало таинственного и совсем нет интриги. Чаще всего убийства совершают разгневанные друзья или приятели жертвы, супруги и знакомые.

Непропорционально большое внимание, уделяемое в прессе убийствам, можно объяснить по-разному. С одной стороны, в качестве параллели можно привести привлекательность всего оккультного, таинственного и мрачного. Мы с интересом смотрим и читаем научную фантастику, смотрим фильмы ужасов и читаем истории про дома с привидениями. Пожалуй, мы нуждаемся в некоторой доле возбуждения и страха, иначе наша жизнь будет слишком уж простой и скучной. Психологи давно поняли, что новизна вызывает возбуждение, волнение и прерывает однообразие и монотонность жизни (Berlyne, 1960). Потребность человека в стимуляции — которая, у некоторых людей (экстравертов) больше, чем у других (интровертов), — отчасти объясняет привлекательность «американских горок», прыжков с парашютом, автомобильных гонок, прыжков на «тарзанках» и азартных игр. Люди того же экстравертного типа любят смотреть фильмы про вампиров, оборотней, маньяков или про пыточные камеры, а для некоторых людей, не желающих непосредственно сталкиваться с

такого рода раздражителями, это служит источником косвенного удовольствия. Так или иначе все это придает жизни пикантность.

То, что убийства хорошо продаются, легко объяснить. Человек от природы любопытен и испытывает интерес к исследованиям, а изучение чего-то нового всегда волнует и возбуждает. Проявляя любопытство, человек или животное преследует одну цель — приспособиться к окружающей среде (Butler, 1954). Человек или животное изучает новую ситуацию, чтобы удовлетворить свое любопытство, теоретически считающееся имманентной психологической потребностью, и в процессе получения информации приспосабливается к новой ситуации. Любопытство к убийствам подготавливает нас к возможности того, что подобное могло бы случиться и с нами. Когда мы читаем о разных и, по всей видимости, иррациональных убийствах, это помогает нам идентифицировать сигнал опасности. Информация о подобных случаях может научить нас распознавать, кто убивает, а кто оказывается убитым и при каких обстоятельствах.

Однако если мы постоянно видим жестокость и убийства, то «приобретаем иммунитет» к ужасам. Многие авторы, пишущие на социальные темы, выдвигали убедительные аргументы в пользу того, что западная цивилизация пресытилась жестокостями и бесчеловечным поведением. Постоянные криминальные репортажи и детективные истории в средствах массовой информации делают человека нечутким к страданиям, при этом такие репортажи и передачи своим частым появлением создают впечатление того, что убийство и жестокость — нормальное и вполне обычное жизненное явление, и зрителю кажется, что убийства в действительности происходят часто. Этот феномен социальные психологи назвали эвристическим наличием (availability heuristic). Эвристика описывает когнитивные приемы, с помощью которых человек может быстро делать рациональные выводы об окружающем мире. Когда в новостях показывают красочные и пугающие репортажи о насильственных преступлениях, вполне вероятно, что человек запомнит наиболее яркие детали и будет в дальнейшем сверяться с ними. Когда человек впоследствии думает о насилии, то вспоминает наиболее яркие и страшные картины, и его страх перед жестокостью усиливается, а в сознании сам инцидент приобретает новый угрожающий масштаб.

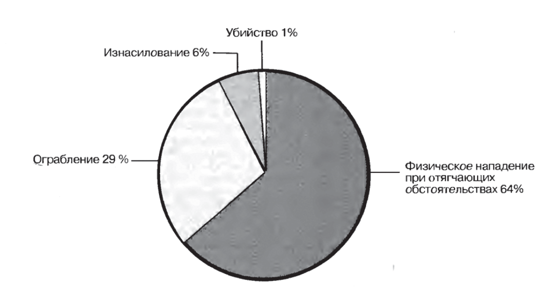
В этой главе мы не будем детально рассуждать о том, почему нас привлекают рассказы об убийстве и жестокости, и не станем рассматривать последствия длительного воздействия

криминальных репортажей. Мы поговорим об особо опасных преступниках. Наши размышления о преступности пригодятся нам, если мы рассмотрим человека как часть общества, которое испытывает неумеренную потребность в стимуляции и стремится узнать побольше о деталях преступления. Когда такой человек нечувствителен к страданиям и начинает сам стремиться к возбуждению, мучая и убивая, то в обществе возникает еще одна социальная проблема. Психология, как мы увидим в этой главе, предлагает некоторые варианты понимания и разрешения этой проблемы.

Определив основные термины, мы исследуем ситуативные факторы и факторы личностной предрасположенности, которые всегда имеют место, если речь идет об убийстве и преступном нападении, и начнем с данных, собранных социологами. Мы должны подчеркнуть, что приводим статистические данные лишь для того, чтобы дать представление о распространенности и социологических коррелятах преступлений, связанных с насилием. Затем мы более подробно опишем насилие в семье.

До сих пор в нашей книге теоретические темы рассматривались поверхностно и без привязки к конкретным преступлениям. Начиная с этой главы, мы свяжем описанные ранее теории и концепции с конкретными проявлениями преступного поведения.

Убийство 1 %
Изнасилование 6%
Ограбление 29 %
Физическое нападение при отягчающих обстоятельствах 64%



Реис. 13. Распределение преступлений, связанных с насилием, в США Источник: ФБР, 2000

Определения

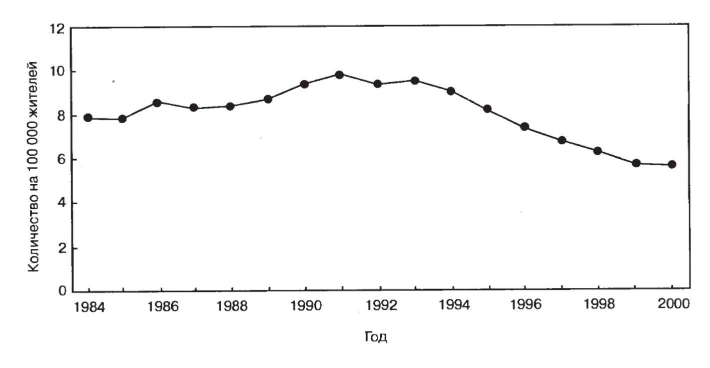
Криминалисты, как правило, изучают нападения при отягчающих обстоятельствах и убийства вместе, в основном из-за того, что зачастую считают нападение неудавшейся попыткой убийства (Doerner and Speir, 1986; Doerner, 1988). Данн (Dunn, 1976) критикует подобную практику. Он отмечает, что число нападений при отягчающих обстоятельствах по крайней мере в двадцать раз больше количества убийств. «Учитывая такое неравенство в количестве, трудно представить себе, что даже четверть всех серьезных нападений являются покушениями на убийство или что они и были бы убийствами, если бы не подоспела медицинская помощь» (Dunn, 1976, p. 10). Следовательно, мнение о том, что физическое нападение при отягчающих обстоятельствах стоит в одном ряду с убийством, скорее всего, необоснованно; эти преступления различаются по ряду важных переменных, в том числе и по мотивам нападающего. Поэтому пурист будет настаивать на разграничении физического нападения и убийства.

Для наших целей разделение физического нападения и убийства нереалистично и нежелательно. Нереалистично, так как большинство исследований, посвященных характеристикам правонарушителей, сводят эти категории преступников в одну, объясняя это тем, что у большинства убийц, как правило, убийство оказывается не первым преступлением. А нежелательно такое деление постольку, поскольку с психологической точки зрения эти два типа поведения можно сравнить. Зачастую окончательный результат определяет применяющийся преступником вид оружия: например, выстрел из мощного пистолета с очевидностью чаще оказывается смертельным, чем ножевой удар (Gillin and Ochberg, 1970; Block, 1977). Ножевые удары или побои могут представлять собой поведение, напоминающее поведение убийцы, о котором рассказывают в специальных вечерних новостях в субботу. В юриспруденции убийство и физическое нападение четко разграничиваются; в психологии это разделение менее заметно.

Блок (1977) утверждает, что смерть является весьма вероятным исходом любого серьезного преступления, в том числе грабежа и изнасилования. Следовательно, убийство — это насилие, зашедшее слишком далеко. В целом мы согласны с Блоком и определяем предумышленное убийство и физическое нападение при отягчающих обстоятельствах как одну форму жестокого поведения, хотя в разделе статистики мы слегка

разведем эти понятия. В последующих главах мы обсудим другие формы жестокого поведения, в том числе сексуальное насилие, вооруженный грабеж и поджог.

Убийство как преступление (криминальное убийство, предумышленное убийство) (Criminal homicide) — причинение человеку смерти в отсутствие законного оправдания или причины. С правовой точки зрения термин убийство (murder) — это «незаконное лишение жизни одного человека другим, совершенное со злым умыслом, явным или подразумеваемым» (Block, 1990, p. 1019). «Злой умысел» характеризует психическое состояние человека, который по своей воле, без законной причины или оправдания совершает поступок, приводящий к смерти другого человека. В большинстве государств убийство подразделяется на две степени, и такая законодательная ситуация дает судам возможность накладывать на некоторых убийц более серьезное наказание, чем на прочих. Законы некоторых штатов выделяют даже три степени убийства. Система степеней убийства была когда-то полезной и имела смысл, так как она позволяла дифференцировать убийц, заслуживавших смертной казни, от убийц, подлежащих тюремному заключению



Убийства и непредумышленные убийства в США

(Gardner, 1985). В последнее время проводятся еще более тонкие разграничения. Как правило, убийство первой степени совершается сознательно, предумышленно и обдуманно. Убийство второй степени — это намеренное незаконное умерщвление другого человека, совершаемое, однако, без предварительного злого умысла. Например, убийства второй степени — это «преступления в состоянии аффекта», скажем, если разъяренный отец душит пьяного водителя, только что

задавившего насмерть его сына. Хотя предварительного злого умысла здесь нет, разгневанный отец действительно хотел наказать убийцу.

В унифицированных отчетах о преступности и предумышленное, и непредумышленное убийство объединены в статистических целях под рубрикой «Убийство». Существенное различие между предумышленным убийством (murder) и непредумышленным убийством (manslaughter) состоит в том, что для предумышленного убийства характерен злой умысел, а в непредумышленном убийстве он отсутствует. Непредумышленное убийство происходит, если человек убивает другого в результате преступной небрежности или неосторожности. Хотя у него не было намерения убивать, закон утверждает, что в таких случаях следует знать, что небрежные или безрассудные действия могут привести к смерти другого человека. Например, если человек в шутку размахивал пистолетом, а пистолет выстрелил и шальная пуля кого-то убила, этого человека могут обвинить в непредумышленном убийстве. Еще один пример — охотник, который стреляет в другого охотника, приняв его за дикую индюшку. Убийство по небрежности — это убийство другого человека без всякого умысла. Другими словами, преступник не собирался убивать жертву, но в определенной ситуации разволновался и расстроился настолько, что частично утратил контроль над собой. Примером такого убийства могут служить случаи, когда мужчина душит женщину во время занятий любовью. В некоторых штатах такое убийство приравнивается к убийству второй степени.

В этой главе мы в соответствии с классификацией UCR объединим как предумышленное убийство, так и непредумышленное под рубрикой «убийство» (homicide). Нас не будут интересовать самоубийства, несчастные случаи, убийство по неосторожности или оправданное убийство (убийство человека, нарушившего закон, полицейским при исполнении служебных обязанностей или — в некоторых случаях — убийство частным лицом преступника во время совершения уголовного преступления).

Физическое нападение (Assault) — намеренное нанесение телесных повреждений другому человеку или попытка нанести такие повреждения. Это нападение становится физическим нападением при отягчающих обстоятельствах (aggravated assault), если человек намерен нанести другому человеку серьезное телесное повреждение. Умышленное нападение часто сопровождается использованием смертельного или опасного оружия. Простое нападение (simple assault) — это незаконное намеренное нанесение телесных повреждений средней

тяжести. При этом нападающий не применяет смертельное или опасное оружие, или пытается нанести телесное повреждение другому человеку опять-таки без применения смертельного или опасного оружия.

Социологические корреляты убийства

Раса и этническое происхождение

В соответствии с цифрами, постоянно подтверждающимися в социологической литературе по криминологии, в подавляющем большинстве убийств, произошедших в США, так или иначе замешаны афроамериканцы. Такой паттерн наблюдается в течение многих десятилетий. Вольфганг (Wolfgang, 1958, 1961) изучил 588 убийств, о которых сообщалось в Филадельфии с 1948 по 1952 год, и обнаружил, что около 73% преступников и 75% жертв были афроамериканцами. Более того, в 94% всех указанных случаев афроамериканцы убивали афроамериканцев или белые убивали белых; все это указывает на то, что большинство убийств носило внутрирасовый характер. Слово внутрирасовый означает, что преступники совершают преступления против людей своей собственной расы; тогда как межрасовый означает, что преступники совершают преступления против представителей другой расы. Последние данные показывают, что с 1999 года эта тенденция по-прежнему сохраняется: 93% жертв-афроамериканцев убили афроамериканцы, а 83% жертв-белых погибло от рук белых преступников (ФБР, 2000).

Как отмечалось в начале этого раздела, многочисленные исследования за прошедшие три десятилетия последовательно говорят о преобладании среди преступников афроамериканцев и о внутрирасовой природе убийства. Большинство этих исследований посвящено разным географическим областям, в особенности городам. По результатам общенационального исследования, Ридел, Зан и Мок (Riedel, Zahn and Mock, 1985) сообщают, что по-прежнему по меньшей мере в 50% всех убийств преступниками являются афроамериканцы и что в целом убийства, как правило, бывают внутрирасовыми.

Ричард Блок в течение десяти лет проводил исследование преступности в Чикаго между 1965 и 1974 годами (Block, 1977) и обнаружил, что количество убийств возросло более чем в два раза, а расовое распределение изменилось очень незначительно. В 1965 году 78% всех преступников и 72% жертв убийств составляли афроамериканцы; в 1974 году эти цифры

составляли 78 и 70% соответственно. В 1965 году 90% жертв убийств и преступников были представителями одной и той же расы; для сравнения, в 1974 году уровень внутрирасовых инцидентов составлял 88%.

Афроамериканцы составляют около 12% населения США, при этом на их долю приходится свыше 50% арестов за преступления, связанные с насилием. Около 50% арестованных за убийство и около 40% арестованных за жестокое нападение афроамериканцы (ФБР, 2000). В целом около 40% заключенных местных тюрем и около 50% заключенных государственных и федеральных тюрем — афроамериканцы. Выходцы из Латинской Америки составляют около 6% населения США, и на них приходится около 12% всех арестов за жестокие преступления. Тем не менее испаноамериканцы составляют только около 1% арестованных за убийства. Кроме того, выходцы из Латинской Америки составляют лишь около 7% заключенных в тюрьмах штатов и федеральных тюрем.

В настоящее время убийство является основной причиной смерти афроамериканцев как мужчин, так и женщин — в возрасте от 15 до 34 лет (Hammond and Yung, 1993; Humphrey and Palmer, 1987). Наибольшей опасности подвергаются афроамериканцы с низким социально-экономическим статусом, живущие в центрах больших городов. Данные последних лет (ФБР, 2000) указывают, что в национальном масштабе мужчины-афроамериканцы имеют 1 из 40 шансов стать жертвой убийства. Вероятность белых мужчин оказаться в такой же ситуации составляет 1 из 280. Афроамериканские женщины имеют 1 из 199 шансов стать жертвой убийства, а у белых женщин вероятность стать жертвой составляет 1 из 794.

Очевидно, эти цифры отражают различного рода социальное неравенство, в том числе неравенство возможностей, всяческие формы расизма, дискриминацию в тюрьмах. Например, схожий паттерн существует у канадских и американских индейцев. В то время как канадские индейцы составляют только 3–3,5% всего населения в Канале, их доля среди заключенных в тюрьмах страны 9% (Hartnagel, 1987). В прериях и северных районах, где население канадских индейцев выше, они составляют свыше 40% населения тюрем и пенитенциарных заведений. В таблице дано неравенство в расовом и этническом распределении в местных изоляторах временного содержания (не тюрьмах) США, хотя в таблице не разграничиваются категории преступлений. Важный аспект таблицы — пропорция представителей различных расовых и

этнических групп, оказавшихся за решеткой, на 100 000 жителей этой группы, живущих в США. Видно, что афроамериканцев среди заключенных непропорционально много, за ними следуют испаноамериканцы и американские индейцы.

Уровень убийств среди американских индейцев (потомков индейцев, эскимосов или алеутов) вдвое превышает показатели по убийствам среди белых, но не так высок, как у афроамериканцев (Bachman, 1992). В социологической литературе встречается много объяснений неравномерного представительства рас в статистике преступности. Бахман в своем исследовании обнаружила интересную закономерность: среди американцев самый высокий уровень самоубийств наблюдается у американских индейцев, а самый низкий — у афроамериканцев. Бахман считает, что американские индейцы живут в субкультуре, которая терпимо относится как к внешним формам насилия (убийства), так и к внутренним (суицид). Следует отметить, что среди американских индейцев и количество жертв насильственных преступлений намного выше, чем в других американских расовых и этнических подгруппах, он превышает средний уровень по стране более чем в два раза (Greenfeld and Smith, 1999). Более того, индейцы американского происхождения чаще, чем представители других рас, претерпевают насилие со стороны представителей чужой расы (межрасовое насилие) (Chaiken, 1999).

Убийства, физические нападения и насилие в семье.
Основные причины смерти в возрасте от 15 до 34 лет

Белые	Афроамериканцы
Несчастный случай	Убийство
Суицид	Несчастный случай
Убийство	Суицид

Заключенные изоляторов временного содержания, 1999 год

Раса	Приблизительное количество	На 100 000 в группе
Всего	605242	222
Белых	249900	127
Черных	251000	730
Испаноамериканцев	93800	288
Американских индейцев	5200	247
Азиатов	5200	46

Гендерные различия

Между убийствами и гендерными характеристиками существует устойчивая взаимозависимость. Вольфганг (Wolfgang, 1958) отмечал, что 82% убийц и 76% жертв в его филадельфийской выборке составляли мужчины. В частности, количество убийц на 100 000 человек составляло 41,7 для афроамериканских мужчин, 9,3 для афроамериканских женщин, 3,4 для белых мужчин и всего 0,4 для белых женщин. Обратите внимание, как фактор расы в значительной степени сочетается с гендерным фактором: в группе афроамериканцев-мужчин уровень убийств намного выше. В таблицеотражены жертвы убийств в 1999 году и дается их распределение по полу и расе.

Данные 1999 года также отмечали, что 94% жертв-чернокожих были убиты чернокожими преступниками и 85% белых жертв были убиты белыми преступниками (ФБР, 2000).

Данные отчетов UCR показывают, что в число арестованных за убийство за год входят около 90% мужчин и 10% женщин (ФБР, 2000). Исследования в Хьюстоне (Покот, 1965), Чикаго (Voss and Hepburn, 1968; Block, 1977), Атланте (Minford et al., 1976), Северной Каролине (Humphrey and Palmer, 1987), в Манси, штат Индиана (Hewitt, 1988), Великобритании (Gibson and Klein, 1961), Израиле (Landau, Drapkin and Arad, 1974), в девяти различных американских городах (Zahn and Rickie, 1986) и в США в целом (ФБР, 2000) по-прежнему подтверждают, что мужчин-убийц в процентном соотношении гораздо больше, чем женщин-убийц. Более того, разнятся и ситуации убийств, и жертвы женщин-убийц и мужчин-убийц.

Жертвы убийств в зависимости от расы и пола, 1999 год

Раса	Всего	Мужчины	Женщины	Пол неизвестен
Белые	6310	4489	1818	3
Черные	5855	4734	1121	0
Другая раса	369	251	118	0
Неизвестная раса	124	84	28	12
Всего жертв	12 658	9558	3085	15

При исследовании статистики жертв проясняются интересные межкультурные отличия. Английские исследователи, например, обнаружили, что 60% жертв были женщины; американские исследования показывают, что число женщин-жертв составило около 25%. В израильском исследовании среди жертв убийств, совершенных преступниками еврейско-

го происхождения, женщины составили 51%, а среди жертв убийц нееврейского происхождения женщин было всего 34%. Эти данные показывают, насколько важно учитывать возможные культурные детерминанты и характер межличностных отношений в исследовании количества убийств.

Возраст

Национальная статистика из всех источников с однообразной регулярностью продолжает указывать на тот факт, что около половины всех арестованных за жестокое преступление — молодые люди в возрасте 20–29 лет. Молодые люди также чаще становятся жертвами. Например, число убийств среди молодежи (в возрасте 15–24 лет) возросло за прошедшие три десятилетия на 300%; убийство стало второй (после смерти от несчастного случая) главной причиной смерти среди молодых людей (Lore and Schultz, 1993).

В США средний возраст убийц — около 29 лет (Riedel, Zahn and Mock, 1985). Самый высокий уровень преступности приходится на молодых афроамериканских мужчин в возрасте от 18 до 22 лет (ФБР, 2000).

Большинство преступных биографий оказываются короткими: как правило, они обрываются между поздним отрочеством и ранней зрелостью (у тех детей, чье преступное развитие ограничивается подростковым возрастом). Тем не менее некоторые подростки в дальнейшем встают на путь преступного развития и совершают ряд мелких и серьезных преступлений, уже выйдя из возраста ранней зрелости (группа детей, следующих по пути преступного развития на протяжении всей жизни).

Социально-экономический класс

Криминалисты давно выдвигали предположения о том, что преступления, в том числе и особо опасные, совершаются главным образом среди представителей низших социально-экономических классов. Последние исследования (см., например: Williams, 1984; Smith and Bennett, 1985; Bailey, 1984; Blau and Blau, 1982; Hawkins, 1985) также подтверждают гипотезу о том, что насилие связано с низким социальным статусом или с экономической и социальной дискриминацией.

Титтл (Tittle and Villemcz, 1977; Tittle, 1983) в своих исследованиях и комментариях оспаривает теорию и эмпириче-

ские исследования, базирующиеся на классовых различиях в уровне преступности. Титтл отмечает, что криминалисты разрабатывали свои теории и проводили исследования, опираясь на необоснованные заключения о низших слоях общества. Титтл проанализировал 35 исследований, основанных на данных анкетирования, и пришли к выводу, что предполагаемая связь между социальным классом и преступностью — миф.

Другие криминологи считают, что отвергать такую взаимосвязь преждевременно. Брейтуэйт (Braithwaite, 1981) проанализировал свыше сотни исследований и не согласился с заключениями Титтла, найдя аргументы в поддержку того, что представители низшего класса совершают больше преступлений, чем представители других классов. Эллиотт, Эйджтон и Хейзинга, проанализировав данные опросов молодежи, указали, насколько важно разграничить серьезные преступления против людей и собственности и несерьезные проступки. Они отметили, что молодые представители низших слоев общества чаще совершают серьезные преступления пли оказываются их участниками, чем другие молодые люди.

Торнберри и Фарнуорт (Thornberry and Farnworth, 1982) предлагают ориентироваться не на социальный класс, а на социальный статус (social status). Социальный статус самого человека, как они считают, связан с преступной деятельностью сильнее, чем социальный класс его семьи. Используя данные исследования коэффициента рождаемости, они обнаружили мало классовых различий в преступной деятельности молодежи. Тем не менее люди с низким социальным статусом, став взрослыми, принимали участие в преступной деятельности значительно чаще.

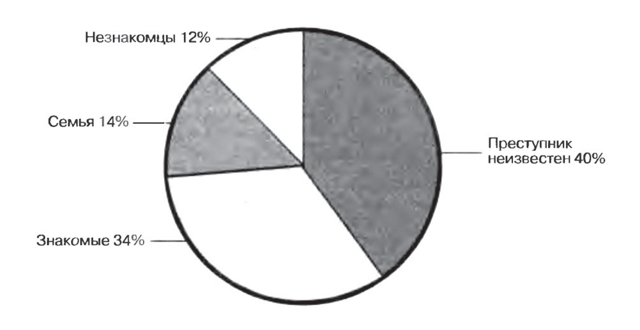
В настоящее время взаимосвязь между социально-экономической позицией в обществе и жестоким поведением взрослого (за исключением беловоротничковых или профессиональных преступлений) представляется несомненной, однако остается неясным, что именно эта взаимосвязь означает. Взаимосвязь между преступлением и бедностью сложна и в ней задействованы тысячи самых разных факторов.

Взаимоотношения жертвы и преступника

До последнего десятилетия работы ученых и психологов последовательно указывали на то, что по крайней мере в 2/3 всех случаев убийств преступник и жертва были хорошо друг с другом знакомы (Wolfgang, 1958; Bullock, 1955; Svalastoga, 1956;

Driver, 1961; Hepburn and Voss, 1970; Wong and Singer, 1973). По данным Вольфганга, жертва и преступник не знали друг друга лишь приблизительно в 14% случаев. В чикагском исследовании Хепберн и Восс (Hepburn and Voss, 1970) приводили данные, согласно которым процент случаев, когда убийца и жертва были не знакомы между собой, оказался чуть выше — 19%.

Недавняя статистика UCR (ФБР, 2000) показывает, что приблизительно половина жертв убийц в 1999 году были или в родстве с преступником (14%), или знакомы с ним (34%). 12% преступников считались незнакомыми людьми.



Жертвы убийств и отношения между убийцей и жертвой, 1999 год Источник: ФБР, 2000

Общая статистика убийств, число жертв и преступников за 20 лет, с 1976 по 1997 год

Жертва	Преступник	
	Женщина	Мужчина
Супруг	28,3%	6,8%
Бывший супруг	1,5%	0,5%
Ребенок / приемный ребенок	10,4%	2,2%
Другая семья	6,7 %	6,9 %
Приятель /подруга	14 %	3,9 %
Знакомый	31,9 %	54,6 %
Незнакомец	7,2 %	25,1 %

В остальных 40% случаев взаимоотношения не были установлены. В 1999 году среди всех женшин-жертв 32% были убиты мужьями и любовниками, в то время как всего 3% жертв-мужчин были убиты женами или любовницами. В приводится совершенно новый взгляд на эти данные. Во-первых, табли-

ца отражает данные всех убийств, совершенных за последние двадцать лет. Во-вторых, в ней показано, кого имели тенденцию убивать мужчины и женщины в отличие от предыдущих данных, использовавших метод подсчета жертв. Другими словами, таблица показывает, что за период в более чем 20 лет супруги чаще убивали женщин, чем мужчин; данные 1999 года показывают, что когда убивают женщин, чаще всего это делают мужья или сексуальные партнеры.

30% убийств в 1999 году произошли в результате ссор и еще 17% стали следствием деятельности злоумышленников: жертвы были убиты во время совершения грабежа, поджога или торговли наркотиками. 5% убийств были совершены юношескими преступными группировками.

Мужчины каждый год оказываются жертвами преступников-незнакомцев вдвое чаше, чем женщины (ФБР, 2000). С возрастом женщины вероятнее становятся жертвами преступления, совершенного незнакомцем, а у мужчин эта вероятность не меняется на протяжении всей жизни (данные Министерства юстиции США, 1989b).

Если убийство совершается в семье или знакомым человеком, то убийца и его жертва, как правило, обладают одинаковыми демографическими характеристиками, а если убийство совершается незнакомым человеком, то наблюдается явная тенденция, что преступник, в отличие от жертвы, окажется моложе и принадлежит к другой расе (Riedel, Zahn and Mock, 1985).

Оружие

Чаще всего убивают при помощи пистолета или ножа, однако такой выбор подвержен некоторому влиянию пола, расы, географических факторов и пр. Например, в Филадельфии в начале 1950-х годов жертву чаще всего закалывали ножом (Wolfgang, 1958), тогда как в Чикаго в 1960-е годы и в начале 1970-х в жертву обычно стреляли (Hepburn and Voss, 1970; Block, 1977). Позднее в Чикаго количество убийств, совершаемых из огнестрельного оружия, возросло почти в три раза (Block, 1977). При этом число смертей от других видов оружия увеличилось незначительно.

Данные по стране показывают, что огнестрельное оружие использовалось более чем в 69% случаев всех убийств между 1993 и 1997 годами (Zawitz and Strom, 2000), а ножи использовались менее чем в 10% случаев (ФБР, 2000). В 81% всех убийств с применением огнестрельного оружия применялось

легкое огнестрельное оружие, в 6% случаев — дробовики, в 5% — винтовки и в 7% — неустановленное огнестрельное оружие. Более того, в 1998 году в перестрелках были ранены 400 полицейских офицеров, 58 офицеров полиции были убиты во время схваток с преступниками (Zawitz and Strom, 2000).

В 1994 году 44 миллиона американцев владели 192 миллионами единиц огнестрельного оружия; 65 миллионов единиц составляло легкое огнестрельное оружие (Cook and Ludwig, 1997) и еще 12,5 миллионов единиц огнестрельного оружия было приобретено между мартом 1994 и ноябрем 1998 года (Управление судебной статистики, 1999). Хотя в Америке продается достаточно оружия, чтобы снабдить им всех взрослых американцев, в действительности оружием владеют только 25% взрослых. 74% владельцев оружия обладают одной или двумя единицами оружия. Больше всего оружия разных видов в Америке имеется у образованных людей, закончивших колледж и живущих в сельских областях и небольших городах (Cook and Ludwig, 1997). Около 14 миллионов взрослых (приблизительно 1/3 владельцев оружия) имеют его при себе для самозащиты. 2/3 тех, кто держит оружие под рукой, хранят его в автомобилях, а остальные носят с собой.

Оружие, применявшееся мужчинами и женщинами-убийцами, 1998 год

Применявшееся оружие	Убийца	
	Женщина	Мужчина
Легкое огнестрельное оружие	42 %	51%
Другие виды огнестрельного оружия	11 %	16%
Нож	31%	18%
Тупой предмет	4%	6%
Другие виды оружия	12%	9%

Приблизительно каждые 14 минут в Америке кто-то умирает от огнестрельного ранения. Около половины этих смертей — самоубийства, около 44% — убийства и 4% — непреднамеренные убийства. (Washington Post, October 12, 1993; Zawitzand Strom, 2000). Более того, исследование в New England Journal of Medicine (Washington Post за 12 октября 1993 года) показывает, что распространенное представление о том, что наличие оружия защищает человека от насилия, оказывается ошибочным. Исследование обнаружило, что в тех домах, где имеется оружие, член семьи погибает в три раза чаще, чем в домах, где оружия нет.

Другие факторы

В исследованиях постоянно фигурируют и некоторые другие факторы, связанные с насильственными преступлениями.

Факторы времени. Убийства одинаково распределяются по всем 12 месяцам в году, хотя в праздники (в декабре и январе) наблюдается небольшое увеличение числа убийств, и чуть больше убийств происходит в летние месяцы. Праздники — это время, когда многие семьи собираются вместе, чтобы их отметить, и тогда межличностное напряжение и потребление алкоголя достигает максимального уровня. Чаще всего убийства происходят в выходные, особенно между 8 часами вечера в субботу и 2 часами дня в воскресенье (Wolfgang, 1958; Hepburn and Voss, 1970; Block, 1977).

Опрометчивое поведение жертв. Вольфганг также обнаружил, что около 26% случаев убийств были спровоцированы опрометчивостью жертв, то есть жертва сама в значительной степени была виновата в своей гибели. Хепберн и Восс (1970) обнаружили, что около 38% убийств в Чикаго, по всей видимости, были спровоцированы жертвой. Исследования действительно предполагают, что мотивы убийства преступника зачастую базируются на пустячных ссорах и домашних скандалах, в которых оба участника проявляли сильную агрессию. Вспомните феномен эскалации, описанный в предыдущей главе, когда мы отмечали, что некоторые люди стремятся отомстить за нанесенные им оскорбления и удары. Более того, словесные перебранки часто переходят в физические драки. Если не учитывать контекст, в котором они происходят, факторы опрометчивого жестокого поведения часто прискорбно тривиальны. Однако статистика преступлений из-за опрометчивости жертв меняется, так как происходит все больше убийств, жертвами которых оказываются незнакомые преступнику люди.

Алкоголь. Он постоянно фигурирует как фактор, связанный с убийством. Вольфганг сообщает, что почти в 2/3 случаев или жертва, или преступник, или и те и другие пили перед убийством спиртные напитки.

Социологические корреляты нападения

Конечно, физическому нападению посвящено не так много исследований и публикаций, как убийству, и оно не так

сильно привлекает внимание общественности. И все же физическое нападение при отягчающих обстоятельствах — самый серьезный тип преступления, связанного с насилием; на его долю приходится свыше 60% особо опасных преступлений. В среднем ежегодно происходит приблизительно миллион случаев физического нападения и свыше шестисот тысяч простых нападений. В 1999 году в США на каждые 100 000 человек приходилось 336,1 жертв физического нападения; по сравнению с 1990 годом это число снизилось на 21%. В 1999 году самый высокий уровень физических нападений при отягчающих обстоятельствах наблюдался в июле, а самый низкий в феврале: примерно семь из каждой тысячи жертв — жертвы простого нападения. Более того, каждый год людям наносится около 240 000 несмертельных огнестрельных ранений и на каждое смертельное ранение приходится от 4 до 6 опасных, но не смертельных ранений (ФБР, 2000).

Около 40% арестованных за убийство, физическое нападение при отягчающих обстоятельствах или простое нападение составляют афроамериканцы. Как и убийства, нападения в подавляющем большинстве случаев происходят между представителями одной расы (Dunn, 1976; Block, 1977; ФБР, 2000).

Жертва и преступник знают друг друга или состоят в родстве по крайней мере в 50% случаев нападения (данные Министерства юстиции США, 1988, 1989; ФБР, 1997). Как и можно было ожидать, огнестрельное оружие при нападении используется значительно реже, чем при убийстве. В своем чикагском исследовании Блок (Block, 1977) обнаружил, что во время нападения чаще всего использовались руки, кулаки или ноги. Данн (1976) обнаружил схожие результаты в проекте, осуществленном в округе Вестчестер, штат Нью-Йорк. В 1996 году 34% физических нападений были совершены тупыми предметами или опасным оружием (ФБР, 1997). Оружие наподобие рук, кулаков или ног использовалось в 26% нападений, огнестрельное оружие — в 22% случаев, а ножи или режущие инструменты — в 18% случаев.

Около половины арестованных за нападение были молодые люди. Подавляющее большинство составляли преступники моложе 25 лет. Кроме того, мужчины по числу арестов за нападения превосходят женщин в пропорции 7 к 1. Из 15,4 миллиона студентов колледжей в 1995 году около полутора миллионов были замешаны в особо опасных преступлениях (Greenfeld, 1998). Физическое нападение при отягчающих обстоятельствах — самая распространенная форма преступлений, связанных с насилием, в кампусах колледжей; оно составляет 28% всех преступлений, за ним следуют грабеж (12%) и

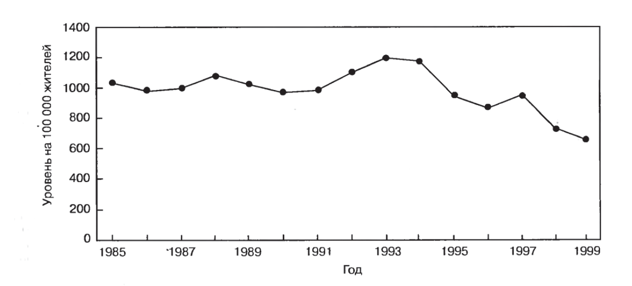
изнасилования (9%) (Seymour, 2000). Около 87% насильственных преступлений, совершаемых студентами колледжей, происходят вне кампуса. Около 1/3 связанных с насилием столкновений с участием студентов колледжей происходили в состоянии алкогольного опьянения.

Насилие в семье

Насилие в семье (его еще называют домашним насилием) — это любое нападение, избиение и сексуальные оскорбления или преступление, которое приводит к ранению или смерти члена семьи от рук другого человека, проживающего совместно с ним (Wallace and Seymour, 2001). Более того, насилие в семье это «постоянно подрывающее силы переживание в доме физического, психологического или сексуального оскорбления, связанного с усилением изоляции от внешнего мира и ограничением личной свободы и доступа к средствам жизни» (Wallace and Seymour, 2001, ch. 10, p. 4). Приблизительно одно из каждых пяти убийств и непредумышленных убийств в США включает убийство одного члена семьи другим, а большинство убийств (приблизительно 50% такого рода преступлений) — убийство супруга или супруги. Схожая статистика была также приведена в Канаде (Silverman and Mulkhergee, 1987). Убийства в семье составляют около 45% всех убийств в Англии и Уэльсе (Home Office, 1986; d'Orban and O'Connor, 1989). Плохо исследовано такое насилие в семье, после которого происходит расширенное самоубийство, когда члены семьи убивают других родственников и затем кончают с собой. Одна из причин такого невнимания заключается в том, что убийства с последующим самоубийством происходят относительно редко, на них приходится менее 2% всех убийств. Как постоянно показывают исследования, высокая пропорция убийств с последующими самоубийствами (как правило, намного больше 50%) включает убийство супругов или зачастую бывших супругов.

Исследование случаев насилия в семьях афроамериканцев во многом оказалось далеким от реальности (Plass, 1993). Факты, однако, показывают, что насилие в афроамериканской семье схоже с насилием в белых семьях, за исключением того, что уровень его в семьях афроамериканцев значительно выше. «Как и в случаях всех типов убийства, афроамериканцы становятся жертвами насилия от рук членов семьи гораздо чаше, чем представители всех других групп в США» (Mercy and Sulzman, 1989). Приблизительно в 7% случаев преступников

арестовывают за простые нападения или нападения на членов семьи при отягчающих обстоятельствах (Министерство юстиции США, 1989). Хотя такую официальную статистику, к сожалению, нельзя считать полной, в ней четко просматривается значительная доля семейного насилия.



Физическое насилие при отягчающих обстоятельствах в США

В каких-то вариантах семейное насилие, вероятно, существовало с первобытных времен. Тем не менее, если не считать внутрисемейное убийство, семейное насилие традиционно не считалось серьезным правонарушением или, во всяком случае, преступлением, заслуживающим уголовного преследования в США. В правительстве и в судах длительное время считалось, что семейные отношения требуют неприкосновенности; бытовало представление о том, что родители имеют право физически наказывать детей, что муж обладает божественным нравом на сексуальный доступ к своей жене или что женщины и непослушные дети часто сами провоцируют побои и к тому же эти побои заслужены (Pleck, 1989). Такое представление в последние годы подвергалось резкой критике, и различные группы пытались не только донести эту проблему до широких масс, но и активизировать юристов и задействовать систему уголовного права, чтобы ввести более строгие законодательные и социальные санкции.

Краткая история современной эры семейного насилия

В 1962 году, когда опубликовали статью «Синдром жестокого обращения с ребенком», началась новая эра в исследованиях на тему семейного насилия. В этой статье приводились свидетельства того, что у детей, которых, по всей видимости, систематически избивали родители, обнаруживались

повторяющиеся множественные переломы костей. Эта статья способствовала тому, что постепенно обнаружились серьезные нарушения в воспитании и насилие в отношении детей. Конечно, причиной того, что общество и ученые стали по-новому смотреть на жестокость в отношении детей, стала не только эта статья. В 1960-х годах резко возросло массовое и влиятельное движение за благополучие детей, и это движение привлекло внимание публики и профессионалов к положению детей, с которыми жестоко обращаются или воспитанием которых пренебрегают.

В начале 1970-х годов движение женщин оказало очень серьезное влияние на выявление фактов избиения жен и вскоре после этого привлекло внимание к насилию в браке. Движение, начавшееся в русле борьбы за права женщин, вскоре получило поддержку как проблема законодательства и правопорядка (Pleck, 1989). Женское движение привело к тому, что в правительстве приняли новые законодательные акты, ужесточавшие наказания за избиение женщин, расширились гражданские методы борьбы с жестоким обращением с женщинами, и в результате женщинам-жертвам стало легче выдвигать обвинения против нападающих (Pleck, 1989). В 1980-е годы общество признало существование некоторых других типов семейного насилия — от насилия над братьями и сестрами до насилия взрослых детей по отношению к пожилым родителям, — и эти нарушения стали изучать на практике. Итак, насилие в семье — это жестокое обращение супруга или сексуального партнера, насилие в отношении ребенка, братьев и сестер, оскорбление пожилых членов семьи и насилие детей по отношению к родителям. В настоящее время лучше всего изучена область жестокого обращения с детьми, в этой сфере появились серьезные теоретические разработки и проведено множество новых исследований (Finkelhor and Lewis, 1988). Проблема жестокого обращения с детьми широко обсуждалась в прессе. Национальные опросы показали, что в 1976 году только 10% всего населения страны считали жестокое обращение с детьми серьезной проблемой, однако уже в 1983 году так думали уже свыше 90% населения (Wolfe, 1985).

Тем не менее, несмотря на общественный интерес и озабоченность темой насилия в семье, мы по-прежнему очень мало о нем знаем. Систематические исследования насилия в семье — тема новая и зачастую недостаточно разработанная учеными. Даже определения, термины и понятия здесь чрезвычайно расплывчаты, двусмысленны и применяются непоследовательно, так что данные исследований не всегда можно сравнить, обобщить и опираться на них в дальнейшем (Weis, 1989). Например,

неясно, что мы должны понимать под насилием в семье. Остается непонятным, нужно ли считать насилием словесные угрозы, крик, оскорбления, агрессивные жесты, запугивания или избиение или только серьезные физические формы насилия — удары, ножевые ранения, стычки, стрельбу и поджоги. Исследования, проводившиеся в 1960-х и 1970-х годах, например, показали, что от 84 до 97% всех родителей так или иначе применяли в процессе воспитания детей физическое наказание (Gelles, 1982). Конечно, мы не можем сделать вывод о том, что 90% американских родителей в это время жестоко обращались со своими детьми. Скорее, такой высокий показатель уровня телесных наказаний был вызван укоренившимся традиционным представлением о том, что редкое применение физического наказания полезно для воспитания ребенка. Хотя эта традиция в наше время меняется и родители нечасто наказывают детей физически или не наказывают их вообще, все же остается много противоречий во взглядах: например, можно ли считать родительские шлепки и подзатыльники насилием или нет.

Также неясно, чем термин «насилие» отличается от оскорбления, плохого обращения, пренебрежения, эмоциональной и социальной депривации. Как отмечал Жилье (Gelles, 1982), термин «синдром жестокого обращения с ребенком» (battered child syndrome) быстро сменился терминами «насилие над детьми», «пренебрежение воспитанием детей» и «плохое обращение с детьми». Кемпе и его помощники определяли жестокое обращение с детьми только как физическое насилие, однако сюда относятся и другие виды поведения и проступков родителей и воспитателей. Более того, остается неясным, каких родственников и близких людей нужно включить в список, когда мы говорим о насилии в семье. Нужно ли причислять к членам семьи любовников, близких друзей супругов, дальних родственников, бывших и разведенных супругов? Итак, при изучении насилия в семье возникают проблемы с терминологией, так как термины определяются по-разному и зачастую нечетко — например, в выборку включаются разные члены семьи, — и поэтому трудно сравнить данные различных исследований и сделать достоверные выводы. Кроме того, каждое исследование собирает данные из разных источников и часто применяет различные процедуры и методологию для классификации и анализа данных.

Для наших целей мы разделим все вопросы, связанные с насилием в семье, на четыре основные группы:

1. Насколько распространено насилие в семьях?

2. Каковы самые распространенные характеристики (или корреляты) преступника и жертвы?

3. Есть ли существенные различия между насилием в семье и другими видами насилия (например, уличным насилием)?

4. В чем причины семейного насилия?

Мы проанализируем исследования в этих четырех областях с учетом уже упомянутых нами основных трудностей определения, выборки и методологии.

Частотность, распространенность и природа пренебрежения родительскими обязанностями и жестокого обращения с детьми

Оценки распространенности и частотности насилия в семье широко варьируются. Термин частотность (incidence) в этом разделе характеризует общее число случаев в год. Распространенность (prevalence) характеризует пропорцию населения, подвергшегося жестокому обращению в детстве, как, например, число детей, переживших насилие, в пересчете на 1000 детей в генеральной совокупности.

В 1998 году по статистике жертвами плохого обращения стали 903 000 детей во всей стране (Национальная система оценки жестокого обращения с детьми и пренебрежительного отношения к ним (National Child Abuse and Neglect Reporting System), 2000). Распространенность такого рода виктимизации составляла 12,9 на 1000 детей, и этот уровень снизился по сравнению с 1997 годом, когда он составлял 13,9 на 1000 детей. Плохое обращение с детьми характеризует все формы насилия и/или пренебрежения родительскими обязанностями. Более половины жертв (53,5%) были жертвами пренебрежения и почти четверть (22,7%) подвергались физическому насилию. Приблизительно 12% подвергались сексуальным домогательствам и еще 6% получили психологические травмы. Свыше четверти жертв были жертвами двух и более типов плохого обращения.

Самые высокие показатели жертв приходятся на возрастную группу от рождения до трех лет, и с возрастом ребенка этот уровень снижается. Преступники, жестоко обращающиеся с детьми или пренебрегающие ими, определялись как люди, которые плохо обращались с ребенком, если были близкими родственниками или воспитателями ребенка, и это преимущественно женщины (3/5 от общего числа случаев). Более чем 4/5 (87,1%) жертв подвергались плохому обращению со стороны одного или обоих родителей. Самый распространенный паттерн плохого обращения — пренебрежение воспитанием ребенка со стороны матери (44,7%). В случаях сексуального насилия более половины (55,5%) жертв подвергались насилию взрослых мужчин.

Девочки подвергаются насилию всех трех типов (физическому, сексуальному и эмоциональному) чаще, чем мальчики. Кроме того, дети женского пола дошкольного возраста чаще становятся жертвами убийц-матерей, чем дошкольники мужского пола (Mann, 1993). В 1998 году, по статистике, от насилия и недосмотра умерли 1100 детей, этот уровень составляет приблизительно 1,6 смерти на 100 000 детей в популяции (Национальная система оценки жестокого обращения с детьми и пренебрежительного отношения к ним, 2000). Такая цифра детской смертности, вполне вероятно, занижена. Комиссия по насилию по отношению к детям и пренебрежению воспитанием (1995) приводит данные, согласно которым каждый год в результате плохого обращения умирает по крайней мере 2000 детей. Крайне трудно определить, сколько детей в действительности умирает каждый год от жестокого обращения. Детская смертность из-за плохого обращения, скорее всего, недостаточно отражена в статистике, потому что в ряде случаев смерть попадает в разряд несчастных случаев или относится к смерти в результате синдрома внезапной смерти новорожденного, хотя, если возможно было бы провести полное расследование, и этот вид смерти мог попасть в статистику смертей вследствие жестокого обращения.

Интересно, что, по данным исследований, в семьях с дисфункциями часто жестокое обращение с детьми сопровождается и жестокостями в отношении животных (Arkow, 1998). То есть взрослые, которые жестоко обращаются с домашними животными в семье, также часто ведут себя жестоко и бесчеловечно в отношении детей. Насильники часто угрожают, что причинят вред домашнему животному или действительно убьют его, желая напугать ребенка или наказать его. Существует прочная связь между оскорблением супруги и жестокостью по отношению к домашним животным. В одном исследовании больше половины женщин, проживающих в приюте, сообщали, что их домашние животные пострадали или погибли от руки партнера, а сами они откладывали свой переезд в приют из-за того, что отношения боялись, что их животным причинят вред (Ascione, 1997).

Каждый год тысячи детей убегают из дома, чтобы спастись от насилия или пренебрежительного отношения. Во многих случаях один из родителей похищает ребенка у родителя-опекуна. Похищение детей незнакомцами происходит реже, но когда это происходит, у ребенка значительно меньше шансов остаться в живых (Whitcomb, 2001). В 1998 году, по данным полицейских отчетов, было подано 749 100 заявлений о пропаже детей (National Crisis Information Center, 1999).

Определения насилия по отношению к детям
и пренебрежительного к ним отношения

Тип насилия	Определение
Физическое насилие	Мать или отец сознательно причиняют ребенку вред или физические травмы или позволяют, чтобы ребенка мучили, истязали или жестоко наказывали
Эмоциональное насилие	Хронический паттерн поведения, когда ребенка унижают или лишают любви, чтобы добиться конкретного поведения, или подвергают жестокому и неприемлемому наказанию
Эмоциональное пренебрежение	Неспособность предоставить ребенку соответствующую поддержку, внимание и любовь
Сексуальное насилие	Использование ребенка или подростка для сексуального удовлетворения другого человека
Пренебрежение ребенком	Хроническая неспособность родителя или опекуна удовлетворить основные потребности ребенка, например предоставить пищу, одежду, жилье, возможность получать образование, защиту и надзор
Похищение и использование детей	Похищение ребенка из-под надзора родителей. Похищение незнакомыми людьми или сексуальное использование ребенка — порнография и проституция

Синдром Мюнхгаузена

Необычный, но серьезный тип насилия над детьми называется синдром Мюнхгаузена (Munchausen syndrome). Синдром Мюнхгаузена — это форма насилия над детьми, при которой один из родителей (обычно мать) или оба родителя постоянно и часто показывают ребенка врачу, при этом фальсифицируя симптомы или непосредственно создавая их (Murray, 1997). Синдром Мюнхгаузена сам по себе — хроническое и упорное стремление к медицинскому лечению некоего сочетания симптомов, при этом взрослый или фальсифицирует эти симптомы, или сознательно причиняет ребенку вред (Murray, 1997). Случаи синдрома Мюнхгаузена обнаруживаются в семьях всех социально-экономических уровней (Pearl, 1995), а жертвы чаще всего — дети от младенцев до восьми лет (Jones et al., 1986). Жертвами могут оказаться дети как мужско-

го, так и женского пола. В большинстве случаев (около 98% всех случаев) преступные родители — матери, а отец зачастую даже не знает, что происходит. Среди жертв, по-видимому, нет гендерных предпочтений, так как дети мужского и женского пола представлены в равном количестве.

Очень часто преступная мать хорошо разбирается в медицине, может выдумать симптомы и уже имеет опыт симуляции болезней, а может быть, и сама профессионал в медицине. Кроме того, мать в таких случаях, как правило, очень внимательна к ребенку и неохотно расстается с ним на время медицинского осмотра или лечения. Еще один важный симптом синдрома Мюнхгаузена — ситуация, когда ребенок болеет, не реагируя на лекарства, или его болезнь приобретает форму хронической, становится постоянной, загадочной и необъяснимой. Еще один симптом синдрома Мюнхгаузена проявляется в серии физических или лабораторных данных, которые очень необычны, не соответствуют медицинской истории и физически или клинически невозможны. В крайних случаях бывает, что кто-то из родителей заставляет ребенка голодать, отец или мать душит ребенка, наносят вагинальные или ректальные повреждения, чтобы вызвать кровотечение, иногда родители добавляют жир в стул ребенка, чтобы анализы показали патологию, или мать время от времени добавляет свою кровь в мочу ребенка или вводит ему внутривенно в кровь какое-то вещество перед анализом в лаборатории (Murray, 1997; Pearl, 1995). Крайние формы подобного насилия, конечно, ведут к серьезной травме или даже смерти. К сожалению, распространенность или частота синдрома Мюнгхаузена в наше время неизвестны, вероятно, это происходит из-за того, что трудно распознать сфабрикованные болезни и отличить их от настоящих.

Синдром тряски младенца

Еще одна форма насилия над детьми — синдром тряски младенца (shaken baby syndrome), когда отец, мать или воспитатель обычно в состоянии раздражения или в приступе гнева так трясет ребенка, что наносит ему серьезную травму. Хотя не существует точной статистики относительно частоты такой формы насилия, психологи в целом придерживаются единого мнения, что чаще всего причиной смерти детей (свыше 50%) является травма головы и что во многих случаях родители сильно трясли ребенка. (Du- haime, Christian, Rorke, and Zimmerman, 1998; Showers, 1999; Snuthey, 1998). Эллис и Лорд (Ellis and Lord, 2001) приводят статистику, согласно которой 10–12% всех смертей из-за жестокого обращения с детьми вызваны синдро-

мом тряски ребенка (см. также сведения национальной информативной и справочной службы (National Information Support and Referred Service, 1998)). Кроме того, имеющиеся исследования позволяют предположить, что 70–80% преступников такого типа мужчины, чаще всего — отцы жертв (Child Abuse Prevention Center, 1998; Ellis and Lord, 2001). Жертвами оказываются в равной степени дети как мужского, так и женского пола. И конечно, не все дети, жертвы синдрома тряски ребенка, умирают: многие из них страдают от серьезных повреждений мозга, например от церебрального паралича, слепоты, глухоты, судорог, мозговых дисфункций или впадают в кому.

Имеющееся исследование показывает, что насилие над детьми и пренебрежение их воспитанием на 40% увеличивает вероятность того, что такой ребенок, когда вырастет, станет преступником. То есть если ребенка в детстве подвергали насилию или пренебрегали его воспитанием, то вероятность ареста в юности возрастает более чем на 50%, а вероятность ареста в зрелом возрасте — на 38%; что касается тяжких преступлений, то эта вероятность возрастает на 38% (Widom, 1992). Последние исследования (Widom, 2000) еще больше подтверждают эти данные. Уидом утверждает (Widom, 2000, p. 5), что «вероятность ареста за юношеское преступление оказалась в 1,9 раза выше среди людей, испытавших в детстве насилие или жестокое обращение; если преступление совершал взрослый, то шансы были в 1,6 раза выше». Кроме того, у членов выборки людей, подвергшихся насилию и жестокому обращению в детстве, часто обнаруживаются психологические и эмоциональные проблемы. В частности, люди в этой выборке чаще, чем люди из контрольной выборки (не испытывавшие насилия и жестокого обращения), предпринимали попытки суицида и соответствовали критериям личностного расстройства с антиобщественными проявлениями.

Распространенность, частотность и природа супружеского насилия

Статистика исследований, оценивавших распространенность и частоту случаев супружеского насилия, также приводит совершенно разные цифры. Штейнмец (Steinmetz, 1977), например, указывает, что из 47 миллионов пар 3,3 миллиона жен и свыше четверти миллиона мужей подвергаются избиению супругов. Во время национального исследования, которое проводилось в 1975 году группой из Нью-Гемпшира (Straus, Gelles and Steinmetz, 1980), 28% женатых людей сообщали, что они в тот или иной момент супружеской жизни оказывались жертвой супружеского насилия. В 1996 году

30% жертв-женщин были убиты мужьями, бывшими мужьями или любовниками, по сравнению с 3% жертв-мужчин, погибших от рук жен, бывших жен и подруг (ФБР, 1997). 16% сообщали о том или ином виде физического насилия между супругами в год проведения исследования. Интересно, что в обзоре 1975 года и в более позднем обзоре (1985) (Straus and Gelles, 1986) не обнаруживалось существенных различий между мужчинами и женщинами по уровню агрессии в отношении супругов. В недавних исследованиях действительно сообщатось, что женщины проявляли агрессию против супругов не меньше, чем мужчины, или отзывались даже агрессивнее (O'Leary, 1988; O'Leary, Barling, Arias, Rosenbaum, Malone and Tyree, 1989). Более того, в некоторых случаях мужья не отвечали на агрессию, а ее инициатором и нападавшим оказывалась жена. Тем не менее здесь нужно сделать серьезную оговорку. В обзорах такого типа о взрослых женщинах — и жертвах, и преступницах — сообщается больше информации, чем о мужчинах (Weis, 1989). Более того, женщины, подвергавшиеся сильным избиениям, особенно в течение длительного периода, как правило, недооценивали частоту и серьезность пережитого насилия (Frieze and Browne, 1989). Следовательно, выводы о степени насилия партнера остаются очень приблизительными. Самые обычные формы агрессии, как у мужчин, так и у женщин, — это удары и толчки. Тем не менее действие физической агрессии мужчин на женщин, как правило, более губительно, чем действие женской агрессии на мужчин (O'Leary, 1988).

Нью-гемпширский обзор 1985 года также позволяет предположить, что физическое насилие по отношению к женам снизилось между 1975 и 1985 годом на 27%. Таким образом, вопреки сведениям об эпидемии избиения жен в 1970–1980-х годах, данные нью-гемпширского обзора опровергают это предположение. Имеющиеся доказательства также позволяют предположить, что по большей части насилие в семье не начинается в браке. Так, некоторые исследования указывают, например, на то, что более половины женщин, собиравшихся выйти замуж, становились жертвами физического насилия со стороны женихов (O'Leary and Curley, 1986).

Распространенность, частотность и природа насилия и пренебрежения в отношении пожилых людей

Насилие по отношению к пожилым людям подразумевает причинение физического, эмоционального или психологического вреда человеку в возрасте 65 лет или старше. Пренебрежение в отношении пожилых людей выражается в том,

что «человек отказывается выполнить какие-то обязанности или долг по отношению к старым людям или оказывается не способен это сделать» (Seymour, 2001, ch. 13, p. 4). Насилие по отношению к пожилому человеку выражается в «отказе или неспособности обеспечить старого человека такими необходимыми для жизни вещами, как пища, вода, одежда, жилье, личная гигиена, медицинское обслуживание, комфорт, личная безопасность и другие существенные потребности, связанные с ответственностью за пожилого человека или согласием с ним» (Seymour, 2001, ch. 13, p. 4). В определение пренебрежения можно также включить недостаточный уход за стариками или отказ от заботы о них вообще. Когда пожилого человека оставляют в больнице, доме для престарелых и других подобных или общественных учреждениях, это тоже проявление пренебрежения.

Хотя между разными типами семейного насилия существует определенное сходство, плохое обращение с пожилыми людьми явление более сложное, оно связано как с аспектами межличностного насилия, так и с процессом старения (Wolf, 1992). То есть насилие в отношении пожилых людей и пренебрежение ими часто являются результатом длительной неблагоприятной семейной динамики и межличностных процессов, которые ухудшаются из-за того, что меняется система взаимозависимости в семье, или из-за болезни стариков и финансовых трудностей.

В большинстве случаев насилие в отношении пожилых людей совершается дома, а не в учреждении, и большая часть насильников — члены семьи, наиболее близко и эмоционально связанные с жертвой. Насильники — чаще всего супруги, взрослые дети, сестры или братья, родственники или — реже — нанятые сиделки. Около 20% случаев насилия над пожилыми людьми — физическое насилие, 45% случаев — пренебрежение уходом за стариками (Marshall et al., 2000).

Статистика показывает, что доля пожилых людей (от 65 лет и старше), подвергшихся насилию, составляет 4–10%, однако из-за недостатка надежных данных трудно дать точную оценку (Pagelow, 1989; Pilleinerand Suitor, 1988). По самым точным оценкам, каждый год и США от пятисот тысяч до двух с половиной миллионов пожилых людей подвергаются жестокому обращению со стороны тех, кто за ними ухаживает (Pagelow, 1989). Национальное исследование распространенности насилия над пожилыми людьми, проводившееся Национальным центром борьбы с жестоким обращением с пожилыми людьми (1998), приводит статистику, согласно которой в 1996 году по крайней мере полмиллиона пожилых людей подвергались

насилию в семье, пренебрежению со стороны младшего поколения или оказывались в состоянии запущенности. При этом на каждый известный случай насилия по отношению к пожилым людям, запущенности или пренебрежительного отношения к пожилым людям или пожилых людей — к самим себе приходится приблизительно пять незафиксированных случаев (Seymour, 2001). В тех же самых отчетах обнаружилось, что пожилые женщины чаще подвергаются насилию, чем мужчины, даже если учесть, что доля женщин среди стареющего населения больше. 2/3 преступников, виновных в жестоком обращении с пожилыми людьми, — взрослые лети и супруги.

Пиллемер и Финкельхор (Pillemer and Finkelhor, 1988) провели анализ в Бостоне и его ближайших окрестностях и обнаружили, что 3% пожилых людей страдали от одного из трех типов жестокого обращения: физического насилия, хронических словесных оскорблений или запущенности. Исследователи сделали вывод, что около 1 миллиона пожилых людей в США подвергается насилию. Канадский обзор (Podnieks, Pillemer and Nicolson, 1990) указывает, что около 4% пожилых людей, живущих в частных домах в этой стране, подвергались дурному обращению и пренебрежению.

Насилие между братьями и сестрами и насилие детей по отношению к родителям

Насилие между братьями и сестрами считается самой распространенной формой внутрисемейного насилия, но мы знаем о ней очень мало (Gelles, 1982; Ohlin and Tonry, 1989). В то время как профессионалы признают существование внутрисемейного насилия родителя по отношению к ребенку или супруга по отношению к супруге, они по-прежнему с трудом замечают наличие насилия и жестокости в отношениях братьев и сестер. Штейнмец (Steinmctz, 1981) указывает, что 2/3 братьев и сестер-подростков в выборках семей, которые она изучала, применяли для разрешения конфликтов физическое насилие. В семьях, где были только сыновья, вспышки насилия происходили чаще, чем в семьях, где были только дочери (Straus, Gelles and Steinmetz, 1980). Считается, что в США трое детей на тысячу каждый год применяли нож или пистолет против брата или сестры (Gelles, 1982). Жертвы более крайних форм насилия между братьями и сестрами, как правило, — младшие братья и сестры. Например, Ференбах и коллеги сообщали, что свыше 40% жертв подросткового насилия — младшие братья и сестры, обычно моложе двенадцати лет.

Статистика распространенности конкретных типов насилия в отношении пожилых людей, 1996

Тип злоупотребления	Статистическая оценка
Пренебрежение	58,50
Физическое насилие	15,70
Финансовое использование	12,30
Эмоциональное насилие	7,30
Сексуальное насилие	0,04
Другие виды дурного обращения	5,10
Тип жестокого обращения неизвестен	0,06

Насилие ребенка по отношению к родителям стало также серьезной проблемой. Каждые три подростка из 100 (3,5%) в возрасте 15–17 лет, по статистике, пинали родителей, кусали их, толкали, чем-то ударяли, угрожали им или применяли против родителей пистолет или нож (Gelles, 1982). Убийство родителей (parricide) обычно совершается сыновьями (Lubenow, 1983; Pagelow, 1989), однако это самая редкая форма внутрисемейного убийства. Подростки в целом чаще совершают самоубийства, а не причиняют вред семье. Доусон и Лантан (Dawson and Langan, 1994) в отчете для Управления уголовной статистики привели данные о том, что около 2% жертв убийств погибли от рук своих детей. Матерей убивают гораздо чаще (матереубийство), чем отцов (отцеубийство), и убийцами бывают и сыновья, и дочери, как подростки, так и взрослые. Убийство родителей женщинами во всех странах мира встречается реже (d'Orban and O'Connor, 1989). Если дочери участвуют в убийстве отцов, они часто прибегают к помощи друга-мужчины или брата. В Британии мальчики чаще всего убивают родителя (или родителей), отвечая вспышкой насилия на продолжительную провокацию и родительскую жестокость (d'Orban and O'Connor, 1989). Кэтлин Хайде (1993) выделяет три типа преступников, совершающих убийства родителей: 1) ребенок, подвергавшийся суровому насилию, 2) ребенок, страдающий тяжелым психическим заболеванием, 3) ребенок со слишком ярко выраженной и опасной антисоциальностью. Хотя убийство родителей встречается всегда в семьях со сложной динамикой, этот тип убийства чаще всего подразумевает паттерн множественного насилия в семье, легкий доступ к оружию, сильную склонность к алкоголю и сильное ощущение ребенком своей беспомощности при попытке справиться со стрессом в семье. Иногда подросток-убийца, как и другие члены семьи, чувствует облегчение, когда видит, что родители мертвы.

Самый известный случай подобного судебного процесса последних лет — это процесс братьев Менендес. Хосе Менендес и его жена Китти были убиты своими сыновьями в их особняке в Беверли-Хиллз 20 августа 1989 года. Обвинители заявили, что братья убили родителей, чтобы получить в наследство 14 миллионов долларов. Защитники настаивали, что они совершили убийство в целях самозащиты, чтобы положить конец постоянному сексуальному, физическому и психологическому насилию, из-за которого они испытывали иррациональный страх за свою жизнь. 20 марта 1996 года суд присяжных в Калифорнии признал братьев Чайла и Эрика Менендесов виновными в убийстве первой степени.

Порочный круг насилия в семье

Согласно последней статистике, по крайней мере в половине всех полных семей процветает агрессия (Hotaling and Straus, 1989). Это те семьи, которые характеризуются постоянным повторением внутрисемейной физической агрессии и насилия. Дети бьют друг друга, супруги бьют друг друга, родители бьют детей, а старшие дети — родителей. Наблюдения ученых подтверждают, что насилие, становясь основным паттерном межличностных отношений, мешает адаптации в окружающем мире и устанавливает ложные цели. Мужчины в семьях, где дети и жены подвергаются насилию, по сравнению с мужчинами из неагрессивных семей, в пять раз больше склонны агрессивно вести себя вне семьи. Аналогичный паттерн характерен и для женщин из агрессивных семей, хотя в несколько меньшей степени. Насилие между братьями и сестрами особенно распространено в тех семьях, где постоянно происходит избиение детей и супругов, что ведет к более агрессивному поведению мальчиков (Hotaling and Straus, 1989). Более того, дети из агрессивных семей чрезвычайно часто проявляют насилие вне семьи (Hotaling and Straus, 1989). Эти дети также более склонны к кражам, у них чаще возникают трудности в школе, их чаще задерживает полиция (Hotaling and Straus, 1989). Поскольку подавляющее большинство исследований на эту тему корреляционные, невозможно определить основную причину этого явления. Трудно сказать, что является главным в этом хитросплетении взаимосвязанных переменных. Однако совершенно ясно, что члены агрессивных семей проявляют насилие и бывают асоциальны в различных ситуациях — и по отношению к своим домочадцам, и

по отношению к обществу в целом. Они могут демонстрировать такие поведенческие паттерны в течение всей жизни.

Этиология

Иногда в учебной и популярной литературе встречаются утверждения, что и агрессивные родители, и агрессивные супруги были в детстве жертвами семейного насилия (Megargee, 1982). Исследователи предполагают, что преступники, проявляющие наиболее жестокие формы насилия, подвергались в детстве более тяжелой физической и психологической агрессии по сравнению с обычными преступниками (Hamalainen and Haapasalo, 1996). Человек становится агрессивным, поскольку сам подвергался агрессии, — на таком мнении основана гипотеза о порочном круге насилия. Однако последствия совершаемой над детьми физической агрессии не столь просты и очевидны, как хотят нас убедить в этом многие публикации (Garbarino, 1989). Работы, подтверждающие гипотезу порочного круга насилия, редко опираются на эмпирические данные (Gelles, 1982; Pagelov, 1989). Когда эти данные приводятся на основании даже небольшого числа практических случаев, то корреляции оказываются маргинальными или, в лучшем случае, умеренными. Большинство публикаций, однако, страдают от эффекта «Буки и Бяки». Эффект «Буки и Бяки» (woozle effect) — термин, который впервые появился в сказке о Винни-Пухе, а затем был одобрен и принят Хотоном (Hougton, 1979): он выражает тенденцию авторов одного исследования использовать данные или выводы другого исследования без учета характерной проблематики и необходимых методологических ограничений первого исследования (Gelles, 1982). Например, проводится исследование признаний мужей, которые избивают своих жен (суд обязал их посетить специальный семинар для агрессивных мужей, проводимый в городе Эпле, штат Висконсин). Многие из этих людей, возможно опасаясь социальных санкций и юридического преследования и надеясь сгладить свою вину, заявляют, что они были жертвами насилия в детстве. Поскольку в исследовании не использовались контрольные группы (неагрессивные мужья), а рассматриваемые примеры были нерепрезентативными (все судебные дела рассматривались в пределах одного географического и культурного ареала), исследователи делают весьма сдержанные и предварительные выводы, подчеркивая ограниченную обоснованность своих результатов. Эф-

фект «Буки и Бяки» возникает, когда другие авторы или исследователи, не принимая в расчет ограниченности полученных результатов, используют эти весьма фрагментарные и предварительные работы в качестве окончательного доказательства, подтверждающего гипотезу порочного круга насилия.

Иными словами, порочный круг насилия и дальнейшие последствия агрессии и отсутствия заботы родителей в детстве не имеют достаточных документальных подтверждений, а разнообразие форм человеческого бытия не предполагает простых причин наследственных отношений между дурным обращением, которому человек подвергался в детстве, и его последующим поведением (Garbarino, 1989). Во многих случаях избиение родителями детей имеет совершенно другие последствия. Многие жертвы насилия в детстве осознают его большую психологическую и социальную цену и поэтому становятся менее склонны к агрессивным действиям в семье, чем их супруги, не подвергавшиеся в детстве семейному насилию. Гарбарино (Garbarino, 1989, p. 222), например, пишет: «Многие люди, возможно большинство, ставшие в детстве жертвами семейной агрессии, тяжело переживают ее и не повторяют эти паттерны в воспитании собственных детей».

Другое традиционное убеждение заключается в том, что избиваемые жены позволяют себя избивать (Frieze and Browne, 1989). Другие полагают, что жертвы супружеской агрессии — это мазохисты, сознательно и бессознательно вызывающие по отношению к себе акты насилия (Megargee, 1982). Хотя те же люди считают жен, которых бьют мужья, личностями с низкой самооценкой, очень пассивными, зависимыми от мужей, забитыми женщинами, для которых сохранение брака важнее их собственной безопасности (Megargee, 1982).

Избивающие своих жен мужья описываются как чрезвычайно властные и беспричинно ревнивые люди, относящиеся к своим супругам как к собственности, которой домогаются другие мужчины. Такое описание позволяет другим авторам сделать предположение о неадекватности, некомпетентности и низкой самооценке таких агрессивных мужей, видящих во всем угрозу своему мужскому началу (маскулинности). Кристин Рэш исследовала 155 супружеских убийств во Флориде, произошедших с 1980 по 1986 год. Она смогла определить несколько мотивов этих убийств: наиболее частым оказался мотив, связанный с собственническим инстинктом. Вот список этих мотивов в процентном отношении:

- Собственнический инстинкт 48,9%
- Самозащита 15,5%
- Насилие со стороны жертвы 2,6%

• Невозможность найти аргументы в споре 20,7%
• Другие мотивы 9,7%
• Неизвестные мотивы 7,7%

Агрессия в состоянии алкогольного опьянения также часто включается в клиническую картину. Мужчины, проявлявшие насилие по отношению к своим детям, оценивались психологами как некомпетентные, несдержанные личности, тяготящиеся ролью родителей и испытывающие фрустрацию от нее. Специалисты считали, что насилие одновременно по отношению к жене и к ребенку иррационально, экспрессивно, вызвано фрустрацией и чрезвычайной злобой. Некоторые профессионалы предполагали, что уличное насилие в основном является рациональным и инструментальным, в то время как семейное насилие в основном иррационально и экспрессивно (Megargee, 1982; Hotaling and Straus, 1989).

Эмпирические подтверждения этих описаний скудны, сомнительны и бессвязны. Одни исследования обнаруживают подтверждения таких корреляций, другие — нет. Несмотря на то что делались некоторые попытки определить психологические типы подвергающихся насилию жен и детей (Megargee, 1982), по-видимому, четких психологических типов агрессоров и терпящих агрессию людей не существует и, кажется, нет очевидных данных для типологии психологических характеристик как жертв агрессии, так и агрессоров. Однако результаты последних исследований по типологии кажутся перспективными: они могут помочь предотвращать насилие и преодолевать его последствия. В обширном обзоре научной литературы по этому вопросу Хольцворт-Монро и Стюарт определили три основных типа мужей, проявляющих насилие: агрессоры первого типа совершают насилие в отношении только членов семьи; агрессоры второго типа страдают от эмоциональных проблем и из-за этого проявляют агрессию к членам семьи; агрессоры третьего типа вообще агрессивны в отношении всех окружающих, а не только членов своей семьи. Первый тип по сравнению с двумя другими наиболее распространен и наименее агрессивен. Люди, принадлежащие к этому типу, склонны раскаиваться в своих поступках. Это в основном неадекватные, пассивные мужчины, зависимые от окружающих. Ко второму типу относятся депрессивные, неадекватные, эмоционально непостоянные личности, обнаруживающие патопсихологические симптомы и признаки расстройства личности. Третий тип составляют антисоциальные личности, склонные к криминалу и насилию во всех ситуациях. Они предрасположены к злоупотреблению алкоголем и агрессивны практически по отношению ко всем. Они

также склонны совершать серьезные акты насилия по отношению к своим супругам.

Исследования демографических переменных пока непоследовательны и не позволяют сделать никаких выводов (Weis, 1989; Hotaling and Straus, 1989). Подвергающиеся агрессии жены и дети рассматриваются в социально-экономическом, религиозном и этническом контекстах. Даже современные гендерные исследования не обнаруживают четкой тенденции, различающей мужскую и женскую агрессию по отношению к супругам, детям или родителям.

Злоупотребление алкоголем и наркотиками, по-видимому, стимулирует семейное насилие, но не является его причиной. Агрессивные мужчины, имеющие проблемы с алкоголем и наркотиками, склонны к насилию по отношению к своим партнерам и в пьяном, и в трезвом состоянии. Однако сильно пьющие агрессивные мужья по сравнению с агрессивными мужьями, не имеющими проблем с алкоголем и наркотиками, совершают насилие и серьезные преступления по отношению к своим партнершам чаще (Frieze and Browne, 1989). Аналогичные паттерны наблюдаются у мужчин, агрессивных по отношению к своим детям. Многие используют алкоголь как оправдательный фактор, позволяющий им уменьшить вину за насилие и антисоциальные поступки и избежать юридических санкций в полной мере. Бэбкок, Вальц, Якобсон и Готтман (Babcock, Waltz, Jacobson and Gottman, 1993) в одном весьма перспективном исследовании изучали взаимоотношение супружеской власти, межличностных стратегий и коммуникативных навыков для прогнозирования супружеского насилия. Они утверждают, что мужья, не способные достичь своих целей путем переговоров или вообще с помощью коммуникативных навыков, более склонны прибегать к физической агрессии — толчкам, пощечинам, избиению, — чтобы достичь своих целей. Это особенно характерно для тех случаев, когда жены вербально более компетентны, более образованны или имеют лучшую работу, чем их мужья. Например, недавние исследования предполагают, что жены, имеющие работу, более высокую по статусу, чем у их мужей, испытывают большую опасность подвергнуться насилию по сравнению с женами, профессионально равными своим мужьям (Hornung, McCullough and Sugimoto, 1981). Когда мужчина унижен многочисленными разногласиями о разделении семейной власти, единственно эффективным возражением для него может стать физическая агрессия. Исследование Бэбкока и его коллег (Babcock et al., 1993, p. 47) показывает, что «...низкий коммуникативный уровень, разница в образовании и самостоятельные

властные решения, принимаемые женой... связаны с мужской агрессией по отношению к супруге». Более того, мужья, агрессивные по отношению к своим женам, часто находятся в таких супружеских взаимоотношениях, когда требования мужа наталкиваются на отчужденность жены (т.е. стремление защититься, пассивное бездействие, «непробиваемость» или отказ разговаривать с супругом). Исследователи интерпретируют паттерн отчужденности как признак силы (у супруги есть ресурсы, которые нужны ее партнеру), а требование — как признак слабой позиции (супруг добивается чего-то, что есть у его партнерши).

Исследователи подчеркивают важность изучения взаимодействия в супружеских отношениях для более полного понимания семейного насилия.

Если в семье один раз возникли насильственные отношения или совершен акт агрессии, то он может повториться (Frieze and Browne, 1989). Впоследствии, при отсутствии соответствующего противодействия, случаи насилия могут становиться более частыми и жестокими. Более того, эмоциональные реакции и психологические травмы у жертвы, возникающие по прошествии времени после случая семейного насилия, решительно отличаются от реакций и психологических травм, полученных в результате насилия со стороны незнакомых людей. Прежде чем представить окончательные выводы, необходимо более глубоко изучить агрессию вне семейной жизни.

Насилие и злоупотребления по отношению к старикам похожи на жестокое обращение с детьми, но с одним существенным исключением: встречается еще и финансовая эксплуатация (Pagelow, 1989). Типичным объектом такого насилия становится белая женщина семидесяти пяти — восьмидесяти пяти лет, малообеспеченная, протестантка, страдающая от какой-либо формы физического или психического заболевания (Pagelow, 1989). Только 5% стариков помещаются в специальные клиники или дома престарелых, хотя у 85% наличествует по крайней мере одно хроническое заболевание (Hudson, 1986). Большинство живет дома. Насилие по отношению к старикам совершают преимущественно люди, испытывающие недостаток средств, чувствующие себя обманутыми и, возможно, злоупотребляющие алкоголем и наркотиками. 2/3 из них — это старшие сыновья или дочери жертв в возрасте сорока лет или старше. Вторую по величине категорию людей, совершающих насилие, составляют супруги. Мужчины чаще совершают над стариками физическое насилие, а женщины психологическое или пренебрегают заботой о них. Однако и мужчины, и женщины склонны к финансовой экс-

плуатации стариков. Чаще всего психологические формы насилия сочетаются с физическим насилием и жестоким обращением (Pagelow, 1989).

В чем существенные отличия насилия в семье от насилия вообще?

Как замечалось ранее, некоторые клиницисты и авторы предполагают, что семейное насилие сильно отличается от обычного или уличного насилия и поэтому может изучаться отдельно от него (Megargee, 1982). Физическое насилие против детей и супругов представляет собой «особые» случаи насилия, и для их объяснения нужны теории семейных отношений. Насилие над женами совершается в состоянии психологического дистресса, оно иррационально. Как отмечалось выше, насилие над детьми описывается как некомпетентное и необдуманное поведение людей, не способных справиться с воспитанием детей и ожидающих от них чего-то нереального. Аналогично супружескому, насилие по отношению к детям также по своей природе чрезвычайно асоционально и иррационально. Напротив, уличные преступники используют насилие преимущественно обдуманно и рационально, чтобы получить что-то, например материальную выгоду, статус или другие социальные подкрепления. Уличное насилие совершается с определенной целью, в то время как семейное осуществляется озлобленными людьми без видимой цели.

Эмпирические доказательства различий между уличным и семейным насилием слабы и сомнительны. Большинство исследований на эту тему лишены систематичности и серьезной методологии (Hotaling and Straus, 1989). Однако имеющиеся у нас факты убедительно свидетельствуют о том, что этиология агрессивного поведения одинакова и для уличного, и для семейного насилия. Агрессивные люди склонны проявлять насилие и в своей семье, и вне ее, пытаясь таким образом достичь своих целей в самых разных жизненных ситуациях.

Синдром жестокого обращения с женщиной

Термин «синдром жестокого обращения с женщиной» (battered woman syndrome) был введен и объяснен психологом Ленорой Уокер (Lenore Walker, 1979), которая специализируется на изучении семейного насилия. Уокер выделила ряд

поведенческих черт и эмоциональных признаков, которые, как она полагает, возникают у женщин, подвергавшихся в течение длительного времени физическому и психологическому насилию со стороны доминирующего мужчины. Важнейшими составляющими этого синдрома являются низкая самооценка, депрессия и беспомощность.

Исследование семейного насилия обнаружило, что подавляющее большинство избиваемых женщин либо сохраняют насильственные отношения, либо разрывают их, либо убивают своего обидчика. Крайне редко насильственные отношения улучшаются. Незначительное меньшинство избиваемых женщин убивают своего обидчика. Хотя свидетельства синдрома жестокого обращения с женщиной принимались во внимание в судебных процессах над женщинами-убийцами (Schuller and Vidmar, 1992), они редко приводили к их оправданию (Browne, 1987; Ewing, 1990).

В настоящее время существуют серьезные сомнения в обоснованности, достоверности и практической полезности диагноза «синдром жестокого обращения с женщиной» (Bartol and Bartol, 1994). Это понятие представляет большую проблему, потому что профессионалы-психологи и юристы часто рассматривают этот симптом как отражение определенного психического или поведенческого расстройства. При этом у женщин, подвергающихся жестокому обращению, в поведении часто выявляются паттерны, отражающие навыки адаптации к опасным и угрожающим жизни ситуациям и выживания в них.

Психологические эффекты насилия и жестокости по отношению к детям в семье

Насилие в семье признается серьезной проблемой нашего общества, но до 1980-х годов в научной литературе не было данных о том, какой именно эффект оказывает семейное насилие на детей. Детей, подвергшихся насилию со стороны взрослых домочадцев, обычно называли «немыми», «забытыми» и «безвольными» жертвами домашнего насилия. Сначала таких детей рассматривали просто как «свидетелей» или «очевидцев», но недавние исследования обнаружили, что такие дети являются не только прямыми жертвами насилия, но и страдают от его последствий.

Дети переживают домашнее насилие в разнообразных ситуациях. Чаще всего они видят или слышат его проявления,

но только этим их вовлечение в домашнее насилие не ограничивается. В случае прямого участия они могут попытаться вмешаться в происходящее или позвонить в службу спасения 911 (Edleson, 1999). В других случаях детей берут в заложники, чтобы заставить мать вернуться, могут использовать в качестве живого щита либо заставляют детей участвовать в насилии или принуждают их шпионить за матерью, выясняя, чем она занимается (Ganley and Schecter, 1996).

Переживания последствий насилия могут быть также травматичны для детей (Edleson, 1999). Например, ребенок может видеть физические повреждения на теле матери, возможно нуждающейся в медицинской помощи, замечать ее эмоциональное состояние (страх, депрессию, стресс). Мать могут разлучить с ребенком, поместив ее в приют для избиваемых женщин, чтобы предотвратить дальнейшее насилие. Последствия насилия могут включать в себя отлучение отца от семьи после вмешательства полиции. В некоторых случаях ребенка помещают в детский приют, что также действует на него угнетающе.

Количество детей, ежегодно подвергающихся домашнему насилию в США, точно неизвестно. Страус (Straus, 1991, p. 98) подсчитал, что «по крайней мере каждый третий американец становился свидетелем насилия между родителями, а большинству приходилось видеть его неоднократно». Этот подсчет основывается на общенациональном исследовании Страуса и Геллеса (Straus and Gelles, 1990), в котором обнаружилось, что 30% родителей, признавшихся, что в их доме бывали случаи насилия, сообщили, что их дети стали свидетелями как минимум одного такого инцидента в течение их брака.

Исследования также обнаружили, что от 13 до 27% взрослых в детстве были свидетелями физического насилия между родителями (Forrstrom-Cohen and Rosenbaum, 1985). Данные полицейской статистики пяти крупных американских городов свидетельствуют, что дети оказывались непосредственно вовлеченными в инциденты домашнего насилия в 27% случаев (Fantuzzo et al., 1997). Фантуццо и его коллеги обнаружили также, что чаще вовлекаются в домашнее насилие младшие дети в семье. В другом исследовании (Silvern et al., 1995) выяснилось, что проявление домашнего насилия может быть даже более распространенным среди некоторых групп населения. Как показал Силверн, 118 (41,1%) из 287 опрошенных студенток колледжей и 85 (32,2%) из 263 студентов колледжей были свидетелями случаев насилия одного из своих родителей по отношению к другому.

Объяснение того, как насилие воздействует на ребенка, должно включать ряд уже существующих факторов риска. Возраст ребенка, характер насилия и степень его жестокости, социально-экономическое положение семьи, особенности участия родителей в насилии — все это должно приниматься в расчет.

Больше всего внимания исследователи уделяли поведенческим и эмоциональным функциям ребенка. Прежде всего в этих работах сообщается о том, что у ребенка, вовлеченного в домашнее насилие, больше по сравнению с другими детьми поведенческих и эмоциональных проблем. Например, исследования, применяющие тесты детского поведения (Child Behavior Checklist) (Achenback and Edelbrock, 1983), и соответствующие измерительные шкалы, обнаружили, что дети, ставшие свидетелями домашнего насилия, становятся более агрессивными и антисоциальными, боязливыми и подавленными (Fantuzzo et ah, 1991; Hughes, 1988; Hughes, Parkinson and Vargo, 1989), такие лети по сравнению с другими детьми проявляют меньше социальной компетенции и межличностных навыков общения (Adamson and Thompson, 1998; Hughes, 1988; Fantuzzo et ah, 1991). Более агрессивное и антисоциальное поведение часто определяют как «экстернальное» (externalized внешнее, направленное вовне), а боязливое и подавленное как «интернальное» (internalized внутреннее, направленное внутрь) (Carlson, 1991; Edleson, 1999; Stagg, Wills and Howell, 1989).

Было также показано, что домашнее насилие оказывает чрезвычайно негативное воздействие на эмоциональное здоровье ребенка и на общую адаптацию. И мальчики и девочки из семей, где практикуется супружеское насилие, становятся более депрессивными и агрессивными (McClosky, Figueredo and Koss, 1995; Wolf, Jaffc and Zak, 1985), а самооценка у них по сравнению с другими детьми занижена. Кроме того, такие дети часто обнаруживают страх, депрессию, травматические симптомы и проблемы с темпераментом (Hughes, 1988; Maker, Keminelmeier and Peterson, 1998).

Домашнее насилие воздействует также на среднесрочные и долгосрочные когнитивные функции детей, влияет на психологические установки относительно насилия и решения конфликтных ситуаций в собственной жизни. Многие исследователи делают вывод, что домашнее насилие создает у детей психологические установки, оправдывающие их собственное насилие при решении различных проблем, и приводит к фрустрации. Например, Спаккарелли, Коэтсворт и Боуден

(Spaccarelli, Coatsworth and Bowden, 1995) подтвердили это, показав, что из 213 опрошенных подростков-мальчиков, осужденных за насилие, мальчики, бывшие свидетелями домашнего насилия, были более склонны описывать свою точку зрения, говоря, что «агрессивные действия укрепляют репутацию или имидж» (p. 173). Карлсон (Carlson, 1991) сообщает также, что из 101 опрошенного подростка мальчики, наблюдавшие домашнее насилие, значительно чаще оправдывали агрессию, чем девочки-свидетели домашнего насилия.

Итак, эмпирические данные показывают, что вовлечение детей в домашнее насилие — серьезная и часто встречающаяся проблема. Такое насилие воздействует на детей косвенно, через родительские отношения, и напрямую, влияя на их поведенческую, эмоциональную, когнитивную, психологическую и социальную адаптацию.

Убийство детей, младенцев и малолетних (инфантицид, неонатицид и филицид)

В этом разделе мы рассмотрим убийство детей, когда человек преднамеренно убивает ребенка или младенца и смерть наступает не в результате несчастного случая, явившегося следствием плохого обращения или небрежности. Подсчитано, что ежегодно родители или другие дети преднамеренно убивают от 1200 до 1500 детей (Emery and Fauniann-Billings, 1998). Убийство детей явление нередкое, оно все больше и больше распространяется по всему земному шару и особенно характерно для мест проживания беднейших слоев, расовых меньшинств и для крупных городов (Baron, 1993). Большая часть убийств детей совершается родителями ребенка.

Хотя термин инфантицид (infanticid) буквально означает убийство несовершеннолетнего, он стал синонимом убийства ребенка родителем. Несколько лет назад Резник (Resnick, 1970) рекомендовал разделить убийство детей на две категории: неонатицид (neonaticide) — убийство новорожденного в первые двадцать четыре часа после рождения, и филицид (filicide) — убийство ребенка, прожившего более суток. Новорожденные, младенцы и дети в возрасте от года до четырех лет более уязвимы для убийства, чем дети в возрасте от пяти до девяти лет (Reiss and Roth, 1993). Количество убийств детей в возрасте до пяти лет возрастало с 1976 по 1995 год и убывало с 1996 года. Из всех детей в возрасте до пяти лет, погибших насильственной смертью с 1976 по 1999 год, 31% детей

убиты отцом, 30% — матерью, 23% — знакомыми мужчинами, 13% — другими родственниками и 3% — незнакомыми людьми (Управление судебной статистики, 2001) (Bureau of Justice Statistics, 2001) Из детей, убитых кем-то, кроме родителей, 82% убиты мужчинами. Большинство убитых детей — мальчики.

Традиционно женщины, убившие своих детей, рассматривались судебной системой и психиатрами как страдающие от тяжелых эмоциональных проблем. Судебная система признавала их душевнобольными, а психиатры называли психотиками. Согласно Ане Вилжински (Ania Wilczynski, 1991, 1997), если женщина не сумасшедшая, она, в таком случае, морально порочна, бессердечна или не способна любить. В Англии и Уэльсе такие женщины до сих пор признаются либо сумасшедшими, либо безнравственными. Общество ждет от матери прежде всего проявлений любви к своим детям, заботы о них, самоотверженности и способности их защитить (Wilczynski, 1991). Любое отклонение от этого стереотипа приводит к заключению о том, что женщина либо психически больна и нуждается в проявлении к ней сочувствия, либо, напротив, глубоко безнравственна и жестока и потому заслуживает сурового наказания.

Однако общепринятая точка зрения уголовной судебной системы в Англии (а возможно, и в Северной Америке) заключается в том, что она признает женщин, убивающих своих детей, «сумасшедшими» и «невменяемыми», а мужчин, убивающих своих детей, «преступными» и «вменяемыми» (Wilczynski, 1997). Любопытно, что в 1938 году Англия приняла Закон об инфантициде (Infanticide Act), основывающийся прежде всего на представлении, что мать, убившая своего ребенка, скорее всего психически больна. До сих пор английские суды продолжают, основываясь на статьях Закона об инфантициде, выносить вердикты, исходя из предпосылки, что мать, убивающая своего ребенка, психически больна. Крайне редко выносится приговор об убийстве или непредумышленном убийстве.

Количество убитых детей в возрастных группах, 1999 год

Год	Возраст					
1990	Младше года	1 год	2 года	3 года	4 года	Всего
	256	123	112	76	39	607

Вилжински (Wilczynski, 1991) изучила материалы двадцати двух судебных процессов, проводившихся в Англии и Уэльсе в промежутке между 1971 и 1989 годами и разбиравших дела об убийстве матерью своего ребенка (все убитые дети

были не старше двенадцати месяцев). В четырнадцати случаях у женщин признавали эмоциональные нарушения. Суд признавал их «...в целом хорошими женщинами и матерями, которых что-то привело к трагической ошибке» (Wilczynski, 1991, с. 74).

Следуя психиатрической градации, Резник (Resnick, 1969, 1970) заключает, что 2/3 всех женщин, совершивших филицид (убийство ребенка, прожившего более суток), психически больные, по сравнению лишь с 17% женщин, совершивших неонатицид (убийство ребенка в первые двадцать четыре часа после рождения). Он также обнаружил, что подавляющее большинство женщин из филицидной группы страдают серьезными формами депрессии, в то время как подобные симптомы обнаруживаются лишь у незначительного числа женщин из неонатицидной группы. Более того, каждый третий случай филицида сопровождается попытками суицида, который крайне редко сочетается с неонатицидом.

Недавние исследования выясняют новые детали относительно материнского инфантицида. Проводя общенациональное сравнительное исследование британских и канадских женщин, совершивших филицид, Мак-Ки и Шеа (McKee and Shea, 1998) показали, что женщины, обвиненные в убийстве своих детей, обычно страдали от диагностируемого психического расстройства и в период убийства были подвержены многочисленным стрессам. Результаты другого исследования свидетельствуют о том, что женщины, страдающие от диагностируемого психического расстройства, более склонны применять для убийства своих детей оружие, по сравнению с матерями-убийцами, не страдающими от подобных расстройств (Lewis, Baranoski, Bachanan and Benedek, 1998). В этой же работе приводятся данные о том, что огнестрельное оружие используется в 13%, а ножи в 12% случаев.

Корами Ричи Манн (Coramae Richey Mann, 1993) исследовала паттерны и характеристики материнского филицида в шести крупнейших городах США (Чикаго, Хьюстон, Атланта, Лос-Анджелес, Нью-Йорк и Балтимор) в период между 1979 и 1983 годами. Хотя в работе сообщается о 296 зафиксированных случаях убийства матерями своих детей, Манн ограничивает свое исследование выборкой из 25 матерей-убийц (убитые дети были дошкольниками в возрасте до пяти лет). Однако делать серьезные выводы здесь нужно очень осторожно, поскольку число рассматриваемых случаев невелико.

Манн обнаружила, что 40% женщин, убивших своих детей дошкольного возраста, имели записи об аресте. У одной из

преступниц было пятнадцать судебных арестов, еще у одной шесть уголовных арестов, 25% арестовывались за насилие. Более того, у двенадцати из двадцати пяти преступниц были записи о совершении насилия над детьми, сделанные судом или социальной службой, которым приходилось вмешиваться в их семейную жизнь. Большинство жертв было убито в ванне (30%) или в спальне (26%), обычно в воскресенье утром. Мануальные способы применялись в 80% случаев: руками или ногами — 52%, удушением — 16%, утоплением — 12%. Убийства старших детей (4–5 лет) совершались с большей жестокостью.

Хотя чаще всего жертвами оказались афроамериканские девочки в возрасте младше двух лет, Манн предостерегает делать выводы о расовых паттернах, поскольку число рассматриваемых примеров невелико. Автор также подчеркивает, что при изучении расово-этнических факторов филицида решающей характеристикой является географический фактор. Например, национальные меньшинства чаще концентрируются в больших городах, чем в пригородах и сельской местности. Хотя большинство преступниц первоначально обвинялись в преднамеренном убийстве, этот приговор был вынесен только 19%. 40% женщин, убивших своих детей дошкольного возраста, были заключены в тюрьму по приговору о непреднамеренном убийстве. Еще 36% получили условный срок. Оставшиеся 6% случаев либо не рассматривались судом, либо преступниц отпускали, либо направляли на специальное лечение, так что местопребывание их неизвестно. Суд редко приходил к заключению о психическом расстройстве преступниц.

Теоретические объяснения насилия в семье

Развитие теории требует продуманных и правильно проведенных исследований. В отсутствие проверенной опытом теории и глубокого изучения предмета возникают многочисленные спекуляции и необоснованные трактовки, лишенные эмпирических доказательств. Именно такая ситуация складывается в изучении семейного насилия. Геллес и Страус (Gelles and Straus, 1979), например, смогли выявить пятнадцать различных теорий, пытающихся объяснить семейное насилие. Вейс (Weis, 1989, p. 123) замечает, что «для этой области знаний, за редким исключением, характерны описательные работы со слабо подтвержденными гипотезами, неубедительными причинными моделями и незначительными попытками создать проверенную опытом теорию, обобщающую различные типы семейного насилия».

Систематическое изучение семейного насилия началось достаточно недавно. Поэтому в нем много разрозненных исследований и нет обобщающей теории, как это бывает с молодыми науками. Кроме того, семья сложный объект для исследований, поскольку она является комплексной социальной системой, включающей в себя множество ролей. Семья представляет собой частную социальную группу, в которой взаимодействие и поведение ее членов невидимо для постороннего наблюдателя. Социальные взаимодействия по сравнению с другими взаимодействиями более интенсивны, эмоциональны и логичны (Weis, 1989). К тому же влияние семьи осуществляется не только в одном направлении, оно разнонаправленно. Этот процесс можно определить как взаимовлияние (Bartol and Bartol, 1998). Например, в то время как родители влияют на развитие ребенка, ребенок оказывает воздействие на их супружеские отношения, дружеские связи и даже на уровень удовлетворенности работой. Взаимовлияние означает, что социальное окружение влияет на индивидуума, который, в свою очередь, оказывает воздействие на социальное окружение. Поэтому достичь успеха в продвижении наших знаний о семейном насилии могут те теории, которые рассматривают межличностное взаимодействие в динамике семейных отношений.

Борьба с семейным насилием

Хотя теории семейного насилия еще слабо развиты, мы уже можем исследовать эффективность некоторых процедур и стратегий по снижению семейного насилия. К сожалению, существует крайне мало систематических оценок эффективности отдельных стратегий в борьбе с семейным насилием (Elliot, 1989).

Одним из наиболее интересных исследований стал эксперимент по изучению семейного насилия в Миннесоте: в нем изучалась эффективность действий полиции при супружеской агрессии (Sherman and Berk, 1984). Офицеры полиции, принимавшие участие в этом проекте, регулировали супружеские конфликты одним из трех способов: арест, отделение супругов друг от друга либо консультация или посредничество в примирении враждующих сторон. Выяснение эффективности этих способов через шесть месяцев показало, что самым действенным полицейским вмешательством, сокращающим преступную семейную агрессию, является арест. Однако исследование имело серьезные методологические пробле-

мы, разрушающие внутреннюю и внешнюю обоснованность выводов. Более того, есть несколько свидетельств, что воздействие ареста продолжается на протяжении относительно короткого периода времени (от восьми до двенадцати месяцев), а затем агрессия возвращается на свой прежний уровень (Elliot, 1989).

Эффективность санкций правоприменения (судебное преследование, заключение в тюрьму или присуждение условного срока) в предотвращении последующего семейного насилия пока сомнительна. Без ответа остается также много вопросов по поводу эффективности общественных служб и помощи жертвам семейного насилия.

Большинство современных работ и комментариев посвящено проблеме сокращения насилия над женами. Фаган (Fagan, 1989) выдвигает гипотезу о том, что значительная часть самоподдержки и самопомощи, получаемой мужчинами при избиении своих жен, происходит от устоявшегося культурного стереотипа, который предполагает, что мужчина должен доминировать и показывать, кто в доме хозяин. Такое ожидаемое доминирование достигается и удерживается простым «мужским» способом с помощью физической агрессии, а если надо, то и с помощью насилия. Мужчины получают подкрепление, испытывая удовлетворенность при установлении физического доминирования. Такое доминирование сопровождается положительным социальным статусом, который поддерживают мужские группы и мужская субкультура. Соответственно, мужчины, присоединяющиеся к этой субкультуре, социализируются, вместе пьют, вместе участвуют в типично мужских развлечениях, в основном исключающих присутствие их жен. Мужская субкультура обеспечивает соответствующее окружение, которое поддерживает и порождает традиционное мужское господство в отношениях с женщиной, хотя это господство повсеместно приводит к насилию. Постоянные контакты мужа исключительно с мужской субкультурой сочетаются с усиливающейся изоляцией жены, что сопровождается иногда более жестокими формами совершаемого над женой насилия (Bowker, 1983; Fagan, 1989). Очевидно, чем глубже погружен мужчина в такую субкультуру, тем он более склонен избивать свою жену.

Насколько некоторые женщины поддерживают идею такого традиционного мужского господства, неизвестно, однако чтобы глубже понять динамику взаимоотношений, очень важно знать, в какой мере женщины внешне или внутренне принимают систему этих предубеждений. Это не означа-

ет, что субкультура, поддерживающая мужское господство в браке, обязательно оправдывает насилие, направленное на установление мужского доминирования. Между тем исследования показывают, что многие мужья, избивающие своих жен, изолируют их социально, получая значительную поддержку и одобрение от своего дружеского окружения. Такая картина вполне обычна для сельской местности, где можно видеть, как жена и дети физически изолированы, в то время как муж проводит время за охотой, рыбалкой и выпивкой со своими друзьями.

Действенный способ прервать порочный круг плохого обращения с женой — это изменить систему ценностей мужа и его круг друзей, которые поддерживают или, по крайней мере, извиняют физическое господство мужчины в семейных отношениях. Эту стратегию нелегко осуществить во многих агрессивных поведенческих паттернах. Мужья, плохо обращающиеся с женами, имеют длительный жизненный опыт усвоения и подкрепления своей системы ценностей и, вероятно, в течение жизни многократно получали от субкультуры поддержку своих агрессивных действий по отношению к женщинам. «Развязаться с субкультурой — не то же самое, что оставить мир наркотиков и алкоголя» (Fagan, 1989, p. 408).

Начальная мотивация изменения поведенческого паттерна плохого обращения с женой часто требует создания ряда ситуаций, в которых плата за агрессию перевешивает получаемые от нее выгоды. Законные санкции — один из способов установления таких ситуаций, однако многие агрессивные мужья понимают, что эти санкции неопасны и недейственны. Однако серьезные попытки уголовной судебной системы подвергнуть некоторых мужей законным санкциям (арест, уголовный надзор, тюремное заключение и т.п.) могут доказать свою эффективность очень нескоро. Важно заметить, что один лишь арест или другое событие вряд ли вызовет у мужа, агрессивного по отношению к жене, желание измениться: скорее, он придет к необходимости изменить свои поведенческие паттерны после ряда серьезных неприятных событий наподобие суровых санкций закона, сочетающихся с социальными санкциями, исходящими от общества (публичное разоблачение, визиты представителей общественности), и с эмоциональным воздействием жертвы (сообщение о плохом обращении авторитетным людям, уход из дома, отдельное проживание, угроза развода).

Однако более жестокое и длительное насилие остановить гораздо труднее, несмотря на формальные внешние вмеша-

тельства, правовые или какие-либо иные (Fagan, 1989). Правовые и социальные санкции, применяющиеся к агрессивному супругу, могут оказывать воздействие в менее сложных и жестоких случаях. Правовые санкции, в зависимости от их характера и строгости, в серьезных ситуациях оказываются не только неэффективными, но и могут даже привести к эскалации насилия. Поэтому социальные, правовые и эмоциональные санкции могут быть эффективны при воздействии только на тех, кто не имеет длительного опыта в совершении повторяющихся актов тяжелого насилия.

Как мы увидим, есть только один способ заставить человека принять решение о прекращении насилия. Это не значит, что можно заставить человека избегать агрессивных поступков. Исследования убедительно демонстрируют, что сформировать положительное поведение гораздо сложнее, чем просто остановить негативное поведение.

Выводы

В этой главе мы сосредоточились на специфических видах агрессии. Содержание предыдущих глав было более обобщенным, так как мы описывали главные теоретические направления в изучении преступности. В этой главе мы рассказали об основных социологических данных о насилии и подвели итог клиническим и эмпирическим исследованиям насилия в семье.

Социологические и официальные данные показывают, что убийства случаются реже, чем прочие насильственные преступления. В США насильственные преступления совершают в основном молодые мужчины, социальное окружение которых в явном или скрытом виде одобряет насилие в решении конфликтов. Повсеместно в преступлениях используется огнестрельное оружие (особенно пистолеты). Больше всего в статистике насильственной преступности представлены некоторые меньшинства: афроамериканцы и испаноамериканцы в США и индейцы в Канаде. Чаще всего жертвы и преступники являются членами одной семьи, друзьями или знакомыми. Хотя агрессия встречается чаще, чем убийство, она, особенно в жестокой форме, имеет схожие с ним признаки.

Изучение семейного насилия постоянно расширяется, поэтому мы посвятили этой теме отдельную главу. Семейное насилие — сложное явление, включающее в себя агрессию по отношению к детям, старикам, супругам, братьям и сестрам

и родителям. Такая агрессия имеет несколько форм — физическую, психологическую и сексуальную. Семейное насилие исследуется в расовых, этнических и социально-экономических группах. Особенно уязвимы для жестокого обращения и семейного насилия дети: они легко могут стать жертвами физической агрессии и сексуальной эксплуатации, наносящими физические, эмоциональные и психологические травмы с тяжелыми и длительными последствиями. Женщины намного чаще мужчин становятся объектами супружеского насилия, преследования и дурного обращения. Случаи физических травм и смертей в результате семейного насилия часто упоминаются в работах и клинических исследованиях на другие темы, связанные с личностными, семейными и социальными проблемами. Наиболее важным при разговоре о семейном насилии и плохом обращении с родственниками становится виктимологический аспект, который необходим для полного понимания преступлений, связанных с насилием; эта сторона исследований как нельзя лучше указывает на тот факт, что семья для многих уже не является «тихой гаванью». Для несовершеннолетних преступников, совершающих насильственные и сексуальные преступления, главными факторами оказываются нестабильность и насилие в семье (Righthand and Welch, 2001). Во многих работах делается вывод о том, что дети, подвергавшиеся агрессии и плохому обращению, испытывают трудности в общении. Они плохо распознают чужие эмоции, с трудом понимают чужую точку зрения и менее приятны для окружающих (Knight and Prentky, 1993). Многие неисправимые преступники росли в семьях, где царили плохое обращение с родственниками, агрессия и насилие.

ПРЕДУМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО: ПОДРОБНОЕ РАССМОТРЕНИЕ

Задачей этой главы будет более детальное рассмотрение предумышленного убийства (или убийства как преступления), в том числе некоторых методов, которые обычно использует следствие для идентификации преступников. Мы рассмотрим различные виды криминальных убийств, в том числе серийные убийства, садистские убийства на сексуальной почве, массовые убийства, убийства в результате фальсификации продуктов и убийства на рабочем месте. Мы рассмотрим также достоверность многочисленных сообщений о том, что в так называемых сатанистских сектах регулярно практикуются человеческие жертвоприношения и пытки. Хотя убийства, о которых пойдет речь в этой главе, случаются относительно редко, социальный и эмоциональный резонанс, который они вызывают в ближайшем окружении и в обществе в целом, весьма значителен. Страх и террор, который они порождают, могут изменить образ жизни тысяч людей. Кроме того, убийства широко освещаются в печати. При этом достоверной может считаться лишь часть публикаций, многим из них не хватает четкого понимания связанных с преступлением психосоциальных аспектов. Поэтому важно уделить некоторое внимание тому, что мы знаем и чего не знаем об этих знаменитых преступлениях. Наконец, мы закончим главу обсуждением некоторых новых психологических теорий и исследований, которые пытаются объяснить современный уровень преступности.

Методы исследования

Как пишет Джон Дуглас, существует три важные особенности поведения преступника, следы которых можно обнаружить на месте преступления: 1) modus operandi (почерк, образ действия), 2) личная отметка или сигнатура (подпись) и 3) инсценировка. Modus operandi (МО) — это типичный набор действий и приемов, с помощью которых преступник добивается успешного совершения преступления. Это стереотип

поведения, усваиваемый преступником по мере накопления опыта в совершении преступлений. Тем не менее, поскольку преступники зачастую неоднократно меняют почерк, пока не остановятся, избрав самый подходящий, следователи могут совершить грубую ошибку, если при установлении связи между преступлениями будут придавать МО слишком большое значение (Douglas and Munn, 1992c).

Все, что не является необходимым для совершения преступления, принято называть личной отметкой или «подписью» (сигнатурой). Например, серийный преступник может от преступления к преступлению совершать одни и те же, почти ритуальные, действия, оставлять необычные «пометки», которые не являются необходимыми для совершения преступлений. Личной отметкой могут считаться некоторые предметы, которые преступник оставляет на месте преступления или, наоборот, уносит с собой, а также какие-либо символические действия, например роспись на стене. При совершении убийства личной отметкой может считаться необычное положение тела жертвы или нанесение определенного увечья. В очень редких случаях преступник обливает половые органы жертвы бензином и поджигает жертву, здание или автомобиль, пытаясь уничтожить любые доказательства сексуального характера нападения. Эти действия также можно отнести к личной отметке. «Подписью» могут также считаться стереотипные способы обращения с жертвой, которые применяют серийные насильники (Douglas and Munn, 1992b). Нередко считается, что личная подпись связана с уникальными особенностями мышления преступника и в этом смысле может быть более важна для следователя, чем МО.

Инсценировка — это намеренное изменение места совершения преступления до прибытия полиции. Как отмечают Дуглас и Манн (Douglas and Munn, 1992a), инсценировка обычно применяется по одной из двух причин: либо чтобы направить следствие по ложному пути и вывести из-под подозрения определенного человека, либо чтобы защитить жертву или семью жертвы. Инсценировка часто делается тем, кто каким-то образом связан с жертвой или состоит с ней в родстве. Например, инсценировку, устраиваемую членами семьи с намерением защитить жертву, можно наблюдать при различных несчастных случаях, связанных с аутоэротизмом. Термин «аутоэротизм», введенный Хейвлоком Эллисом (Havelock Ellis), обозначает действия, приводящие к самовозбуждению и самоудовлетворению сексуального желания. В некоторых слу-

чаях такие действия могут приводить к смерти жертвы, например к самоудушению или самоповешению. Дуглас и Манн (1992а) приводят данные, что приблизительно в 1/3 несчастных случаев, связанных с аутоэротизмом, жертва обнажена, а еще в 1/3 случаев жертва переодета в одежду противоположного пола. В этих ситуациях друзья погибшего или члены его семьи могут изменить картину места преступления, чтобы представить жертву в более «презентабельном» виде. В некоторых случаях они могут даже инсценировать убийство.

В отдельных ситуациях преступник может попытаться «аннулировать» содеянное (undoing), то есть совершать на месте преступления определенные действия, стремясь психологически «отменить» убийство. Например, преступник может помыть и одеть жертву или перенести ее в постель, аккуратно положив голову на подушку и накрыв тело одеялом. Такой стереотип поведения обычно характерен для преступников, которые теряют рассудок от смерти жертвы. В таких случаях преступник зачастую очень близко связан с жертвой. В других случаях преступник может попытаться изуродовать жертву, чтобы затруднить ее опознание, например разбить до неузнаваемости лицо. Некоторые преступники прибегают к более наивным способам изменения облика жертвы, например накрыв ей чем-нибудь лицо или положив жертву лицом вниз.

Место совершения преступления также может характеризоваться как организованное, неорганизованное или смешанного типа. Организованное место преступления несет на себе признаки планирования преступления и преднамеренности действий преступника. На месте совершения преступления могут быть обнаружены улики, указывающие на то, что преступник осуществлял контроль над его действиями и действиями жертвы. Во многих случаях преступники увозят жертву далеко от места похищения, а после совершения убийства переносят в другое место труп. Кроме того, при совершении запланированного преступления преступник обычно подбирает себе жертву по определенным личным критериям. Например, пресловутый серийный убийца Тед Банди выбирал молодых привлекательных женщин, которые внешне были очень похожи друг на друга. Ему также удавалось без осложнений похищать этих женщин из людных мест, например с пляжей, из университетских городков и лыжных домиков, что указывало на детальное планирование и преднамеренность действий (Douglas, Ressler, Burgess and Hartman, 1986).

Профильные характеристики преступников,
совершивших организованные и неорганизованные убийства,
по классификации ФБР

Организованное	Неорганизованное
Уровень интеллекта средний или выше среднего	Уровень интеллекта ниже среднего
Социально компетентный	Социально неадекватен
Предпочитает квалифицированный труд	Предпочитает неквалифицированный труд
Высокий порядковый номер рождения	Низкий порядковый номер рождения
Отец имеет постоянную работу	Отец работает непостоянно
Сексуально компетентен	Сексуально некомпетентен
Неустойчивая дисциплина в детстве	Плохое поведение в детском возрасте
Умеет контролировать эмоции в процессе совершения преступления	Проявляет волнение во время преступления
Употребляет алкоголь во время совершения преступления	Минимальное употребление алкоголя
Постоянный ситуационный стресс	Минимальный стресс
Живет с партнером	Живет один
Мобильный образ жизни	Живет поблизости от места работы
Интересуется новостями	Почти не интересуется новостями

Организованное	Неорганизованное
Преступление планируется	Преступление совершается спонтанно
Жертва — намеченный заранее незнакомец	Жертва и место преступления известны
Персонализирует жертву	Деперсонализирует жертву
Целенаправленный разговор	Разговор сводится к минимуму
Место преступления отражает сознательный выбор и подготовку	Место преступления случайное и неподготовленное
Требует от жертвы покорности	Неожиданное насилие над жертвой
Используются средства, ограничивающие движения жертвы	Минимальное использование средств, ограничивающих
Агрессивные действия совершаются до смерти	движения жертвы
Труп обычно спрятан	Сексуальные действия совершаются после смерти
Оружие или улики на месте преступления отсутствуют	Труп оставляется на видном месте
Жертва или труп перемещаются с места преступления	На месте совершения преступления часто остается

Неорганизованное место преступления свидетельствует о том, что преступник совершил преступление без предварительного намерения или плана. Улики, найденные на месте преступления, как правило, свидетельствуют о том, что преступник действовал либо импульсивно или в приступе гнева, либо в состоянии чрезмерного возбуждения. В случае неорганизованного преступления преступник находит свою жертву случайно, часто не ориентируясь на какие-либо определенные критерии. Например, Герберт Муллин из городка Санта-Круз в Калифорнии за четыре месяца убил четырнадцать самых разных людей (в том числе пожилого человека, маленькую девочку и священника) (Douglaset al., 1986). Труп жертвы обычно находят на месте совершения преступления. Место преступления смешанного типа содержит элементы как организованного, так и неорганизованного преступления. Например, преступление может начинаться как тщательно спланированное, но превратиться в неорганизованное, если события идут не так, как планировалось.

Следственный анализ преступления (профилирование)

Следственный анализ преступления (САП) (также называемый анализом места преступления) — попытка выдвижения гипотезы о личности преступника на основании анализа места преступления, информации о жертве и знания деталей ранее совершенных преступлении (Knight, Warren, Reboussin and Solev, 1998). По существу, это является формой ретроклассификации или классификации, которая касается уже совершенного преступления (Douglas, Burgess, Burgess and Ressler, 1992). Для следственного анализа преступления применялись различные названия и обозначения, включая профилирование, психологическое профилирование, профилирование криминального поведения, следственное профилирование, профилирование места преступления и анализ места преступления. Хомант и Кеннеди (Homant and Kennedy, 1998) предлагают подразделять профилирование места преступления на четыре частично перекрывающиеся категории:

1) психологическое профилирование,
2) составление профиля преступника,
3) географическое профилирование и
4) предположительный анализ смерти.

По мнению этих авторов, психологическое профилирование должно составлять основу стратегии интервьюирования и тестирования подозреваемых и должно быть нацеле-

но на то, чтобы определить, соответствуют ли их личностные особенности стандартным характеристикам преступников, которые базируются на результатах исследований. Например, интервьюирование и тестирование подозреваемого может проводиться с целью определить, вписывается ли он в эмпирически сложившуюся типологию преступника. Как считают Хомант и Кеннеди, составление профиля преступника по своему подходу является строго эмпирическим методом классификации. Такое профилирование требует накопления большого количества эмпирических данных и их систематического анализа, направленного на выявление типовых характеристик поведения и личности преступника. Из этих данных часто вырисовывается «профиль», который характеризует некоторый тип преступников.

«Следственное профилирование лучше рассматривать как стратегию, позволяющую следственным органам сузить круг поиска и выработать обоснованные предположения относительно личности виновного» (Douglas et al., 1992, p. 21). У других исследователей можно прочитать, что «психологический профиль фокусирует внимание на людях, обладающих личностными чертами, которые сходны с чертами уже известных преступников, совершавших подобные преступления раньше» (Pinizzotto and Finkel, 1990, p. 215). Короче говоря, криминальное профилирование представляет собой попытку идентифицировать демографические переменные, место проживания и стереотипы поведения преступника, основываясь на характеристиках преступников, которые совершали подобные преступления в прошлом.

Расовое профилирование

В конце 1990-х годов расовое профилирование превратилось в серьезную и чреватую осложнениями проблему для страны. Расовое профилирование определяется как «проводимые полицией розыскные действия, опирающиеся в первую очередь на расовые, этнические или национальные признаки, которые считаются характерными для определенного вида преступлений, а не на особенности поведения или на другую информацию, которая могла бы вывести полицию на предполагаемого преступника» (Ramirez, McDevitt and Farrell, 2000). Расовое профилирование стало настолько ассоциироваться с людьми небелой расы, что этому явлению присвоили ярлык «вождение автомобиля в черном виде» или «вождение автомобиля в коричневом виде» («driving while black», «driving w'hile brown»), сокращенно DWB, что перекликается с юридически узаконенным термином DWI (вождение автомобиля в

нетрезвом виде). По данным опроса института Гэллапа (Института опросов общественного мнения), опубликованным в 1999 году, 72% чернокожих мужчин в возрасте от восемнадцати до тридцати четырех лет были уверены, что дорожная полиция останавливала их исключительно из-за расовой принадлежности, тогда как среди белых мужчин только 6% считали, что цвет кожи водителя играет какую-либо роль в том, остановит его полиция или нет. Больше всего представители цветных сообществ жалуются на то, что полиция останавливает их за незначительные нарушения правил движения: за езду со спущенными шинами, невключение сигнала поворота непосредственно перед перекрестком, неисправность оборудования транспортного средства или незначительное превышение скорости (меньше чем на 10 миль в час сверх установленного предела). Другая распространенная жалоба состоит в том, что полицейские часто останавливают небелых водителей в районах, заселенных преимущественно белыми, потому что считают, что люди с цветной кожей не могут проживать в этих районах, и, следовательно, подозревают этих людей в преступной деятельности.

В значительной степени расовое профилирование базируется на распространенной в органах правопорядка убежденности в том, что представители многих национальных и расовых меньшинств специализируются на незаконном обороте наркотиков или на перевозке контрабандных товаров, например нелегально ввозят оружие. Однако имеющиеся данные свидетельствуют о необоснованности такого предположения. Одним из первых дел, в котором можно было видеть эмпирическое подтверждение расового профилирования в судебном разбирательстве, было дело «Уилкинс против полиции штата Мэриленд» (цитируется по: Harris, 1999). Дело Уилкинса было судебным разбирательством по коллективному иску против полиции штата Мэриленд, поданному от имени Роберта Л. Уилкинса, чернокожего юриста, который был остановлен, задержан и обыскан полицией штата Мэриленд без каких-либо оснований (Harris, 1999). С помощью доктора Джона Ламберта, профессора психологии в Университете Темпла, Американский союз борьбы за гражданские права (ACLU, American Civil Liberties Union) провел анализ нарушений правил дорожного движения на трассе 195 штата Мэриленд. Анализ показал, что 74,7% из 5354 нарушителей, превысивших скорость и остановленных полицейскими в штате Мэриленд, были белыми, и лишь 17,5% были афроамериканцами. Однако «за период с января 1995 года по сентябрь 1996 года полиция штата Мэриленд сообщила о 823 автомобилистах, в отно-

шении которых проводилось разбирательство на трассе Т95 к северу от Балтимора; 600 из них, или 72,9%, были черными. 80,3% (661 человек) всех задержанных составили афроамериканцы, испаноамериканцы или представители других расовых меньшинств. Только 19,7% задержанных за этот период водителей были белыми» (Harris, 1999, p. 23). Основываясь на своем анализе этих данных, Ламберт пришел к следующему заключению:

«Результаты этого исследования указывают на бросающееся в глаза и весьма статистически значимое несоответствие между процентом чернокожих автомобилистов, которые на законном основании подлежали задержанию полицией штата Мэриленд на трассе 195, и процентом чернокожих автомобилистов, которые задерживались на этом шоссе и в отношении которых велось разбирательство сотрудниками полиции штата. Хотя никто не может знать, какими конкретными мотивами руководствовался тот или иной инспектор дорожного движения при задержании водителя, приводимая здесь статистика, представляющая широкую и репрезентативную выборку, весьма убедительно показывает несомненное влияние расовой дискриминации на действия полиции в отношении водителей из числа чернокожих и представителей других меньшинств на трассе 195» (Harris, 1999, p. 24).

«Война с наркотиками», проводившаяся в 1970-е и 1980-е годы, оказала, по-видимому, сильнейшее воздействие на формирование «профиля наркокурьера». В 1985 году, когда война с наркотиками была в самом разгаре, Департамент безопасности движения и автомобильного транспорта штата Флорида выпустил рекомендации для правоохранительных органов по идентификации наркокурьеров. В этих рекомендациях служащим полиции предлагалось особое внимание обращать на арендуемые автомобили, а также на водителей, которые стараются особенно тщательно соблюдать все правила дорожного движения, водителей, которые носят на себе много золота, водителей, чей внешний облик не «соответствует» транспортному средству, и водителей, которые представляют «этнические группы, связанные с торговлей наркотиками». В то время различные правоохранительные организации необоснованно считали, что афроамериканцы и испаноамериканцы были основными участниками получившего широкое распространение наркобизнеса. В 1986 году Администрация по борьбе с наркотиками ввела в обиход различных правоохранительных органов по всей стране расово смещенный профиль наркокурьера (носивший явно дискриминационный характер). Профиль широко использовался при обучении офицерского состава в школе «Operation

Pipeline» (Harris, 1999). В 1999 году, в предварительном анализе, проделанном Департаментом полиции Сан-Диего, было установлено, что водителей из числа испано- и афроамериканцев останавливали и обыскивали гораздо чаще, чем других водителей (Dvorak, 2000). В целом ряде исследований, проводившихся в штатах Нью-Джерси и Нью-Йорк, получены аналогичные результаты (Ramirez et al., 2000) . За последние годы в целом ряде штатов — Пенсильвании, Флориде, Иллинойсе и Мэриленде — водители из числа национальных меньшинств возбуждали судебные процессы по поводу применения правоохранительными органами расового профилирования в качестве аргументации. В 1996 году судья Верховного суда Нью-Джерси отклонил девятнадцать дел о незаконном обороте наркотиков, мотивируя это тем, что сотрудники дорожной полиции, патрулирующие автотрассы Нью-Джерси, незаконно выделяли и останавливали чернокожих водителей.

Законы, запрещающие расовое профилирование, были приняты более чем в дюжине штатов, а во многих из них предписывались специальное антидискриминационное обучение и сбор статистических данных на каждого останавливаемого водителя (Lewin, 2001). Во многих штатах подобные законы приняты к рассмотрению (Dvorak, 2000). Данные, полученные в других странах, указывают на то, что расовое профилирование не ограничено только Соединенными Штатами. В исследовании, проведенном Министерством внутренних дел Великобритании в 1998 году, анализировалось влияние расового и этнического фактора на работу органов полиции в Англии и Уэльсе. В исследовании установлено, что чернокожих водителей останавливали и обыскивали в 7,5 раз чаще, а арестовывали в четыре раза чаще, чем водителей с белой кожей (Ramirez el al., 2000). Согласно данным учета численности населения за 1999 год, 93% жителей Англии составляют белые и только 7% — этнические меньшинства.

Можно сделать вывод о том, что эмпирические данные, документальные свидетельства и информация, полученная из социологических опросов, подтверждают существование расового профилирования как социальной проблемы. Несмотря на доказательство самого факта расового профилирования, проводится не так много достоверных исследований, призванных подтвердить правильность профиля, основанного исключительно на расовых признаках. Следовательно, мы должны проявлять осторожность при любом разговоре о профилировании, задаваясь вопросом, не слишком ли применение профилирования нарушает гражданские права других людей.

Во время Второй мировой войны Управление стратегических служб (Office of Strategic Services) уже практиковало психологическое профилирование, главным образом для составления характеристик вражеских военачальников и их склонностей (Ault and Reese, 1980). После войны профилирование было в значительной степени забыто, и лишь в начале 70-х годов ФБР начало применять его снова. Понятно, что описания основных характеристик, или профили, человека, составленные на основе ограниченного количества информации, использовались еще задолго до того, как их начали применять Управление стратегических служб или ФБР (Canter and Alison, 2000). В сущности, научным базисом профилирования является психологическое тестирование, или психометрия. В настоящее время Национальный центр анализа тяжких преступлений ФБР и Отделение бихевиоральных наук получают многочисленные заказы от различных правоохранительных служб на создание профилей, прежде всего для случаев, связанных с убийствами (65%), изнасилованиями (35%) или похищениями людей (киднэппингом) (8%) (Pinizzotto, 1984). Приступая к расследованию того или иного преступления, ФБР очень часто запрашивает: 1) цветные фотографии места преступления, 2) сведения о характере окружения (информация экономического и социального характера), 3) заключение медицинской комиссии, 4) карту передвижений жертвы до момента смерти, 5) полный отчет об осмотре места совершения преступления и 6) полное описание жертвы, включая ее привычки и образ жизни. Судебные психологи и психиатры, работая независимо или по поручению правительственных органов, также часто выполняют заказы по сбору информации относительно различных видов криминального поведения.

В идеале профиль призван выяснить, «что», «почему», «где» и «кем» совершено. Однако, как заключают на основании своих исследований Пиниццотто и Финкель (Pinizzotto and Finkel, 1990), профилирование преступника является намного более сложным процессом, включающим «многоуровневый ряд атрибуций, корреляций и предсказаний» (p. 230). В значительной степени построение профиля сводится к выдвижению предположений, основанных на интуиции и описательной информации, накапливаемой за многие годы опыта, и поэтому оно чревато ошибками и неверными интерпретациями. В настоящее время профилирование, по-видимому, является не менее чем на 90% искусством и гаданием и только

на 10% наукой. Тем не менее отдел бихевиоральных наук ФБР (BSU) вместе с отделом похищения детей и серийных убийств (CASKU) и отделом профилирования и оценки поведения (PBAU) ведут научно-исследовательскую работу, направленную на придание большей объективности и строгости профилированию и исследованию места совершения преступления. Профилирование очень редко помогает точно установить личность преступника, да оно для этого и не предназначено. Криминальное профилирование в основном направлено на сужение области расследования (Douglas, Ressler, Burgess and Hartman, 1986). В общем случае криминальное профилирование помогает установить тип человека, который мог бы совершить расследуемое преступление, но точная идентификация случается чрезвычайно редко.

Профиль обычно включает в себя информацию о поле, возрасте, семейном положении и уровне образования преступника и некоторые общие характеристики рода его занятий. Возможны также некоторые предположения или оценки относительно вероятности повторных преступлений, о наличии полицейского досье на данного преступника, а также о типах людей, которые предположительно могут стать жертвами этого преступника. В некоторых случаях составители профиля могут попытаться установить возможные мотивационные факторы преступления, а также некоторые личностные черты преступника.

Опытные составители профилей утверждают, что наиболее эффективным профилирование серийных преступников оказывается тогда, когда на месте совершения преступления преступник демонстрирует некоторую форму психопатологии, например садистски пытает жертву, извлекает внутренности, избивает или расчленяет мертвое тело или совершает другие подобные действия (Pinizzotto, 1984). Логика такого утверждения заключается в том, что когда человек страдает психическим расстройством, его поведение более однообразно и предсказуемо в различных ситуациях. Однако поведение людей с психическими расстройствами совсем не обязательно является более однообразным, чем поведение нормальных людей. Вероятно, что в некоторых случаях такая логика оправдывается, а в других — нет.

Профилирование оказывается особенно полезным в случае серийных преступлений на сексуальной почве, например серийных изнасилований и серийных убийств на сексуальной почве (Pinizzotto and Finkel, 1990). Это объясняется тем, что в области сексуальных преступлений мы имеем более об-

ширную исследовательскую базу, чем в области убийств. Более того, из-за ограниченной исследовательской базы в настоящее время профилирование чаще всего малоэффективно при идентификации преступников в таких видах преступной деятельности, как мошенничество, кража со взломом, грабеж, политические преступления, мелкое воровство и преступления, связанные с наркотиками, однако в последние годы и в этих областях были достигнуты значительные успехи.

Многообещающими являются модели профилей преступника, построенные с помощью компьютера на основании обширных статистических данных, собранных при расследовании аналогичных преступлений. Однако до настоящего времени проведено еще слишком мало исследований применимости, надежности и валидности криминального профилирования вообще. И ФБР соглашается с этой оценкой. «До настоящего времени не предпринималось никаких систематических усилий, чтобы подтвердить основанные на профилировании классификации» (Douglas et al., 1992, p. 22).

Пиниццотто и Финкель (Pinizzotto and Finkel, 1990) провели исследование, в котором попытались оценить точность профилирования. В исследовании принимали участие четыре подготовленных эксперта из ФБР, шесть подготовленных полицейских детективов, шесть опытных детективов без специальной подготовки, шесть клинических психологов, не имеющих подготовки в области криминального профилирования, и шесть студентов последнего курса, не прошедших специального обучения. В целом результаты не позволили сделать однозначный вывод о точности профилирования. Специально подготовленные эксперты оказались несколько более точными в профилировании лиц, совершивших сексуальные преступления, однако в профилировании убийств показали ненамного лучшие результаты, чем нетренированные группы. Исследователи также пытались найти какие-либо качественные различия в способах, которыми эксперты и неспециалисты обрабатывали представляемую информацию. В целом результаты не показали наличия у экспертов каких-то особых способов обработки информации, которыми бы они отличались от неспециалистов. Этот факт свидетельствует о том, что когнитивные методы и стратегии, используемые опытными специалистами, не слишком отличаются от способов обработки доступной информации о преступлении, практикуемых неспециалистами. Однако возможно, что наиболее влиятельными факторами в этом исследовании оказались искусственный характер ситуации эксперимента и качество предъявляемой

группе информации. Что исследователи действительно установили, так это то, что некоторые обученные составители профилей больше интересовались специальными вопросами и оказались более квалифицированными в некоторых областях, чем неспециалисты. Например, некоторым участникам эксперимента лучше удавалось извлекать информацию из медицинских отчетов, тогда как другие могли лучше обнаруживать ключевые детали с фотографий места совершения преступления. Этот факт свидетельствует о том, что групповое профилирование бригадой подготовленных экспертов могло бы быть более эффективным, чем составление профиля одним экспертом. Кантер и Элисон (Canter and Alison, 2000) также считают неправильной ту точку зрения, согласно которой существует некоторый особый набор умений и знаний, необходимый для составления профилей, который доступен только тем, кто уже работал с преступниками, или тем, кто имеет значительный опыт в расследовании преступлений. Исследователи и вдумчивые практики также могут добиться значительных успехов и делать открытия в криминальном профилировании.

В последние годы некоторую популярность получила практика реконструкции личностного профиля и познавательных особенностей (особенно намерений) покойников. Этот посмертный психологический анализ иногда называется реконструктивной психологической оценкой (RPE), или примерным анализом смерти (Povthress, Otto, Darkes, and Starr, 1993). Анализ также известен как психологическая аутопсия (психологическое вскрытие) (Brent, 1989; Ebert, 1987; Selkin, 1987), хотя термин «психологическая аутопсия» часто резервируется для случаев самоубийства. Психологическая аутопсия часто применяется для определения причин и факторов, приведших к самоубийству.

Реконструктивная психологическая оценка имеет два важных отличия от криминального профилирования: 1) профиль создается на мертвого человека и 2) личность человека уже установлена. Однако, как и в случае криминального профилирования, надежность и валидность реконструктивной психологической оценки и ее вариантов (психологическая аутопсия) еще должны быть доказаны и остаются открытыми для дискуссии.

Таким образом, очевидно, что прежде чем можно будет сделать какие-либо определенные выводы в области криминального профилирования, необходимо провести еще немало серьезных исследований по оценке его точности, полезно-

сти и способов обработки результатов. Серьезный шаг в этом направлении сделали Раймонд Найт и его коллеги (Knight et al., 1998). Другой разновидностью криминального профилирования, которое будет играть важную роль в ближайшем будущем, является географическое профилирование. Хомант и Кеннеди (Homant and Kennedy, 1998, p. 327) считают, что географическое профилирование «безусловно, примыкает к профилированию места преступления, поскольку представляет собой попытку установить вероятное местонахождение или основное место действий неизвестного преступника, исходя из информации о местах совершения сходных преступлений». Как правило, этот тип профилирования предполагает идентификацию местности, которую преступник хорошо знает, на которой чувствует себя наиболее комфортно и где предпочитает находить своих жертв или нападать на них (Rossino, 1997). Если психологическое профилирование предполагает выдвижение гипотез о демографических, мотивационных и психологических особенностях преступления, географическое профилирование сфокусировано на месте совершения преступления и на том, как оно может быть связано с местом проживания и/или основным местом деятельности преступника. В основе географического профилирования лежит предположение о том, что серийные преступники предпочитают совершать преступления поблизости от собственного дома или что они, по крайней мере, хорошо знакомы с той местностью, где совершают свои преступления. Следовательно, географическое профилирование может оказаться полезным при розыске неизвестного преступника путем определения предполагаемой области его проживания или сужения области предполагаемого совершения следующего преступления. Географическое профилирование полезно не только при розыске серийных преступников, совершивших насильственные преступления, но и при поиске преступников, совершивших имущественные преступления, например серийных грабителей.

Преступники, совершающие множественные убийства

Одним из самых страшных и, возможно, непонятных видов убийств является бессистемное убийство группы людей как в одном эпизоде, так и в течение некоторого периода времени. Хотя множественные убийства все-таки случаются довольно редко, когда они действительно случаются, они не могут не привлекать внимания и надолго оставляют след в общественном сознании. Кто сегодня не может вспом-

нить массовую бойню в ресторане «Макдоналдс» в Сан-Исидро, в Калифорнии, совершенную в июле 1984 года Джеймсом Оливером Хьюберти, когда погиб двадцать один посетитель ресторана, или массовое убийство двадцати двух посетителей кафетерия «Льюби» в Киллине (Killeen), штат Техас, которое произошло 16 октября 1991 года? Многие помнят серию спланированных одиночных убийств тридцати трех молодых мужчин и мальчиков в подвале пригородного дома в Чикаго, совершенных Джоном Уэйном Гэйси в конце 1970-х годов. В начале 1990-х годов Джеффри Дамер заманил в свой дом в городе Милуоки не менее семнадцати мальчиков и молодых мужчин, где заставлял их принимать наркотики, а затем убивал и расчленял их тела. Общественность была потрясена, узнав подробности того, как Дамер поедал тела своих жертв и совершал сексуальные действия с трупами. Преступления Дэвида Берковица, печально знаменитого «сына Сэма» (Son of Sam), Холмового Душителя (Hillside Strangler), бостонского Душителя и Теодора Банди, — классические примеры множественных убийств, которые произошли в Соединенных Штатах и получили обширное освещение в печати.

В Англии был свой Джек-Потрошитель, а потом Питер Сатклифф, Йоркширский потрошитель, который убил тринадцать женщин из кварталов красных фонарей в Северной Англии. Первым серийным убийцей в Англии, охотившимся за представителями гомосексуальной культуры, стал Деннис Нилсен; он совершил по крайней мере пятнадцать известных убийств (Jenkins, 1988).

Несколько лет назад по Соединенным Штатам прокатилась волна множественных убийств, в которых убийцы проникали в школы или в учреждения и начинали беспорядочную стрельбу из полуавтоматического огнестрельного оружия. Вот пример типичного сценария: «В пятницу, 8 августа 1993 года, ночью, солдат из Форта Брэгга, полностью вооруженный, вошел в ресторан в городке Файетвилл в Северной Каролине, крича что-то о президенте Клинтоне и о гомосексуализме среди военнослужащих, и начал беспорядочно стрелять в людей. Прежде чем его самого застрелили, он успел убить четырех человек и ранить еще шестерых посетителей ресторана, в котором он никогда до этого не бывал».

Термин «серийное убийство» обычно резервируется для случаев, когда преступник (или несколько преступников) убивает несколько человек (обычно не менее трех) за некоторый промежуток времени. Временной интервал между убийствами, который иногда называют периодом остывания (cooling-

off period), может длиться несколько дней или недель, по чаще всего — месяцы или годы. В продолжительности периода остывания заключается главное различие между серийными убийствами и другими видами множественных убийств (Douglas, Ressler, Burgess and Hartman, 1986). Серийные убийства заранее обдумываются и планируются, и преступник обычно выбирает определенную жертву. Термин «убийства без разбора» (spree) обычно относится к убийству трех или более лиц без какого-либо периода остывания, обычно в двух или более местах. Грабитель байка, который убивает в помещении банка несколько человек, убегает с заложниками и убивает во время бегства с места преступления и погони еще нескольких людей в различных местах штата, является примером убийцы без разбора. Массовое убийство — это убийство трех или более людей в одном месте без значительного перерыва (периода остывания) между убийствами. ФБР идентифицирует два типа массовых убийств: классическое и семейное (Douglas et al., 1986). Примером классических массовых убийств является случай, когда преступник баррикадируется внутри общественного здания, например в ресторане быстрого питания, и убивает посетителей или других людей, которые попадаются па пути. В качестве конкретного примера можно привести уже упоминавшиеся дела Джеймса Хьюберти, убивавшего посетителей ресторана «Макдоналдс», или солдата из Форта Брэгга в Северной Каролине. Еще одним примером может служить дело Силькии Сигрист, которую прозвали «мисс Рэмбо» из-за военного стиля одежды; в октябре 1985 года она открыла стрельбу в торговом центре в Пенсильвании, убив трех и ранив семь человек (Douglas et al., 1986). Она была приговорена к пожизненному заключению. Семейные массовые убийства — это убийство, по крайней мере, трех членов семьи (обычно другим членом семьи). Очень часто преступник затем кончает с собой, и такие случаи классифицируются как массовое убийство с самоубийством или расширенное самоубийство.

Серийные убийцы

Количество серийных убийств в Соединенных Штатах и в Англии, по-видимому, растет. В Соединенных Штагах за все 1950-е и 1960-е годы произошло только два случая, когда преступник за один раз убил десять или более человек. Однако начиная с 1970 года как серийные убийцы были квалифицированы не менее сорока преступников (Jenkins, 1988). Министерство юстиции США пришло к заключению, что в 1970-е и 1980-е годы в Соединенных Штатах в любой промежуток

времени одновременно действовали приблизительно тридцать пять серийных убийц (Jenkins, 1988). Тем не менее остается неясным, действительно ли количество серийных убийств растет или рост статистических показателей о серийных убийствах, по крайней мере частично, может объясняться улучшением системы сбора информации и внедрением компьютерных сетей в правоохранительных органах и в средствах массовой информации. До 1970 года обмен информацией между отдельными учреждениями был затруднен и по сегодняшним стандартам примитивен, поэтому серийные убийцы, которые переезжали из одного географического региона в другой (как они часто и поступают), скорее всего, оставались не обнаруженными.

Количество преступников, совершивших массовые убийства в Соединенных Штатах, по-видимому, также увеличивается, хотя в Англии это явление остается редким. По имеющимся оценкам, в Соединенных Штатах жертвами серийных убийц каждый год становятся приблизительно от 3500 до 5000 человек (Holmesand DeBurger, 1988). Однако эта оценка могла бы быть намного выше, поскольку она учитывает только около 14–20% всех убийств, совершаемых каждый год по всей стране.

Несколько лет назад Дженкинс (Jenkins, 1988) отмечал, что жертвами серийных убийц чаще всего становятся молодые женщины, особенно активные проститутки. В настоящее время основными жертвами серийных убийц являются дети обоих полов (в возрасте от восьми до шестнадцати лет). В ответ на увеличение числа жертв среди детей директор ФБР Луис Фри создал специализированный отдел, который призван заниматься исследованием проблемы похищения и убийства детей. Отдел называется «Отдел по вопросам похищения детей и серийных убийств». Кроме того, в 1994 году постановлением Конгресса была создана целевая группа по розыску пропавших детей и предотвращению эксплуатации детей (MECTF), в задачи которой входит оказание помощи в расследовании наиболее трудных дел, связанных с похищением и эксплуатацией детей. Отдел по вопросам похищения детей и серийных убийств и MECTF тесно сотрудничают с Национальным центром по розыску пропавших дегей и предотвращению эксплуатации детей. В 1987 году Управление правосудия по делам несовершеннолетних и профилактики делинквентности (OJJDP) провело шесть исследований, направленных на определение инцидентности похищения детей не членами семьи. Было предложено два определения похищения: юриди-

ческое похищение и стереотипное (stereotypical) похищение (FBI, 1997). Определение юридического похищения охватывает случаи принудительного и неправомочного увода ребенка больше чем на двадцать футов или дольше чем на один час лицом, которое не является членом семьи, или соблазнение ребенка с целью совершения другого преступления. Определение стереотипного похищения, кроме критериев юридического похищения, включает такие признаки, как похищение ребенка незнакомым человеком, в результате чего ребенок или отсутствует в течение ночи, или оказывается убитым, или перевозится на расстояние более чем в пятьдесят миль, или за ребенка требуется выкуп, или ребенок удерживается длительное время. Исследования показали, что за год происходит от 3200 до 4600 юридических похищений, от 200 до 300 стереотипных похищений и, по крайней мере, 100 детей становятся жертвами убийств (FBI, 1997).

В отличие от типичного агрессивного преступника, который демонстрирует склонность к насилию уже в раннем возрасте, серийные убийцы обычно начинают свою кровавую карьеру сравнительно поздно. Дженкинс (Jenkins, 1988) приходит к заключению, что большинство из них начинают карьеру убийцы-рецидивиста в возрасте между двадцатью четырьмя и сорока годами. Интересно, что средний возраст арестованных серийных убийц составляет тридцать шесть лет. Арест обычно происходит приблизительно через четыре года после того, как они совершают первое убийство. И хотя полицейские досье серийпых убийц обычно весьма обширны, в этих досье, как правило, отражаются серии случаев мелкого воровства, присвоения чужого имущества и подделки документов, а не история насильственных преступлений (Jenkins, 1988). Удивительно, но обычно на таких правонарушителей даже не заводятся обширные досье как на несовершеннолетних преступников. Дженкинс заключает, что в случаях, которые произошли в Англии, не было никаких ранних индикаторов или признаков, по которым можно было прогнозировать возможность такого поведения. Когда британские серийные убийцы совершали свои первые убийства, приблизительно половина из них были женаты, жили стабильной семейной жизнью и проживали, как правило, в одном и том же доме много лет. Большинство из них имели постоянную работу и, как ни парадоксально, многие являлись бывшими полицейскими или охранниками.

Серийные убийцы убивают приблизительно по четыре человека в год; эта величина, по-видимому, характерна и для британских, и для американских преступников. Однако нет

никаких фактов, которые бы подтверждали тот факт, что на убийство их толкает какое-то непреодолимое влечение или непреодолимая тяга к убийству. Убийство, скорее, совершается в результате стечения обстоятельств (представившейся возможности) и случайной доступности подходящей жертвы.

Холмс и Де Бургер (Holmes and DeBurger, 1988) не так давно анализировали характеристики серийных убийц в Соединенных Штатах. В целом образ действия и характеристики британской выборки весьма схожи с характеристиками американских серийных убийц. Однако если британские серийные убийцы, как правило, долгие годы живут на одном месте, многие их американские коллеги предпочитают перемещаться по всей стране, совершая убийства в разных штатах и юрисдикциях. Холмс и Де Бургер также отмечают, что серийное убийство — это преимущественно убийство белым мужчиной белой женщины. Разумеется, бывают и исключения. Джеффри Дамер, белый мужчина тридцати одного года, в 1991 году убил, по крайней мере, девять чернокожих мужчин, и очевидно, за десятилетний период убил намного больше людей. И в британской, и в американской выборках жертвами чаще становились незнакомые люди или люди, с которыми убийцы знакомились незадолго до убийства, что чрезвычайно затрудняло работу правоохранительных органов по идентификации преступника. Кроме того, мотив убийства обычно бывает странным и чрезвычайно трудным для понимания тех, кто занимается розыском преступника.

В истории США было, по крайней мере, три дюжины серийных убийц-женщин, хотя все же такие случаи относительно редки. В работе Хикки (Hickey, 1991) упоминается тридцать четыре серийных убийц-женщин, чья деятельность подтверждена документально, причем 82 процента из них действовали после 1900 года. Кроме того, существует ряд заметных различий между серийными убийствами, совершаемыми женщинами и мужчинами. Например, только примерно в 1/3 серийных убийств, совершенных женщинами, жертвами были незнакомые люди, тогда как мужчины предпочитают убивать почти исключительно незнакомых (Holmes, Hickey and Holmes, 1991). Большинство жертв серийных убийц-женщин — их мужья, бывшие мужья или поклонники. Например, Белл Бизнес убила, по разным оценкам, от четырнадцати до сорока девяти своих мужей или поклонников в Ла Порте, в штате Индиана (Holmes et al., 1991). Нэнни Досс, жительница городка Туле в штате Оклахома, убила одиннадцать мужей и членов своей семьи.

Женщины убивают прежде всего ради материальной или финансовой выгоды, например чтобы получить страховку, имущество по завещанию, акции и недвижимость. Кроме того, убийство совершается чаще всего с помощью яда (обычно цианистого калия) или передозировки лекарств. Приблизительно половина серийных убийц-женщин имели сообщника-мужчину. Некоторые женщины убивали в связи с участием в культовых обрядах или в компании с серийным убийцей-мужчиной. Наглядным примером участия в культовом обряде является случай с женщиной из семьи Чарльза Мэнсона. Примером соучастия с серийным убийцей-мужчиной может служить дело Чарлин Галлего (Charlene Gallego), жены серийного убийцы Джеральда Галлего (Holmes et al., 1991). Чарлин помогла Джеральду выбрать, похитить и убить не менее десяти человек.

Дженкинс (Jenkins, 1993) утверждает, что бытующее в настоящее время популярное представление о типичном серийном убийце как о белом мужчине, который убивает по сексуальным мотивам, скорее всего, является неверным. Он считает, что недостаток виктимологических исследований способствует формированию ложных представлений и искажению информации. По его мнению, наши современные представления о серийных убийцах сформировались исключительно под влиянием двух факторов: информации, получаемой от жертв, и отношения правоохранительных органов к этим жертвам. По его мнению, вместо того чтобы фокусироваться только на личностных особенностях преступника, мы должны больше внимания уделять исследованию социальной возможности убийства. Другими словами, все наши знания о серийных убийствах могут в значительной степени быть продуктом исключительного влияния особенностей и типа потенциальных жертв.

В качестве иллюстрации Дженкинс приводит дело Келвина Джексона, который был арестован в 1974 году за убийство, совершенное в жилом доме в Нью-Йорке. Джексон действительно был серийным убийцей, но ни одна из его жертв не наводила полицию на мысль, что он является таковым. Джексон совершал убийства в одноместных гостиничных номерах, в которых проживали бедные, социально изолированные, в значительной степени забытые, главным образом пожилые люди. Время от времени в гостиницу вызывали полицию для расследования случаев смерти или получения травм в результате употребления алкоголя, наркотиков или вследствие старости. Если возникали какие-то подозрения, полиция никогда не рассматривала возможность работы серийного убийцы, по-

тому что характер жертв не соответствовал типичному профилю. У полиции не оказывалось достаточных причин, чтобы предполагать возможность серийного убийства, поскольку не было никаких признаков изощренных сексуальных действий в отношении жертв (стереотип жертвы). Другие серийные убийцы могут имитировать ситуацию, типичную для убийств на почве употребления наркотиков. Поэтому наши современные знания о серийных убийцах могут ограничиваться лишь некоторыми категориями преступников.

Анализ выбора жертв известных серийных убийц показывает, что преступники предпочитают выбирать жертву из легкодоступных лиц, которые могут быстро исчезнуть без того, чтобы вызвать много шума или беспокойства. Жертвами часто становятся проститутки, особенно уличные, люди без определенного места жительства, молодые бродяги-мужчины и переезжающие с места на место временные сельскохозяйственные рабочие. Молодые женщины, проживающие в университетских городках или их окрестностях, или пожилые и одинокие бедные люди, по-видимому, составляют следующую группу. Самым значимым детерминирующим фактором при выборе жертвы для обеих групп оказывается их доступность. Например, редко кто из известных серийных убийц нападал на незнакомых людей из среднего класса и убивал их в их домах, хотя средства массовой информации часто изображали серийное убийство именно так, стремясь тем самым сильнее напугать свою аудиторию. Однако необходимо отметить, что хотя серийные убийцы начинали свою кровавую карьеру с выбора наиболее доступных жертв, они постепенно становятся существенно более изощренными в своей способности похищения более «сложных» жертв. К счастью, очень немногие серийные убийцы успевают набраться опыта до того, как их задерживает полиция.

Далее Дженкинс утверждает, что значительные всплески числа серийных убийств бывают непосредственно связаны с существенным увеличением количества потенциальных жертв, например в результате неблагоприятных спадов в экономике или массовой выписки из психиатрических заведений психически больных пациентов. И то и другое приводит к появлению на улицах большого числа незащищенных людей.

Интересно, что тридцать один из пятидесяти двух известных случаев серийных убийств в Соединенных Штатах, начиная с 1971 года, произошли в западных штатах, и по большей части в Калифорнии (Jenkins, 1993). Только четыре случая произошли в северо-восточных штатах. Причина такого

географического распределения в значительной степени непонятна, хотя ответ, вероятно, скрыт в некотором сочетании образа жизни, экономических условий и доступности потенциальных жертв.

Возможно, действенный способ сокращения количества серийных убийств состоит в том, чтобы выявить определенные группы населения и регионы и предпринимать необходимые социальные меры, направленные на снижение их уязвимости. Фокусирование на личности преступника через криминальное профилирование и другие исследовательские меры обычно дает лишь ограниченный эффект, поскольку большинство серийных убийц в значительной степени действуют под влиянием случайных обстоятельств и не строго придерживаются определенного стиля. В любом случае местные руководители и органы власти должны позаботиться о том, чтобы уменьшить уязвимость потенциальных жертв.

Несмотря на то что среди «обычных» убийц количество американцев африканского происхождения непропорционально велико, только 1/5 известных американских серийных убийц афроамериканцы. Одно из объяснений такого несоответствия может заключаться в том, как идентифицируются и расследуются серийные убийства. Например, следственные органы могут быть менее склонны расследовать убийство чернокожего как серийное, если жертва обнаружена в запущенной квартире, расположенной в бедном криминогенном квартале. В этих обстоятельствах сотрудники следственных органов, скорее всего, придут к заключению, что погибший просто стал жертвой очередного несчастья в череде бесконечного насилия, совершающегося в определенных кругах американского общества.

Типы серийных убийц

Холмс и Де Бургер (Holmes and DeBurger, 1988) предприняли смелую попытку классифицировать серийных убийц в соответствии с их мотивами. Они идентифицировали четыре главных типа: 1) бредовый (руководствующийся видениями), 2) ориентированный на выполнение определенной миссии, 3) гедонист и 4) ориентированный на силу и власть. Бредовый тип руководствуется голосами или видениями, которые требуют уничтожения определенной категории людей, например проституток, гомосексуалистов или беспризорных стариков. Убийца по бредовым мотивам часто действует на основе «Господних указаний». Во многих случаях этот тип квалифицируется как психотический или психически ненормальный.

Ориентируемый на выполнение миссии тип руководствуется идеей, что существует определенная категория людей, которые должны быть уничтожены или изгнаны. Он не видит никаких призраков, не слышит никаких голосов, действует систематически, не демонстрируя признаков сумасшествия или психологически аберрантного поведения. Гедонистический тип стремится к удовольствиям и поиску острых ощущений и воспринимает людей как объекты, которые служат для того, чтобы доставить ему удовольствие. По некоторым данным, гедонист-убийца получает значительное удовольствие от самого факта убийства. Тип, ориентированный на силу и власть, стремится получать удовлетворение от полного контроля над «жизнью или смертью» жертвы. При этом сексуальные компоненты могут присутствовать, а могут и не присутствовать, но главным мотивом является неограниченная власть над беспомощной жертвой.

К списку Холмса и Де Бургера можно добавить еще по меньшей мере два типа: добивающийся признания и добивающийся материальной выгоды. Некоторые серийные убийцы могут убивать в первую очередь для того, чтобы обратить на себя внимание и добиться признания через сообщения в средствах массовой информации. Например, серийный убийца Дональд Эванс настаивал, что за четырнадцать лет убил по крайней мере семьдесят человек в двадцати одном штате. Очевидно, что его жертвы принадлежали к самым незащищенным слоям общества, начиная от проституток и кончая беспомощными пожилыми женщинами. После ареста преступник гордо объявил себя наиболее продуктивным серийным убийцей в американской истории и требовал смертной казни. Ориентированные на материальную выгоду серийные убийцы убивают ради денег и выгоды, как мы можем наблюдать в уже описанных случаях со многими серийными убийцами-женщинами, которые убивают своих мужей и поклонников ради получения страховки, завещания или другой материальной выгоды.

Несмотря на широкое освещение серийных убийств в печати и ряд вышедших в недавние годы интересных книг, за последние десять-пятнадцать лет было проведено не так уж много тщательно спланированных и эмпирически обоснованных исследований по данной тематике. Многое из имеющейся информации было собрано из анекдотических рассказов, интервью или путем изучения судебных дел, то есть методами, которые, несмотря на их информативность и привлекательность, не могут обеспечить систематическую и функционально полезную базу данных для предсказания и выявления подобных преступников.

Основываясь на клинических наблюдениях и опыте, Люнд (Lunde, 1976) приходит к выводу, что с психиатрической точки зрения характеристики и серийных, и массовых убийц, которые он изучал, совпадают. Поэтому он пользуется термином «массовый убийца» как собирательным термином, охватывающим оба типа. Согласно Люнду, массовые убийцы почти всегда пребывают в психотическом состоянии и убивают либо без видимой причины, либо по ясной, но извращенной (часто сексуальной) причине. Он сравнивает массовых и одиночных убийц по ряду факторов. Как упоминалось ранее, массовые убийства в Соединенных Штатах почти всегда совершаются белыми мужчинами, тогда как одиночные убийства чаще совершаются афроамериканцами. Массовый убийца во время совершения преступления редко бывает в состоянии опьянения, в то время как одиночные убийства часто связаны с употреблением алкоголя преступником, жертвой или ими обоими. Люнд также замечает, что массовые убийцы редко бывают хорошо знакомы со своими жертвами. Однако выбор жертв, как правило, не бывает случаен. Преступник обычно выбирает жертву по определенным признакам; существуют значимые физические, социальные или психологические особенности жертвы, которые привлекают преступников. Даже массовые убийцы, которые беспорядочно стреляют в скопление людей, выбирают жертв преднамеренно, как мы еще увидим в следующем разделе. Некоторые массовые убийцы охотятся, например, на негритянских мальчиков, студенток колледжей или проституток.

По мнению Люнда, большинство массовых убийц попадают в одну из двух психиатрических категорий: параноидальные шизофреники или сексуальные садисты. Мы могли бы лишь предположить, что Люнд, вероятно, поместил бы в эту категорию и Хьюберти, и Джима Джонса, который заставил покончить с собой примерно девятьсот членов «Церкви Бога» в Джонстауне, в Гайане.

Однако было бы ошибкой признавать вместе с Люндом, что почти все массовые (серийные) убийцы серьезно больны душевно в клиническом смысле этого термина. Хотя для их мышления крайне нетипичны проявления сочувствия и озабоченности судьбой других людей, огромное большинство серийных убийц не может быть отнесено к категории психически больных или сумасшедших в традиционном понимании психических заболеваний. У серийных убийц свое

мировоззрение и определенные убеждения, им свойственны особенности восприятия и познавательного стиля, которые содействуют совершению повторных убийств, — часто зверских, бессмысленных и хладнокровных. Они совершают убийства, которые вызывают интерес, наводят ужас на общество и кажутся непостижимыми. Обнаружение и арест подобных преступников требует от правоохранительных органов значительных затрат как времени, так и финансовых. Мотивы таких преступлений трудноопределимы и в значительной степени основаны на психологическом вознаграждении, а не на материальной выгоде. Кроме того, ярлыки типа «больной», «одержимый» или «сумасшедший» мало что проясняют и немного дают для понимания процессов, участвующих в развитии такого поведения.

Убийцы-садисты на сексуальной почве

Сексуальный садизм в своей экстремальной форме является «отклонением, которое характеризуется склонностью к пыткам и/или убийствам и нанесению телесных повреждений другим людям с целью достижения сексуального удовлетворения» (Lunde, 1976, p. 48). Для усиления полового возбуждения сексуальные садисты применяют многочисленные способы пыток, используя психологические методы воздействия, которое часто смешиваются с физическими издевательствами. Они возбуждаются при виде страдания и беспомощности своих жертв.

Сексуальные действия этих преступников всегда сопровождаются стремлением доминировать, унижением партнера и насилием. Сексуальные садисты часто прибегают к анальному и/или оральному сексу, потому что они считают такие действия более унизительными для жертвы, чем обычное сношение через влагалище (Dietz, Hazelwood and Warren, 1990). Нередко преступник использует для проникновения во влагалище посторонние предметы. Жертвами, которых садисты явно считают только объектами, которые следует использовать в качестве источников удовольствия, становятся почти исключительно женщины, однако случаются также и гомосексуальные садистские убийства (например, Гейси (Gacy) и Дамер (Dahmer)). Жертв часто связывают, завязывают им глаза или затыкают рот.

При садистских убийствах нередки случаи сексуального рабства (bondage). Сексуальным рабством считается ограничение подвижности жертвы, которое способствует усилению сексуального возбуждения преступника (Dietz et al., 1990). На-

пример, жертва может быть связана в непристойной позе и часто фотографируется в таком виде. Для этого преступник применяет заранее (и часто в избыточном количестве) подготовленные веревки, ремни или другие подобные материалы, которыми связывает жертву аккуратными и симметричными узлами. Согласно Эрмалфу и Иннала (Ermulf and Innala, 1995), можно идентифицировать три вида сексуального рабства: 1) «неволя и принуждение» (B&D); 2) «доминирование и покорность» (D&S) и 3) садомазохизм (S&M). При «неволе и принуждении» для достижения сексуального возбуждения обычно используются материалы или приспособления, ограничивающие физическую свободу, или применяются психологические методы воздействия. Могут использоваться любые приспособления или команды, которые приводят к повиновению, зависимости или порабощению, но не вызывают физической боли. «Доминирование и покорность», с другой стороны, включает различные виды поведения, в том числе и сексуального, которые предполагают добровольный обмен полномочиями между партнерами. В большинстве случаев партнеры изображают вымышленных персонажей, например учителя и ученика, тюремного надзирателя и заключенного или офицера и его подчиненного. Садомазохистская форма сексуальною рабства подразумевает сексуальное возбуждение как для людей, которые любят наносить телесные повреждения, держать в подчинении и оскорблять своих половых партнеров, так и для тех, кто испытывает наслаждение от получения телесных повреждений, от повиновения и оскорблений. Как правило, сексуальные действия предполагают причинение физической боли. Этот вид сексуального порабощения наиболее часто используется убийцами-садистами.

Дитц, Хейзелвуд и Уоррен (Dietz, Hazelwood and Warren, 1990) исследовали характеристики тридцати сексуальных садистов (большинство из них были известными серийными убийцами), направленные в Национальный центр анализа тяжких преступлений. Хотя эти преступления описывались как нелепые, изощренные и наводящие ужас, никто из тех, кто раньше хорошо знал преступников, не считал их странными или поступающими ненормально людьми. И при этом никто из них не привлекал внимание психиатров или психологов в связи с сексуальным садизмом до того момента, когда они совершили свои преступления.

Во время совершения преступления сексуальные садисты часто проявляют эмоциональную обособленность и холодность. Совершив жуткое убийство, сексуальный садист мо-

жет спокойно возвратиться домой и почти (или вовсе) не выказывать признаков беспокойства или вины. Их преступления почти всегда тщательно планируются. Некоторые преступники даже создавали звуконепроницаемые отсеки для пыток, оборудованные видеокамерами и другими приспособлениями — устройствами, ограничивающими подвижность, полками для пыток, плетками, повязками на глаза, оружием и кляпами. Обычно для пыток они отводят изолированное место, чтобы избежать обнаружения. Хотя преступники, как правило, не знают заранее своих жертв, они часто организуют «охоту» на предполагаемую жертву со значительной предусмотрительностью и планируют все детали. Жертву обычно выбирают в результате систематического выслеживания и наблюдения (Douglas et al., 1992) и подходят к ней под каким-либо предлогом, например с просьбой или предложением помощи, спрашивая дорогу или изображая полицейского (Douglas et al., 1992). Некоторые преступники, однако, предпочитают действовать молниеносно («блиц-метод»), нападая как бы из засады, при этом они ошеломляют жертву и быстро преодолевают ее сопротивление. Незнакомцев в качестве жертв, по-видимому, выискивают потому, что это уменьшает вероятность того, что жертва и преступник будут как-то связаны между собой. 60% преступников, исследованных Дитцем и его коллегами, удерживали одну или больше жертв в течение периода от двадцати четырех часов до шести недель, прежде чем убить или отпустить их.

Убийцы-садисты обычно душат жертву, очевидно потому, что этот способ убийства обеспечивает полный контроль над ней. Убийство с помощью огнестрельного оружия является слишком быстрым и банальным. Довольно часто преступник глумится над трупом жертвы. Преступник обычно хранит личные предметы, принадлежавшие жертвам (предметы нижнего белья, туфли, драгоценности, водительские права). Многие сексуальные садисты ведут протоколы своих преступлений в форме записей, рисунков или фотографий (Dietz et al., 1990). Нередко преступники хранят аудио- или видеозаписи мучений жертвы, таким образом они могут освежать в памяти картины преступлений в перерывах между убийствами.

Бриттен (Brittain, 1970), британский психиатр, считает, что садистские убийцы обычно настороженны, держатся обособленно, спокойны и учтивы. Они редко сердятся. Они имеют немного друзей и предпочитают уединенные занятия, например чтение и слушание музыки. Согласно Бриттену, они обычно интересуются оккультизмом, черной магией, оборот-

нями, вампирами и разного рода триллерами как в печатном виде, так и в электронных средствах информации. Дуглас и его коллеги (Douglas et al., 1992) сообщают, что эти преступники в своих домах часто держат предметы, связанные с темами секса или насилия, в частности порнографическую литературу и видеофильмы, инструменты для пыток и детективные журналы. Эти авторы пишут, что преступники могут собирать коллекции огнестрельного оружия, полицейской формы, знаков различия и материалов, имеющих отношение к деятельности правоохранительной системы. Они часто демонстрируют сильное тяготение к объектам, которые имеют для них сексуальное значение, дамским туфлям, сумочкам, чулкам и дамскому белью.

Характерно, что убийцы-садисты — это мужчины в возрасте около тридцати пяти лет. Они часто имеют богатый опыт совершения преступлений, хотя необязательно в сексуальной сфере (Douglas et al., 1992). Согласно клиническим данным, из всех типов убийц сексуальные садисты наиболее склонны к совершению новых убийств (Lunde, 1976; Brittain, 1970). Кроме того, каждое последующее убийство становится для них все более простым делом. Они предпочитают те виды занятости, которые не требуют высокой квалификации, и вообще имеют небогатый трудовой стаж. На момент совершения преступления приблизительно половина из них состоят в браке, многие имеют детей (Dietz et al., 1990; Douglas et al., 1992). Эти лица становятся опасными в тех ситуациях, в которых страдает их чувство собственного достоинства, например когда над ними посмеется женщина, подшутят знакомые или их понизят в должности или уволят с работы.

Бриттен (Brittain, 1970) отмечает, что после ареста убийцы-садисты продолжают сохранять спокойствие и не выказывают раскаяния. Они могут даже с определенным удовольствием описывать подробности своего преступления. Создается впечатление, что они купаются в лучах внимания, которое им уделяют; их нередко можно видеть улыбающимися перед теле- и фотокамерами. Они взволновали мир и могут даже считать, что оставили свой след в истории.

Дженкинс (Jenkins, 1988) приводит некоторые важные замечания относительно того, что случается с серийными убийцами, которые попадают в заключение. Почти всегда они делают попытку защиты ссылкой на невменяемость или на неспособность нести ответственность за свои деяния, но эта попытка им очень редко удается. Общественность в Англии, Канаде и Соединенных Штатах, как правило, очень неохотно соглашается признавать невменяемость чрезвычайно опасных преступников, особенно массовых или серийных убийц.

Подведем итоги: большинство наших знаний о серийных убийцах основано на клинических наблюдениях, исследовательских отчетах и свидетельствах разных людей. Часть материалов сенсационна, чрезмерно драматична и напоминает содержание бульварных изданий. С другой стороны, многое из клинического и исследовательского материала является вполне ожидаемым и относительно непротиворечивым и значительно помогает нашему пониманию серийного преступника. Тем не менее наши знания о серийных убийцах могли бы быть существенно шире, если бы мы могли иметь больше количественных данных, таких, какие мы находим в обширных систематических информационных бюллетенях и аналитической информации. Однако поскольку серийные убийства происходят существенно реже, чем другие преступления против личности, собрать достоверную статистику для более полного анализа в настоящее время просто невозможно.

Массовые убийства

Особенностям психики массовых убийц было посвящено на удивление мало исследований, особенно по сравнению с тем вниманием, которое традиционно уделяется серийным убийцам. Возможно, это обусловлено тем, что массовые убийства не столь иитригующи и таинственны, как серийные убийства, хотя тоже наводят ужас на публику. Кроме того, массовые убийства случаются быстро и непредсказуемо, без предупреждения, поэтому и преступникам обычно удается довести дело до конца. Личность преступника, как правило, известна, и его жизнь часто обрывается на месте преступления.

В этом разделе мы не будем рассматривать массовые убийства на идеологической или политической почве, например террористические акты, поскольку мотивы и особенности этих совершаемых по всему миру преступлений кардинально иные. Вместо этого мы сосредоточимся на том, что ФБР называет классическими массовыми убийствами. К сожалению, мы не можем уделить сколько-нибудь серьезное внимание семейным массовым убийствам, поскольку не располагаем достаточным количеством детальных и систематических исследований по этому вопросу.

Классические массовые убийства

Массовые убийцы — это чаще всего разочаровавшиеся в жизни, озлобленные люди, мучающиеся от чувства беспомощности. Им, как правило, от тридцати пяти до сорока пяти лет, и они уверены, что едва ли смогут улучшить свою жизнь. Их лич-

ная жизнь не отвечает их стандартам, и многие из них перенесли какую-либо трагическую или очень значимую для них потерю, например потерю любимой работы. Так, тридцатипятилетний Джордж Хеннард, который въехал на своем «Форде» в зеркальную стеклянную витрину кафетерия Льюби в Киллине, в штате Техас, и застрелил двадцать два посетителя, до этого потерял очень важную для него работу на торговом флоте.

Массовые убийства обычно тщательно планируются, иногда в течение очень длительного периода времени. Например, 2 ноября 1991 года Лу Ган , бывший студент Университета штата Айова, устроил охоту на шестерых профессоров, которых он считал виновными в том, что они не дали ему получить награду в 1000 долларов за его докторскую диссертацию. За десять минут он сумел убить пятерых из шести профессоров и затем покончил с собой. До совершения убийства Лу написал пять разных писем, в которых детально изложил свои планы. Точно так же и Хеннард, очевидно, планировал свое нападение в течение многих месяцев, изучая даже документальные видеофильмы о предыдущих массовых убийствах.

Кроме того, жертвы, которых выбирают массовые убийцы, как правило, либо как-то символически связаны с источником их несчастья (например, их работой), либо это люди, которых преступники ненавидят, поскольку считают виновниками своих неудач. Джордж Хеннард, например, всю жизнь ненавидел женщин; он знал, что кафетерий Льюби во время завтрака обычно ими полон. Хеннард переходил от одной жертвы к другой, выбирая преимущественно женщин, и методично стрелял каждой жертве в голову с небольшого расстояния, выкрикивая «шлюха». Из двадцати двух погибших в тот день четырнадцать были женщины. Марк Лепайн спокойно ходил по территории Технической школы Монреальского университета с полуавтоматической винтовкой и искал женщин, чтобы убить их. В одном классе он прокричал, что хочет убивать именно женщин. Он убивал женщин и при этом кричал: «Вы все сборище феминисток!» В тот день он сумел убить четырнадцать женщин и ранил еще тринадцать человек (четверо из них мужчины), после чего покончил с собой. В его кармане было письмо самоубийцы на трех страницах, в котором он жаловался, что феминистки всегда мешали ему жить. Джеймс Оливер Хьюберти, который совершил убийство в «Макдоналдсе», выбрал ресторан быстрого питания в городке, населенном преимущественно испаноамериканцами (Сан-Исидро), потому что, очевидно, ненавидел испанцев и детей.

Зачастую массовые убийцы проявляют сильный интерес к огнестрельному оружию, особенно к полуавтоматическому,

с помощью которого можно убить много людей за короткий промежуток времени. Значительный рост числа жертв, который наблюдался в последних случаях массовых убийств, в значительной степени был обусловлен доступностью скорострельного полуавтоматического или автоматического оружия. Кроме того, массовые убийцы обычно намереваются и сами погибнуть на месте совершения преступления, — либо покончив с собой, либо в перестрелке с полицией.

Как правило, массовые убийцы — это социально изолированные, живущие уединенно люди, которые не имеют устойчивых социальных связей и друзей. Их изоляция, вероятно, во многом обусловлена активной неприязнью со стороны тех людей, которые уже сталкивались с неадекватными межличностными и социальными навыками будущих преступников. Массовое убийство это их шанс отомстить, получить власть и превосходство над другими людьми, обратить на себя внимание и получить признание.

В оставшейся части этого раздела мы рассмотрим некоторые конкретные виды преступлений, которые при определенных условиях могли бы перейти в разряд массовых убийств и которые, вероятно, в последние годы случаются все чаще и чаще.

Убийства, связанные с фальсификацией продуктов

Убийства, связанные с фальсификацией продуктов, – это смертельные случаи, вызванные употреблением продуктов, которые были кем-то подделаны; фальсификация продуктов может также стать причиной множественных смертельных случаев. За период с 1982 по 1986 год произошло двенадцать подтвержденных смертельных случаев, которые были вызваны непосредственно фальсификацией продуктов (Lance, 1988). Эта форма убийства является редкой и совершается, как правило, в целях финансовой наживы. Преступник обычно рассчитывает на получение финансовой выгоды либо через тяжбу от имени жертвы (смерть в результате неправомерных действий), либо путем вымогательства, либо с помощью действий, направленных на подрыв деловой репутации конкурентов путем подделки их изделий (Douglas et al., 1992).

Обычно подобные убийства совершают, добавляя в определенные продукты цианистый калий, либо до покупки (если преступление связано с вымогательством или действиями коммерческого характера), либо после покупки, если преступник ведет судебную тяжбу по поводу смерти в результате неправомерных действий. Цианистый калий используется

чаще всего из-за его сильного действия (одна унция яда может убить 260 человек) и доступности (Douglas et al., 1992).

К счастью, несмотря на многочисленные угрозы фальсификации, очень немногие из них действительно осуществляются. Почти все угрозы бывают направлены против розничной торговли, а их объектами являются, как правило, известные по всей стране торговые марки (Lance, 1988). Сообщения о фальсификации продуктов иногда производят эффект разорвавшейся бомбы (также известный как эффект обезьяны (copycat effect)), когда информация о фальсификации распространяется по типу цепной реакции с огромной скоростью и множеством искажений. Например, когда один из потребителей обвинил компанию по изготовлению детского питания в том, что в ее изделии попадаются кусочки стекла, тут же последовало более шестисот жалоб со всей страны о наличии в продукте стеклянных частиц. Огромное большинство жалоб оказалось ложными требованиями потребителей, которые хотели получить денежное возмещение того ущерба, который они якобы понесли, потребляя данный продукт. Один человек был арестован за то, что специально добавлял кусочки стекла в пищу для своего умственно отсталого сына, пытаясь получить деньги от компании, производящей продукты детского питания.

Насилие на рабочем месте

Насилие на рабочем месте, к которому относятся нападения, сексуальные домогательства, грабежи и убийства, участилось до такой степени, что Министерство юстиции США обьявило рабочее место наиболее опасным местом в Америке (Anfuso, 1994). Следующие статистические данные, полученные из обзора Грегори (Gregorie, 2000), свидетельствуют о том, что

• каждый год приблизительно 2 миллиона американцев становятся объектом преследования на работе;

• ежегодно на рабочем месте совершается приблизительно 1000 убийств;

• в 82% случаев убийств на рабочем месте применялось огнестрельное оружие, за ним в качестве орудий убийства следует холодное оружие (нож) и физическая сила;

• примерно 10всех тяжких преступлений, совершенных в отношении жителей США, происходит на рабочем месте;

• любовники и мужья, как настоящие, так и бывшие, ежегодно совершают более 13 000 насильственных действий против женщин на рабочем месте;

• Национальный институт безопасности и здоровья на рабочем месте сообщает, что убийство является основной причиной смерти женщин на работе.

Грегори (Gregorie, 2000, p. 23) выделяет четыре типа преступников, которые совершают акты насилия на рабочем месте. Его анализ является весьма плодотворным для понимания природы насилия на рабочем месте. Вот эти типы:

• Тип I. Это преступники, которые не имеют никакого формального отношения к рабочему месту или к жертве; они обычно проникают на рабочее место с целью совершения преступления, например грабежа или кражи. Типичными жертвами этого типа преступников становятся небольшие ночные учреждения розничной торговли, включая ночные магазины, рестораны, а также водители такси. Этот тип насилия на рабочем месте также включает террористические и устрашающие преступления, такие как атака на Всемирный торговый центр и взрыв в Федеральном центре Альфреда Марра, а также нападения на клиники, в которых делают аборты.

• Тип II. Преступники, принадлежащие к данному типу, являются получателями некоторых услуг, предоставляемых жертвами или теми учреждениями, где работают жертвы, и могут быть либо их клиентами, либо бывшими клиентами, пациентами или заказчиками.

• Тип III. Эти преступники определенным образом связаны с рабочим местом жертвы. Насильственное действие обычно совершается сотрудником, смотрителем или администратором данного учреждения (возможно, бывшим), который имеет противоречия с другим сотрудником этого учреждения. Этот тип преступников, совершающих акты насилия на рабочем месте, обычно называется «рассерженными сотрудниками».

• Тип IV. Эти преступники имеют косвенное отношение к данному рабочему месту, поскольку как-то связаны с одним из сотрудников. Это могут быть супруги или партнеры (возможно, бывшие), люди, у которых когда-то были любовные отношения с сотрудником, его родственники или друзья.

В Калифорнии в большей части (60%) убийств на рабочем месте убийцами оказывались люди, которые заходили в небольшое ночное торговое заведение, наподобие винного магазина, бензоколонки или ночного продовольственного магазина, с целью ограбления (Southerland et al., 1997). Грабеж является основным мотивом для большинства убийств, совершаемых на рабочем месте. Этот мотив присутствует в 85% всех смертельных случаев (Gregorie and Wallace, 2000).

Согласно данным ФБР (Southerland, Collins and Scarborough, 1997), среди преступников, которые убивают на рабочем месте по другим мотивам, часто встречаются рассерженные сотрудники (тип III), считающие, что работа является (или была) для них всем; они живут одиноко, у них немного друзей и нет системы поддержки. Объектом нападений может стать человек или люди (обычно невинные), работающие в здании или в подразделении, или работник организации, который символизирует власть (Douglas et al., 1992).

Данные, собранные Национальным институтом безопасных условий труда и здоровья (NIOSH, 1993) в период между 1980 и 1989 годами, показали, что ежегодно от рук убийц на работе погибают приблизительно 750 человек, что является третьей по счету причиной гибели на работе в Соединенных Штатах (Solomon and King, 1993). Основной причиной смерти женщин на рабочем месте (41%) в течение этих десяти лет было именно убийство (Kelleher, 1997). Подавляющее большинство этих жертв были убиты (часто случайно) разгневанными служащими, которые были уволены или почувствовали плохое обращение со стороны компании или агентства. Более поздние данные Бюро трудовой статистики (Bureau of Labor Statistics, 1999) также показывают, что ежегодно почти 1000 работников погибают, а на 1,5 миллиона совершаются нападения на рабочем месте. Наибольшее количество убийств на рабочем месте в последние годы совершается в Американском почтовом ведомстве. Между 1986 и серединой 1993 года тридцать восемь почтовых служащих были убиты на рабочем месте «рассерженными» настоящими или бывшими сотрудниками (Solomon and King, 1993).

Деспотичная рабочая обстановка, обычная в больших безликих бюрократических организациях, по-видимому, является наиболее благоприятной средой для таких преступлений. Как мы уже говорили, если работник постоянно чувствует разочарование и злость, вполне вероятно, что он может не выдержать.

Подобно массовым убийцам вообще, преступниками, которые совершают убийства руководителей, чаще всего становятся белые мужчины, которым не хватает социальной поддержки, социально изолированные и обвиняющие в своих проблемах и неудачах других людей (то есть ссылающиеся на внешнюю причину), — об этом мы уже упоминали ранее. Они часто переживают тяжелую депрессию. Очень часто преступник готов умереть на месте преступления — быть убитым полицией или совершить самоубийство. Преступники,

совершающие убийства руководителей, также часто увлекаются оружием, собирая за определенный промежуток времени целую коллекцию, вынашивают мысль о возможной мести или думают постоянно о своих «профессиональных мучениях». Предпочтение обычно отдается оружию, которое имеет максимальное поражающее действие, например автоматическому оружию нападения (например, АК-47) (Douglas et al., 1992). В большинстве случаев преступник — человек средних лет (от тридцати до шестидесяти) (Kelleher, 1997). Существуют данные, что преступники, совершающие убийства на рабочем месте, к моменту преступления обычно уже имеют опыт преступлений против личности, употребляют алкоголь или наркотики и задолго до убийства руководителя высказывали или как-то иначе выражали свои агрессивные намерения (Kelleher, 1997). Текущие данные свидетельствуют о том, что количество убийств руководителей растет (Kelleher, 1997).

Теперь обратим наше внимание на другую потенциальную возможность массовых убийств: секты. В течение последних двух десятилетий имелись многочисленные жалобы и свидетельства того, что члены некоторых сатанистских сект убивают людей сотнями или даже тысячами. Правдивы ли эти утверждения или они представляют собой просто собрание устрашающих мифов, еще предстоит установить.

Сатанистские секты и убийство

Еще со времен Средневековья во многих западных христианских культурах демонология тесно ассоциировалась с преступлением. Эта опасная связь таилась в картинах тайных полночных церемоний и ночных ритуалов. Для поклонения и жертвоприношений этому духу и для практики различных форм черной магии создавались тайные общества.

В Соединенных Штатах в течение всех 1980-х и в начале 1990-х годов эта глубоко засевшая в умах общественности вера в демонов вновь проявилась во всей красе в форме сатанистских сект. Сатанистская секта — это группа людей, которые «поклоняются» дьяволу и стремятся овладеть частью его могущества. В христианской теологии сатана — это дьявол, который является величайшим врагом всего доброго и нравственного в человеке. Необходимо подчеркнуть, что сатанистская секта — это больше чем группа людей, которые иногда балуются поклонением дьяволу. Это организованная система убеждений, религиозного поклонения, беспрекословной преданности и многочисленных ритуалов и церемоний, наподобие тех, которые проходят в Церкви сатаны и Храме Сета.

Вера в дьявола в американской истории переживала периоды спада и подъема. Начиная с 1960-х годов наблюдалось увеличение количества американцев, которые верили в существование дьявола. Например, один общенациональный социологический опрос, проведенный в 1964 году, показал, что в существовании дьявола были уверены 37% американцев. К 1973 году, однако, это количество возросло до 50% (Nunn, 1974; Victor, 1993). Опрос института Гэллапа, проведенный в 1990 году, выявил, что в существование дьявола верили около 60% американцев (Victor, 1993). Интересно, что в современной Америке вера в дьявола или в сатану распространена больше, чем в любой другой из ведущих индустриальных стран мира (Gallup and Castelli, 1987; Victor, 1993).

В научной литературе обычно различают три или четыре уровня участия в сатанистских «сектах» (Bromley, 1991). К самому низшему уровню относятся дилетанты — обычно молодые люди, которые экспериментируют с сатанистскими предметами, например в рок-музыке (стиль «хэви метал») или в таких играх, как «Dangeons and Dragons» («Темницы и Драконы»), и в компьютерных играх. Они не проявляют истинного рвения в своем поклонении дьяволу, хотя некоторые из них могут носить сатанистские «украшения» или «дьявольские» предметы. Так, некоторые молодежные группы могут носить сатанистские названия (например, «Избранники Сатаны») и злонамеренно портить вид зданий сатанистскими символами, но эти символы в значительной степени предназначены для того, чтобы вызывать панику и запугивать население, и они не представляют фактического духовного единения с сатаной, хотя напуганное общество может думать иначе.

Второй уровень участия тоже является не членством в секте, а лишь использованием символики и «дьявольских атрибутов» в качестве оправдания антиобщественного поведения. Например, серийные убийцы или другие опасные преступники иногда для объяснения своих преступлений против личности прибегают к созданию сатанистских легенд, хотя очень редко могут доказать, что до совершения преступлений участвовали в деятельности какой-либо культовой организации. Люди, принадлежащие к этой группе, часто упоминаются как самозваные сатанисты.

Третий уровень участия включает «истинно» сатанистские секты и церкви, которые осуществляют свою культовую деятельность организованно и систематически. Они духовно и интеллектуально преданны этой форме поклонения. Эти люди называются организованными сатанистами.

Четвертую группу обычно называют традиционными сатанистами. Считается, что эти секты создают тайные, хорошо организованные сети людей, которые совершают различные странные, дьявольские и безнравственные действия. Традиционные секты «...совершают человеческие жертвоприношения, убивая преимущественно детей; они подвергают их непристойным пыткам, после чего режут их, расчленяют, пьют кровь и поедают мясо и внутренние органы» (Stevens, 1991, p. 21). Традиционные секты активно практикуют насилие и убийства, жестокое обращение с детьми, сексуальные преступления, употребление наркотиков, порнографию, порнографические фильмы, кончающиеся реальным убийством одного из актеров, и способствуют самоубийствам подростков (Best, 1991). Некоторые эксперты и группы антисатанистов утверждают, что серийные убийцы зачастую состоят в подобных сектах или каким-то образом находятся под влиянием самого сатаны. Из-за предполагаемой связи с преступностью и насилием мы сконцентрируемся в этом разделе именно на четвертой группе.

Евангелист Боб Ларсон (Larson, 1989) утверждает, что до 70% всех преступлений, совершенных подростками, имеют оккультные мотивы. По оценкам некоторых специалистов в области душевного здоровья и работников правоохранительных органов, ежегодно жертвами сатанистских сект становятся от 50 до 60 тысяч человек, даже при том что общее количество убийств в США редко превышает 25 тысяч (Best, 1991; Bromley, 1991; Stevens, 1991; Victor, 1993; Wright, 1993a). Эти тревожные данные явились причиной организации таких групп, как Антисатанистское движение (ASM) и Антикультовое движение (ACM), во главе которых стоят ориентирующиеся на семейные ценности организации и которые руководствуются консервативными религиозными интересами (Bromley, 1991).

Жертвы, которых защищают антисатанистские организации, происходят из так называемых «изгоев» общества (отверженных) и похищенных. Некоторое работники полиции утверждают, что 95% всех детей, которые исчезают каждый год, становятся жертвами связанных с оккультизмом похищений (Best, 1991; Larson, 1989). Многие антисатанисты считают, что чаще всего жертвами становятся светловолосые девочки (Victor, 1993). Белокурый ребенок, как гласит легенда, является символом невинности, чистоты и красоты. Покушение на белокурого ребенка символизирует покушение на самые дорогие традиционные ценности. Например, в работе Джеффри Виктора, посвященной исследованию сатанистской веры и

слухов о ней, которое проводилось на западе штата Нью-Йорк в США, обнаружено, что самым зловещим оказался слух о том, что «...сатанистская секта планирует похитить и принести в жертву светловолосую синеглазую девочку» (Victor, 1993, p. 65). Кроме того, Виктор обнаружил, что когда рассказываются истории о похищениях людей и о человеческом жертвоприношении, в 40% историй особо упоминается о белокурых и синеглазых детях, в основном девочках.

Антисатанисты убеждены, что некоторые жертвы — «алтарные младенцы». Алтарные младенцы — это новорожденные младенцы, которых специально рожают для принесения в жертву молодые, неопытные женщины, оплодотворенные членами секты. Одной из наиболее известных «рожениц» была Лорен Стратфорд (Lauren Stratford; псевдоним), которая написала автобиографическую книгу «Satan's Underground: Story of One Woman's Escape» («Подполье сатаны: экстраординарная история бегства одной женщины» (Stratford, 1988), в которой описала свою невероятную жизнь в секте. Стратфорд, например, утверждает, что когда она находилась в психологической зависимости от сатанистской секты, у нее забрали трех ее собственных младенцев для жертвоприношения. Книга была очень популярна среди многих традиционных христианских конгрегаций (обшин) и подтвердила распространенное в мире представление о сатанистских сектах, которое за ними уже закрепилось (Wright, 1993a). Однако в аналитической статье христианского журнала «Краеугольный камень» утверждается, что история Стратфорд полна противоречий, вымысла и беспочвенных фантазий (Passantino and Passantino, 1989). К началу 90-х годов книга Стратфорд была изъята из продажи издателем.

Разумеется, не всех предназначенных для принесения в жертву убивают сразу. Некоторых приобщают к культу для использования в будущем, например в качестве «сосуда» для вынашивания алтарных младенцев. Антисатанистские группы заявляют, что начальное приобщение к традиционным сатанистским сектам обычно происходит в возрасте от четырех до шести лет (Bromley, 1991). Антисатанисты утверждают, что сатанисты действуют в детских дошкольных центрах, приютах и в семьях, принявших детей на воспитание, чтобы приучить детей к их заботе (Bromley, 1991). Эти «непожертвованные» жертвы подвергаются различным физическим и психологическим воздействиям (нередко сексуального характера), инициирующим обрядам и длительной идеологической обработке. После каждого обряда идеологической обработки будущие сатанисты часто возвращаются к своим биологическим

родителям, имея в глубинах своей памяти или в подсознании плоды этой идеологической обработки. Предполагается, что террор и частое промывание мозгов, которым подвергаются эти жертвы, предохраняют их от запоминания тех ужасных вещей, сделанных с ними. Иногда, обычно спустя многие годы, эти жертвы культа подвергаются интенсивной психотерапии или гипнозу и вспоминают случившееся с ними.

Классическим примером этого явления является когда-то очень популярная книга «Michelle Remembers» («Мишель вспоминает»), которая вышла в 1980 году. Книга написана Мишель Смит и ее психиатром, Лоренсом Паздером. В процессе проводимого Паздером лечения от многих психических расстройств Мишель начала вспоминать, как в пятилетнем возрасте в Британской Колумбии она подвергалась развратным действиям и пыткам. Она утверждала, что это была группа сатанистов, к которой принадлежали ее родители. Она также вспоминала, что видела ритуальные убийства младенцев и взрослых. Еще она утверждала, что часто собирала пепел от сожженных останков жертв. Книга важна потому, что в ней отражены фактически все главные обвинения против сатанистов, которые стали популярными в 1980-е годы (Jenkins and Maier-Katkin, 1991). Вскоре после пика популярности этой книги ФБР начало получать подобные истории от женщин всей страны (Nathan, 1991). Затем, в начале 1984 года, средства массовой информации начали предавать гласности скандальную историю о сексуальном насилии, которое предположительно имело место в дошкольном учреждении Мак-Мартин (McMartin) в пригороде Лос-Анджелеса. Судебное разбирательство было одним из самых длинных (оно продолжалось шесть с половиной лет) и дорогостоящих уголовных судебных разбирательств в американской истории. Вирджиния Мак-Мартин, ее дочь Пэгги Мак-Мартин Баки и внук Раймонд Кьюки вместе с пятью другими воспитателями обвинялись в сексуальных преступлениях в отношении сотен детей за более чем двадцатилетний период. Многие дети сообщили, что их принуждали участвовать в актах жертвоприношения животных, быть свидетелями сексуальных действий, выполнявшихся во время секретных обрядов в церквях, и что им демонстрировали расчлененные трупы на кладбищах (Nathan, 1991). Все обвинения были отклонены, поскольку никаких убедительных доказательств не было найдено. Хотя Мак-Мартин была оправдана, она потеряла свою школу и все накопленные за жизнь сбережения и получила лишь небольшую компенсацию по гражданским искам.

Эта получившая широкую огласку история послужила сигналом к изучению подобных сообщений, получаемых со всей страны, начиная от дошкольных воспитательных учреждений и групп продленного дня до провинциальных городков. Эти сообщения были так поразительно сходны, что экспертами по жестокому обращению с детьми в 1985 году для описания подобных действий начали использоваться термины «сатанистское ритуальное надругательство», или «ритуальное надругательство» (Nathan, 1991). К 1987 году центры защиты детей и полицейские отделения принимали от обезумевших родителей сотни разоблачений ритуального надругательства. Слухи о сатанистских заговорах с целью похищения детей приводили к тому, что многие родители временно забирали своих детей из школ (Bromley, 1991).

В 1980-е годы произошли и многие другие события, которые вызвали рост беспокойства по поводу сатанистских сект. В фильме Джона Шлезингера «The Believers» («Сторонники»), выпущенном в 1987 году, сильно и убедительно изображалось служение дьяволу. Джеральдо Ривера, к которому можно относиться по-разному, также выпустил телевизионный документальный фильм «Поклонение дьяволу» (Rivera, 1988) который оказал огромное влияние на убеждения впечатлительной американской общественности. Фильм Риверы широко использовался на различных профессиональных и религиозных симпозиумах, семинарах и образовательных мероприятиях в качестве свидетельства ужасных деяний сатанистских сект.

В 1989 году, через год после выхода документального фильма Риверы, в мексиканском пограничном городе Матаморос были найдены тринадцать изуродованных тел (Woodbury, 1989). Эти тела (все мужчины) были порезаны бритвой, у некоторых было вырвано сердце. «Почти все они были изуродованы: у них были отрезаны уши, соски и яички, у одной жертвы были выдавлены глаза, у другой не было головы» (Woodbury, 1989, p. 30). Власти пришли к заключению, что это было делом рук членов секты служителей дьявола под названием «Культ Эль-Падрино». Репортер (Woodbury, 1989, p. 30) заканчивает статью утверждением, что «...слухи о других демонических бандах и их отвратительных делах заполонили долину реки Рио-Гранде. Какими же нелепыми, как и любые другие слухи, они бы казались еще неделю назад, до того, как получила известность история об Эль-Падрино и его последователях».

Новыми доказательствами современной эпидемии поклонения сатане является появление «сатанистских» надписей на стенах, вандализм на кладбищах, случаи истязания жи-

вотных и учащение некоторых видов насильственных преступлений — устрашающих убийств или необъяснимых самоубийств. Все это символы, которые пробуждают воспоминания о сатанистских или демонологических легендах в народном коллективном сознании (Victor, 1993).

Страх и одновременно любопытство по отношению к сатанистским сектам не прекратились и в 1990-е годы. Выборочный опрос, проведенный Центром по проблемам ребенка и соблюдению законодательства Американской ассоциации юристов, показал, что, по предварительным данным (на начало 1993 года), 27% окружных прокуроров занимались делами, связанными с ритуальными действиями сатанистских сект (Victor, 1993). Оглофф и Пфайфер (Ogloff and Pfeifer, 1992) провели опрос студентов в американских и канадских колледжах и университетах, направленный на выявление отношения людей к различным сектам, в том числе и сатанистским, и получение информации о том, что думают студенты о деятельности этих сект. Совсем неудивительно, что 97% респондентов верят в существование сатанистских сект, но поражает то, что 23% респондентов убеждены, что эти секты обычно совершают человеческие жертвоприношения.

Некоторые эксперты утверждают, что Соединенным Штатам в настоящее время уже приходится противостоять серьезной волне преступности, связанной с оккультизмом или сатанизмом, которая в ближайшем будущем, по-видимому, усилится и примет беспрецедентные масштабы (Jenkins and Maier-Katkin, 1991).

Доказательства

Каковы доказательства широко распространенных утверждений о преступлениях, совершаемых сатанистскими сектами? Бромли (Bromley, 1991) утверждает, что ни одному из перебежчиков не удавалось покинуть культовую организацию с какими-либо отчетными документами или достоверными доказательствами человеческих жертвоприношений или других преступлений. Малхерн (Mulhern, 1991) установил, что несмотря на многочисленные уголовные расследования предполагаемых преступлений сатанистских сект, доказать эти утверждения все же не удалось. Кеннет Ланнинг (Lanning, 1989, p. 82), специальный сотрудник отдела бихевиористских наук и исследований ФБР, который осуществляет надзорные функции и отвечает за случаи преступлений на сексуальной почве, пишет: «...сатанистское убийство может быть определено как убийство, совершенное двумя или больше лицами, кото-

рые сознательно планируют преступление и чьим главным мотивом является выполнение предписанного сатанистского ритуала, требующего убийства. Согласно этому определению, автор не может выделить ни одного документированного сатанистского убийства в Соединенных Штатах». Дебби Натан (Nathan, 1991, p. 76) сообщает: «Несмотря на продолжающиеся волнения, подпитываемые слухами о возможных противозаконных ритуальных действиях, следователям так ни разу и не удалось найти ни взрослых свидетелей, ни вещественные доказательства, которые можно было бы логически связать с происходившими на тот момент групповыми обрядами, случаями экстремального насилия или выпуском порнографической продукции». Джеффри Виктор (Victor, 1993, p. 107) утверждает: «Нет абсолютно никаких доказательств, подтверждающих существование организованной сети сатанистских сект, члены которых совершают сексуальное насилие над детьми с целью приобщения их к сатанистской идеологии». На основании результатов тщательно спланированного социологического исследования, проводившегося на западе штата Нью-Йорк в ответ на многочисленные свидетельства и заявления о преступлениях сатанистских организаций, Виктор (Victor, 1993, p. 4) пишет: «В этих заявлениях говорится о существовании секретной организации или сети, состоящей из преступников, которые поклоняются сатане и занимаются порнобизнесом, принудительной проституцией и торговлей наркотиками. Утверждается также, что преступники совершают сексуальные преступления и пытки детей с целью втягивания их в пожизненное поклонение дьяволу... По результатам моих исследований, эти утверждения беспочвенны и вводят общественность в заблуждение. Кроме того, они способствуют поддержанию атмосферы страха и особенно усилению беспокойства родителей за своих детей».

Рассказы отдельных людей, которые обычно приводятся в качестве доказательств того, что сатанистские секты являются порочными и жестокими организациями, губящими человеческую жизнь и нравственность, почти исключительно происходят из бульварной печати, популярной психологии или оккультных книг, газет (типа «National Enquirer») и телевидения и очень редко из научных публикаций в книгах или профессиональных журналах (MacHovec, 1992)

Антисатанисты и фундаменталистские религиозные организации на это отвечают, что следователи и ученые не хотят понимать, насколько большое значение придается в сатанистских сектах умению прятать доказательства и проводить

психологическую обработку адептов. По мнению антисатанистских организаций, сатанистские секты распространены намного более широко, чем принято полагать, что они достаточно мощны, коварны, хорошо законспирированы, их практически невозможно обнаружить (Best, 1991). Кроме того, тела принесенных в жертву людей не удается найти, потому что их сжигают в переносных высокотемпературных печах или хоронят в двухъярусных могилах под законно похороненными телами, а иногда члены секты поедают их (Best, 1991). Как считают те, кто борется с сатанистскими организациями, члены сект преуспевают в мастерстве прятать тела и уничтожать доказательства. Кроме того, ужасы и истязания, которые творят сектанты, кажутся настолько невероятными, что мало кто из чиновников принимает всерьез рассказы тех немногих очевидцев, которым удавалось рассказать то, что они видели. Тем не менее антисатанисты утверждают, что поразительное сходство рассказов разных очевидцев все же делает сообщения о злодеяниях сатанистских сект заслуживающими доверия. Кроме того, истории, рассказываемые детьми, могут считаться достоверными доказательствами деятельности сатанистских сект, поскольку дети редко обманывают. Антисатанисты утверждают, что дети невинные и чистые жертвы и нисколько не заинтересованы в том, чтобы лгать взрослым. Однако в исследовательской литературе отмечается, что дети действительно могут давать ложные свидетельства относительно происходивших с ними действий и событий (Ceci and Bruck, 1993). Дети, даже очень маленькие, действительно могут лгать, когда на них оказывается давление или у них есть соответствующий мотив. Кроме того, люди, интервьюирующие детей-свидетелей, могут существенно повлиять на их свидетельские показания (Bartol and Bartol, 1994; Ceci and Bruck, 1993).

Другим источником доказательств существования сатанистских сект являются свидетельства тех взрослых, которые подвергались ритуальному насилию в детском возрасте. Этими «жертвами» или «свидетелями», как правило, являются женщины лет тридцати–сорока, которые рассказывают о своем стремлении избавиться от влияния сатанистского прошлого, и происходит это обычно на сеансах психотерапии (Jenkins and Maier-Katkin, 1991). Очень часто у этих свидетелей обнаруживаются многочисленные психические расстройства, которые, как принято считать, вызваны травмами, перенесенными во время пребывания в руках сектантов. Дарри Каханер (Kahaner, 1988), клиницист, который работает с оставшимися в живых членами сект, утверждает, что практически все, кто побывал

в детстве во власти сект и дожил до взрослого возраста, которых он знал, страдают множественностью личности. Дженни из книги «Suffer the Child» (Spenser, 1989) утверждала, что у нее было несколько сотен различных личностей. Согласно Дженкинсу и Майер-Каткин (Jenkins and Maier-Katkin, 1991), многие из взрослых, которые остались в живых после предполагаемых случаев ритуального насилия, перенесенных в детстве, — люди с серьезными эмоциональными нарушениями, которые имеют длинный перечень различных психологических расстройств и страдают зависимостью от психоактивных веществ. Многие происходят из строгих, часто пуританских, фанатичных религиозных семей, где очень распространенным делом были суровые телесные наказания (Mulhem, 1991).

Нет достаточной уверенности в том, что клиницисты, которые сообщают о многочисленных жертвах сатанистских сект в своей практике, сами не являются излишне озабоченными или даже помешанными на поиске таких сект (Mulhem, 1991). Иными словами, клиницист может иметь безоговорочное предубеждение относительно сект еще до того, как начинает выслушивать пациента. У впечатлительных, страдающих эмоциональными расстройствами пациентов может под влиянием такого клинициста сформироваться соответствующая установка, и они без определенного умысла станут сочинять красочные истории об ужасах, которые они «пережили» под властью секты. Внимательный читатель сразу узнает в этом явлении ятрогению.

Если нет никаких доказательств в поддержку преступного характера деятельности сатанистских сект, то почему же этот миф так упорно сохраняется? Многим людям нравятся страхи и ажиотаж, которые окружают истории о странных человекоподобных созданиях: дьяволах, вампирах, оборотнях, снежном человеке, йети, НЛО и инопланетянах. Они верят в них, потому что это добавляет остроты в их повседневную жизнь. Сходите в любой книжный или букинистический магазин, в котором продаются книги в мягкой обложке, и вы найдете многочисленные полки книг о сатанистских сектах и оккультизме, часть из которых претендует на то, чтобы называться документальной литературой.

Помимо всего прочего, исторические и антропологические исследования показали, что вера в демонов и другие мистические злые силы процветает во времена длительной социальной нестабильности и ожидания социальных катаклизмов (Stevens, 1991). Озабоченность, вызванная предчувствием распада общества или ощущением того, что молодежь не разви-

вается в нужном направлении и чрезмерно подвержена влиянию злых сил, обеспечивает питательную среду для обвинений, преследований и притеснений отдельных групп и видов деятельности, которые становятся мишенями различных крестовых походов за нравственность и кого обвиняют во всем том, что пошло не так, как надо. Музыка в стиле «хэви метал», игры наподобие «Темниц и драконов», бесцельное времяпрепровождение, компьютерные игры, кино и индустрия развлечений вообще — все это становилось мишенями нападок и называлось влиянием дьявола на умы молодежи.

Джеффри Виктор (Victor, 1993) предсказывал, что ажиотаж вокруг сатанистских сект и крестовый поход за нравственность, который подогревает этот ажиотаж, в начале 2000-х годов будет продолжаться и даже усилится. Это особенно касается случаев, связанных с преследованием тех сатанистов, которые подозреваются в ритуальных сексуальных преступлениях против детей. Причиной усиления активности антисатанистского двпжения являстся вступление в крестовый поход за нравственность, предпринимаемый христианским правым движением многих национальных организаций, обеспокоенных жестоким обращением с детьми, а также авторитетных психотерапевтов. Многие из этих психотерапевтов специализируются на лечении пациентов со множественными личностными расстройствами. В социологическом опросе, проводившемся среди членов АРА в 1991 году, 30% респондентов указали, что им доводилось работать как минимум с одним клиентом, утверждавшим, что он пострадал от сатанистских ритуальных преступлений, а 93% (по данным второго опроса) из тех, кто работал с такими пациентами, были уверенны, что эти истории истинны (Wright, 1993a). Подливают масла в огонь и полицейские эксперты (многие из которых сами являются ярыми религиозными фундаменталистами), специализирующиеся на сатанистских сектах и устраивающие конференции и профессиональные семинары по этому вопросу.

Виктор отмечает, что маленькие города и сельские районы особенно восприимчивы к шумихе вокруг сатанистских сект, поскольку жителей этих мест глубже всего затрагивают наболевшие экономические проблемы, и к тому же в таких местах постоянно проживает много христианских фундаменталистов. Некоторые впечатлительные молодые взрослые, главным образом женщины, «вспоминают» во время психотерапевтических сеансов, что стали жертвами сатанистского ритуального преступления, часто обвиняя в этом непосредственно своих родителей. Эти утверждения зачастую

поддерживаются их психотерапевтами, которые часто сами начинают чересчур интересоваться чрезмерными реакциями своих пациентов. К сожалению, эти «...утверждения могут легко приводить к незаконным арестам и нанесению ущерба репутации семей, как это имело место во многих случаях в прошлом» (Victor, 1993, p. 299).

Извлечение человеком из глубин своей памяти событий многолетней давности, когда он предположительно стал жертвой ритуального преступления, известно как феномен восстановленной памяти. Такой синдром восстановленной памяти возможен при условии, что эмоционально болезненные или травмирующие события подсознательно помещаются в глубинные тайники мозга и постоянно находятся там до тех пор, пока не будут извлечены на свет в результате умелого систематического поиска, проводимого психотерапевтом или гипнотизером. Однако в самом ли деле мозг работает таким образом или нет, остается неясным. В это верится с трудом, особенно если речь идет о длительных, частых и ставших привычными эпизодах ритуального насилия. Имеющиеся на данный момент факты свидетельствуют скорее о том, что люди могут вспомнить подобные события, если захотят. Некоторые детали могут забываться, но не все. Следовательно, большая часть из тех, кто, став взрослым, вдруг вспоминает множество травм, нанесенных им в детстве, по мнению многих экспертов, страдают синдромом ложных воспоминаний. Хотя самого события могло никогда не происходить, некоторые люди склонны уверить себя в том, что оно действительно произошло.

В ответ на рост числа обвинений в ритуальных преступлениях группа обвинявшихся родителей в 1992 году сформировала Фонд синдрома ложных воспоминаний, зарегистрированный в Филадельфии. В начале 1993 года в фонде состояло приблизительно 3700 человек, и он продолжал быстро расти (Wright, 1993b). Мартин Гарднер (Gardner, 1993) писал, что синдром ложных воспоминаний является кризисом душевного здоровья 1990-х годов. «То, что пережитые в детском возрасте травмы могут быть полностью забыты на целые десятилетия, — большой психологический миф нашего времени, миф, который не только оказывает разрушительное воздействие на добропорядочные семьи, но и наносит огромный ущерб психиатрии» (Gardner, 1993, p. 371).

В оставшейся части главы мы рассмотрим некоторые психологические объяснения насильственного преступления вообще. В предыдущей главе и в начале этой мы все бо-

лее и более сосредоточивались на предумышленном убийстве и рассмотрели определенные его типы. Теперь пришло время вернуться немного назад и более широко рассмотреть природу человеческого насилия с теоретической точки зрения.

Психологические факторы преступлений, связанных с насилием

Импульсивное насилие

Преступления против личности часто считаются следствием импульсивных, совершаемых без подготовки и непредсказуемых действий людей, доведенных до невменяемого состояния. Согласно такой точке зрения, человек, который наносит тяжкие повреждения другому человеку, а иногда и убивает его, действует импульсивно, вымещая зло на жертве без заранее обдуманной или запланированной стратегии. Безусловно, такая точка зрения отчасти свидетельствует в пользу усиления контроля над продажей огнестрельного оружия. Если бы оружие не было настолько доступным, преступники бы не ранили и не убивали своих жертв, по крайней мере не могли бы делать это с такой легкостью. Мы также видели, что одновременно с существенными достижениями в технологии производства скорострельного и автоматического оружия и увеличением его доступности за последние десять лет значительно возросло количество невинных людей, погибших от рук массовых убийц. Однако достижения технологии и доступность оружия — это всего лишь одна из причин.

Некоторые теоретики полагают, что люди с определенными особенностями личности или характера при определенных обстоятельствах более склонны реагировать агрессивно. В книге «Человеческая агрессия» (Violent Men) Ханс Точ (Toch, 1969) утверждает, что самые кровавые происшествия могут быть следствием осуществления хорошо усвоенных, сознательно продуманных стратегий, построенных на насилии, которые кажутся некоторым людям эффективными при разрешении межличностных конфликтов. Таким образом, насилие это не просто импульсивное действие человека; это действие совершается человеком, который привык в определенных ситуациях реагировать агрессивно. Точ считает, что, исследовав биографии агрессивных людей, мы обнаружим удивительное сходство в их подходах к межличностным отношениям. Вероятно, они еще с детских лет усвоили, что агрессия помогает им добиться желаемого. Они эффективно применяли агрессивные реакции, чтобы получать позитивное или негативное

подкрепление. С помощью насилия они добивались того, чего хотели, или избегали неприятных ситуаций.

Точ утверждает, что оскорбления и покушения на репутацию и статус человека — главная причина возникновения привычки к агрессивному поведению. Удар по чувству собственного достоинства человека, который не обладает достаточными (например, вербальными) навыками разрешения споров и конфликтов, может способствовать вспышке агрессивности. Это особенно справедливо, если в среде, в которой этот человек воспитан, принято разрешать споры при помощи физической силы.

Подобным образом рассуждает и Берковиц (Berkowitz), который выдвигает гипотезу, что люди иногда агрессивно реагируют не потому, что предвосхищают успех или неудачу от своих действий, а потому, что «ситуационные стимулы вызывают такие ответные действия, которые они привыкли совершать или которые общеприняты для данных условий» (Berkowitz, 1970, p. 140). Это значит, что у людей образовалась условно-рефлекторная агрессивная реакция (а точнее, классический условный рефлекс), выработанная в ходе предшествующего опыта поведения в подобных ситуациях. В некоторых случаях, согласно Берковицу, мощные стимулы окружения, по сути, вызывают импульсное поведение. В подобных условиях «мышление» человека становится сильно упрощенным, «бездумно» реагирующим на стимулы хорошо заученным способом. Таким образом, некоторые люди «впадают» в ярость, импульсно и автоматически реагируя на отрицательные переживания, вызванные отрицательными или вредными стимулами. Отрицательными или вредными стимулами может быть все что угодно, начиная от «несимпатичного» лица и кончая физическим насилием со стороны другого человека. Однако человек вряд ли будет действовать агрессивно, если не поступал так в подобных ситуациях в прошлом.

Аналогичную точку зрения выражает Зилльман (Zillman, 1979, 1983), который убежден, что познавательные и мыслительные процессы в состоянии сильного эмоционального возбуждения сильно нарушаются. В подобном состоянии, например в гневе, — человек, который обычно обдумывает свое поведение, начинает действовать, не задумываясь, в соответствии со сложившимися у него стереотипами. Поэтому в состоянии очень сильного эмоционального расстройства недружелюбные или агрессивные действия, скорее всего, переходят в разряд «импульсных» (данный термин Зилльман ассоциирует с силой привычки). Действия становятся настолько привычными, что не требуют ни времени, ни усилий для обдумы-

вания. Другими словами, действия производят впечатление «бессмысленных». Следовательно, импульсивное поведение не является чем-то необычным, не свойственным поведению человека: оно отражает привычные способы реагирования, которые человек, скорее всего, отверг бы в состоянии более низкого возбуждения или в нормальных условиях

И Точ, и Берковиц, и Зилльман считают, что многие люди, переживая сильные эмоциональные реактивные состояния, не способны учитывать последствия своих агрессивных действий. Сильное возбуждение блокирует когнитивную обработку информации настолько, что человек вообще не в состоянии обдумывать свои действия. Окружение и релевантные внешние стимулы подавляют внутренние опосредующие процессы, которые ослаблены чрезвычайно высоким уровнем возбуждения. Конечно, хотя эта концепция «возбуждения» объясняет наиболее часто встречающиеся и обычные случаи насилия, происходящие в большинстве обществ, многие серийные и массовые убийцы, как мы узнали из этой главы, более склонны обдумывать и просчитывать свои убийства. Эти преступники, совершающие не одно убийство, любят фантазировать, мечтать и мысленно репетировать свое преступление перед фактическим его совершением.

Преступники с завышенным и заниженным самоконтролем

Одной из самых эвристических гипотез о происхождении насилия было объяснение, предложенное Эдвином Мегарджи (Megargee, 1966), который выделил в агрессивной популяции два полярных типа личности: лица с заниженным самоконтролем и лица с чрезмерным самоконтролем. Личность с заниженным самоконтролем имеет недостаточно механизмов, сдерживающих агрессивное поведение, и при наличии малейшего повода или провокации совершает агрессивные действия. Агрессия является для таких людей стереотипом поведения, который становится обычной реакцией, если они расстроены или рассержены.

И наоборот, личность с завышенным самоконтролем имеет хорошо развитые механизмы сдерживания агрессивного поведения и неукоснительно пользуется ими даже перед лицом провокации. Этот человек хорошо усвоил (или у него сформировался условный рефлекс) последствия агрессивного поведения (реальные, воображаемые или подразумеваемые). Человек с высоким самоконтролем — это социализи-

рованная или, возможно, сверхсоциализированная личность, которая с готовностью ассоциирует нарушения социальных нравов и правил, продиктованных другими людьми, с потенциальным и последствиями в виде наказания. Он даже чаще других твердит: «Если я нарушу правила, меня накажут». Вспоминая дихотомию Айзенка, мы могли бы утверждать, что интроверт во многом напоминает личность с высоким самоконтролем, тогда как экстраверт демонстрирует черты личности с низким самоконтролем.

Однако, по мнению Мегарджи, может случиться так, что в результате фрустрации или провокации даже обладающий высоким уровнем самоконтроля человек окажется выбит из колеи. Если такое происходит, то он может сорваться и повести себя агрессивно, возможно даже превосходя уровень агрессивности, демонстрируемый человеком с низким самоконтролем. Поэтому в соответствии с типологией, основанной на уровне самоконтроля, самые зверские и неожиданные убийства часто совершаются сдержанными, ограничивающими себя лицами. Также оказывается, что многочисленные массовые убийства семей совершаются членами семей, характеризуемыми высоким уровнем самоконтроля. Так, соседи, друзья и родственники были потрясены убийством, которое совершил «хороший, тихий, воспитанный мальчик»:

«В этот четверг, сразу после похорон трех девочек, 16-летнему мальчику-хористу, которого считали „чудо-ребенком“, было предъявлено обвинение в том, что он заколол их до смерти.

Тела девочек были найдены в понедельник, лицом вниз в ручье в глухом лесу, примерно в четверти мили от домов.

По словам члена медицинской комиссии штата, у двух девочек было примерно по 40 ножевых ранений, а у третьей — восемь Смертоносным оружием, как полагают, был охотничий нож» (Tom Stuckey Associated Press release, October 14, 1977).

Чтобы эмпирически проверить гипотезу Мегарджи, Блэкберн (Blackburn, 1968) разделил группу опасных преступников на экстремально жестоких и умеренно жестоких. Экстремально жестокими (assaultive) считались те, кого обвиняли в убийстве, непредумышленном убийстве или в покушении на жизнь. Умеренно жестокими считались те преступники, которые намеренно нанесли своей жертве тяжкие телесные повреждения или пытались их нанести. По результатам личностного тестирования экстремально жестокие преступники оказались существенно более интровертированными, конформными, обладали более развитым самоконтролем и про-

являли меньше недружелюбия, чем умеренно жестокие. Кроме того, их экстремально агрессивные действия происходили только в ответ на продолжительные или повторные провокации (реальные или воображаемые).

В другом исследовании (Tupin, Mahar and Smith, 1973) было установлено, что у осужденных убийц, имеющих за плечами опыт ряда насильственных преступлений, в детстве намного чаще случались приступы гиперактивности, драки, истерики и другие признаки, свойственные экстравертам, чем у сопоставимой группы убийц, не имеющих предшествующего криминального опыта. В других клинических исследованиях было установлено, что среди людей, совершивших «непредвиденные убийства» (не имевших на момент совершения убийства криминального опыта), встречались интроверты и лица, мучимые чувством неполноценности, одиночества и разочарования (например: Weiss, Lamberti and Blackburn, 1960; Blackburn, Weiss and Lamberti, 1960). Все эти признаки характерны для лиц с развитым самоконтролем.

Ли, Зимбардо и Бертолф (Lee, Zimbardo and Bertholf, 1977) приводят данные ограниченного, но подходящего к данному случаю обследования небольшой группы из девятнадцати убийц. Десять из них были отнесены в разряд «непредвиденных убийц», поскольку в их биографии ранее не было зарегистрировано никаких других преступлений, тогда как девять оставшихся оценивались как закоренелые преступники, арестовывавшиеся ранее за насильственные действия. Обе группы были обследованы с помощью Стэнфордского опросника на выявление застенчивости (Stanford Shyness Survey) и Миннесотского многопрофильного личностного опросника (MMPI). По Стэнфордскому опроснику у восьми из десяти людей, совершивших непредвиденные убийства, была выявлена «застенчивость», тогда как среди девяти закоренелых преступников застенчивым оказался только один. Согласно результатам MMPI, в группе лиц, совершивших непредвиденные убийства, выявилась тенденция к значительно более сильному самоконтролю и пассивности, чем в группе закоренелых преступников, для которой характерной оказалась тенденция к недостаточному самоконтролю и большей самоуверенности.

Эти результаты вкупе с результатами других наблюдений привели исследователей к выводу, что люди, которые привыкли чрезмерно контролировать свое поведение, способны при несрабатывании «внутренних ограничителей» на более экстремальные насильственные действия, чем те, кто контролирует свое поведение не так строго.

В настоящее время собраны некоторые доказательства, позволяющие предполагать, что лица, совершающие преступления против личности, могут по своим качествам попадать в разные места континуума «низкий самоконтроль — высокий самоконтроль» с максимумами на полярных концах континуума. Можно выдвинуть гипотезу, что среди преступников с низким уровнем самоконтроля большую часть составят «привычные» преступники. Преступники с чрезмерным самоконтролем, которые обычно не имеют за плечами криминального опыта, чаше всего совершают лишь одно импульсивное преступление, но чрезвычайно тяжкое, возможно со смертельным исходом.

Однако факты, полученные в самое последнее время, говорят в пользу того, что и недостаток, и избыток самоконтроля так же часто встречаются среди людей, не совершавших насильственные преступления, как и в популяции преступников (Henderson, 1983). Этот может означать, что схема Мегарджи оказывается при объяснении различных типов насилия не настолько полезной, как первоначально ожидалось. Кроме того, параметр степени самоконтроля совсем не учитывает роли ситуационных параметров. Например, люди, которые ведут себя пассивно и неуверенно, чаще испытывают сильную фрустрацию и оказываются в различных ситуациях, в которых они ощущают угрозу, опасность и бессилие. Ли, Зимбардо и Бертолф (Lee, Zimbardo and Bertholf, 1977) пытались соотнести этот недостаток социальных и вербальных навыков с поведением «непредсказуемых убийц», которые обычно являются стеснительными людьми без навыков межличностного общения, необходимых для самоутверждения в социальных условиях. Тем не менее большинство стеснительных людей не станут совершать «непредвиденные убийства».

Когда людям не хватает навыков и стратегий, чтобы изменить по крайней мере некоторые из своих социальных ситуаций, это, как правило, порождает чувство беспомощности. Это чувство, в свою очередь, вызывает один из двух вариантов ответа: наступление (атака) или уход (изоляция). Реакция по типу ухода, как пишет Мартин Селигман (Seligman, 1975), часто называется реактивной депрессией или выученной беспомощностью. Человек чувствует, что ничего нельзя сделать, чтобы изменить это затруднительное положение, так зачем же беспокоиться? Подобным образом реагируют на жизненные обстоятельства нищие, опустившиеся люди, утратившие надежду на улучшение своей жизни.

С другой стороны, альтернатива заключается в том, чтобы напасть, наброситься в отчаянии, особенно если человек

верит, что такая реакция может улучшить обстоятельства его жизни. Люди, совершившие «непредвиденные убийства», которые жили пассивно и кого всю жизнь третировали, возможно, прибегли к последней и решительной попытке изменить то, что с ними происходит. Их смертоносное насилие может быть шагом отчаяния, попыткой получить немедленный контроль над своей судьбой без учета последствий таких действий. В связи с этим можно было бы задать интересный вопрос: какой вариант ответа в безнадежных, по всей видимости, условиях является более адаптивным — оставаться в состоянии депрессии и безнадежности, покончить жизнь самоубийством или совершить какое-либо насилие в отчаянной попытке изменить положение?

Когнитивная саморегуляция и насилие

Тема импульсивного поведения подвела нас к необходимости рассмотреть то, что некоторыми представителями теории социального научения и когнитивных теорий называется механизмами саморегуляции. Психологические исследования показывают, что эти механизмы могут быть чрезвычайно важным фактором в проявлении насильственного поведения. Многочисленные исследования показывают, что применение различных коррекционных подходов, которые улучшают работу системы саморегуляции у агрессивных людей, действительно оказывается наиболее перспективной стратегией сокращения насилия (Serin and Preston, 2001). Согласно теории социального научения (например, Bandura, 1983) и социальной теории познания (Bandura, 1986, 1989), мы способны осуществлять значительный когнитивный контроль над нашим поведением. Когнитивные способности дают нам возможность выйти за пределы настоящего и думать о будущем и прошлом даже при отсутствии непосредственных сигналов окружающей среды. Эта способность абстрактного мышления позволяет нам управлять собственным поведением, думая о возможных последствиях. Однако обстоятельства иногда ослабляют когнитивный контроль и облегчают импульсивные действия. Поэтому при известных условиях наши действия скорее подчинены внешним стимулам, чем механизмам познавательной саморегуляции.

Процесс саморегуляции предполагает развитие и совершенствование познавательных структур и понятий, которые являются продуктом научения. Как уже говорилось, мир, ка-

ким мы его знаем, базируется на наших когнитивных структурах, которые представляют собой неспецифические, но упорядоченные репрезентации предшествующего опыта. Некоторые люди обладают большим количеством структур, чем другие, а некоторые отклоняются от того, что большинство людей считает «правильными» структурами мира и человеческой природы. Люди, усвоившие много разнообразных и сложных структур, способны оценивать поведение более тонко, чем люди, обладающие немногочисленными и грубыми структурами. Например, человек с большим арсеналом сложных концепций будет менее склонен считать убийцу просто «больным» или «зверем», но сможет увидеть в нем личность, обладающую множеством различных убеждений и мотивов.

При нормальных обстоятельствах мы воспринимаем, интерпретируем, сравниваем и действуем на основе этих структур, к которым мы обращаемся как к своим личным нормам (стандартам). Если нам не нравится то, что мы делаем, мы можем изменить наше поведение, выровнять его или попытаться прекратить о нем думать. Мы можем также вознаграждать и наказывать себя за то или иное поведение. Самонаказание выражается в чувстве вины или раскаяния от последствий, которые мы считаем не соответствующими нашим стандартам. Однако в большинстве случаев мы предпочитаем наказанию самоподкрепление, поэтому ведем себя так, как предписывают наши когнитивные структуры. Мы предвосхищаем чувство вины, которое испытаем за неправильные действия, и поэтому сдерживаем себя. «Реакция предвосхищения самоосуждения за нарушение личных норм обычно служит средством самосдерживания против предосудительных действий» (Bandura, 1983, p. 30). Поэтому каждый из нас разрабатывает свои персональные стандарты или кодексы поведения, которые поддерживаются самоподкреплением или самонаказанием, равно как и внешними подкреплениями и наказаниями.

Наши стандарты могут строиться на расхожих суждениях, что «в семье не без урода», или «люди в массе своей глупы и жестоки», или «вернейший путь к успеху это побеспокоиться о себе самом». Люди, которые усвоили правило «сначала себе» и убеждены, что жесткая конкуренция и агрессия — лучшие стратегии для достижения успеха, могут обнаружить, что агрессия, даже насильственное поведение является источником самоподкрепления и гордости (Toch, 1977). В экстремальных случаях у людей, ставящих на первое место личные интересы, не оказывается внутренних стандартов, которые удержали бы их от агрессии и насильственного поведения. Их внутренние

стандарты человеческих отношений изначально оправдывают жестокие действия.

Стандарты не ограничиваются только личностью, они могут быть характеристиками культур или общества в целом. Отдельные культуры, субкультуры или группы стараются привить своим членам определенные этические и моральные нормы поведения. В этой связи мы могли бы задаться вопросом, до какой степени в американском обществе культивируется ненасильственное поведение.

Соотнося все это специально с агрессией и насилием, мы можем видеть, что личные и групповые стандарты диктуют многое в нашем поведении. Если чья-либо философия выражается суждением «жизнь — копейка» и если для такого человека действовать, не считаясь ни с чьими интересами, это норма, то насилие может стать образом жизни. Поэтому некоторые люди являются жестокими и агрессивными не обязательно для того, чтобы получить вознаграждение внешнего окружения, а постольку, поскольку агрессивность отражает их внутренние стандарты и усвоенное представление о человеческой природе. Другие люди, возможно большинство, усвоили стандарты и сформировали познавательные структуры, которые не освобождают их от ответственности за негуманное или предосудительное поведение.

До некоторой степени мы упростили теорию механизмов саморегуляции, чтобы познакомить читателя с некоторыми из ее понятий. Саморегуляция не обязательно срабатывает во всех ситуациях, иначе как бы мы могли объяснить деструктивное и предосудительное поведение, совершаемое явно приличными и нравственными людьми на протяжении многих столетий во имя религиозных принципов и идей справедливости? Что может оправдать (если вообще что-либо может) преднамеренную, запланированную крупномасштабную агрессию, например бомбардировку или войну? А как насчет терроризма во имя некоего высшего принципа? Как мы объясним насилие толпы, в которой хорошие на вид люди оказываются во власти эмоций или настроений толпы? Почему саморегулирующие механизмы не действуют тогда, когда они так необходимы?

Социальная теория научения объясняет часть из этих явлений, выдвигая гипотезу, что в некоторых обстоятельствах саморегуляторные процессы выключаются из поведения. «С точки зрения теории социального научения, добродетельные люди совершают действия, заслуживающие осуждения, вследствие процессов, отключающих оценочные самореакции на такое поведение...» (Bandura, 1983, p. 31). Возможно,

что такое отключение имеет место и при импульсных вспышках агрессии. Как пишут Берковиц (Berkowitz, 1983) и Зилльман (Zillman, 1983), высокие уровни эмоционального возбуждения уводят наше внимание от механизмов внутреннего контроля. Например, в состоянии крайнего раздражения мы часто говорим и делаем вещи, о которых позже сожалеем. Мы чувствуем подавленность, полное раскаяние и чувство вины, и нам жаль, что мы не можем вернуть наши слова и действия. Если бы мы тщательно взвесили и оценили последствия нашего поведения, мы, вероятно, действовали бы по-другому. Но в пылу эмоций наша система саморегулирования со всеми ее стандартами и ценностями так и осталась незадействованной. Однако по мере взросления мы, как правило, на опыте учимся уделять более пристальное внимание внутренним механизмам контроля и совершаем все меньше импульсных действий. Эта «вызревающая» особенность может частично служить объяснением того факта, что чем старше человек, тем ниже у него показатели импульсивной агрессивности.

Для профилактики агрессивного поведения самыми действенными, скорее всего, оказываются такие техники, которые направлены на снижение возбуждения, обучение навыкам межличностного взаимодействия и коррекцию неэффективных когнитивных схем (Serin and Preston, 2001). Исследования раз за разом демонстрируют, что в сознании агрессивных преступников (как подростков, так и взрослых) преобладает собрание иррациональных убеждений и неблагоприятных ложных атрибуций и, как правило, неконтролируемое озлобление. Наглядным примером иррациональных убеждений является убеждение насильников в том, что женщины хотят быть изнасилованными.

Тем не менее, несмотря на наличие внутренних норм (стандартов), которые должны удерживать нас от насилия или нанесения вреда окружающим, все мы можем иногда причинять кому-либо вред или даже совершать насильственные действия. Когда это происходит, мы используем целый ряд способов, чтобы убедить себя в «правильности» нашего поведения. Мы можем, например, успокаивать себя, рассуждая, что при известных обстоятельствах некоторым людям необходимо преподать урок. Можно нашлепать провинившегося ребенка, можно наказать испытуемого в эксперименте электрическим током, убийца может быть наказан органами правосудия. Проблематичная логика этих рассуждений становится очевидной, если на них посмотреть с другой стороны. С точки зрения политического террориста, насильственные действия оправданны, если они совершаются во имя чего-то более важ-

ного, например освобождения общества от тирана. Поэтому в идеале следовало бы очень конкретно определять условия, при которых физическую агрессию и насилие можно оправдать (например, во имя сохранения жизни другого человека).

Частично мы можем также нейтрализовать свои внутренние стандарты рассуждениями наподобие «все так делают, многие даже хуже, чем я» или «большинство людей скрывают свои доходы, чтобы не платить подоходный налог; это часть игры». Конечно, такая точка зрения уместна для соучастников корпоративного или должностного преступления. Кроме того, как было показано в главе, посвященной преступности несовершеннолетних, некоторые группы нейтрализуют свое преступное поведение (придают ему ореол романтизма), удаляя из него атрибут «вредности». «Плохое» поведение может и в самом деле поднять авторитет человека в группе.

Другой способ, которым мы можем нейтрализовать наши внутренние стандарты, особенно те, которые направлены против насилия, это убеждение в том, что некоторые лица не заслуживают звания людей, они больше похожи на животных. Этот подход прекрасно работает, если мы допускаем разделение людей на высших и низших по природе. Другими словами, мы можем дегуманизировать (лишить права называться людьми) тех, кто совершает жестокие и отвратительные убийства, в действительности видя в них скорее животных, чем людей. Многие оправдывают высшую меру наказания на том основании, что некоторые преступники не люди. Дегуманизация помогает объяснить многочисленные случаи линчевания афроамериканцев в американской истории и отношение к евреям в нацистской Германии. Во время войны мы дегуманизируем врага, используя уничижительные эпитеты. Однако дегуманизация, как и оправдание «правоты» насилия, также имеет обратную сторону. Так, массовый или серийный убийца или человек, который постоянно ведет себя агрессивно, как мы видели, относится к своим жертвам как к объектам, лишенным человеческих качеств. Преступник не чувствует большого раскаяния за любое причиненное страдание и не озабочен упреждающим самонаказанием. Однако исследования показали, что по мере того как жертвы приобретают в глазах преступника индивидуальность и человеческий облик, вести себя безжалостно по отношению к ним становится все труднее (Bandura, Underwood and Fromson, 1975). Другими словами, если противник знакомится со своей потенциальной жертвой, то вероятность того, что он будет действовать жестоко, существенно снижается. Эго представляется особенно справедливым для преступлений, в которых убийство жертвы не является главной целью.

Наконец, мы также можем выключить наши внутренние стандарты из системы контроля над поведением, когда нам велят делать что-либо предосудительное именем законной власти. Когда кто-то, обладающий законной властью, приказывает нам что-либо делать, мы в некотором смысле освобождены от персональной ответственности за свои поступки, даже если они противоречат нашим личным стандартам. Исследование повиновения Милгрэма — прекрасный тому пример.

В целом формирующаяся у нас система саморегулирования не остается инвариантной и не действует автоматически; она динамична и способна воспринимать опыт и приспосабливаться к обстоятельствам. Кроме того, многие события оцениваются неоднозначно и плохо подходят под наши уже готовые когнитивные шаблоны. В этих условиях мы скорее будем искать подсказку извне. Однако значение системы саморегулирования заключается в ее тенденции вести наше поведение в том направлении, которое мы считаем правильным в конкретных условиях. Чем больше мы доверяем нашим внутренним стандартам, тем менее склонны будем полагаться на внешние источники даже в состоянии стресса или в трудной ситуации. Это означает, что лучшие внутренние стандарты те, которые мы разработали сами, а не те, которые учреждены или отстаиваются внешней группой, поскольку мы входим в нее только ради удобства или приличия.

Интересно, что женщины более склонны считать агрессию сбоем механизмов саморегуляции, чем мужчины (Campbell, Muncer and Coyle, 1992). Женщинам агрессивное поведение «...представляется неспособностью человека твердо придерживаться стандартов поведения, которые они (и другие) установили для себя, и, следовательно, они относятся к нему негативно» (Campbell et al., 1992, p. 98). Мужчины, наоборот, скорее видят в агрессии средство подчинить себе окружающих и доминировать над ними и поэтому расценивают активное поведение как более положительное.

К счастью, у большинства людей сформированы такие внутренние стандарты, которые осуждают беспричинное нанесение вреда другому человеку. Поэтому огромное большинство людей не ведут себя агрессивно, и происходит это все-таки не только потому, что у них выработались классические условные рефлексы. Причина скорее в том, что они усвоили ту систему ценностей, в соответствии с которой вредить другому человеку неправильно, по крайней мере без основательной на то причины. Конечно, тенденция человека оправдывать свое поведение, аргумент «правого дела» — часто неотделим от самых отвратительных проявлений жестокости в

человеческой истории. Мы оправдываем крупномасштабное организованное насилие (войны), утверждая, что нужно защитить себя, свою семью и образ жизни от недостойных называться людьми врагов.

Следующий раздел посвящен поведению толпы и тому, что случается с механизмами саморегуляции обычно спокойных людей, захваченных обезумевшей толпой. По всей видимости, толпа часто отнимает у человека его личность и, следовательно, его обычную веру в свои внутренние нормы поведения. Некоторые крайне жестокие действия совершались не отдельными людьми, а возбужденными группами, особенно большими. Физические нападения, которые происходят в бунтующей толпе или на демонстрациях, спровоцированные расистами линчевания или избиения, групповые изнасилования и публичное забрасывание камнями — все это примеры насилия толпы.

Деиндивидуализация и насилие толпы

Социологи стали проявлять интерес к изучению мощного влияния толпы на индивидуальное поведение с начала 1900-х годов. Влияние толпы обычно исследовалось в русле изучения коллективного поведения, к которому относили бунты, групповые изнасилования, панику, линчевания, демонстрации и революции. В нашей книге мы будем касаться коллективного поведения только в той мере, в которой оно оказывает влияние па возникновение и поддержание насилия.

Одним из первых теоретиков коллективного поведения был Густав Ле Бон (Gustave LeBon), чья работа 1896 года «Толпа» («The Crowd») считается классическим исследованием групп. Поскольку его взгляды были окрашены в цвета Французской революции, Ле Бон не был слишком любезен при описании индивидуального поведения, которое подвергалось влиянию толпы. Он утверждал, что люди в толпе подобны стаду животных, их легко спровоцировать на что-либо или запугать. Ле Бон полагал, что люди, обычно не склонные к насилию и являющиеся законопослушными гражданами, способны проявлять различные виды насилия, нетерпимости и жестокости, которые свойственны лишь самым примитивным дикарям. Человек, оказавшийся в толпе, теряет чувствительность и способность рассуждать и полностью подчиняет собственное мнение настроению толпы. Коллективное мышление является опасно жестоким и разрушительным для людей и имущества. Согласно Ле Бону, под его влиянием даже

образованные люди становятся примитивными и иррациональными. По существу, Ле Бон заявлял, что действия любого человека в толпе переходят под контроль «спинномозговых» рефлексов, а не коры головного мозга.

Большинству из нас доводилось видеть действия «обезумевшей» толпы, призывающей к уничтожению какой-либо политической или социальной структуры или реальной организации либо к немедленному совершению «правосудия» над человеком или группой. В различных описаниях действия толпы часто уподобляются лесному пожару, который, начавшись с небольшого очага, разрастается и быстро становится неуправляемым. Однако поскольку действия реальной толпы — объективные процессы, которые возникают спонтанно, то их трудно сделать предметом систематического научного исследования. Поэтому природа происходящих в толпе процессов до сих пор остается до конца непонятой. Некоторые социальные психологи (например: Zimbardo, 1970; Diener, 1980) предпринимали попытку лабораторного изучения насильственных действий, происходящих в толпе или группе, делая это обычно путем создания примерно тех же самых условий, которые могли бы вызвать агрессию. Они установили, что если проявления агрессии не останавливать, она, скорее всего, приведет к насилию. Очевидно, что исследователи должны были останавливаться задолго до возникновения факта некого насилия, поэтому то, что должно было бы произойти, остается гипотезой. Попытка воспроизведения того или иного события в лабораторных условиях называется моделированием (имитацией).

Зимбардо (Zimbardo, 1970) считает, что деиндивидуализация может быть объяснением многих тенденций, толкающих людей к совершению антисоциальных насильственных действий. Деиндивидуализация сопровождается ослаблением чувства собственной индивидуальности, идентифицируемости и личной ответственности. Кроме того, в толпе понижается порог обычно сдерживаемого поведения. Другими словами, люди чувствуют себя безымянными, менее ответственными за свое поведение и менее сдержанными какими бы то ни было рамками. Согласно Зимбардо, эти условия провоцируют антиобщественное поведение, связанное с проявлениями эгоизма, жадности, враждебности, вожделения, жестокости и деструктивности.

В одном широкоизвестном эксперименте Зимбардо управлял двумя переменными: ощущением анонимности и отношением к жертве. Он в случайном порядке разделил студенток колледжа на две группы: деиндивидуализированную и «идентифицируемую». Испытуемые в деиндивидуализиро-

ванной группе надевали бесформенные белые лабораторные халаты и шапочки и работали в слабо освещенном помещении. Экспериментаторы не называли их по именам. Участники идентифицируемых групп, напротив, не чувствовали себя безымянными. Они имели большие бирки с именами, приветствовали друг друга по имени, работали в хорошо освещенных условиях и носили свою собственную одежду без лабораторных халатов или шапочек.

Испытуемым говорили, что проект предназначен для изучения эмпатии. Реальная цель, разумеется, состояла в том, чтобы изучить отношения между деиндивидуализацией и агрессией. Каждый испытуемый прослушивал пятиминутное, записанное на пленку интервью между его будущей «жертвой» и экспериментатором. Некоторые «жертвы» изображались как добрые, искренние, честные люди, в то время как другие изображались неприятными, эгоцентричными, самовлюбленными и излишне разборчивыми. После каждого интервью испытуемым позволяли ударить током тех интервьюируемых, которых они слышали на ленте. Им разрешали наблюдать реакцию своих жертв через одностороннее зеркало. Агрессивное поведение испытуемых измерялось продолжительностью болезненного электрического удара. «Жертвы», которые в действительности не получали никакого улара, обучались корчиться, извиваться и гримасничать.

Теперь напомним, что Зимбардо манипулировал двумя переменными: анонимность (утрата личной идентичности) и характеристики жертвы (сопутствующие стимулы). Таким образом, некоторые испытуемые действовали полностью анонимно, другие были хорошо идентифицируемы. Часть жертв выглядела привлекательно и внушала симпатию, другие были неприятными. Зимбардо полагал, что члены деиндивидуализированной группы будут давать более продолжительные электрические удары из-за диффузии ответственности и потери личной идентичности. Он также выдвигал гипотезу, что воспринимаемые качества жертвы никак не будут влиять на продолжительность удара током (будут нерелевантными), потому что сильное возбуждение, переживаемое в состоянии деиндивидуализации, будет интерферировать со способностью проводить различия между жертвами. Можно рассуждать и по-другому: душевное волнение и обусловленное этим волнением возбуждение, порожденное возможностью наказывать кого-то без угрозы каких-либо последствий, препятствовало бы способности дифференцированно оценивать адресата (человека, который получает удар током).

Проверялась также одна дополнительная гипотеза. Зимбардо предсказывал, что испытуемые в деиндивидуализированной группе будут по мере продолжения эксперимента давать более длительные удары током. Он полагал, что возможность наказывать без того, чтобы нести за это ответственность, будет возбуждать человека и прибавлять ему значимости в собственных глазах (что Зимбардо назвал «эмоциональной проприоцептивной обратной связью»). Зимбардо предсказывал, что по мере продвижения эксперимента члены деиндивидуализированной группы будут сильнее наказывать своих жертв, применяя более продолжительные удары. Короче говоря, человек обнаруживает, что совершая антиобщественные поступки, каждый раз он чувствует себя «настолько комфортно», что поведение становится привычным и подкрепляет само себя в интенсивности (силе) и частоте.

Результаты эксперимента подтвердили все три гипотезы. Члены деиндивидуализированной группы применяли к своим жертвам вдвое более продолжительные удары током, чем члены идентифицируемой группы. Кроме того, деиндивидуализированная группа применяла одинаковые уровни наказания независимо от особенностей личности жертвы. И наконец, эта группа увеличивала продолжительность удара током по мере продвижения эксперимента. Зимбардо пришел к заключению, что «в условиях, в которых участники группы действовали анонимно (деиндивидуализированно), эти обычно добрые, воспитанные студентки наказывали током других студенток почти всегда, когда им представлялась такая возможность, иногда настолько сильно, насколько им позволяли, и не имело никакого значения то, что студентка-жертва в действительности была хорошей девушкой, которая не заслуживала наказания» (Zimbardo, 1970, p. 170).

В сущности, Зимбардо доказывает, что деиндивидуализированная агрессия не контролируется социальным окружением; она не зависит ни от ситуации, ни от характеристик жертвы. То есть сильное возбуждение, вызванное волнением толпы, уменьшает как способность человека к самоанализу, так и его способность различить внешние стимулы, например характеристики жертвы. Участник больше не опирался на механизмы саморегуляции и становился «слепым» к таким стимулам, как страдание жертвы или дискомфорт. Агрессор теряет индивидуальность и подчиняется коллективному мнению толпы; он перестает чувствовать сострадание и учитывать обстоятельства. Жертва может заявлять о своей невиновности, просить пощады, плакать или кричать, но эти стимулы не бу-

дут оказывать на поведение толпы никакого действия. Даже авторитетный и сильный руководитель может оказаться неспособным остановить насилие, едва лишь индивидуальность участников подчинится настроению толпы.

Схема эксперимента Зимбардо, так же как и план Милгрэма, сильно критиковалась за обман испытуемых и спорное применение ударов электрического тока (хотя и имитируемых), а также за сосредоточение на отрицательных аспектах человеческого поведения. В некотором смысле этот тип экспериментов предполагает форму психологической провокации: действительно ли люди действовали бы таким способом, если бы их не вынуждал экспериментатор? По поводу таких экспериментов Национальный институт душевного здоровья Американской психологической ассоциации, а также ряд других организаций приняли этические рекомендации, которые применяются при финансировании и одобрении программ исследования. Поэтому эксперименты, подобные экспериментам Зимбардо, вряд ли будут повторены. Однако их возможные выводы нельзя игнорировать.

Динер (Diener, 1980) не соглашается с положениями теории деиндивидуализации Зимбардо, утверждая, что деиндивидуализированное поведение зависит от ситуационных факторов или характеристик жертвы. Он полагает, что нормальное саморегулируемое поведение человека подавляется необычной и захватывающей активностью толпы и что это подавленное индивидуальное самосознание создает внутреннее состояние деиндивидуализированности. Поскольку человеку не удается придерживаться собственных стандартов адекватного поведения, он становится более чувствительным к сигналам окружения (Prentice-Dunn and Rogers, 1982, 1983). Люди сообщают, что в толпе они действительно в значительной степени утрачивают индивидуальную идентичность, концентрируются исключительно на текущем моменте и не думают о будущем. При этом у них существенно меняется мышление и эмоции (Prentice-Dunn and Rogers, 1983). Они меньше замечают свои мысли, настроение, физическое самочувствие и многие другие внутренние процессы. Представьте себе спортсмена, захваченного волнением игры, который продолжает играть даже после получения тяжелой травмы. После игры спортсмен мог бы сказать о своей поврежденной руке: «Я не чувствовал, что это так серьезно!»

Согласно Динеру, поскольку деиндивидуализированные члены группы не обращают внимания на свои внутренние процессы, включая возможности саморегуляции, при выборе

направления и поведения они больше ориентируются на сигналы окружения. Таким образом, когда из толпы воспринимаются сигналы агрессии и насилия, эти люди будут участвовать в насильственных действиях с гораздо большей вероятностью, чем в обычных условиях. Точка зрения Динера состоит в том, что если жертва действий толпы каким-то образом могла бы быть «гуманизирована» (наделена человеческими качествами), толпа могла бы остановить свою агрессию. Другими словами, внимание преступника должно быть направлено на жертву, а не на агрессивные действия, совершаемые другими участниками событий. Динер также полагает, что людей, поддавшихся влиянию толпы, можно заставить обратить более пристальное внимание на их внутренние нормы регулирования. Его гипотеза нуждается в проверке в ходе дальнейших исследований. Разумеется, на вопрос о том, смогут ли плач и просьбы жертвы во время нападения реально изменить поведение толпы, едва ли можно ответить с помощью лабораторного исследования.

Более того, поскольку теории Зимбардо и Динера основываются на лабораторных исследованиях, мы не можем сделать окончательный вывод о том, что они справедливы и применительно к реальной ситуации. Однако они дают правдоподобные объяснения насильственному поведению толпы.

Выводы

В этой главе объектом нашего внимания были отдельные виды предумышленных убийств. Мы также рассматривали некоторые следственные методы и криминальное профилирование, применяемые при идентификации преступников, в частности серийных преступников. В начале главы мы уделили некоторое внимание множественным убийствам (убийствам нескольких людей в течение ограниченного периода времени). Хотя подобные преступления чрезвычайно редки, социальное и эмоциональное воздействие, которое они оказывают на ближайшее окружение (и общество вообще), весьма значительны. Мы рассмотрели эмпирические данные и мнения профессионалов, касающиеся серийных, массовых убийств и убийств без разбора (spree).

Мы также подробно рассмотрели такое явление, как сатанистские секты, а также удивительно распространенное в нашем обществе убеждение, что в этих сектах совершается значительное количество преступных ритуальных действий и

человеческих жертвоприношений. Исследования и эмпирические наблюдения не дали никаких доказательств утверждений некоторых групп, что эти секты систематически предаются подобным деяниям.

Следующая часть главы была посвящена психологическому объяснению насилия вообще. Это значит, что исследуя подавляющее большинство насильственных преступлений, мы видим в них очень мало таинственного или интригующего. Серийные и массовые убийства, безусловно, не являются ординарными, повседневными случаями проявления насилия. С психологической точки зрения можно выделить три главные проблемы, связанные с повседневным насилием:

1) самоконтроль, осуществляемый с помощью механизмов саморегуляции, 2) эмоциональное возбуждение и 3) индивидуальные ориентиры для управления поведением, которые могут быть или внутренними, или внешними. Насилие чаще всего совершается тогда, когда люди находятся в состоянии очень сильного эмоционального возбуждения, особенно в ярости. Сильное возбуждение, по-видимому, блокирует способность человека следовать внутренним нормам поведения и заниматься самоанализом вообще. Кроме того, сильное возбуждение, вероятно, притупляет у людей чувство ответственности за собственные действия. Они часто заявляют: «Я не знаю, что на меня нашло» или «Я не мог ничего с этим поделать». Короче говоря, сильное возбуждение делает людей более склонными к «бессмысленному» поведению и отдает их во власть внешних стимулов или событий.

Механизмы саморегуляции развиваются в процессе социализации через формирование субъективных представлений о правильности и адекватности тех или иных действий. В нормальном состоянии механизмы саморегуляции управляют поведением путем обеспечения когнитивных образцов подобающего в определенной ситуации поведения. Воздействие возбуждения на механизмы саморегуляции представляется особенно важным для объяснения случаев уличной или домашней агрессии, в которых насилие является спонтанным, взрывным и часто используется как способ урегулирования личностных конфликтов.

Системы личностных конструктов очень похожи на процессы саморегуляции, но в данном контексте они имеют отношение к способности человека оправдывать поведение или оценивать его как нейтральное независимо от того, насколько оно достойно порицания. С помощью саморегуляции осуществляется управление поведением; система конструктов

дает возможность человеку не только исполнить действие, но и справиться с психологическими последствиями этого действия. Люди с их непростыми когнитивными построениями имеют странную особенность оценивать свои действия как нейтральные, игнорировать их, минимизировать, рационализировать и недооценивать. Мы имеем широкие возможности «выключать» наши убеждения и наши внутренние стандарты на время совершения тех или иных действий. Бандура (Bandura, 1983) перечислил шесть распространенных способов «выключения», которые мы используем для оправдания собственного предосудительного антиобщественного поведения. Поучительно рассмотреть каждую из этих стратегий.

Во-первых, люди обычно не совершают антиобщественных поступков, пока не найдут аргументов, подтверждающих правильность или этичность их действий. Предосудительные действия могут быть представлены как благородные через перестройку когнитивных структур. Так, обеспокоенный отец, считающий, что он должен уберечь свою семью от мирового зла, убивает своих детей, жену, а затем и себя. В сущности, он перестроил свою систему конструктов так, чтобы она соответствовала тому, что, по его убеждению, он должен был делать при подобных обстоятельствах. Другой пример: молодой человек, который обладает твердыми нравственными принципами и считает убийство недопустимым, добровольно идет на войну, чтобы защитить свою страну. На первый взгляд может показаться, что эти два примера не имеют между собой ничего общего. Однако оба они представляют образцы когнитивного реструктурирования.

Второй способ «выключения» моральных стандартов связан с первым и состоит в том, что человек пытается заставить себя считать свои агрессивные действия тривиальными и вовсе не такими уж ужасными по сравнению с тем, что делают другие. На войне мы убеждаем себя, что злодеяния, совершенные врагом, гораздо страшнее, чем все сделанное нами. Насильник может убеждать себя, что в изнасиловании нет ничего действительно страшного, поскольку никакого «реального» физического вреда жертве не причинено.

Третья стратегия опирается на могущество языка. Одним из достижений человеческого интеллекта является могучая сила слова; слова позволяют нам оправдывать наши действия с относительной легкостью. Мы используем эвфемизмы, чтобы нейтрализовать наше предосудительное поведение. Например, в своих рассуждениях человек может использовать такие слова, как «нейтрализовать» и «пришлепнуть», вместо

«убить» и «застрелить». Эвфемизмы имеют меньшую моральную нагрузку и меньше подрывают нравственные устои человека. В главе, посвященной преступности несовершеннолетних, мы отмечали, что молодежные субкультуры используют различные эвфемизмы для нейтрализации оценки своих антиобщественных действий.

Четвертая стратегия, которая наиболее распространена при групповой агрессии, выражается в диффузии ответственности. Вот рассуждения, которые лучше всего иллюстрируют этот прием: «Я только выполнял приказы», «Я делал как все» или «Руководство решило, что в интересах дела (или компании) следует продолжить выпуск продукции, несмотря на определенную ее опасность для здоровья людей». Эти утверждения направлены на то, чтобы переложить ответственность за собственные действия на других людей или на внешние обстоятельства.

Пятая стратегия состоит в том, чтобы просто не думать о последствиях своих действий. При этой стратегии люди убеждают себя, что последствия не имеют большого значения. Они, напротив, стараются отвлечь себя от последствий насильственных действий. Например, пилот бомбардировщика или человек, нажимающий на кнопку, который применяет смертоносное химическое оружие против гражданского населения, не только выполняет приказы (диффузия ответственности), но, вероятно, не позволяет себе даже думать о той трагедии, которая должна произойти.

Наконец, шестой способ состоит в том, чтобы дегуманизировать жертву: «Она была шлюха и получила по заслугам», «Он был подлецом». Врагов обзывают «фрицами», «духами» или «комми» или сравнивают их с гнусными животными. Дегуманизация лишает жертву или предполагаемую жертву человеческих качеств. Как указывает Бандура (Bandura, 1983, с. 32), «многие обстоятельства современной жизни способствуют дегуманизации. Бюрократизация, автоматизация, урбанизация и высокая социальная мобильность привели к анонимности и безликости человеческого общения». Эти безличные, дегуманизированные аспекты жизни способствуют насилию и позволяют спокойно с ним уживаться.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА СЕКСУАЛЬНОЙ ПОЧВЕ

Во многих культурах сексуальное поведение связано с моральными кодексами, табу, нормативными ожиданиями, религиозными запретами, мифами и разного рода ненаучными заключениями. Смелый шаг, предпринятый в Соединенных Штатах Альбертом Кинси (Kinsey) и его коллегами, опубликовавшими результаты своих научных наблюдений, которые были проведены в Институте сексуальных исследований, позволил развеять многочисленные мифы и исправить многие ошибочные представления о сексе. Однако многие все еще придерживаются устаревших представлений, особенно в отношении лиц с сексуальными отклонениями, к которым общество относится весьма нетерпимо. Кроме того, общество часто не делает различий между типами сексуальных нарушений. «Извращенцы», которые демонстрируют прохожим свою наготу или подглядывают за ничего не подозревающими женщинами, когда те раздеваются, вызывают у общества страх, отвращение и гнев в той же мере, что и насильники или растлители малолетних. Часто общественность требует строгого и быстрого судебного преследования лиц с нетрадиционным сексуальным поведением, которые считаются ненормальными, одержимыми дьяволом или попросту животными, управляемыми какими-то внутренними зловещими силами; считается, что общество нуждается в защите от таких людей.

Лица, совершающие сексуальные преступления, часто рассматриваются как однородная группа людей. Исследования показывают, однако, что они широко различаются как по периодичности (частоте) и видам сексуальных действий, которые они совершают, так и по многим личностным признакам — по возрасту, образованию, особенностям характера, расе, религиозной принадлежности, убеждениям, установкам и навыкам межличностного общения (Knight, Rosenberg and Schneider, 1985). Не существует никакого единого профиля, который охватывал бы большинство сексуальных преступников. Сами преступления у разных преступников также имеют заметные отличительные особенности, в том числе время и место совершения преступления, пол и возраст жертвы, тщательность планирования преступления и степень принужде-

ния, используемого или предполагаемого (Knight, Rosenberg and Schneider, 1985).

Удивительно, что от 20 до 30% всех изнасилований и от 30 до 50% случаев растления малолетних совершают очень молодые мужчины (Becker and Johnson, 2001). При этом 70% молодых людей, совершающих сексуальные преступления, проживают в семьях, в которых есть оба родителя, большинство учатся в школе и получают удовлетворительные оценки и лишь очень немногие страдают от серьезных психических расстройств (Becker and Johnson, 2001). Есть также немало свидетельств того, что юноши предпубертатного возраста, возможно, совершают сексуальные преступления значительно чаще, чем обычно предполагается. В некоторых исследованиях сообщалось о случаях сексуальной агрессии даже у детей трех-четырех лет (Araji, 1997). Кроме того, есть данные, свидетельствующие о том, что сексуальную агрессию по отношению к другим детям проявляют на удивление многие девочки предпубертатного возраста и что действия этих девочек часто не менее агрессивны, чем действия мальчиков (Araji, 1997). Жертвами этих столь юных «преступников» обычно становятся очень маленькие дети (в среднем от четырех до семи лет), чаще всего девочки и, как правило, близкие родственники, друзья или знакомые (Righthand and Welch, 2001).

Причины сексуальных преступлений совсем не просты и вовсе неочевидны. По мере накопления систематических знаний становится ясно, что такое поведение зависит от многочисленных и взаимосвязанных факторов. Влияние оказывают и усвоенный опыт, и когнитивные ожидания и убеждения, и условные рефлексы, и стимулы окружения и непредвиденные подкрепления (как поощрения, так и наказания). В этой главе мы рассмотрим главные результаты исследований возможных причин таких преступлений, как изнасилования, растление малолетних и эксгибиционизм. Мы также обсудим феномен фетишизма, который иногда ведет к криминальной деятельности несовершеннолетних.

В некоторых исследованиях (например, Revitch and Schlesinger, 1988) утверждается, что многие сексуальные преступники не склонны к насилию или физической жестокости, а скорее являются людьми робкими, застенчивыми и социально неразвитыми. Хотя, возможно, такая характеристика и справедлива для большей части педофилов, однако она неверна для насильников, чьи нападения часто отличаются особой жестокостью. Их сексуальная агрессия может быть разделена,

по крайней мере, на две главные категории: инструментальная и экспрессивная. Инструментальная сексуальная агрессия состоит в том, что сексуальный преступник использует столько принуждения, сколько необходимо, чтобы добиться от жертвы согласия. При экспрессивной сексуальной агрессии главная цель преступника состоит в том, чтобы причинить жертве вред как в физическом, так и в психологическом отношении. В некоторых случаях экспрессивная агрессия «эротизирована», то есть преступник сексуально возбуждается, совершая акт физического или психологического издевательства.

Независимо от характеристик сексуального преступника, его мотивов и метода нападения или принуждения, социальный и психологический ущерб, наносимый жертвам и их семьям, не поддается измерению и часто является разрушительным. Опрос 3132 семей, проводившийся в рамках изучения Эпидемиологической области Лос-Анджелеса (ECA), очень хорошо это иллюстрирует. Исследователи обнаружили, что более 13% всех опрошенных как минимум однажды в жизни были жертвами сексуального нападения (Burnam, Stein, Golding, Siegel, Sorenson, Forsythe and Telles, 1988; Sorenson, Stein, Siegel, Golding and Burnam, 1987; Siegel, Sorenson, Golding, Burnam and Stein, 1987). 2/3 подвергавшихся сексуальным нападениям испытуемых сообщили о двух или о большем количестве нападений. Кроме того, женщины сообщали о том, что подвергались сексуальным нападениям в течение жизни чаще (16,7%), чем мужчины (9,4%). 13% всех жертв впервые подверглись нападению в возрасте от шести до десяти лет, 19% — от одиннадцати до пятнадцати, 34% — от шестнадцати до двадцати и 15% — от двадцати одного года до двадцати пяти лет. Последствия сексуального нападения для жертв проявлялись в существенно более высоком риске возникновения в будущем тяжелой саморазрушительной депрессии, наркомании, многочисленных страхов и парализующей тревоги, а также разнообразных серьезных межличностных проблем. В целом исследование показало, что у жертв сексуального нападения — как у мужчин, так и у женщин — серьезные психологические проблемы развивались в два–четыре раза чаще, чем у тех, кто сексуальному нападению не подвергался. В этой главе в центре внимания будут два вида сексуальных преступлений, которые больше всего беспокоят общество и являются наиболее трагическими для жертв, — изнасилование и растление малолетних (педофилия). Другие сексуальные отклонения, которые могут вести к преступной деятельности, мы обсудим кратко.

Законодательство о сексуальных преступлениях

Прежде чем переходить к основной теме главы, важно понять, что в течение последнего десятилетия были приняты некоторые разделы важнейших законов, которые сильно повлияли на то, как федеральное правительство и правительства отдельных штатов относятся к сексуальным преступникам. Данные последних исследований показывают, что по всей стране одновременно находятся на лечении, в заключении или под контролем исправительных учреждений 234 000 сексуальных преступников (Chaiken, 1998b). За последние годы было совершено несколько жестоких актов насилия, жертвами которых были молодые беззащитные люди, причем преступники, хотя и были осуждены, смогли избежать тюремного заключения. Эти инциденты стати причиной значительных изменений в законодательствах штатов и в федеральном законодательстве, предназначенных для предотвращения подобных преступлений. Многое в современном законодательстве, касающемся сексуальных преступлений, основывается на всестороннем Законе о предотвращении тяжких преступлений и правоприменительной деятельности (Violent Crime Control and Law Enforcement Act) 1994 года. Этот законодательный акт был положен в основу стратегии, которой Министерство юстиции США следовало последние десять лет в отношении тяжких преступлений и особенно тяжких сексуальных преступлений; по-видимому, он повлияет на политику этого ведомства и на многие годы вперед. Прежде всего мы кратко опишем три закона, имеющих прямое отношение к теме этой главы.

В течение последнего десятилетия американский Конгресс принял три статута, которые совместно предписывают штатам ужесточать процедуры, применяемые в отношении сексуальных преступников: 1) Закон Джейкоба Веттерлинга о преступлениях против детей и регистрации сексуальных преступников (Jacob Wetterling Crimes against Children and Sexually Violent Offender Registration Act) (принят в 1994 году), 2) федеральная версия Закона Меган (Megan's Law) (принята в 1996 году) и 3) Закон о преследовании и идентификации сексуального преступника по делу Пэм Личнер (Pam Lychner Sexual Offender Tracking and Identification Act) (также принят в 1996 году). Все три статута предписывают штатам учреждать программы регистрации, чтобы местные правоприменительные органы и должностные лица знали местонахождение сексуальных преступников, вышедших на свободу на их

территории и попавших в их юрисдикцию, и программы уведомления, которые предусматривают предупреждение общественности о живущих поблизости сексуальных преступниках (Chaiken, 1998b).

Закон Джейкоба Веттерлинга предписывает штатам обязывать лиц, осужденных за растление малолетних и сексуальные насильственные преступления, уведомлять правоприменительные органы о своем местонахождении в течение десяти лет после выхода на свободу из тюрьмы, окончания срока условного заключения или срока общественного надзора. Время обязательного уведомления может быть продлено, если преступник был признан «сексуальным маньяком». Закон поощряет штаты принимать системы регистрации для осужденных за растление детей и тяжкие сексуальные преступления. Закон был назван по имени одиннадцатилетнего Джейкоба Веттерлинга из городка Сент-Джозеф, штат Миннесота, который в 1989 году был похищен человеком в маске под угрозой оружия. Мальчика так и не нашли.

Второй законодательный акт, известный как «Закон Меган», требует, чтобы штаты доводили регистрационную информацию до сведения общественности, если это необходимо для общественной безопасности. Это требование часто называют «принудительным уведомлением общественности». Если Закон Веттерлинга не требует, чтобы общественности сообщали о выходе сексуальных преступников на свободу, то в соответствии с Законом Меган предусмотрено обязательное уведомление местной общины. Закон Меган был назван так по имени семилетней Меган Капка (Капка) из Гамильтон Сквер, штат Нью-Джерси; в 1994 году дважды судимый педофил, живущий в доме напротив, напал на нее, изнасиловал и убил.

Закон Личнер дополнил Закон о предотвращении тяжких преступлений и правоприменительной деятельности 1994 года требованием накапливать информацию о преступниках в общенациональной базе данных. Задача создания такой базы данных возложена на ФБР. Кроме того, этой организации было поручено вести регистрацию сексуальных преступников и обеспечивать оповещение о них общественности в тех штатах, которые не могут осуществлять «минимально достаточные» программы своими силами. В основном Закон Личнер устанавливает более строгие требования к регистрации сексуальных преступников, живущих в данном сообществе. В соответствии с этим законом преступники, признанные наиболее опасными для общества, должны становиться на учет по месту жительства, куда бы они ни переезжали. За-

кон Личнер был назван по имени хьюстонского агента по недвижимости Пам Личнер. Дважды судимый уголовник подкараулил Пам и напал на нее, когда она шла показывать клиентам свободный дом. К счастью, поблизости случайно оказался ее муж, и жизнь Пам была спасена. В июле 1996 года Пам Личнер и две ее дочери трагически погибли при взрыве самолета авиакомпании TWA вблизи побережья Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк.

В качестве части Закона о предотвращении тяжких преступлений и правоприменительной деятельности от 1994 года Конгресс принял также Закон о насилии против женщин (YAWA), в котором посредством многочисленных юридических реформ был воплощен современный подход к домашнему насилию и сексуальным нападениям. Этот закон положил начало первой значительной попытке федеральных властей обратить внимание на насилие против женщин. Кроме всего прочего YAWA расширил закон о праве жертв изнасилования не сообщать сведения конфиденциального характера, чтобы защитить их от оскорбительных расспросов относительно их частной сексуальной жизни. Две дополнительные федеральные законодательные инициативы расширили область применения Закона о предотвращении тяжких преступлений и правоприменительной деятельности 1994 года. Одна из инициатив не позволяет американским гражданам или постоянно проживающим в США лицам путешествовать из штата в штат или в другие страны с намерением совершать сексуальные действия с несовершеннолетними, запрещенные федеральным законодательством Соединенных Штатов. Этот закон часто упоминается как закон о преступлениях, связанных с «детским сексуальным туризмом». Вторая инициатива, вступившая в силу в 1996 году, известна как Закон о предотвращении детской порнографии. В соответствии с этим законом незаконно покупать или скачивать из Интернета любые компьютерные изображения детей, совершающих откровенно сексуальные действия.

Изнасилование

Определение

Определения изнасилования значительно различаются в зависимости от штата; во многих штатах в уголовных статутах вместо термина «изнасилование» применяется термин «сексуальное нападение». Согласно Министерству юстиции США,

изнасилование — это «незаконное сексуальное сношение с женщиной, осуществляемое с применением силы или без добровольного юридического или фактического согласия» (U.S. Department of Justice, 1988, p. 2). В UCR изнасилование определяется несколько иначе: изнасилование с применением физической силы отделено от статутного изнасилования (незаконной половой связи с лицом, не достигшим совершеннолетия) или изнасилования с помощью обмана. Изнасилование с применением физической силы — это «вступление в половую связь с женщиной насильственно и против ее желания» (Данные ФБР, 2000, p. 24). К этой категории относятся нападения и попытки совершить изнасилование с применением физической силы или с угрозой применения силы. Статутное изнасилование без применения физической силы в эту категорию не входит. Статутное изнасилование — это вступление в половую связь с девочкой (женщиной, не достигшей установленного законом возраста), совершаемое с ее согласия или без него. Ограниченность прежних определений заключалась в том, что они распространялись только на женщин.

Основанием для установления факта статутного изнасилования является возраст жертвы — установленный законом крайний срок, ниже которого девочка считается не достигшей зрелости, чтобы добровольно вступать в половую связь или понимать ее последствия. Возрастные пределы изменяются в зависимости от штата, но в большинстве установлены пределы в шестнадцать или восемнадцать лет. Таким образом, если взрослый мужчина вступает в сексуальные отношения с несовершеннолетней женщиной, он может быть осужден за статутное изнасилование.

Изнасилование путем обмана — это сексуальные отношения с взрослой женщиной, совершаемые с ее согласия, полученного обманным путем. Чаще всего примером такого преступления служит изнасилование, совершаемое психотерапевтом, который вступает в сексуальное общение с пациенткой под видом лечения.

Среди всего населения многие (включая самих жертв) не определяют сексуальные нападения как изнасилования, если насильником не является незнакомый человек. Таким образом, если женщина становится жертвой сексуального нападения со стороны мужа или любовника, она может не сообщить об этом инциденте. Чиновники системы правосудия, как и широкая общественность в целом, часто считают изнасилования, совершаемые брачным партнером или любовником жертвы, несущественными, поскольку по сравнению

с изнасилованиями, совершаемыми незнакомыми людьми, такие случаи очень редки или являются для жертвы не столь травмирующими в психологическом отношении. Обвинители в судах, например, признают, что неохотно берутся вести дела, связанные с изнасилованиями на свиданиях, опасаясь, что присяжные не поверят, что муж или любовник могут подвергнуть женщину насилию (Kilpatrick, Saunders and Verorien, 1988). Однако как показал опрос населения, проведенный Килпатриком и его коллегами (Kilpatrick et al., 1988), испытуемые, которые были жертвами изнасилований, идентифицировали в качестве насильников своих мужей в 24% случаев и любовников в 17% случаев. Эти данные свидетельствуют о том, что более 40% всех изнасилований были совершены мужьями или близкими знакомыми. Эта весьма внушительная статистика часто не учитывалась в официальных отчетах по количеству изнасилований.

Изнасилования, совершаемые во время свиданий

Изнасилования, совершаемые знакомыми жертве людьми во время свидания, являются гораздо более распространенным явлением, чем обычно считается, возможно они составляют до 60% всех изнасилований. Результаты некоторых исследований, проводившихся в последнее время, свидетельствуют о том, что до трети взрослых в возрасте от шестнадцати до двадцати четырех лет признаются в том, что они участвовали, по крайней мере, в одном инциденте насильственных сексуальных действий в ситуации совместного времяпрепровождения (Lingren, 2001). Изнасилования, совершаемые партнерами во время свиданий, — это термин, который конкретно обозначает сексуальное нападение, совершаемое в контексте отношений между знакомыми. По данным опроса, который провели Фринтнер и Рубинсон (Frintner and Rubinson, 1993), из 925 студенток колледжей более 25% респонденток пережили сексуальное нападение или попытку сексуального нападения. Почти 83% студенток колледжей, подвергшихся сексуальному нападению, сообщили, что насильником был знакомый и что большинство этих инцидентов случилось в течение первого года обучения.

Изнасилования во время свидания имеют много факторов риска, потому что мужчине часто кажется, что он «имеет право на вознаграждение», так как это он, вероятно, инициировал свидание, оплатил все или большую часть расходов и использовал свое транспортное средство. В таких ситуациях женщина часто склонна винить в случившемся себя, а окру-

жающие, как отмечено ранее, обвиняют ее в том, что она сама спровоцировала партнера. Кроме того, сексуальное нападение со стороны партнера по свиданию или знакомого может травмировать больше, чем нападение незнакомого насильника, поскольку неявно связано с доверием.

Другой травмирующий аспект изнасилований, совершаемых партнерами по свиданию, связан с явлением, на которое указывает Кармен (Karmen, 1996). Кармен различает в общественном сознании понятия «настоящего изнасилования» и изнасилования, совершенного в ситуации свидания. «Настоящими изнасилованиями» считаются такие, при которых женщина является ничего не подозревающей жертвой стремительного нападения совершенно незнакомого насильника. Еще более убедительным является изнасилование, если нападавший вооружен и нападает из темноты, чтобы ошеломить жертву. Изнасилование считается даже более «настоящим», если жертве наносятся некоторые телесные повреждения. С другой стороны, изнасилования во время свиданий часто не считаются настоящими изнасилованиями, поскольку они происходят на запланированном свидании с кем-то, кого женщина хорошо знает и с кем она сама согласилась встретиться.

Классификация и изучение криминальных изнасилований затруднены тем фактом, что определения изнасилований сильно варьируются в зависимости от юрисдикции и часто не совпадают с определениями Министерства юстиции или UCR. В середине 1970-х годов Национальный институт правопорядка и уголовной юстиции проводил обширные опросы учреждений правоприменительной деятельности, которые иллюстрируют данные различия (Chappell, 1977a, 1977b). В большинстве учреждений полагают, что необходимым критерием для того, чтобы предполагаемое преступление квалифицировалось как изнасилование, является вагинальное проникновение. Более чем в половине опрошенных учреждений считают, что кроме доказательства проникновения требуется еще и доказательство применения физической силы, а еще в учреждении требуется доказательство проникновения, применения физической силы или оружия, а также сопротивления жертвы. Как и следовало предполагать, среднее количество изнасилований, о которых сообщали учреждения этой последней группы, оказалось значительно ниже, чем среднее количество изнасилований по данным других правоприменительных учреждений, придерживающихся менее строгих критериев.

Обычно прежде чем принять инцидент к рассмотрению в качестве вероятного изнасилования, обвинители требуют бо-

лее строгих доказательств, чем правоприменительные органы. Большая часть из 150 обвинителей, опрошенных в исследовании, о котором сообщает Чаппелл, руководствуются при регистрации жалоб в изнасиловании с применением силы четырьмя пороговыми критериями: 1)доказательство факта вагинального проникновения, 2) несогласие жертвы, 3) угроза применения силы и 4) жертва должна быть женского пола. Однако стоит обратить внимание на то, что 92% опрошенных обвинителей не имели формальных критериев для регистрации обвинения в изнасиловании с применением силы. Поэтому ответы, которые они давали в опросе, скорее отражали их собственные суждения о минимальных пороговых требованиях для инициирования действий против предполагаемого преступника.

Хотя некоторые агентства в классификации изнасилований придерживаются рекомендаций UCR, многие признают и другие системы классификации. Приблизительно треть из них имеют более строгие критерии, пятая часть — менее строгие. В некоторых юрисдикциях выделяют покушения на изнасилования и изнасилования с применением силы. Во многих юрисдикциях, особенно в крупных, выделяют различные степени изнасилования с применением силы (например, первой и второй степени). Кроме того, вместо термина «изнасилование» может использоваться термин «сексуальное нападение». В делах, связанных с множественными преступлениями (например, изнасилование в сочетании с кражей, грабежом или убийством), преступление, которое считается «более тяжким», имеет приоритет и с большей вероятностью попадет в отчетную таблицу статистических данных о преступности, тогда как о «менее тяжком» преступлении, совершенном тогда же, сообщено не будет. Например, поскольку убийство считается более серьезным преступлением, чем изнасилование с применением физической силы, то сведения об этом двойном преступлении традиционно попадают в рубрику убийств, а не в рубрику изнасилований. Вследствие этих широких вариаций мы должны относиться к статистическим сравнениям и информации, имеющей отношение к «среднему» количеству изнасилований, очень осторожно.

Частотность и распространенность

По всем показателям в Соединенных Штатах совершается самое большое количество изнасилований в мире. Однако 89 107 изнасилований с применением силы, которые по некоторым оценкам зарегистрированы правоприменительны-

ми органами в 1999 году по всей стране, — это результат последовательного снижения количества этих преступлений в Соединенных Штатах в течение семи лет подряд (данные ФБР, 2000). Это количество составляет 6% всех тяжких преступлений. Как упоминалось в предыдущем разделе, по определению UCR жертвами изнасилования могут считаться только женщины. Имеющиеся данные свидетельствуют, что приблизительно 10% всех изнасилований в этой стране не соответствуют определению UCR (Chaiken, 1998a), а именно, по некоторым оценкам, приблизительно в 9% зарегистрированных изнасилований жертвами были мужчины. А еще в 1% случаев и преступник, и жертва женщины. В 1999 году приблизительно 64 из каждых 100 000 женщин стали жертвами зарегистрированных изнасилований с применением силы (данные ФБР, 2000). Изнасилования с применением силы составляли 89% от общего количества изнасилований, зарегистрированных в 1999 году, а остальные 11% составили покушения или нападения с целью совершения изнасилований с применением силы.

Конечно, нужно признать, что реальное количество изнасилований сильно недооценивают — частично из-за некоторых трудностей, перечисленных в предыдущем разделе, а частично из-за тех тяжких испытаний, через которые женщины должны пройти только для того, чтобы сообщить о происшедшем. Виктимологические исследования представляют картину, противоположную официальной статистике. Опрос жертв преступлений по всей стране показал, что около половины изнасилований и сексуальных нападений, совершаемых в Соединенных Штатах, остаются незарегистрированными (Ringle, 1997). Расселл (Russell, 1983) отобрала в случайном порядке и опросила 930 женщин, живущих в районе Сан-Франциско. Она выяснила, что 175 из них (19%) сообщили как минимум об одном случае завершенного внебрачного изнасилования, а 284 женщины (13%) сообщили как минимум об одной попытке внебрачного изнасилования. 50% из тех, кто сообщил об этих инцидентах, сказали, что они были изнасилованы или становились жертвами нападения более одного раза, и только 8% сказали, что они сообщали обо всех случаях изнасилований в правоохранительные органы. Исследование Хинделанга и его коллег (Hindelang, Dunn, Sutton and Aumick, 1976), предназначенное для сбора виктимологической информации среди отобранных в случайном порядке семей, показало, что только приблизительно об одном из четырех изнасилований с применением силы или покушений на изнасилование было

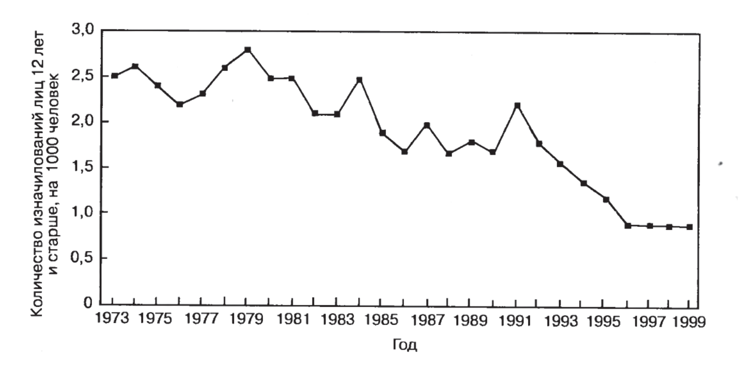
сообщено в правоохранительные органы. Изучение изнасилований женщин, путешествующих автостопом, показало, что более чем половина из них не сообщают полиции (Nelson and Amir, 1975). Основываясь на данных опроса выборки студентов из тридцати двух колледжей и университетов в США, расположенных по всей стране, Косс и ее коллеги (Koss, Gidycz and Wisniewski, 1987) подсчитали, что приблизительно 28% женщин в колледжах были жертвами изнасилований или попыток изнасилования (по определению UCR). Еще удивительнее то, что в действительности ни об одном из инцидентов не сообщили в полицию и, таким образом, ни один случай не был зарегистрирован в официальной статистике преступлений. Основываясь на своих данных, Косс приходит к выводу, что количество жертв изнасилований (виктимологические данные) составляет 3800 женщин на каждые 100 000 — количество, которое значительно отличается от официальных показателей (65–75 на 100 000).

Дополнительные виктимологические данные показывают, что существует приблизительно один шанс из пяти, что женщина будет изнасилована хотя бы раз в жизни (Furby, Weinrott and Blacshaw, 1989). Если учитывать и покушения на изнасилование, то это соотношение может стать три к одному (Russell and Howell, 1983). Как упоминалось ранее, жертвами сексуального преследования во время свиданий становится поразительное количество женщин. Приблизительно 22% опрошенных студенток колледжей сообщили, что в тот или иной момент своей жизни их принуждали во время свидания участвовать в сексуальных действиях (ласки, оральный секс или традиционные сношения) (Yegidis, 1986; Dull and Giacopassi, 1987). Рапапорт и Буркхарт (Rapaport and Burkhart, 1984) установили, что 15% из выборки студентов-мужчин признали, что они добивались сексуальных контактов против желания своих подруг. Косс, Гидич и Висневски (Koss Gidycz and Wisniewski, 1987) сообщают, что приблизительно 8% из их выборки, составленной из почти трех тысяч студентов колледжей (мужчин), признали, что совершали изнасилования или покушения на изнасилования своих подруг.

В течение ряда лет данные, сообщаемые жертвами, свидетельствовали о росте числа изнасилований. Чаппелл (Chappell, 1977a) утверждает, что количество сообщений об изнасилованиях за десятилетний период более чем удвоилось, а по данным других исследователей отмечается, что до 1991 года это количество устойчиво росло. Однако между 1992 и 1999 годами сообщения об изнасилованиях с применением силы в Со-

единенных Штатах существенно пошли на убыль. Например, с 1995 по 1999 год количество изнасилований уменьшилось на 11%, то есть с 72 до 64 изнасилований на каждые сто тысяч женщин (Данные ФБР, 2000). Еще слишком рано пытаться точно установить, почему показатели изнасилований в последние годы устойчиво снижались; вероятно, это обусловлено сочетанием факторов, а не какой-либо одной причиной.

Рост количества сообщений об изнасилованиях, наблюдавшийся до 1994 года, вероятно, отражает более высокий уровень осведомленности общества в отношении данного вида преступлений, влияние женского движения, совершенствование работников правоохранительных органов и постепенного пересмотра законодательных актов и процедур, сделавшего сбор юридических доказательств менее болезненным для жертвы.



Количество изнасилований лиц 12 лет и старше на 1000 человек, 1973-1999 годы

Примечание: Данные включают покушения на изнасилования и состоявшиеся изнасилования. Учитывались жертвы как мужского, так и женского пола, и как гетеросексуальные, так и гомосексуальные изнасилования. Источник. Bureau of Justice Statistics, 2000

По данным опроса 150 прокуратур в США (Chappell, 1977b), 61% респондентов полагают, что рост числа случаев изнасилований, о которых сообщают в правоохранительные органы, отражает изменение в отношении общества к этому преступлению. Еще треть прокуроров считает, что подобное увеличение является результатом возрастания чувствительности системы уголовного правосудия. Однако интересно обра-

тить внимание на то, что подавляющее большинство прокуроров считает рост показателей изнасилований в некоторой степени отражением «общего роста насилия» в Америке.

Психологическое воздействие на жертву изнасилования — как во время совершения преступления, так и в последующий период — чревато бесчисленными тяжелыми последствиями. Нередко женщина становится жертвой дважды: сначала она страдает от насильника, затем — во время уголовного процесса. Сообщая о случившемся, она, как предполагается, должна вспомнить и описать в подробностях сотрудникам правоохранительных органов, среди которых преобладают мужчины, стресс и унижения, которым она подверглась. Она также должна подвергнуться медицинской экспертизе, чтобы установить физическое доказательство вагинального проникновения и использования физической силы.

Если жертва способна противостоять этим стрессовым условиям, которые иногда усиливаются отрицательными реакциями родителей, мужа, друзей и даже угрозами со стороны насильника, она должна готовиться к судебному заседанию, во время которого возможно вторжение в ее частную жизнь, а ее репутация может подвергнуться нападкам. Судебные процессы по фактам изнасилования обычно широко освещаются печатью, хотя большинство служб новостей не раскрывает имя жертвы и не публикует ее фотографии. Ее репутация, однако, чрезвычайно уязвима. 92% прокуроров, опрошенных Чаппеллом (Chappell), утверждали, что репутация жертвы является одним из самых важных элементов в аргументации коллегии присяжных при вынесении обвинительных приговоров за изнасилования с применением силы. Поэтому защита часто привлекает внимание суда к предшествующей сексуальной жизни жертвы, чтобы дискредитировать ее, поставить под сомнение ее репутацию и изобразить ее как женщину сомнительного поведения. Подобная стратегия дискредитации жертвы в последние годы стала подвергаться критике, и многие штаты пересмотрели свои правила представления доказательств с тем, чтобы ограничить использование истории сексуальной жизни жертвы. Примерно в сорока штатах были приняты законы, освобождающие жертв изнасилования от обязанности раскрывать сведения личного характера; эти законы в некоторой степени ограничили разглашение сексуальной истории жертвы в зале суда (Borgida, 1980). Кроме того, союзники жертвы, функция которых состоит в том, чтобы выдерживать и защищать жертву и оказывать ей непосредственные услуги, получили инструмент, который должен облегчить их задачу.

Хотя органы правосудия стали более внимательно относиться к болезненному испытанию, которое должна пройти жертва, цена все еще остается высокой. Если женщина сообщает о сексуальном нападении в полицию, это означает, что ей придется потратить много часов на расследование и последующие судебные процедуры (Burt and Katz, 1985). Она должна нести расходы из-за пропущенных рабочих дней, на уход за ребенком, медицинское обслуживание в связи с физической и психологической травмой и на транспорт. Ей может понадобиться изменить образ жизни, переехать в другое место или установить дорогие системы безопасности и замки. Бессонница, беспокойство и депрессия также должны приниматься во внимание. Вскоре мы обсудим эти проблемы более подробно.

Особенности ситуации и характеристики жертвы

Изнасилование это прежде всего преступление против молодежи. В Национальном исследовании положения женщин (Tjaden and Thoennes, 1998) приводятся следующие статистические данные относительно возраста жертв:

• 29% всех изнасилований с применением силы произошли тогда, когда жертве было менее одиннадцати лет;

• 32% произошли тогда, когда жертве было от одиннадцати до семнадцати лет;

• 22% произошли между восемнадцатью и двадцатью четырьмя годами;

• 7% произошли между двадцатью пятью и двадцатью девятью годами;

• 6% произошли тогда, когда жертве было более двадцати девяти лет.

Использование алкоголя и других стимулирующих веществ для насильников обычно. Употребление наркотиков, как правило, имело место и в биографии насильника, и во время совершения преступления. Примерно от 42 до 90% осужденных насильников признают, что во время сексуального нападения они были под влиянием стимулирующих веществ, и от 58 до 90% употребляли наркотические вещества длительно (Marques and Nelson, 1989; Pithers, Beal, Armstrong and Petty, 1989).

Килпатрик, Уэлли и Эдмундс (Kilpatrick, Whalley and Edmunds, 2000, p. 12) приводят убедительное доказательство того, что большая часть насильников — интимные партнеры,

а отнюдь не незнакомые люди. Они приводят следующую информацию о взрослых женщинах, ставших жертвами изнасилований, полученную в ходе Национального исследования положения женщин. Оказалось, что среди насильников:

- 24,4% — незнакомцы;
- 21,9% — мужья или бывшие мужья;
- 19,5% — бойфренды (возлюбленные) или экс-бойфренды;
- 9,8% — родственники;
- 14,6% — прочие не родственники, например друзья или соседи.

Опасения женщин, что изнасилование наносит им физический вред, не лишены оснований. Несмотря на то что оружие, особенно огнестрельное оружие и ножи, используется только приблизительно в 25% нападений, о которых стало известно правоохранительным органам (U.S. Department of Justice, 1988), около 25% всех жертв изнасилования получают настолько серьезные физические травмы, что им требуется медицинская помощь или госпитализация. Однако тяжкие телесные повреждения относительно редки: серьезные телесные повреждения, требующие длительного лечения, получают приблизительно 5% жертв (Williams and Holmes, 1981). Еще 39% получают незначительные повреждения и 23% получают разнообразные порезы и ушибы (Williams and Holmes, 1981). Дальнейшие исследования показали, что женщины получают больше физических и психологических травм от сексуальных нападений, совершаемых мужьями, чем незнакомыми людьми (Kilpatrick et al., 1988). Кроме того, психологическая травма, очевидно, оказывает более продолжительное и разрушительное воздействие, которое может приводить к серьезной депрессии, страхам и проблемам в сексуальной сфере.

Опросы жертв также указывают на то, что наиболее распространенными методами принуждения при изнасилованиях, совершаемых во время свиданий, являются уговоры, алкоголь или наркотики. Хотя оружие используется редко, но обычно сообщается об использовании физического превосходства (в ситуациях, подобных борцовской схватке) (Kanin, 1984). Кроме того, данные исследований показывают, что изнасилования во время свиданий чаще всего случаются в квартире или комнате мужчины, несколько реже в квартире или комнате женщины. Очень немногие происходят в автомобиле или на улице.

Насильники часто хотят получить больше, чем просто вагинальное сношение. Приблизительно в 25% изнасилований, исследованных Чаппеллом (Chappell), насильники требовали

также орального секса; примерно в 10% случаев они требовали и оральных, и анальных сексуальных действий; еще в 6% — только анальных сексуальных сношений и в 4% — других сексуальных действий. Амир (Amir, 1971) также приводит подобную картину.

Характеристики преступников

Люди какого типа более склонны к совершению изнасилований? Как становятся насильниками? Почему они это делают? Легко ли идентифицировать «личность насильника»? Не являются ли насильники душевнобольными? В этом разделе мы должны иметь в виду, что многие исследования, которые стремились дать ответ на эти вопросы, основаны на информации, полученной от осужденных насильников, находящихся в тюрьмах, клиниках судебно-медицинской экспертизы или в закрытых психиатрических учреждениях, что является весьма смещенной выборкой, поскольку в Соединенных Штатах менее 3% случаев изнасилования, известных правоохранительным органам, приводят к вынесению обвинительного приговора (Battelle Law and Justice Study Committee, 1977).

Наиболее устойчивая демографическая тенденция состоит в том, что насильники — чаще всего молодые люди. Согласно данным UCR, почти половина арестованных насильников — это люди моложе двадцати пяти лет (12–18-летнего возраста) и 80% — около тридцати лет (данные ФБР, 2000). Хенн и его коллеги (Henn, Herjanic and Vanderpearl, 1976a) сообщают, что 75% тех, кто был обвинен в изнасиловании и направлен на психиатрическую экспертизу в Сент-Луис между 1952 и 1973 годами, были моложе тридцати лет. В исследовании Фонда Суда Королевской Скамьи (Queen Bench Foundation, 1978) обнаружено, что 70% выборки из семидесяти трех осужденных насильников оказались моложе двадцати пяти лет. По оценке Национального опроса жертв преступлений почти четверть изнасилований или покушений на изнасилования в любой отдельно взятый год совершаются преступниками в возрасте между двенадцатью и двадцатью годами. Дэвис и Лейтенберг (Davis and Leitenberg, 1987) обнаружили, что когда учитываются и статистика арестов, и опросы жертв преступлений, то приблизительно 20% от всех изнасиловании и примерно 30% всех случаев растления малолетних могут быть приписаны преступникам-подросткам. Практически половина всех взрослых преступников на сексуальной почве сообщают, что их первое сексуальное преступление было совершено в юности (Abel, Mittelman and Becker, 1985).

Другая устойчивая тенденция состоит в том, что многие мужчины, обвиненные в совершении изнасилования и осужденные за это преступление, находились в постоянном конфликте с обществом еще задолго до того, как совершили изнасилование. Около трети арестоваанных за изнасилование с применением силы совершали изнасилования и раньше, а приблизительно третья часть из этой выборки имеет опыт арестов за другие насильственные преступления (Chappell, 1977a). В выборке из 114 осужденных насильников, опрошенных Скалли и Маролла (Scully and Marolla, 1984), 12% имели судимости за изнасилование или покушение на изнасилование, 39% имели предыдущие судимости за кражи со взломом и грабежи, 29% — за похищения людей, 25% — за гомосексуализм и 11% — за убийства первой или второй степени. В целом 82% имели предшествующий опыт совершения преступлений, но только 23% были осуждены за сексуальные преступления. Гебхард и его коллеги (Gebhard, Gagnon, Pomeroy and Christenson, 1965) сообщили, что 87% из их выборки сексуальных преступников (главным образом насильников) до двадцатишестилетнего возраста уже имели судимость за некоторые другие преступления, помимо сексуального.

По профессиональному составу лица, арестованные за изнасилования, чаще всего принадлежат к так называемому синеворотничковому рабочему классу (около 50%) и к безработным (приблизительно 30%). По данным Скалли и Маролла (Scully and Marolla, 1984), только 20% всех осужденных насильников имели среднее образование или выше, а 85% являются выходцами из рабочих семей. Среди арестованных за изнасилования оказалось очень немного высококлассных специалистов или представителей беловоротничковых профессий. Исследование, проводившееся в Англии (Wright, 1980), показало, что 75% лиц, арестованных за изнасилования, принадлежали к рабочему классу с низкой квалификацией и только 2% относились к специалистам умственного труда или к управляющему персоналу. Интересно, что если в Соединенных Штатах в изнасилованиях обвиняют людей умственного труда, то после того как обвинения в изнасиловании поступают в прокуратуру, их количество стремительно уменьшается, тогда как численность других профессиональных групп остается неизменной. По сути, эти данные говорят о том, что более состоятельные или привилегированные преступники отсеиваются на ранних стадиях судебного процесса значительно чаше, чем менее привилегированные и менее влиятельные преступники.

По словам обвинителей, приблизительно часть обвиненных в изнасиловании признает, что преступление было запланировано и заранее обдумано (Chappell, 1977b). Разумеется, получение таких статистических данных затруднено тем, что большинство подозреваемых не хотят признавать преднамеренность преступления, поскольку это неминуемо приведет к ужесточению выдвигаемых против них обвинений. Поэтому весьма вероятно, что количество предумышленных изнасилований существенно выше, чем сообщают обвинители. На основе анализа сообщений об изнасилованиях, совершенных в Филадельфии, Амир (Amir, 1971) утверждает, что 71% из них были запланированы. В исследовании Фонда Суда Королевской Скамьи (Queen Bench Foundation, 1978) свыше 1/5 проинтервьюированных осужденных насильников признали, что они имели ясное намерение совершить изнасилование.

Традиционно многие клиницисты смотрят на насильника как на жертву «неконтролируемых побуждений» (Edwards, 1983) или вместилище «личности с психическим расстройством» (Scully and Marolla, 1984). В популярной литературе по сексуальным преступлениям в течение долгого времени доминировала точка зрения психиатрической криминологии; она продолжает оказывать существенное воздействие на образ мышления западной цивилизации. Как отмечают Скалли и Маролла (Scully and Marolla, 1985), психиатрическая литература, как и широкая общественность в целом, традиционно выделяла четыре фундаментальные причины поведения насильника. Вот эти причины: 1) неконтролируемые импульсы или побуждения, 2) психическое заболевание или дефект, 3) мгновенная потеря контроля, вызванная необычными обстоятельствами, и 4) подстрекательство со стороны жертвы. Скалли и Маролла утверждают, что все эти причины поведения насильника относятся к факторам внешней среды, часто к жертве. Другими словами, традиционная психиатрическая литература настойчиво приписывает причинные факторы сексуальных отклонений обстоятельствам, которые не поддаются прямому или немедленному контролю преступника. Однако эти предположения пока не нашли эмпирического научного подтверждения. Рассмотрев каждое из них, мы перейдем к выявленным исследователями фактам.

Указание в качестве причин неконтролируемых или непреодолимых импульсов означает ссылку на такие психологические состояния, при которых нормальные механизмы сдерживания или самоконтроля существенно ослаблены или фактически выключены подавляющим сексуальным импуль-

сом. С этой точки зрения главный аргумент состоит в том, что чрезмерная сексуальная депривация может приводить к гипертрофированию врожденного естественного сексуального влечения до такой степени, что человек теряет контроль над своим поведением и, следовательно, больше не может управлять собой. Облегчить давление этой мощной биологической силы может только немедленное сексуальное удовлетворение. Саймонс (Symons, 1979), например, пишет, что сексуальные импульсы мужчины — часть человеческой природы и что мужчины инстинктивно ищут «ни к чему не обязывающих безличных копуляций».

Ссылка на психическую болезнь или дефект подразумевает, что изнасилования и большинство сексуальных отклонений являются симптоматикой некоторого глубинного заболевания или умственного отклонения. Все сексуальные преступники в первую очередь «больны» и нуждаются в помощи. Приверженцам этой точки зрения свойственно убеждение, что все сексуально девиантные поступки похожи по своей причинной обусловленности и представляют собой один вид психопатологии, обычно некоторую форму расстройства характера (Lanyon, 1986). Лэнион (Lanyon, 1986, p. 176) полагает, что это убеждение «часто является точкой зрения, к которой тяготеют и система правосудия, и учреждения социального обслуживания, и широкая публика». И как отмечают Скалли и Маролла (Scully and Marolla, 1985), «убеждение в том, что насильники больны или должны быть больными, удивительно стойкое» (p. 298). К подобной точке зрения примыкает мнение, что многие насильники на самом деле скрытые гомосексуалисты, которые сексуально атакуют женщину, чтобы доказать свою мужественность себе самому и окружающим.

Интересным развитием взглядов на причины сексуального насилия как на болезнь является точка зрения, в соответствии с которой сексуальное преступление представляет собой пагубную склонность (см., например: Carnes, 1983). Этот подход является убедительным и привлекательным, потому что преступления на сексуальной почве имеют некоторое очевидное и поразительное сходство с другими формами аддикции (пагубной склонности) — с алкоголизмом, булимией, склонностью к азартным играм и магазинным кражам и наркоманией. Интересно, что данный подход широко применяет те же стратегии, что и «Анонимные Алкоголики», в частности, методику «Двенадцати шагов к восстановлению». Следствием этого является появление различных групп самопомощи наподобие «Анонимных Приверженцев Секса и Любви». «Ано-

нимных Сексоголиков», «Анонимных сексоманов» и «Анонимных Сексуальных Извращенцев». В главной книге «Анонимных Приверженцев Секса и Любви» (Augustine Fellowship, 1986), например, утверждается, что потребность в близких отношениях с человеком другого пола «может быть низведена до привычки и превратиться в навязчивый поиск секса и любовной связи или выродиться во всепоглощающее стремление к отношениям, характеризуемым личной потребностью в обладании партнером и его сверхзависимости. Между тем подобные паттерны способны навсегда исключить возможность действительного удовлетворения основной потребности в подлинном понимании себя и партнера». Эти группы и подходы не следует путать с программой «Профилактика возврата девиантного поведения» (RP) — программой выработки навыков самоконтроля, которая представляется весьма перспективной для сокращения сексуального насилия. Мы будем обсуждать эту форму профилактической работы ближе к концу главы.

Третьим распространенным заблуждением является связывание преступности на сексуальной почве с употреблением наркотиков. В соответствии с такой точкой зрения человек в некоторых обстоятельствах, например под действием наркотиков или алкоголя, может на мгновение потерять контроль над своими побуждениями. Считают, что алкоголь снимает социальные и моральные ограничения, оставляя человека один на один с сексуальными инстинктами, и тогда эти инстинкты становятся просто неудержимыми, заставляя отдельных людей тут же нападать на подвернувшуюся жертву. По данным одного исследования, 2/3 мужчин, изнасиловавших своих подруг, объясняли подобные нападения чрезмерным пьянством (Kanin, 1984). Они утверждали, что изнасилование было вызвано опьянением и потерей самоконтроля из-за высокого уровня сексуального возбуждения. 1/2 часть респондентов была убеждена, что если бы они были в трезвом состоянии, то никакого изнасилования не произошло бы.

В соответствии с четвертой точкой зрения изнасилование провоцируется самой жертвой, поскольку она некоторым образом вводит преступника в искушение. Изнасилование, согласно этой точке зрения, является сексуальным актом, который подсознательно провоцируется женщиной. «Хороших девочек не насилуют» или, по крайней мере, они «не позволяют ситуации выйти из-под контроля». Примером изнасилований, провоцируемых жертвами, согласно этой точке зрения, вероятно, является изнасилование женщин, путеше-

ствующих автостопом. Из-за своих неосознанных желаний женщины невольно пособничают насильнику, демонстрируя ему различными способами свою доступность. В исследовании Канина (Kanin, 1984, p. 96) 2/3 мужчин говорили, «что хотя с юридической точки зрения то, что они сделали, вероятно, было изнасилованием, в происшедшем виновата сама женщина, демонстрировавшая такое сексуальное поведение. По словам этих мужчин, нескромное сексуальное поведение жертв фактически оправдывает их действия. Таким образом, мы сталкиваемся с некоторым оправданием изнасилования, аналогичным оправданию убийства». Целый ряд массовых опросов, охватывающих значительную часть населения Соединенных Штатов, убедительно свидетельствует о том, что многие люди продолжают считать жертву ответственной за изнасилование, по крайней мере отчасти, и что только некоторые особы женского пола могут стать жертвами изнасилования (Lottes, 1988).

Как уже отмечалось, эмпирические факты не подтверждают достоверность этих четырех фундаментальных предположений, однако они поддерживают их существование. Другими словами, люди продолжают полагать, что изнасилования совершаются под воздействием наркотиков, провоцируются жертвами или являются результатом душевного заболевания насильника или не поддающихся контролю побуждений и склонностей. Эти ложные представления поддерживаются не только преступниками, но и другими людьми. Скалли и Маролла (Scully and Marolla, 1984) опросили 114 осужденных насильников, чтобы получить информацию об их восприятии, побуждениях и мыслях о совершенном преступлении, и обнаружили, что большинство из них можно разделить на две большие категории. Первую группу — «признающих» — составляют те, кто по существу признает картину, обрисованную полицией и жертвой («admitters»), тогда как версии представителей второй группы — «отпирающихся» («deniers») — существенно отличались от версий полиции и жертв. Исследователи отнесли сорок семь насильников к первой категории и тридцать два ко второй. Очевидно, остальных не удалось отнести ни к одной категории.

«Отпирающиеся» оправдывали свои насильственные действия и обвиняли во всем женщину. Через все эти оправдания проходят пять сквозных тем: 1) женщины-соблазнительницы, 2) когда женщины говорят «нет», они подразумевают «да», 3) большинство женщин в конечном счете расслабляются и действительно получают удовлетворение от изнасилования, 4)

хороших девочек не насилуют и 5) изнасилование — проступок несущественный, поскольку никаких телесных повреждений женщина не получила. 31% «отпирающихся» утверждали, что жертва была агрессором, соблазнительницей, которая склонила их, ничего не подозревающих, к сексуальным контактам. Приблизительно 22% сказали, что жертва не оказала достаточного сопротивления или что она не говорила решительного «нет». Один насильник представлял дело так, будто, несмотря на некоторую борьбу, «где-то внутри себя он знал, что она воспринимала это как сбывающуюся фантазию». 69% «отпирающихся» оправдывали свое поведение, утверждая, что жертва не только желала соития, но в некоторых случаях также получала от него значительное удовольствие. Большинство «отпирающихся» (69%) были уверены, что «хороших девочек не насилуют». По их мнению, жертвы вызывающе одевались, подсаживались в автомобили к незнакомым мужчинам и вообще были известны своими «свободными нравами».

Веру в то, что плохие вещи случаются с плохими людьми, а хорошие с хорошими, психологи называют гипотезой справедливого мира (Lerner, 1980). Это очень упрощенная точка зрения, согласно которой каждый получает то, чего он заслуживает, и заслуживает то, что получает. Приверженцы гипотезы справедливого мира считают, что жертвы несчастного случая или преступления заслуживают своей участи. «Отпирающиеся» отмечали, что их жертвы не должны в одиночку ходить в бар и ездить автостопом, а также должны носить бюстгальтер. Насильники явились в этом смысле только исполнителями идеи мировой справедливости.

Большинство «отпирающихся» говорили, что их действия не являются предосудительными, так как считали, что они не нанесли жертве физического вреда. Многие считали, что хотя их поведение нельзя расценивать как полностью правильное, его нельзя считать серьезным правонарушением, несмотря на то, что они угрожали жертвам смертоносным оружием.

«Признающие», в отличие от «отпирающихся», расценивали свое поведение как нравственно неправильное и причиняющее жертве серьезный вред. Однако большинство из них все-таки пытались преуменьшить свою собственную вину, утверждая, что не могли справиться с собой или были ведомы силами, не подвластными их контролю. В свое оправдание «признающие» обычно приводили три аргумента; 1) употребление алкоголя и наркотиков, 2) наличие эмоциональных проблем и 3) представление себя как «хорошего парня». Более 3/4 из них утверждали, что во время нападения они были под

влиянием алкоголя или наркотиков и что именно это повлияло на их мышление и поведение. По их мнению, в результате употребления алкоголя или наркотиков они утратили способность ориентироваться в ситуации и осуществлять самоконтроль. Они утверждали, что в нормальном состоянии никогда бы не пошли на столь отвратительный поступок.

40% «признающих» сказали, что, по их мнению, основной причиной их насильственного поведения являются эмоциональные проблемы, а 33% ссылались на трудное детство или тяжелую брачно-семейную ситуацию. Кроме того, 80% в качестве оправдания говорили о непреодолимой жизненной проблеме или рассказывали о лишившем их душевного равновесия событии, которое произошло незадолго до совершения преступления. Скалли и Маролла (Scully and Marolla, 1984) неоднократно приходилось слышать, что в момент совершения преступления насильники были в ярости в связи с каким-то инцидентом с женщиной, которую, по их словам, они любили. По контрасту, подобные проблемы описывали только около 20% «отирающихся».

Большинство «признающих» описывали себя как «хороших парней», которые в нормальных обстоятельствах никогда бы не подумали о совершении такого насилия над женщиной. Другими словами, в момент совершения преступления они были не похожи на себя. Многие выражали сожаление и сочувствие своим жертвам и приносили следователям извинения. Далее в этой главе мы еще вернемся к этим оправданиям и извинениям

Классификация паттернов изнасилований

В связи с тем, что изнасилования совершают сексуальные преступники, обладающие самыми разными характеристиками, в ряде работ были предприняты довольно интересные попытки разделить насильников на ряд категорий в соответствии с их поведенческими паттернами. Исследователи из Массачусетского исправительного центра в Бриджуотере (Cohen, Seghorn and Calmas, 1969; Cohen, Garafalo, Boucher and Seghorn, 1971; Knight and Prentky, 1987; Prentky and Knight, 1986) установили, что изнасилование включает в себя как сексуальные, так и агрессивные компоненты, и попытались сформулировать поведенческую систему классификации, которая учитывает эти компоненты.

Однако прежде чем перейти к ее рассмотрению, нам важно понять, что любым системам классификации свойственны многочисленные недостатки. Одна из наиболее очевидных

трудностей состоит в том, что люди могут не вполне соответствовать описанию той или иной категории. Более того, тех, кто строго соответствует той или иной категории, возможно, не так уж и много. Как тонко заметил Гиббонс (1988), системы классификации или типологии обычно строятся «на криминологических основаниях, которые предполагают существование среди реальных людей достаточного количества таких, которые подходят под описания преступников в различных предлагаемых типологиях... однако исследователям зачастую не удается найти среди реальных людей таких, которые бы в точности соответствовали гипотетическим типам преступников» (с. 9). Тем не менее типологии или системы классификации имеют большое значение для упорядочивания огромного разнообразия поведенческих реакций, в котором иначе нельзя было бы разобраться. Они также аффективно применяются в исправительных учреждениях, когда нужно принять решение, например, о размещении обитателей по камерам или для планирования коррекционной работы, в частности, при выборе конкретных методов воспитательных воздействий, наиболее подходящих для конкретных заключенных. Нелишне подчеркнуть, что изнасилование не унифицированный поведенческий паттерн, а скорее сложная, часто плохо поддающаяся пониманию, индивидуализированная форма поведения, которая, по-видимому, вызывается разнообразными внутренними и внешними стимулами.

В Массачусетском исправительном центре (МТС) выделяют четыре главные категории насильников: 1) насильники вымещающие агрессию, 2) компенсаторные насильники, 3) сексуально агрессивные насильники и 4) импульсивные насильники. Насильники, вымещающие агрессию (в других системах классификации называются еще насильниками, вымещающими гнев, или насильниками-мстителями), являются в своих нападениях прежде всего насильниками и агрессорами, демонстрируя минимум пли полное отсутствие сексуальных чувств. Эти люди совершают акты насилия, чтобы причинить женщине вред, оскорбить ее и унизить. Они с жестокостью набрасываются на жертву, избивают ее, наносят ножевые ранения и подвергают другим садистским действиям. В большинстве случаев жертвой становится совершенно незнакомая женщина, которая случайно оказывается наиболее доступным объектом или стимулом для насилия, хотя она может действительно обладать характеристиками, которые привлекают внимание насильника. Нападение сексуально не возбуждает вымещающего агрессию насильника, и он часто требу-

ет от жертвы оральных манипуляций или мастурбации, чтобы возбудиться. Известные данные свидетельствуют о том, что сопротивление этому типу насильника делает его еще более агрессивным.

Как отмечают Найт и Прентки (Knight and Prentky, 1987), в данную категорию попадают преступники, которые в момент нападения демонстрируют следующие характеристики:

1. Высокая степень агрессии несексуального характера, проявляющаяся как в словах, так и в действиях, которая значительно превосходит по силе тот уровень, который необходим для того, чтобы добиться покорности жертвы.

2. Явные (выраженные словами или действиями) признаки намерения унизить или оскорбить жертву.

3. Полное отсутствие каких-либо признаков придания агрессивному поведению эротического характера или признаков, указывающих на получение насильником сексуального удовлетворения.

4. Повреждения наносятся на те части тела, которые имеют сексуальное значение.

Хотя многие насильники этого типа состоят в браке, в частной жизни они проявляют двойственное отношение к женщинам (Cohen et al., 1971). Их отношения с женщинами нередко характеризуются постоянным раздражением и периодическими вспышками насилия. Они считают женщин враждебными, капризными и вероломными существами. Кроме того, они часто выбирают в качестве объектов сексуальных нападений женщин, которых считают активными, уверенными и независимыми. Трудовая жизнь этих преступников довольно стабильна и часто свидетельствует о некотором уровне успеха. Обычно они выбирают типично «мужскую» работу, скажем, водителя грузовика, плотника, строителя или слесаря. Нападение, как правило, следует после инцидента, который выводит насильника из себя или распаляет его, особенно если этот инцидент касается женщин и их поведения. Термин «вымещенная агрессия» обусловлен тем фактом, что жертва редко имеет прямое отношение к возникновению агрессии и возбуждения. Такой преступник часто приписывает свое поведение влиянию «не поддающихся контролю импульсов».

По сравнению с другими насильниками, детство насильников, вымещающих агрессию, часто проходит хаотически и нестабильно. Многие росли в изоляции или были эмоционально отверженными. Большое количество из них были усыновлены или воспитывались в приемных семьях. Приблизительно 80% выросли в неполных семьях.

Компенсаторные насильники насилуют в ответ на сильное сексуальное возбуждение, вызываемое внешними раздражителями, часто весьма конкретными стимулами. Этот тип насильников иногда упоминается в клинической и исследовательской литературе как «доказывающие свою силу», «сексуально озабоченные, «эго-дестопичные» или «истинные» сексуальные преступники. Агрессия не является существенной особенностью для этого типа преступников; основным мотивом является желание доказать свое сексуальное мастерство и адекватность. В повседневной жизни компенсаторные насильники чаще всего бывают чрезвычайно пассивными, замкнутыми и социально неумелыми. Такой человек живет в мире фантазий, концентрирующихся вокруг воображаемых жертв, которые с радостью вступят с ним в контакт и оценят его достоинства настолько высоко, что будут умолять, чтобы он обещал вернуться. Фантазии компенсаторного насильника или его субъективные версии мира могут настолько исказить его восприятие жертвы, что он станет искать контактов с нею и в дальнейшем, даже если она решительно сопротивлялась сексуальному нападению.

Хотя компенсаторный насильник обычно лично не знаком со своей жертвой, он, вероятно, часто видел ее, наблюдал за ней или преследовал ее. Его, вероятно, будут возбуждать определенные стимулы, связанные с ней. Например, такого человека может привлекать однокурсница по университету, но при этом он понимает, что эта симпатия не станет взаимной, если он попытается сблизиться с ней социально приемлемым образом. Он не может смириться с перспективой быть отвергнутым. Однако если он сможет доказать свою сексуальную силу, жертва оценит его по достоинству. Если жертва будет энергично сопротивляться компенсаторному насильнику, он, вероятно, отступится: если она пассивно подчинится, он изнасилует ее без значительного применения физической силы или жестокости. В состоянии сексуального возбуждения пассивный насильник может достигать спонтанной эякуляции, даже просто прикасаясь к жертве. Как правило, он не демонстрирует других видов антиобщественного поведения.

Окружающие часто описывают компенсаторного насильника как тихого, застенчивого, покорного, одинокого хорошего человека. Хотя он является добросовестным работником, его замкнутость, сосредоточенность на себе, недостаток уверенности в себе и низкий уровень честолюбия обычно не позволяют добиться академических, профессиональных или социальных успехов. Изнасилования (или попытки изнаси-

лования) являются для такого человека попыткой получить компенсацию за ощущение своей несостоятельности, поэтому он и относится к данной категории. Однако Найт и Прентки (Knight and Prentky, 1987) в более позднем исследовании ставят гипотезу о несостоятельности под сомнение. Они обнаружили, что по сравнению с другими типами насильников компенсаторные насильники лучше гетеросексуально адаптированы и достигают самых высоких уровней в освоении трудовых навыков. Если эти данные будут подтверждаться в дальнейших исследованиях, то сам термин «компенсаторный насильник», по сути, потребует пересмотра.

Сексуально-агрессивный насильник или насильник-садист — это такой насильник, у которого сексуальные и агрессивные черты, по-видимому, сосуществуют в одинаковых или примерно одинаковых пропорциях. Чтобы испытать сексуальное возбуждение, он должен связать его с насилием и болью, которые возбуждают его. Следовательно, он совершает изнасилование, поскольку этот акт представляет собой комбинацию и агрессивных, и сексуальных моментов. Он убежден, что в действительности женщины испытывают наслаждение, когда мужчины их насилуют, подчиняют своей воле и управляют ими. Он считает, что это свойственно женской природе. Гнев и агрессия не всегда проявляются на ранних стадиях нападения, которое может фактически начинаться как соблазнение. В этом смысле сексуально-агрессивный насильник считает сопротивление жертвы и борьбу игрой, а ее протесты — преувеличенными; чего она действительно хочет, так это чтобы ее сексуально домогались и насиловали. По-видимому, это убеждение глубоко укоренилось в сознании и широко распространилось во многих западных культурах (Edwards, 1983). Чего только стоит следующее замечание, сделанные министром юстиции и генеральным прокурором Шотландии: «Членам парламента следовало бы помнить, что изнасилование включает в себя действия, которые были нормальными... оно было частью занятий мужчин и женщин, на которых они охотились и которые охотились на них и говорили „да“ или „нет“, подразумевая при этом противоположное» (Edwards, 1983, p. 114).

Сексуально-агрессивные преступники часто бывают женаты, но поскольку они не испытывают особой привязанности к семье или родственных чувств, они также часто имеют историю многократных браков, уходов из семьи и разводов. Они также могут часто совершать акты домашнего насилия. Антиобщественные проявления, начинающиеся в юности или

еще раньше и включающие широкое разнообразие правонарушений от прогулов до убийства и насилия, являются характерной чертой таких преступников. В школе у них были серьезные проблемы с поведением. В детстве, юности и взрослой жизни они постоянно демонстрируют неумение контролировать свое поведение и низкую устойчивость к стрессам. Для их детских лет характерны физические страдания и заброшенность.

В экстремальных случаях эти насильники совершают сексуально-садистские действия во многом подобно вымещающим агрессию насильникам. Они могут наносить жертвам жестокие увечья и побои и даже убивать их. Различие между этими двумя типами состоит в том, что сексуально-агрессивный насильник получает сексуальное удовлетворение от агрессии, боли и насилия. Чтобы попасть в эту категорию, преступник должен демонстрировать: 1) уровень агрессии или насилия, который явно превышает уровень, необходимый, чтобы сломить сопротивление жертвы, и 2) явные, недвусмысленные признаки того, что агрессия сексуально возбуждает его.

Четвертому типу насильника, импульсивному насильнику, или насильнику-эксплуататору, не свойственны ни сильные сексуальные, ни агрессивные проявления: он способен совершить спонтанное изнасилование, когда просто предоставляется такая возможность. Изнасилования такие люди обычно совершают в контексте других преступлений, скажем, грабежа или кражи. Жертвами становятся женщины, случайно оказавшиеся поблизости, а само сексуальное нападение характеризуется минимальным физическим воздействием или сексуальными ощущениями. Как правило, преступник этого типа имеет длинную историю других уголовных преступлений. В эту категорию насильников попадают преступники, которые 1) демонстрируют черствое безразличие к состоянию и комфорту жертвы и 2) применяют физическую силу лишь в такой степени, в какой она необходима, чтобы сломить сопротивление жертвы.

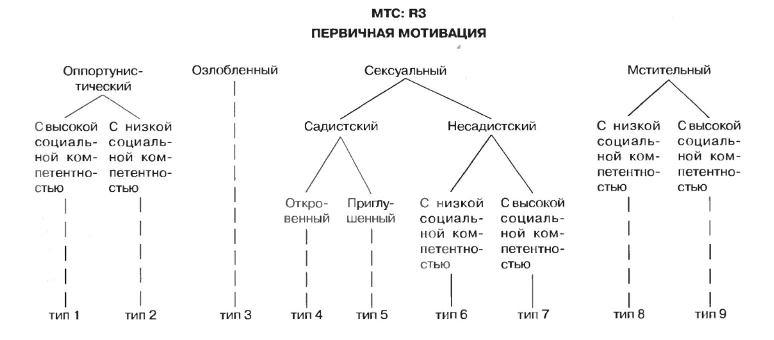
Классификационная схема Массачусетского исправительного центра (MTC:R3)

Классификационная схема Массачусетского исправительного центра задает примерную структуру, с помощью которой можно концептуализировать и сделать более понятными вовлеченные в изнасилование действия и мотивы. Однако эта схема требует постоянного уточнения и усовершенство-

вания, чем этот центр и занимается в течение уже ряда лет (например: Knight and Prentky, 1990). После ряда исследований и последовательных доработок новая Классификационная схема Массачусетского исправительного центра (MTC:R3) подразделяет насильников на девять типов. Основные четыре типа насильников остались теми же, однако исследователи выделили внутри этих четырех типов ряд подтипов. Они посчитали, что существенно улучшать классификацию МТС помогло бы выделение четырех главных мотивов изнасилования: наличие возможности, первазивная (распространяющаяся на всех и вся) озлобленность, стремление к сексуальному удовлетворению и желание мстить (Knight, Warren, Reboussin and Soley, 1998). Найт и его коллеги (Knight et al., 1998) посчитали, что выделив эти четыре мотива, они смогут описать устойчивые поведенческие паттерны, которые отличают большинство насильников. Насильники, чьим главным мотивом является подвернувшаяся возможность, или насильники, относящиеся к «оппортунистическому» (от opportunity — возможность) типу (типы 1 и 2), сходны с вышеописанным четвертым типом насильников. Сексуальные нападения таких людей производят впечатление импульсивных, хищнических действий, совершаемых просто потому, что они оказались в ситуации, в которой возникает возможность для сексуального нападения. Ни сексуальные фантазии, ни явная озлобленность на женщин не являются для них первостепенными мотивами. Дальнейший анализ данных о преступниках показал, что «оппортунистический» тип в свою очередь может быть подразделен на два типа исходя из социальной компетентности преступника. Преступники первого типа характеризуются более высокой социальной компетентностью, и их импульсивные сексуальные тенденции начинают проявляться только во взрослой жизни. Преступники второго типа, наоборот, обладают более низким уровнем социальной компетентности, и их импульсивные сексуальные тенденции начинают проявляться уже в юности.

Тип насильников, характеризующийся постоянной озлобленностью на всех (тип 3, или первазивно-агрессивный), напоминает насильников, вымещающих агрессию, с той разницей, что генерализованная озлобленность таких насильников пронизывает все аспекты их жизни. Их озлобленность направлена не только на женщин, а на людей вообще. Поэтому за ними часто тянется длинный шлейф антиобщественных насильственных действий всех видов, и они склонны причи-

нять своим жертвам, особенно жертвам изнасилований, значительные телесные повреждения. Их поведение во многом сходно с поведением «неисправимых» преступников. Собственно сексуальные мотивы и озабоченность, в соответствии с обновленной классификацией МТС, характерны для четырех типов насильников. Насильники-садисты подразделяются на подтипы явных (тип 4) и скрытых (тип 5) в зависимости от того, «выражаются ли их сексуально-агрессивные фантазии непосредственно в насильственных нападениях или остаются только в воображении» (Knight et al., 1998, p. 58). Сексуальные насильники-несадисты (типы 6 и 7) подразделяются в зависимости от их социальной компетентности.



Разделение четырех категорий типов насильников на девять подтипов Источник: R. A. Knight et al., Criminal Justice and Behavior, 25, p. 57, Figure 2

В новой классификации (MTC:R3) выделяются также две категории преступников, которые совершают изнасилования из мести (типы 8 и 9). Насильники данных типов характеризуются озлобленностью, направленной исключительно на женщин. Эти типы имеют большое сходство с выделенным в оригинальном варианте МТС типом насильников, вымещающих агрессию. «Сексуальные нападения этого типа мужчин отличают действия, которые прямо направлены на то, чтобы нанести женщине телесные повреждения, а также унизить и оскорбить ее» (Knight et al., 1998, p. 58). Подобно насильникам, которые насилуют, когда подвернется возможность, и несадистским насильникам, категория преступников, совершающих насилие над женщинами из мести, может быть подразделена на два типа — насильники, которым свойствен высокий уро-

вень социальной компетентности, и лица с низкой социальной компетентностью.

Найт и его коллеги (Knight et al., 1998) утверждают, что разделение насильников на эти девять классификационных категорий может существенно помочь в поиске дополнительных подсказок в расследовании преступления. В перспективе, по мере совершенствования и накопления эмпирических данных, MTC:R3 должна обеспечить следствию возможность идентифицировать «тип» насильника на основании собранных на месте преступления улик. Типология MTC:R3 также отражает многочисленные стратегии и предрассудки, распространенные среди насильников, и опровергает догматические утверждения о причинах изнасилований. MTC:R3 способствует лучшему пониманию этиологии сексуальных преступлений и помогает специалистам в области душевного здоровья прогнозировать рецидивизм.

Часто задают вопрос, до какой степени женщина должна сопротивляться изнасилованию. Разные виды изнасилований по MTC предполагают применение женщинами различных стратегий сопротивления насильнику. Сара Уллман и Раймонд Найт (Ullman and Knight, 1993) в своей интересной работе исследовали полицейские отчеты и свидетельства в суде 274 женщин, которые были либо изнасилованы, либо избежали изнасилования агрессивными незнакомыми насильниками. Ученые выяснили, что силовое сопротивление (борьба, крики, бегство или отталкивание насильника) является все же более эффективным средством избежать изнасилования, чем отсутствие сопротивления. Эта стратегия оказалась особенно действенной в опасных ситуациях, когда у насильника было оружие. Однако хотя жертва избегала изнасилования или сексуального нападения, в тех случаях, когда насильник оказывался вооружен, она часто получала больше телесных повреждений, даже если оружие не использовалось. Стратегии непротивления оказались в значительной степени неэффективными для избежания изнасилования или телесных повреждений. Жертвы, которые использовали стратегии непротивления — мольбы, крики или уговоры, — на деле чаще становились жертвами сексуального и физического нападения, чем женщины, которые активно сопротивлялись. Мольбы, крики или уговоры, по-видимому, еще больше раззадоривают насильника. Следует помнить, однако, что в работе Уллман и Найта принимались в расчет данные об агрессивных преступниках, не знакомых с жертвой, которые находились в Масса-

чусетском исправительном центре как сексуально опасные. Были бы получены аналогичные результаты при исследованиях других типов насильников, например тех, кто насилует своих подруг или знакомых, — неясно. Кроме того, описание изнасилований в терминах категорий МТС отчетливо показывает, что активное сопротивление жертвы может остановить насильников лишь некоторых типов, в частности, компенсаторных и импульсивных насильников и, возможно, многих сексуально-агрессивных насильников. Однако насильники, вымещающие агрессию, на сопротивление жертвы могут ответить взрывом насилия.

Основываясь на обзоре большого количества исследований, Розенбаум, Луриджо и Дэвис (Rosenbaum, Lurigio and Davis, 1998) выделили четыре основные стратегии сопротивления изнасилованию:

1) активное физическое сопротивление, 2) активное вербальное сопротивление, 3) пассивное физическое сопротивление и 4) пассивное вербальное сопротивление. Активное физическое сопротивление включает удары руками и ногами, укусы, использование ногтей или оружия. Исследования свидетельствуют о том, что использование этого метода сопротивления обычно помогает уменьшить вероятность жестокого сексуального обращения и завершения изнасилования, но оно также повышает опасность того, что жертва подвергнется нападению и получит телесные повреждения. Активное вербальное сопротивление включает крики, взывания о помощи или угрозы насильнику. Хотя известно, что эта стратегия уменьшает вероятность завершения изнасилования, однако из исследований неясно, какие физические повреждения будут нанесены жертве. Третья стратегия, пассивное физическое сопротивление, — включает попытку убежать, оттолкнуть нападающего или укрыться в каком-либо помещении. Этот тип сопротивления уменьшает вероятность завершения изнасилования, но почти не влияет на количество получаемых жертвой телесных повреждений. Пассивное вербальное сопротивление — просьбы о пощаде, крики или попытки договориться с насильником — обычно ведет к увеличению вероятности завершения изнасилования и нисколько не помогает жертве уменьшить физический ущерб. В целом оказывается, что некоторые стратегии активного сопротивления являются наиболее эффективными для уменьшения последствий насильственного сексуального нападения и предотвращения изнасилования.

Типология Грота

Грот (Groth, 1979) разработал типологию насильников, во многом сходную со схемой МТС. Предложение Грота основано на предположениях о мотивах и целях, которые лежат в основе почти всех изнасилований. Изнасилование рассматривается как «псевдополовой акт», в котором секс служит лишь средством воплощения первичных мотивов стремления к власти и агрессии. Грот довольно категорично утверждает: «Изнасилование никогда не является результатом просто сексуального возбуждения, которое не имеет никакой другой возможности для удовлетворения... Изнасилование всегда является признаком некоторой психологической дисфункции, либо временной и преходящей, либо хронической и повторяющейся» (p. 5). Позже Грот утверждал: «Изнасилование всегда и в первую очередь является актом агрессии» (p. 12). Поэтому Грот подразделяет поведение насильника на три основные категории: изнасилование как проявление агрессии, изнасилование как выражение стремления к власти и садистское изнасилование.

При агрессивном изнасиловании насильник использует больше физической силы, чем необходимо для принуждения жертвы, и совершает многие сексуальные действия, которые специально нацелены на унижение или оскорбление женщины (содомия, фелляция и т.п.; преступник может даже помочиться на жертву). Он также выражает свое презрение к жертве оскорбительными и нецензурными высказываниями. Таким образом, для агрессивного насильника изнасилование является актом сознательного выражения агрессии и ненависти к женщинам, и он выражает эту агрессию как действиями, так и вербально. Для него секс фактически является делом грязным, гнусным и отвратительным, поэтому он и использует его для того, чтобы оскорбить и унизить жертву. Очень часто его нападения бывают вызваны каким-либо предыдущим конфликтом с какой-то значимой для него женщиной (часто женой, начальницей или матерью) или полученными от нее оскорблениями. Нападение характеризуется значительной физической жестокостью.

При изнасиловании как выражении стремления к власти насильник стремится подчинить жертву себе и установить над ней контроль. Поэтому количество применяемой силы и угроз зависит от степени выражаемого жертвой подчинения. «Я велел ей раздеваться, а когда она отказалась, я ударил ее по лицу, чтобы показать ей, что не шучу» (Groth, 1979, p. 26). Це-

лью такого преступника является сексуальное завоевание, и он будет стремиться сломить любое сопротивление. Сексуальное общение для него способ самоутверждения, доказательства своей власти, могущества, мастерства и доминирования, а не путь получения сексуального вознаграждения. Такой насильник зачастую похищает жертву или берет ее в плен каким-либо иным способом, так что она может подвергаться повторным нападениям в течение долгого времени. Сексуальное нападение иногда приносит насильнику, добивающемуся власти, разочарование, потому что оно не соответствует воображаемым сценам изнасилования. «В фантазиях все было прекрасно, все нормально, а на самом деле это оказалось совсем не так приятно, а девчонка боялась и совсем не была возбуждена» (Groth, 1979, p. 27).

Третий паттерн изнасилования, садистское изнасилование, включает в себя и сексуальные, и агрессивные компоненты. Другими словами, агрессия эротизируется. Насильник-садист испытывает сексуальное возбуждение и волнение от издевательства над жертвой, от ее мучений, замешательства, беспомощности и страданий. Нападение обычно связано с удержанием жертвы в неволе, с пытками и нанесением значительных травм и увечий различных частей тела жертвы. Нередко гнев насильника-садиста навлекают на себя проститутки, женщины, которых он считает неразборчивыми, или такие женщины, которые представляются ему символом того, что он хочет наказать или уничтожить. Он может преследовать жертву, похитить ее, издеваться над ней, а иногда и убить.

По данным Грота (Groth, 1979), более половины насильников, которые находились на обследовании или лечении в его учреждении (Connecticut Sex Offender Program), были насильниками, добивающимися власти, 40% были агрессивными насильниками и только 5% составляли насильники-садисты. Классификация Грота имеет много общего с классификацией МТС. Агрессивный насильник подобен насильнику, вымещающему агрессию, насильник-садист подобен сексуальному агрессивному насильнику, а насильник, стремящийся к власти, имеет много общего с компенсаторным насильником.

Этиология

Вообще говоря, основную роль в том, как насильник воспринимает изнасилование, играет сексуальная социализация и его понимание «мужественности». Важно сознавать, что

сексуальная социализация (или сексуальное обучение) редко зависит только от семьи или школы; многое перенимают у сверстников или друзей, а также узнают из развлекательных средств массовой информации и из внешнего окружения. Большинство из нас даже в детстве находились в плену неправильных представлений, табу и стратегий, относящихся к сфере общения с противоположным подом. Мужчины часто узнают, что нужно «по-мужски» брать на себя сексуальную инициативу и проявлять настойчивость, невзирая на сопротивление. Подробности сексуальных побед, о которых рассказывают приятели, представляются признаками мужественности и собственного достоинства.

С другой стороны, если попытки покорить женщину превращаются в комедию ошибок, они воспринимаются как личные неудачи и как сексуальная неполноценность. Кроме того, некоторые люди (и мужчины, и женщины) полагают, что женщина не может быть изнасилована, если она этого не захочет. Другие считают, что женщины хотят, чтобы их покоряли и ими командовали, и что успешные любовники демонстрируют синдром «хозяина». Интересно в этом контексте отметить, что некоторые жертвы в действительности получают от насильников предложения выйти за них замуж (Russell, 1975). Другие насильники во время или после полового акта просят, чтобы жертвы оценили их сексуальные достоинства.

Некоторые исследователи предложили гипотезу незрелости, с помощью которой, по их мнению, можно объяснить значительную часть изнасилований. Гольдштейн (Goldstein, 1977) обнаружил, что члены выборки осужденных сексуальных преступников (среди которых были главным образом насильники) продолжали во взрослой жизни получать большую часть сексуального удовлетворения от представления сексуальных стимулов, которые они восприняли из средств информации или из собственного воображения. Обычные мужчины (контрольная выборка), наоборот, большую часть своих сексуальных удовольствий получают от реальной сексуальной жизни. Гольдштейн также обнаружил, что многие насильники настолько страдают всепроникающей и навязчивой озабоченностью сексуальными вопросами, что сексуальная тема пронизывает все аспекты жизни этих людей, и в яркие сексуальные фантазии вовлекается даже неэротический материал.

Гольдштейн установил, что насильники, по сравнению со средним мужчиной, во взрослом возрасте существенно чаще прибегают к мастурбации и что она часто сопровождается эротическими представлениями, полученными из средств

массовой информации. Кроме того, все типы сексуальных насильников имели в течение периода взросления в среднем меньше эротических контактов, чем большинство других мужчин. Кроме того, сексуальное любопытство часто подавлялось из-за строгого родительского подхода к сексуальным вопросам. В совокупности эти факторы представляют собой благоприятную среду для сексуальных иллюзий и невежества.

Косс и Динеро (Koss and Dinero, 1988) провели хорошо организованный опрос приблизительно трех тысяч студентов-мужчин в тридцати двух американских колледжах и уииверситетах. Студентам задавали вопросы о степени вербального принуждения и физической силы, которую они использовали, чтобы вступать в сексуальную близость с женщинами без их согласия. Их также опрашивали об их установках и привычках. Результаты показали, что высокосексуально агрессивные мужчины проявляют больше враждебности по отношению к женщинам, часто употребляют алкоголь, часто смотрят жесткую и грязную порнографию (в отличие от данных Гольдштейна) и проводят много времени с группами сверстников, в которых поощряется чрезмерно сексуализированное и потребительское отношение к женщинам.

Кроме того, чем более сексуально агрессивным является студент, тем с большей вероятностью он будет считать, что сила и принуждение — законные способы получить согласие на сексуальные отношения. Исследователи пришли к следующему заключению: «коротко говоря, результаты исследования подтверждают представление о последовательном ходе развития сексуальной агрессии, в котором ранний опыт и психологические характеристики создают предпосылки для сексуального насилия» (р. 144).

В заключение можно сказать, что большинство насильников, по-видимому, разделяют такие установки и идеологию, согласно которым мужчинам следует занимать позицию доминирования, контроля и силы, тогда как женщины должны быть покорными, нестрогими в вопросах морали и уступчивыми. Такая ориентация, по-видимому, оказывает на сексуально агрессивных людей особенно сильное раскрепощающее действие, поощряя их интерпретировать неоднозначное поведение женщин как сексуальный призыв, считать, что в действительности принуждение женщин к сексуальным отношениям — не преступление, а жертвы насилия хотят сексуального нападения и получают от него удовольствие (Lipton, McDonel and McFall, 1987).

Дополнительные доказательства девиантных установок и убеждений насильников предоставляют психологические исследования. Абель и его коллеги (Abel, Barlow, Blanchard and Guild, 1977; Abel, Becker, Blanchard and Djenderedjian, 1978) установили, что насильники испытывают сильное и почти одинаковое сексуальное возбуждение при прослушивании аудиозаписей изнасилований и обычных половых актов. Индикатором степени сексуального возбуждения была эрекция у испытуемых, которая измерялась устройством, называемым плетизмографом. У мужчин, не являющихся насильниками, при прослушивании записи изнасилования наблюдалась значительно меньшая эрекция. Таким образом, осужденных за изнасилование очень возбуждали изображения сцен, в которых жертва испытывает скорее отвращение и боль, а не сексуальное удовольствие. Воодушевленный этими результатами, Абель разработал физиологическую меру, названную «индексом изнасилования». Индекс определяется путем деления среднего процента эрекции в ответ на стимулы, связанные с изнасилованием, на средний процент эрекции в ответ на нормальные сексуальные стимулы. Эйвери-Кларк и Лоуз (Avery-Clark and Laws, 1984) разработали подобный индикатор для педофилов, названный «Индексом опасности педофила». Сегодня многие исследователи используют этот индикатор при диагностике и лечении насильников, а также лиц, занимавшихся растлением малолетних. В общем случае исследования показывают, что насильники чаще имеют более высокий индекс изнасилования, чем ненасильники. Однако погрешность плетизмографа и его чувствительность к посторонним факторам и фальсификации остается под большим вопросом.

Абель и его группа также обнаружили, что некоторые насильники достигают высокой степени сексуального возбуждения даже от сцен несексуальной агрессии, например от вида мужчины, избивающего женщину кулаками. Таким образом, оказалось, что некоторые мужчины тесно связывают агрессию и насилие по отношению к женщинам с сексуальным возбуждением, что очень напоминает паттерн сексуально агрессивного насильника, описанного ранее. У насильников интенсивность этого девиантного возбуждения действительно оказалась связанной с количеством совершенных изнасилований и степенью нанесенных жертве телесных повреждений (Abel et al., 1978). Некоторые насильники не скрывают, что для них сцены избиения женщины являются возбуждающими и доставляют удовольствие. Кроме того, такая

стимуляция может в некоторых случаях стимулировать действия мужей-насильников. С другой стороны, большинство генеральной совокупности мужчин (70%) считают присутствие агрессии сдерживающим фактором сексуального возбуждения (Malamuth, Check and Briere, 1986). Интересно отметить, что те мужчины из генеральной совокупности, которые сексуально возбуждаются при виде сцен насилия, также больше склоняются к оправданию мужской агрессии и господства мужчин над женщинами. Эти люди также допускают, что если бы представилась благоприятная возможность, то они, вероятно, совершили бы изнасилование.

Все больше внимания ученые уделяют роли, которую играют в развитии сексуально агрессивного поведения фантазия и воображение (Law and Marshall, 1990). Рассказы сексуальных преступников свидетельствуют о том, что частое представление в воображении сексуально агрессивных сцен имеет чрезвычайно большое значение в мотивации и осуществлении откровенной сексуальной агрессии. Агрессивные фантазии особенно действуют на людей, осужденных за изнасилования (Abel et al., 1977). Интересно, что по данным опроса 114 студентов колледжа мужского пола, который проводили Гриндлиндер и Бирн (Greendlinger and Byrne, 1987), свыше 2/3 мужчин признались, что у них бывают фантазии, в которых они агрессивно насилуют женщину, а 54% в своих фантазиях «силой принуждают женщину вступить в сексуальные отношения».

Аналогично фантазии и воображению определенную роль в развитии сексуальных отклонений играет мастурбация. Физиологическое удовольствие и возбуждение, вызываемое мастурбацией, могут выступать в качестве сильного побудительного стимула, особенно если они постоянно связываются с некоторым воображаемым объектом или человеком. Также важно понять, что в мастурбации присутствуют два процесса, которые могут служить сильным подкреплением: сексуальное возбуждение и уменьшение (разрядка) этого возбуждения в оргазме. Воображаемые или фактические действия, которые являются сексуально возбуждающими и которые заканчиваются сексуальным удовлетворением (оргазмом), вероятно, будут повторяться с большей частотой и интенсивностью. Этот процесс известен как «мастурбаторное обусловливание» (Marshal and Barbaree, 1988). На основе клинических наблюдений (например: Groth, 1979; Marshall, 1988; George and Marlatt, 1989) можно заключить, что мастурбаторное обусловливание

может играть важную роль в развитии как нормального, так и девиантного сексуального поведения.

Таким образом, факты, имеющиеся в настоящее время, убедительно свидетельствуют, что насильниками становятся в результате научения и что во многом это научение проходит с помощью таких же наивных сверстников, родителей, значимых социальных моделей и средств массовой информации. Насилие процветает в тех культурах, для которых характерно насилие, в которых распространена идеология доминирования, унижения женщин и которые оправдывают принудительные сексуальные отношения. К счастью, большинство мужчин в конечном счете приобретают адекватный сексуальный опыт и определенное понимание потребностей другого пола. Однако многие насильники, по-видимому, так и остаются сексуально и в какой-то мере социально незрелыми.

Установки, которые способствуют дискриминации женщин, могут, тем не менее, быть широко распространены. Существуют довольно тревожные факты, свидетельствующие о том, что насильники могут отражать явные и неявные убеждения, поддерживаемые многими другими людьми. Например, в одном из исследований выявлено, что 35% студентов колледжа мужского пола, проживающих в нескольких университетских городках, чувствовали, что, весьма вероятно, совершили бы изнасилование, если бы были уверены, что смогут потом избежать неприятностей (Malamuth, 1981). В другом исследовании 60% группы, состоящей из 352 мужчин-старшекурсников, сообщили, что при наличии благоприятной возможности они, весьма вероятно, совершат изнасилование или принудят женщину к вступлению в сексуальные отношения против ее желания (Briere, Malamuth and Ceniti, 1981).

Маламут (Malamuth, 1989) предупреждает, однако, что считать «потенциальным насильником» каждого, кто сознается, что смог бы принудить женщину к сексуальному общению, было бы ошибочно. В его исследовании была предпринята многообещающая попытка применить шкалу Предрасположенности к Сексуальной Агрессии (ASA), предназначенную для измерения (оценки) установок, которые играют фактическую роль в сексуальной агрессии. Будут ли мужчины действовать в соответствии с этими установками, зависит от бесчисленного числа факторов самого разного характера, включая степень желания совершить акт, наличие внутренних и внешних сдерживающих механизмов и возможность совершить акт.

Насилие и порнография

В отношениях между насилием и порнографией остается много неясного и спорного. Две Комиссии при президенте США, созданные для изучения влияния порнографии на преступность и человеческое поведение, пришли к противоположным заключениям. Первая и более компетентная была учреждена в 1967 году и получила инструкции не выпускать рекомендаций до тех пор, пока в этом вопросе не будет достигнута полная ясность. Из-за сложностей, с которыми столкнулась эта Комиссия, она не смогла прийти к заключению, влияет ли сколько-нибудь значимо откровенный сексуальный материал на склонность к сексуальным преступлениям, на что тогдашний президент Ричард М. Никсон заметил, что Комиссия оказалась «нравственным банкротом». Многие воспользовались этим выводом для поддержки утверждения, что порнография не является вредной. Вторая Национальная Комиссия по Непристойности и Порнографии, доклад которой был выпущен в 1984 году, рекомендовала значительно ограничить распространение порнографического материала. Эта Комиссия широко критиковалась за недостаток научной объективности в ее выводах.

Результаты исследований свидетельствуют, что в некоторых условиях порнография способствует агрессивному сексуальному поведению по отношению к женщинам. Доннерштейн (Donnerstein, 1983) и Маламут (Malamuth, Haber and Feshbach, 1980; Malamuth, Heim and Feshbach, 1980; Malamuth and Check, 1981) указывают, например, что расхожее утверждение о безвредности порнографии нуждается в основательной проверке. В своей продолжающейся серии экспериментов Доннерштейн установил, что на связь между эротикой и человеческой агрессией влияют три фактора:

1) уровень возбуждения, вызываемого просматриваемым эротическим фильмом,

2) уровень агрессивности содержания фильмов и

3) реакции жертв; изображаемых в этих фильмах или на фотографиях. Доннерштейн и ряд других авторов (например: Meyer, 1972; Zillman, 1971) проводили эксперименты, в которых они различными способами провоцировали агрессию у мужчин-испытуемых, после чего пришли к заключению, что эротические сцены, показанные этим возбужденным испытуемым, значительно повышают их агрессивное поведение по отношению к другим людям. Благодаря своей способности

вызывать возбуждение эротические стимулы в некоторых ситуациях, очевидно, могут способствовать проявлению агрессии. Этот факт согласовывается с теорией Берковица о связи между возбуждением и агрессией. Любой стимул, который увеличивает уровень возбуждения уже находящегося в возбужденном состоянии испытуемого — независимо от того, носит ли этот стимул эротический характер или нет, — усилит агрессивное поведение в тех ситуациях, в которых агрессия является доминирующим поведением. Повышенное возбуждение может также «выключить» внутренний контроль испытуемого или механизмы саморегулирования, в результате чего он будет меньше беспокоиться о последствиях своего поведения. Кроме того, исследования с предъявлением порнографических стимулов показали, что если гнев испытуемого провоцируется женщиной, то после демонстрации эротического фильма испытуемый становится еще более агрессивным по отношению к другим женщинам. Эти результаты подтверждают распространенное клиническое наблюдение, что до совершения изнасилования многие насильники были рассержены, расстроены, унижены или оскорблены, часто женщиной (например: Groth, 1979).

Стимулы, несущие в себе сильный заряд насилия как эротической природы, так и неэротической, — могут в некоторых ситуациях провоцировать агрессию по отношению к женщинам даже у тех мужчин, которые не подвергались унижению или оскорблению. Весьма значимым фактором оказался уровень насилия в фильмах. Изображения нападений на женщин не обязательно сексуальных — могут усилить последующие агрессивные проявления у мужчин по отношению к женщинам, даже когда мужчины ничем не рассержены. Таким образом, чрезвычайно агрессивные и жестокие действия, изображаемые в средствах массовой информации, могут провоцировать акты насилия у некоторых мужчин. Поскольку многие насильники воспринимают эти действия как прямое агрессивное нападение на женщин, просмотр фильмов, в которых показано физическое насилие над женщиной, может вызывать и поддерживать их собственную склонность к насилию.

Реакции жертв, изображаемые в фильмах, также оказались существенно важным фактором. Фильмы или фотографии с изображением женщины-жертвы, наслаждающейся изнасилованием (распространенный сюжет в порнографии), способствуют укоренению мифа об изнасиловании и поддерживают насилие против женщин (Malamuth and Check, 1981).

Если, с другой стороны, жертва воспринимает насилие как болезненный и отвратительный акт (негативная агрессивная эротика), то у зрителей-мужчин вырабатывается неприятие агрессивных действий. Однако это наблюдение требует некоторого пояснения. Если мужчина-зритель уже находится в состоянии агрессии (возбуждения), то просмотр страданий жертвы может сделать его еще более агрессивным, так как любое усиление возбуждения у уже возбужденного испытуемого будет усиливать последующее агрессивное поведение. Если фильм способен вызывать хотя бы минимальное возбуждение, то конкретное содержание фильма уже не имеет никакого значения. С другой стороны, те мужчины, которые до просмотра сцен страдания женщин-жертв не были расстроены или возбуждены, были менее склонны к проявлению агрессии против женщин.

Для некоторых индивидов, однако, страдание жертвы становится желательным условным раздражителем, если неоднократно связывается с сексуальным вознаграждением; это происходит из-за ранее сформированной условной связи. Как конкретно эти люди реагируют на различные эротические изображения, остается неясным, однако представляется логичным предложить, что для них описания боли являются весьма возбуждающими и поддерживают у них убеждение, что боль и сексуальное вознаграждение сопутствуют друг другу. Они даже могут заключить, что связь «боль—удовольствие» является неотъемлемой характеристикой сексуального удовлетворения любого человека и что женщины действительно получают удовольствие от «грубого обращения» с ними.

Связь между порнографией, содержащей сцены насилия, и сексуальной агрессией изучена не до конца и вызывает тревогу. Хотя сексуально возбуждающая порнография, в которой нет жестокости, должна быть доступной в свободном обществе и, возможно, обладает какой-то социальной ценностью, «усиленная» изображением насилия порнография не имеет никакой оправдывающей ее существование ценности. Ее вредное воздействие, однако, трудно исчислить, но ясно, что оно касается лишь определенной подгруппы людей. Если бы вся насильственная порнография была сегодня уничтожена, количество сексуальных преступлений, вероятно, уменьшилось бы. Этот же аргумент можно было бы привести в поддержку тотальной конфискации пистолетов и винтовок или спорадической проверки всего населения на употребление наркотиков. Степень, в которой общество

нужно спрашивать о свободе предпринимательства в обмен на безопасность, остается вопросом, споры вокруг которого разгораются вновь и вновь.

Педофилия

Педофилия, обычно известная как «растление малолетних» или сексуальные приставания к детям, имеет много разных определений. В DSM-IV (1994) этот термин определяется как состояние, при котором «в течение не менее 6 месяцев имеют место повторяющиеся интенсивные сексуальные фантазии, сексуальные угрозы или активность, включающая сексуальные действия с незрелым в половом отношении ребенком или несколькими детьми (обычно в возрасте 13 лет или моложе)» (с. 528). Далее в DSM-IV уточняется, что есть педофилы, которые испытывают сексуальное влечение только по отношению к детям (исключительный тип), тогда как другие могут испытывать влечение и к детям, и к взрослым (неисключительный тип). Как считают Финкелхор и Араджи (Finkelhor and Araji, 1986), педофилия — это осознанный сексуальный интерес взрослых мужчин к детям, не достигшим полового созревания. Этот интерес может проявляться двумя способами. Первый — это когда взрослый вступает в некоторый сексуальный контакт с ребенком (прикасается к ребенку или принуждает ребенка прикасаться к нему, чтобы достичь сексуального возбуждения). Второй способ предполагает мастурбирование взрослого с одновременными сексуальными фантазиями, в которых участвуют дети. Последнее определение признает, что взрослый мужчина может иметь очень сильный сексуальный интерес к ребенку и от прямых действий в отношении ребенка его удерживают только обстоятельства. Иногда исследователи расширяют определение, чтобы распространить его на возраст объектов педофилии от тринадцати до пятнадцати лет, но в литературе для обозначения сексуальных контактов взрослых мужчин с детьми младшего подросткового возраста, как правило, употребляется термин гебефилия. Традиционно большинство определений педофилии ограничивалось сексуальными контактами между взрослым или ребенком, близко не связанными между собой. Сексуальные действия между членами одной семьи, когда по крайней мере один участник является несовершеннолетним, обычно называются «кровосмешением» (инцестом). Однако в более современных исследованиях и комментариях в категорию педофилии относят все сексуальные контакты между взрослым и ребенком. Чтобы избежать путаницы, мы будем использовать поня-

тия «педофилия» и «растление малолетних» как взаимозаменяемые термины, общие для всех категорий сексуальных преступлений в отношении детей.

Частотность и распространенность

Как и при изучении сексуальных преступлений вообще, в первую очередь необходимо обратиться к статистике. Данные о педофилии труднодоступны, поскольку нет какой-либо централизованной системы регистрации сексуальных преступлений против детей по всей стране. Кроме того, как уже отмечалось, преступники могут арестовываться и преследоваться по разным статьям и за различные преступления, включая насилие над детьми, нападение при отягчающих обстоятельствах, гомосексуализм, кровосмешение, эксгибиционизм или непристойное поведение. Хотя в UCR приводится перечень сексуальных преступлений, в нем педофилия не выделяется из других возможных сексуальных преступлений. Однако различные ретроспективные опросы населения указывают, что от 1/4 до 1/3 всех женщин и десятая часть или даже больше всех мужчин подвергались в детстве сексуальным домогательствам (Finkelhor and Lewis, 1988; Peters, Wyatt and Finkelhor, 1986). Кроме того, обычно только 35% детей, подвергшихся сексуальным преследованиям, кому-либо об этом сообщают (Finkelhor, 1979). Расселл (Russel, 1984) приводит данные, что в ее выборке только в 2% всех случаев кровосмешения и в 6% всех случаев внесемейного насилия над женщинами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста, о происшествиях сообщалось в полицию. По оценкам опроса, которым было охвачено приблизительно 1200 взрослых мужчин-американцев по всей стране (Finkelhor and Lewis, 1988), от 5 до 10% мужского населения в определенный период своей жизни совершают сексуальные действия с детьми. Однако в контексте этой главы важно отметить, что это количество может включать одиночные инциденты, которые хотя и заслуживают осуждения, не могут считаться типичным поведением для данного человека и не являются основанием для квалификации его как педофила. Тем не менее эти данные показывают, что дети становятся жертвами сексуальных преследований намного чаще, чем взрослые (см.: Finkelhor and Djiuha-Leatherman, 1994).

В своем исследовании Расселл (Russell, 1984) приводит данные опроса 930 отобранных в случайном порядке женщин-жительниц Сан-Франциско, проводившегося летом 1978 года. Цель проекта состояла в том, чтобы получить оценку частотности и распространенности изнасилований и дру-

гих форм сексуальных нападений, включая оценку количества тех, кто стал жертвой сексуальных преступлений в детстве. 12% женщин сказали, что они до четырнадцатилетнего возраста становились объектами сексуальных домогательств со стороны родственников. 29% сообщили, что до достижения ими четырнадцатилетнего возраста они по крайней мере однажды подвергались сексуальным домогательствам со стороны лица, которое не было их родственником. В целом 28% из 930 опрошенных женщин сообщили как минимум об одном инциденте сексуального насилия до четырнадцатилетнего возраста.

Характеристики ситуации и особенности жертв

Преступник-педофил — почти всегда мужчина, жертва может оказаться обоего пола. По-видимому, наиболее распространенным типом является гетеросексуальная педофилия (взрослый мужчина и девочка). Имеющиеся данные указывают на то, что 3/4 педофилов в качестве жертвы выбирают исключительно девочек (Lanyon, 1986; Langevin, 1983). Гомосексуальная педофилия — взрослый мужчина отдает предпочтение мальчику — встречается значительно реже (приблизительно от 20 до 23% известных случаев). Лишь незначительное количество педофилов выбирают своими жертвами представителей обоих полов. Поведение педофила или растлителя малолетних обычно ограничивается ласками тела ребенка, ласками гениталий ребенка или склонением ребенка к тому, чтобы он манипулировал гениталиями педофила. Гетеросексуальное сношение в явном виде случается только в небольшом количестве всех преступлений.

Преступник и жертва в большинстве случаев знают друг друга, часто очень хорошо (McCaghy, 1967; Yirkkunen, 1975; Schultz, 1975). Многие жертвы активно старались добиться от растлителей естественного проявления любви, поскольку дети обычно хотят, чтобы их обнимали или прижимали к себе. Некоторые жертвы выражают теплые чувства и любовь к преступнику, который иногда интерпретирует это поведение как «соблазнение». Клинические наблюдения показывают, что большинство педофилов, как правило, испытывают к своим жертвам положительные чувства, воспринимая их как добровольных соучастников, и часто в качестве жертвы выбирают детей, живущих непосредственно у них в доме (Miner, Day and Nafpaktitis, 1989). Нередко сексуальные отношения между преступником и жертвой продолжаются в течение долгого времени.

Форма сексуального контакта, как оказалось, зависит от трех факторов: от стадии, до которой растлитель доходил в своих предшествующих несексуальных взаимодействиях с детьми, от характера отношений между ребенком и преступником и от возраста обоих. Преступники, которые до этого уже имели опыт ограниченного взаимодействия с детьми, с большей вероятностью будут стремиться к генитально-генитальному и орально-генитальному контакту, а не станут довольствоваться только объятиями или ласками. Более того, чем ближе знакомы преступник и жертва друг с другом, тем больше вероятность генитально-генитального и орально-генитального контакта.

Нет однозначного мнения относительно того, насколько растлители малолетних вредят ребенку физически или в какой мере они обычно применяют физическую силу. Согласно большинству исследований, педофилы обычно не прибегают к откровенному физическому принуждению. Мак-Кэги (McCaghy, 1967) не нашел в 3/4 случаев растления малолетних, которые он исследовал, никаких доказательств принуждения, ни вербального, ни физического. Исследование Грота и его коллег (Groth, Hobson and Gary, 1982) подтвердило эти результаты. Подводя итоги исследованиям, Лэнион (Lanyon, 1986) пришел к заключению, что насилие применяется приблизительно в 10–15% случаев сексуальных преступлений против детей. Однако Уолл, Проктор и Нельсон (Wall, Proctor and Nelson, 1988) приводят данные, согласно которым применение физической силы или угрозы силы для получения согласия жертвы было официально доказано в отношении 28% выборки, составленной из осужденных педофилов (122 не страдающих психозами пациента психиатрической больницы штата). Маршалл и Кристи (Marshall and Christie, 1981) при исследовании педофилов, содержащихся в федеральных пенитенциарных учреждениях Канады, обнаружили, что двадцать девять из сорока одного педофила использовали физическую силу. В более раннем обследовании 150 педофилов Кристи, Маршалл и Лантье (Christie, Marshall and Lanthier, 1979) установили, что 58% при нападении применяли чрезмерную физическую силу и что 42% пострадавших детей получили телесные повреждения. Исследователи предположили, что преступники из их выборки применяли физическое насилие для того, чтобы с его помощью достичь более высокой степени сексуального возбуждения — значительно большего, чем другие, неагрессивные сексуальные преступники. По-видимому, приведенные различия в степени применения насилия и физиче-

ской силы педофилами объясняются характером исследованной выборки. Исследования, в которых сообщается о высокой инцидентности насилия или агрессии, ограничены заключенными в тюрьму преступниками, совершившими относительно тяжкие правонарушения, в то время как в исследованиях, в которых сообщается о незначительном насилии или об отсутствии насилия, выборки состоят из менее опасных педофилов, как правило, находящихся на пробации.

Грот, Хобсон и Гэри (Groth, Hobson and Gary, 1982) считают, что лишь немногие преступники, которые используют насилие или силу и причиняют телесные повреждения ребенку, могут в буквальном смысле называться «насильниками по отношению к детям». С другой стороны, те преступники, которые используют только психологическое давление, должны считаться растлителями малолетних или педофилами. Хотя мнение Грота достойно того, чтобы к нему прислушиваться, исследователи в этой области используют термины «педофил» или «растлитель малолетних» для обозначения всех типов преступников, совершающих сексуальные преступления против детей.

В исследованиях получены веские аргументы в пользу предположения, что сексуальные посягательства в детском возрасте (и насильственные, и ненасильственные) для многих детей становятся причиной долгосрочных психологических проблем (Briere, 1988). Нередко можно слышать сообщения о депрессии, чувстве вины и неполноценности, наркомании, суицидальных мыслях, тревожности, хроническом стрессе, расстройствах сна, страхах и фобиях. Депрессия — симптом, который наиболее часто встречается во взрослом возрасте у тех, кто стал жертвой сексуального преступления в детстве. Степень психологического ущерба, наносимого ребенку сексуальными действиями педофила, зависит от нескольких факторов. Грот (Groth, 1978) утверждает, что самая большая травма — наносимая детям, которые становятся жертвами преступлений регулярно и в течение длительного времени, которых преследуют близкие или хорошо знакомые люди (например, отчим), а также в тех случаях, когда виктимизация включает сексуальное сношение и сопровождается агрессией. В подробном обзоре исследовательской литературы по педофилии Браун и Финкельхор (Browne and Finkelhor, 1986) пришли к выводу, что 1) дети младшего возраста оказываются несколько более чувствительны к травме, чем старшие дети, 2) чем ближе отношения между преступником и жертвой, тем больше травма, и 3) чем больше преступник применяет физическую силу,

тем больше травма. Однако они также заключают, что нет никаких окончательных доказательств для утверждения, что более длительные и частые случаи сексуальных домогательств приводят к большей травме. Нет никаких ясных доказательств того, что травмы связаны с типом преступного сексуального домогательства (обычное сношение, ласки, фелляция, куннилингус и т.д.). Это предполагает, что «умеренное» сексуальное действие может быть таким же травмирующим, как и традиционное сношение, особенно если жертва очень мала и близко связана с преступником. В своем обзоре Браун и Финкельхор также считают, что люди, ставшие жертвами растления в детстве, по некоторой необъяснимой причине во взрослом состоянии чаще подвергаются сексуальным нападениям.

Характерные особенности преступников

Педофилия прежде всего совершается мужчинами, хотя это не исключительно мужское преступление. Национальный центр борьбы с жестоким обращением с детьми и пренебрежением родительскими обязанностями (National Center on Child Abuse and Neglect, 1981) публикует сведения, что в 46% случаев сексуальных домогательств, с которыми сталкиваются дети, в числе виновных оказывались женщины. Однако эта цифра вводит в заблуждение, поскольку она включает все случаи, когда женщины-опекуны «допускают совершение действий сексуального характера в отношении детей» (Russell and Finkelhor, 1984). Другими словами, случаи, когда мать оставляет ребенка под присмотром своего любовника, который совершает с этим ребенком развратные действия, рассматриваются как случаи сексуальных преступных действий со стороны матери. Мать, которая не сможет сообщить о своих подозрениях, что ее муж сексуально домогается ее дочери, также может быть включена в статистику. Если учитывать только тех женщин, которые фактически совершили развратные действия в отношении детей, то процент преступниц-женщин снижается до 13% в случае, когда жертвами становятся девочки, и до 24% в случае жертв-мальчиков (Russel and Finkelhor, 1984). Основываясь на результатах своих исследований, Расселл и Финкельхор (1984) высказывают предположение, что женщины участвуют приблизительно в 5% случаев сексуальных домогательств в отношении девочек и приблизительно в 20% случаев в отношении мальчиков. Поскольку случаи сексуальных преступлений женщин в отношении детей еще мало исследованы, то в оставшейся части этой главы мы сконцентрируемся на том, что известно о педофилах-мужчинах.

Прентки, Найт и Ли (Prentky, Knight and Lee, 1997) на основании обширного исследования данного предмета пришли к заключению, что классификация и диагностика растлителей малолетних усложняются значительным разнообразием этих преступников в части личностных характеристик, жизненного и криминального опыта и причин или мотивов совершения преступления. По существу, нет никакого единственного «профиля», который мог бы точно описать всех растлителей малолетних. Помня об этом, мы рассмотрим некоторые обычно упоминаемые характеристики педофилов.

Хотя существует значительный разброс, средний возраст осужденных растлителей малолетних находится в диапазоне между тридцати шестью и сорока годами. Если приблизительно 75% осужденных насильников — мужчины моложе тридцати лет, то приблизительно 75% осужденных растлителей малолетних оказываются старше этого возраста (Flenn, Flerjanic and Vanderpearl, 1976b). Грот (Groth, 1978), однако, замечает, что все растлители малолетних, с которыми ему и его коллегам приходилось работать, совершили свое первое преступление до сорока лет. Более 80% впервые стали преступниками в тридцатилетнем возрасте, а приблизительно 5% совершили первое сексуальное преступление еще от того, как достигли подросткового возраста. Однако несмотря на статистические данные, которые свидетельствуют о том, что растлители малолетних чаще оказываются старше большинства других сексуальных преступников, существуют, по-видимому, устойчивые предпочтения в выборе той или иной жертвы, являющиеся функцией возраста. Педофилы старшего возраста (более пятидесяти лет) предпочитают незрелых детей (десяти лет или моложе); педофилы помоложе (до сорока лет) предпочитают девочек в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет (Revitch and Weiss, 1962) Последние для удобства классифицируются как гебефилы (hebephiles).

Возможно, из-за чрезвычайно негативного отношения общества к растлителям малолетних педофилы почти всегда стараются уклониться от признания полной ответственности за свое преступление (McCaghv, 1967). Многие утверждают, что они находились в состоянии крайнего замешательства или были слишком пьяны, чтобы осознавать, что делали, не владели собой или не знают, что это на них нашло. Они стремились приписать причину своего поведения внешним силам или мотивирующим факторам, которые в значительной степени находились за пределами их личного контроля.

Однако если не считать педофилию, обвиняемые в совершении сексуальных преступлений против детей редко демонстрируют какие-либо серьезные или выраженные поведенческие или эмоциональные проблемы (Henn, Herjani and Vanderpearl, 1976b). В случаях, когда ставится клинический диагноз, таким диагнозом чаще всего оказывается органическое поражение мозга или умственная отсталость, хотя преступники с клиническим диагнозом представляют лишь небольшой процент всей совокупности педофилов. Поскольку самыми распространенными сексуальными преступлениями пожилых людей и людей, страдающих артериосклерозом, являются именно педофилия и эксгибиционизм (Coleinan, 1976), органическое поражение мозга является вполне ожидаемым диагнозом.

Многие агрессивные педофилы демонстрируют большое сходство с насильниками и обитателями тюрем в целом (Knight, Rosenberg and Schneider, 1985). Вот несколько наиболее известных общих черт:

1) у них есть проблемы с употреблением алкоголя,

2) они зачастую не могут успешно учиться в средней школе и бывают исключены,

3) у них нет постоянного места работы, обычно они заняты на работе, не требующей высокой квалификации,

4) они чаще всего происходят из низких социально-экономических слоев.

Злоупотребление алкоголем — распространенная проблема среди сексуальных преступников. Если из осужденных насильников серьезные проблемы с алкоголем имеют 30 до 50% то среди осужденных педофилов такие проблемы испытывают от 11% до 30%.Исследования также показывают, что большинство педофилов заканчивают не больше восьми классов школы (Christie, Marshall and Lanthier, 1979), а у многих выявлены признаки снижения интеллекта по традиционным тестам IQ (Knight, Rosenberg and Schneider, 1985; Swanson, 1968).

Около 2/3 арестованных и осужденных за растление малолетних происходят из среднеквалифицированных или малоквалифицированных профессиональных групп (McCaghv 1967; Gebhard et al., 1965). Однако представители других профессиональных групп могут совершить преступление так, чтобы предотвратить дополнительную травму для жертвы и социальные затруднения для их семей в течение расследования и судебного процесса. В 1980-е годы средства массовой информации были заполнены сообщениями о тревожном увеличении числа сексуальных преступлений в отношении

детей. Из этих же сообщений было ясно, что преступность не знает никаких экономических или социальных барьеров: растлители малолетних встречаются на всех уровнях общества и среди всех профессиональных групп.

Классификация поведенческих паттернов педофилов

Массачусетский исправительный центр (MTC) (Cohen, Seghorn and Calmas, 1969; Knight, Rosenberg and Schneider, 1985; Knight, 1988) разработал типологию поведенческих паттернов (стереотипов поведения) педофилов, подобную вышеописанной типологии изнасилований. Согласно этой широко известной системе классификации выделяют четыре главных паттерна педофилии: 1) фиксированный тип, 2) регрессирующий тип, 3) эксплуататорский тип и 4) агрессивный или садистский тип.

Фиксированный (или незрелый) педофил с раннего детства демонстрирует исключительное предпочтение детей в качестве как сексуальных, так и социальных партнеров. Представители этого типа никогда не были способны формировать зрелые отношения со взрослыми сверстниками, будь то мужчины или женщины. Большинство их знакомых считают их социально незрелыми, пассивными, робкими, склонными к иждивенчеству. Они чувствуют себя наиболее комфортно, общаясь с детьми, которых они пытаются заполучить в качестве партнеров. Сексуальный контакт обычно происходит только после того, как взрослый и ребенок хорошо узнают друг друга. Фиксированные педофилы редко женятся, а в их остальной жизни мало свидетельств любовных контактов со сверстниками или даже какой-либо постоянной, долговременной дружбы со взрослыми (не считая родственников). Эти педофилы предпочитают касаться, нежно поглаживать, ласкать и осязать ребенка. Они редко стремятся к сексуальному общению и очень редко применяют физическую силу или агрессию.

Фиксированные педофилы обычно обладают средним уровнем интеллекта. Их трудовая биография устойчива, хотя очень часто они выполняют работу, которая ниже их способностей. Их социальные навыки адекватны для повседневной жизни. Вероятно, наиболее трудным для понимания является то, что фиксированный или незрелый педофил не проявляет никакого волнения или беспокойства по поводу своего исключительного предпочтения в качестве партнеров детей и при этом не понимает, почему обеспокоены другие. Поэтому он с трудом поддается исправлению и с большой вероятностью способен к рецидивизму.

Регрессирующие педофилы имеют, как правило, вполне нормальную юность, хорошие отношения со сверстниками и опыт гетеросексуального общения. Однако позже у них развивается чувство мужской несостоятельности и неуверенности в себе. Появляются проблемы в профессиональной, социальной и сексуальной жизни. Регрессирующим педофилам обычно свойственны алкоголизм, разводы и трудовая биография с частой сменой работы. Каждому акту педофилии обычно предшествует ощутимый удар по сексуальному самолюбию преступника со стороны либо женщин, либо мужчин одного с ними возраста или положения. Например, педофил может чувствовать, что другие мужчины пользуются большим успехом у женщин. В отличие от незрелого педофила, регрессирующий растлитель малолетних в качестве своих жертв обычно предпочитает выбирать незнакомых детей, проживающих далеко от его дома. Жертвами почти всегда являются девочки. В отличие от фиксированного педофила такой преступник стремится к сексуальному контакту со своей жертвой. Поскольку он чувствует полное раскаяние и выражает после акта педофилии сожаление о содеянном, клиницисты обычно расценивают перспективы реабилитации как благоприятные. Если источники стрессов будут сведены к минимуму, а сам он научится адекватно преодолевать неизбежные стрессы, вряд ли такой человек будет продолжать свое преступное занятие.

Педофил-эксплуататор ищет детей прежде всего для того, чтобы удовлетворить свои сексуальные потребности. Он любым доступным способом эксплуатирует слабости ребенка и применяет различные виды стратегий и уловок, чтобы заставить его или ее подчиняться. Как правило, преступник не знаком с ребенком и первым делом пытается изолировать ребенка от других людей и его привычного окружения. Если необходимо, он применит агрессию и физическую силу, чтобы заставить ребенка исполнять свои желания. Педофил-эксплуататор не заботится об эмоциональном или физическом благополучии ребенка, а рассматривает жертву исключительно в качестве сексуального объекта.

У педофила-эксплуататора длинная история преступного или антиобщественного поведения. Его отношения с окружающими непредсказуемые и бурные. С ним неприятно находиться в компании, и все, кто его знают, стараются избегать его. Он склонен быть очень импульсивным, раздражительным и капризным. Возможно, основной причиной того, что такой человек выбирает в качестве жертв детей, являются именно очевидные дефекты навыков межличностного общения

(Knight, Rosenberg and Schneider, 1985). Клиницисты считают, что этот вид педофилии трудно поддается лечению, поскольку его проявления затрагивают все фазы повседневной жизни человека.

Агрессивных педофилов (или педофилов-садистов) дети привлекают как по сексуальным причинам, так и по причинам, связанным с агрессией. Педофилы этой группы могут иметь длинную историю антиобщественного поведения и обычно плохо адаптируются к окружению. Большинство предпочитают жертв своего пола (гомосексуальная педофилия). Так как основная цель этих педофилов состоит в том, чтобы достичь возбуждения, не принимая в расчет состояние жертвы, представители этой группы часто совершают очень жестокие и садистские нападения на ребенка. Чем сильнее наносимые повреждения и причиненная боль, тем больше такой преступник сексуально возбуждается. Агрессивные педофилы или педофилы-садисты чаще всего бывают ответственны за похищения и убийства детей. Клиницисты находят этот тип не только опасным для детей, но и труднее прочих поддающимся исправлению. К счастью, педофилы такого типа встречаются нечасто, однако именно их часто изображают в средствах массовой информации и больше всего связывают с образом растлителя малолетних.

Таким агрессивным педофилом был Альберт Фиш (1870–1936), историю которого описывает Нэш (Nash, 1975). По некоторым оценкам, Фиш по прозвищу «Лунный Маньяк» за двадцать лет совершил более четырехсот сексуальных преступлений в отношении детей. Кроме того, он признался в шести убийствах детей и туманно намекал еще на большое количество других. В конце концов, в 1936 году он был осужден за убийство двенадцатилетней девочки и казнен на электрическом стуле. Недавний пример подобных преступлений — история Джона Уэйна Гэйси-младшего, который совершил садистские убийства тридцати трех подростков и молодых людей и захоронил их тела в подвале своего дома в пригороде Чикаго.

Фиш считал, что к жизни преступника-«извращенца» его привело тяжелое детство. Родители оставили его в раннем детстве, и его поместили в приют, где ему сначала доводилось быть свидетелем жестокости и садизма, а потом и испытать их на себе. Характерно следующее высказывание Фиша: «Невзгоды ведут к преступлению. Я столько раз видел издевательства над мальчиками, что это нарушило мою психику». Он, очевидно, всерьез начал свою карьеру растлителя малолетних, когда жена ушла от него к другому. Это является иллюстрацией того,

что, подобно регрессирующим растлителям детей, агрессивные педофилы могут начинать свою карьеру преступника в качестве реакции на определенные болезненные состояния психики, в том числе на чувство одиночества или ощущение собственной сексуальной несостоятельности.

Классификационная схема растлителей малолетних Массачусетского исправительного центра (МТС:СМ3)

Так же как и схема классификации насильников, которую мы обсуждали выше, система классификации растлителей малолетних, разработанная Массачусетским исправительным центром, за последние годы претерпела целый ряд доработок и уточнений. В попытке более точно отразить сложность классификации педофилов, в схеме МТС:СМ3 (которая называется так по первым буквам слов «Массачусетский исправительный центр: Растлители малолетних; версия 3») сделаны некоторые предварительные изменения по сравнению с описанной выше первоначальной версией. Были рекомендованы три существенных изменения: 1) классифицировать педофилов регрессирующего и фиксированного типов по трем отдельных признакам: фиксации на детях, уровню достигнутой социальной компетентности и количеству контактов, которые преступник имеет с детьми, 2) ввести в схему классификации новый — нарциссический — тип преступника и 3) выделять в насилии сексуального нападения физически травмирующие и садистские компоненты (Knight, 1989).

Исследователи обнаружили, что хотя классификация регрессирующих и фиксированных педофилов является вполне работоспособной, она также оказалась более сложной, чем первоначально предполагалось. Исследователи установили, что категории регрессирующих или фиксированных педофилов могут быть далее подразделены по признакам стиля поведения растлителя, его межличностных отношений с детьми, интенсивности преступных склонностей и достигнутого преступником уровня социальной компетентности. Например, преступников можно было бы классифицировать в соответствии с их уровнем фиксации и социальной компетентности. Уровень фиксации — это сила сексуального интереса преступников к детям (Knight, Carter and Prentky, 1989). Например, в какой степени дети заполняют все мысли и внимание преступников? Если дети находятся в центральном фокусе сексуальных и межличностных фантазий и мыслей преступника в течение больше шести месяцев, то преступник относится к категории сильно фиксированных. Социальная ком-

петентность отражает, насколько эффективно преступник может участвовать в повседневной жизни. Преступник считается социально высококомпетентным, если он удовлетворяет, по крайней мере, двум из следующих признаков: 1) не менее трех лет непрерывно проработал на одном месте, 2) по крайней мере год имел сексуальные отношения со взрослым партнером, 3) занимался воспитанием ребенка в течение трех или более лет, 4) был активным членом какой-либо ориентированной на взрослых организации (например, церковной группы, бизнес-объединения) не меньше года или 5) имел социальную дружбу со взрослым в течение по крайней мере одного года. Использование признаков фиксации и социальной компетентности позволило подразделить растлителей малолетних на четыре типа: сильная фиксация при низкой социальной компетентности (тип 0), сильная фиксация при высокой социальной компетентности (тип 1), слабая фиксация при низкой социальной компетентности (тип 2) и слабая фиксация при высокой социальной компетентности (тип 3). Регрессирующий тип педофилии в МТС:СМЗ определен как тип со «слабой фиксацией».

Исследования также показали, что педофилы могут различаться и по тому, насколько часто они ежедневно взаимодействуют с детьми, которых домогаются.Преступники с интенсивными отношениями — это педофилы, которые регулярно общаются с детьми как в контексте сексуальных приставаний, так и в несексуальном контексте (Knight et al., 1989). «Высококонтактные» педофилы часто устраиваются на работу или организуют занятия и развлечения, которые позволяют им много времени взаимодействовать с детьми, например работают водителями автобуса, школьными учителями, лидерами бойскаутского движения или тренерами Малой Лиги (Little League бейсбольной лиги для детей 8–12 лет). Полученные в исследованиях данные свидетельствуют о том, что существует два типа преступников, которые стремятся к более тесному общению с детьми в дополнение к сексуальным домогательствам. Первый из таких типов — это коммуникативный (межличностный) педофил (тип 1), который предпочитает обширную компанию детей для удовлетворения своих как социальных, так и сексуальных потребностей. Он рассматривает ребенка как адекватного партнера в отношениях и считает, что их дружба доставляет удовлетворение обоим. Второй тип, нарциссический (самовлюбленный) педофил (тип 2), стремится находиться в компании детей только для того, чтобы увеличить свои возможности для сексуальных действий. Подобно

педофилам-эксплуататорам, они обычно пристают к детям, которых не знают, а их сексуальные действия с детьми, как правило, генитально ориентированы (Knight, 1989). Кроме того, они очень мало беспокоятся о потребностях, комфорте или благополучии ребенка или не думают об этом вовсе (Knight et al., 1989).

Другую группу составляют педофилы, не стремящиеся к обширным контактам. Эти малообщительные преступники вступают в контакт с детьми только в контексте сексуального нападения. Педофилы этой категории подразделяются в соответствии с тяжестью наносимых жертвам телесных повреждений. Два типа представляют категорию педофилов, которые обычно оказывают незначительное физическое воздействие на своих жертв (эксплуатационный тип и умеренный садистский тип). Незначительными считаются такие физические воздействия, при которых жертвам не наносятся телесные повреждения, а имеют место лишь подталкивания, шлепки, удержание, словесные угрозы и т.п. Ни одно из таких действий не приводит к сколько-нибудь серьезным травмам (порезам, ссадинам, контузиям). Эксплуатационный несадистский педофил (тип 3) использует не больше агрессии или насилия, чем необходимо, чтобы обеспечить согласие жертвы. При этом признаки того, что садистские действия вызывают у преступника сексуальное возбуждение, отсутствуют. Умеренный или символический педофил-садист (тип 4) совершает разнообразные назойливые, болезненные и угрожающие действия, ни одно из которых не причиняет ребенку физического ущерба.

Наконец, в МТС:СМЗ выделяются два типа педофилов, которые часто применяют к своим жертвам серьезные физические воздействия: агрессивный педофил и педофил-садист. Серьезные физические воздействия — это побои, переломы, удушение, акты содомии или принуждение ребенка пить мочу или поедать кал (Knight et al., 1989). Агрессивный несадистский педофил (тип 5) подобен агрессивному педофилу, описанному ранее, за исключением того, что садизм не является главной целью нападения. Такой преступник чрезвычайно озлоблен на всех и вся и ведет себя агрессивно по отношению ко всем людям, с которыми он сталкивается в жизни, включая детей. Садистский тип педофила (тип 6) получает сексуальное удовольствие от боли, страха и телесных повреждений, которые он причиняет ребенку.

Недавно разработанная система классификации МТС: СМЗ помогает идентифицировать тип преступника, основываясь на информации, собранной на месте преступления, и,

возможно, представляет собой новое слово в классификации типов растлителей малолетних. Однако прежде чем исследователи смогут уверенно пользоваться этой столь перспективной схемой, нужно исследовать популяцию, не охватываемую системой МТС.

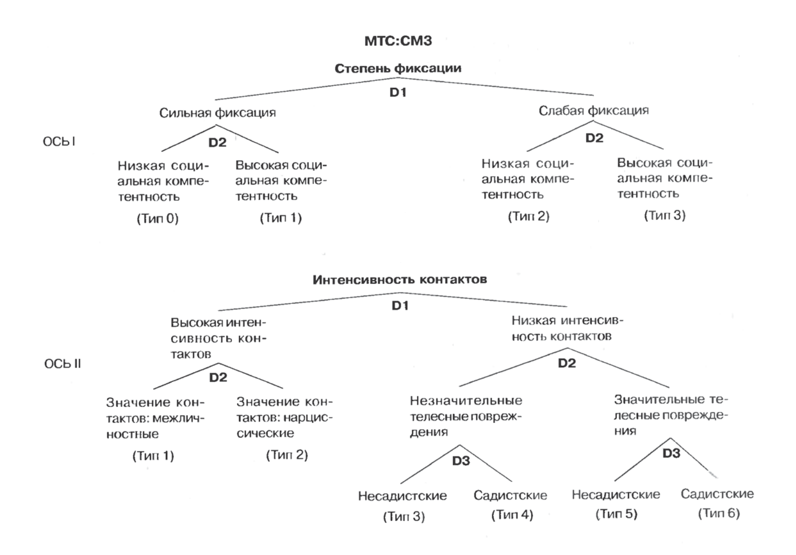


Схема процесса классификации растлителей малолетних по оси I и оси II в соответствии с МТС:СМ3

Источник: R.A. Knight et al., Journal of Interpersonal Violence, 4, p. 8, Figure 1

Классификация Грота

Грот (Groth, 1978; Groth and Burgess, 1977) классифицирует растлителей малолетних по принципу продолжительности существования у преступников поведенческих паттернов и психологических целей. Его система классификации подобна системе Массачусетского исправительного центра. По Гроту, преступник классифицируется как незрелый или фиксированный педофил, если сексуальная тяга к детям существовала у него постоянно, начиная с юности. Как и в системе классификации МТС, фиксированный педофил по системе Грота характеризуется устойчивым на протяжении всей жизни сексуальным влечением, в первую очередь к значительно

более молодым людям или исключительно к ним, независимо от того, имел ли такой человек другой сексуальный опыт или нет. Грот считает, что эта фиксация обусловлена остановкой психологического созревания, происходящей вследствие нерешенных вопросов развития, определяющих последующее формирование личности. С другой стороны, если преступник сумел усвоить некоторые правила, регулирующие его отношения со взрослыми, но возвращается к педофилии под влиянием стрессов или после пережитых травмирующих ситуаций, в которых страдает его чувство собственного достоинства, — он называется регрессирующим педофилом.

Основываясь на результатах своих клинических исследований, Грот также подразделил педофилов согласно их намерениям или психологическим целям. Он выделяет две основные категории: 1) преступники, применяющие сексуальное давление, и 2) преступники, применяющие сексуальное принуждение. В сексуальных преступлениях первой категории типичный образ действий педофила заключается в том, чтобы вовлекать детей в сексуальные отношения путем убеждения или лести или завлекать их, помещая в ситуации, в которых они чувствуют себя признательными или обязанными. Ребенок может чувствовать, что чем-то обязан человеку, который научил его плавать или купил ему велосипед. Сексуальные преступления второго типа, с другой стороны, характеризуются угрозами причинения вреда и/или применением физической силы. Педофил может либо запугивать ребенка, эксплуатируя его относительную беспомощность, наивность и почтение в отношении взрослых, либо нападать на жертву, используя свое физическое превосходство.

Грот полагает, что группу педофилов, применяющих сексуальное принуждение, можно далее подразделить на эксплуатационный тип преступников, которые применяют для преодоления сопротивления жертвы угрозы, и садистский тип преступников, получающих сексуальное удовольствие от нанесения ребенку телесных повреждений. Педофилы эксплуатационного типа обычно используют словесные угрозы, принуждение, манипуляции, шантаж и физическую силу, чтобы преодолеть любое сопротивление со стороны ребенка. В намерения такого преступника не входит обязательное нанесение ребенку травм, он лишь стремится добиться согласия. Садистский тип, который, к счастью, встречается редко, эротизирует физическую агрессию и боль. Он применяет больше силы, чем необходимо для преодоления сопротивления жертвы, и может совершить так называемое убийство

вследствие вожделения (lust murder). Поэтому физическое и психологическое насилие и унижение ребенка необходимы ему, чтобы испытывать сексуальное возбуждение и получить вознаграждение. Нередко преступник избивает ребенка, душит его, мучает и совершает сексуальные действия с особой жестокостью.

Конечно, типология Грота имеет много общего с типологией МТС. Характеристики незрелого и регрессирующего педофила во многом схожи с особенностями преступников, применяющих сексуальное давление, а агрессивные педофилы по многим признакам напоминают педофилов, применяющих сексуальное принуждение. Возможно, в настоящее время было бы более уместно классифицировать педофилов в соответствии со степенью принуждения или количеством применяемой силы, а не по личностным особенностям преступников. Первый метод основан на изучении поведения преступника на более объективном и однозначном критерии. Второй фокусируется на «понимании» поведения с помощью разнообразных личностных конструктов. В настоящее время информации о педофилах у нас слишком мало, чтобы делать это с полной уверенностью.

Рецидивизм

Если предположить, что педофилия является продуктом научения, следовало бы ожидать довольно высокой инцидентности рецидивизма. Однако, как и показатели рецидивизма в масштабах страны для большинства преступлений, показатели рецидивизма педофилов подтвердить трудно. Кроме того, совершая повторное преступление, педофил, несомненно, будет осторожнее в своих действиях и предпримет определенные меры, чтобы избежать обнаружения. Фрисби (Frisbie, 1965), проводя исследования в штате Калифорния, установил, что показатели рецидивизма в течение пяти лет (учитывались зарегистрированные преступления) составили 18,2% для гетеросексуальных педофилов и 34,5% для гомосексуальных педофилов. Однако, как отмечал Шульц (Schultz, 1975), о большинстве преступлений педофилов в правоохранительные органы не сообщают. Абель и его коллеги (Abel, Decker, Murphy and Flanagan, 1981) сообщили, что у заключенных в тюрьму гомосексуальных педофилов в среднем было по тридцать одной жертве, в то время как у гетеросексуальных педофилов по шестьдесят две жертвы. Исследования, проводившиеся в Голландии (Bernard, 1975), выявили, что по крайней мере половина респондентов заявляли о сексуальных контактах более чем с

десятью детьми. 14% выборки, составленной как из арестованных, так и не арестованных педофилов, признались, что у них были сексуальные контакты более чем с пятьюдесятью детьми, а у 6% опрошенных количество контактов составляло от ста до трехсот детей. 56% упомянутой выборки сообщили, что у них было более одного «регулярного» сексуального контакта с детьми. Более 90% утверждали, что не хотят прекращать свои педофилические действия.

Абель и его коллеги (Abel, Mittelman, Becker, Rathner and Rouleau, 1988) сообщают, что из 192 заключенных в тюрьму растлителей малолетних, которые добровольно участвовали в программе исправления, наиболее склонными прекратить участия в программе оказались те, у кого была богатая история значительных и разнообразных педофилических действий. Это значит, что 70% педофилов, которые часто совершали свои действия и не отдавали никакого предпочтения тому или иному возрасту (ребенок или подросток) или полу (мальчик или девочка), выбывали из программы исправления обычно уже на ранних стадиях. Программа исправления состояла из тридцати девяностоминутных групповых сессий, проводимых еженедельно, которые были направлены на уменьшение пристрастности к девиантному способу возбуждения, развитие когнитивного реструктурирования искаженных сексуальных установок и убеждений и повышение социальной компетентности испытуемых в сфере отношений со взрослыми. Кроме того, те испытуемые, которые сумели закончить программу, имея за плечами большой педофилический опыт и большое количество жертв, оказались наиболее склонными к рецидивизму в течение года после участия в программе.

Другие данные о рецидивизме среди педофилов можно найти в работе Маршалла и Барбари (Marshall and Barbaree, 1988), в которой описывается тринадцатилетняя коррекционная программа, проводившаяся в амбулаторных условиях. В этом канадском проекте предлагалась психологическая терапия девиантного сексуального поведения на добровольной основе, предназначенная для всех видов сексуальных преступников. 40% педофилов от терапии отказались. Проект имел доступ к официальным документам (обвинения и приговоры) по всей Северной Америке и, кроме того, к информации из неофициальных каналов местных отделений полиции и Обществ помощи детям в городах, где жили преступники. 32% отказавшихся от терапии педофилов совершили повторные преступления; из участвовавших в программе повторные преступления совершили 14% педофилов. Средний

период последующего наблюдения для обеих групп составлял приблизительно три с половиной года. Из двадцати шести мужчин, которые совершили рецидивы, только одиннадцать были идентифицированы «официально» (обвинения и приговор), тогда как остальные были идентифицированы с помощью «неофициальной» информации. Даже в этом случае неофициальные показатели рецидивизма оставались в некотором смысле официальными, поскольку были собраны общественными агентствами, что дает основание задаться вопросом относительно действительно «неофициальных» показателей рецидивизма для педофилов.

Этиология

Большинство объяснений педофилии сосредоточивается на каком-либо единственном факторе как на главной причине сексуального и социального влечения к детям со стороны взрослых. Например, одна из клинических гипотез предполагает, что педофилы выбирают в качестве сексуального объекта детей, потому что испытывают чувство мужской и сексуальной несостоятельности в отношениях со взрослыми (см., например: Groth, Hobson and Gary, 1982). Они боятся, что мир взрослых будет высмеивать их сексуальное и социальное поведение. В мире детей они спокойно могут быть любопытными, неуклюжими и неопытными. Это наблюдение могло бы помочь объяснить, почему педофилы редко участвуют в гетеросексуальном общении. Однако хотя гипотеза несостоятельности, по-видимому, имеет под собой некоторые основания, она не может объяснить все разнообразие педофилического поведения.

Финкельхор и Араджи (Finkelhor and Araji, 1986) выделили в исследовательской и клинической литературе четыре основные группы теорий педофилии: теории эмоционального соответствия, сексуального возбуждения, блокировки и растормаживания. Наиболее распространенными объяснениями являются те, которые авторы назвали теориями эмоциональной конгруэнтности. Эти теории пытаются объяснить, почему сексуальная связь с детьми доставляет педофилу эмоциональное удовлетворение и соответствует его потребностям. Финкельхор и Араджи называют эти объяснения теориями эмоциональной конгруэнтности по той причине, что они выражают идею о соответствии между эмоциональными потребностями взрослого и характеристиками ребенка. Большинство теорий конгруэнтности являются по происхождению психоаналитическими и основываются на идее «оста-

новки психического развития». Согласно такой точке зрения, педофилы ощущают себя детьми эмоциональными потребностями и зависимостью, соответствующими детскому возрасту, и, следовательно, наиболее комфортно чувствуют себя в обществе детей. Подобная версия делает упор на низкой самооценке педофилов и неэффективности их опыта в повседневной жизни. Отношения с детьми являются для них конгруэнтными, потому что неадекватный взрослый наконец может ощутить себя сильным, всемогущим и способным контролировать отношения. Короче говоря, отношения с ребенком помогают педофилу обрести в жизни чувство полноценности и состоятельности.

Представители второй группы теорий пытаются объяснить, почему педофилы сексуально возбуждаются под воздействием некоторых характеристик детей. Сексуальное возбуждение обычно определяется по увеличению размера пениса при общении с детьми или при наличии сексуальных фантазий, в которых участвуют дети. Эти теории были названы теориями сексуального возбуждения, а их представители утверждают, что педофилов сексуально возбуждают такие стимулы (особенности детей), которые по различным причинам не вызывают сексуального возбуждения у нормальных мужчин. Одно из положений этой группы теории гласит, что все дети обычно приобретают типичный для своего возраста опыт сексуальных игр со сверстниками. Для педофилов детская сексуальная игра, возможно, стала самым ярким, приятным, воодушевляющим и даже, возможно, сексуально захватывающим опытом в жизни. Взрослая сексуальная игра по сравнению с детской оказывалась менее возбуждающей, удовлетворяющей или вознаграждающей; возможно, ее и вовсе не было. Возможно, например, что установить взрослые сексуальные контакты педофилу помешала застенчивость. В этих условиях он, вероятно, избрал наиболее доступный для себя путь сексуального удовлетворения — мастурбацию. Как отмечалось ранее, мощная подкрепляющая роль удовлетворения в результате мастурбации (мастурбаторного обусловливания) была выявлена в клинических исследованиях большинства сексуальных преступлений (Marshall, 1988). Во время мастурбации фантазии педофила могут сосредоточиваться на сексуальных эпизодах из периода детства, которые доставляли ему удовлетворение. Поэтому повторные занятия мастурбацией подкрепляют незрелый уровень сексуального поведения, связанного с детством. Хотя самоудовлетворение может быть нормальным выходом для снятия сексуальной напряженности, для педофила

это становится актом, который укрепляет его влечение к детям. Непрерывная ассоциация между приносящим удовлетворение занятием мастурбацией и фантазиями на тему детских сексуальных впечатлений приводит к формированию сильной связи между сексуальным возбуждением и детьми. В конечном счете дети приобретают значение сексуального стимула, способного вызывать высокий уровень сексуального возбуждения.

Другая версия теории сексуального возбуждения связывает поведение педофила с травмирующим сексуальным преследованием. Многие исследователи отметили, что в детском возрасте педофилы необычно часто становились объектами сексуального преследования (Bard, Carter, Cerce, Knight, Rosenberg and Schneider, 1987). Неясно только, как сексуальная травма, которая носила негативный характер, обусловливает педофилию, связанную с сексуальным удовольствием.

Теории блокировки предполагают, что педофилия является результатом блокировки нормального сексуального и эмоционального удовлетворения от отношений со взрослыми. Разочаровавшись в поисках нормальных способов сексуального удовлетворения, преступник находит выход в сексуальных отношениях с детьми. Теории блокировки акцентируют внимание на таких особенностях личности педофила, как неуверенность, робость, неадекватность и неуклюжесть в отношениях, и доказывают, что дефицит социальных качеств делает для такого человека почти невозможным формирование нормальных социальных и сексуальных отношении со взрослыми женщинами. Например, когда расстраиваются брачные отношения, педофил может направить сексуальное внимание на собственную дочь.

Четвертая группа объяснений концентрируется вокруг потери личных ограничений и контроля над собственным поведением. Теории растормаживания выделяют разнообразие обстоятельств, которые, возможно, провоцируют преступника на его поступки. Слабый контроль над побуждениями, чрезмерное употребление алкоголя и наркотиков и разнообразные стрессогенные факторы — все это может способствовать переходу грани, отделяющей нормальные сексуальные отношения от девиантных. Как уже упоминалось, многие педофилы отказываются брать вину на себя и приписывают причину своего поведения внешним силам. «Я не могу ничего с собой поделать» или «Я не знаю, что со мной происходит» — вот типичные объяснения.

Какая из этих точек зрения лучше подходит для объяснения педофилии? Ни одна из них сама по себе не может объяснить все многообразие причин и весь диапазон пережитого опыта, убеждений, мотивов и установок педофилов.

Эксгибиционизм

Эксгибиционизм — это преднамеренное обнажение гениталий перед другим человеком для достижения собственного сексуального удовлетворения. Несколько авторов сообщили, что в некоторых странах эксгибиционизм, часто называемый непристойным обнажением, является самым распространенным сексуальным преступлением из известных полиции (например: Wincze 1977; Coleinan, 1976). В Канаде и Соединенных Штатах эксгибиционизм, в правовой системе обычно называемый непристойным и похотливым поведением, составляет приблизительно 1/3 всех сексуальных преступлений (Evans, 1970; Rooth, 1974), а в Великобритании — 1/4 (Feldman, 1977). По оценке Банкрофта (Bancroft, 1976), эксгибиционизм является вторым по распространенности сексуальным отклонением у лиц, проходящих лечение в учреждениях душевного здоровья в Англии. Рут (Rooth, 1973, 1974) приводит доказательства того, что практика самообнажения — прежде всего явление, свойственное Западу. Массовые опросы, проводившиеся в Индии, не выявили ни одного случая эксгибиционизма (Rooth, 1974). За год в Японии было вынесено всего пятьдесят девять обвинительных заключений по этому виду правонарушений, тогда как в Англии и Уэльсе в течение того же самого года это количество составило 2767. Рут (Rooth, 1973) также предполагает, что эксгибиционизм редко встречается в странах третьего мира и в Латинской Америке.

В какой мере эксгибиционизм представляет собой исключительно западное явление — вопрос, остающийся открытым для обсуждения. Многое зависит от культуры и от отношения к нему полиции в каждой стране. В латиноамериканских странах, например, вполне обычно видеть прилюдно мочащихся мужчин и женщин (Rhoads and Bories, 1981). Если общество безразлично реагирует на обнажение или на демонстрацию половых органов, эксгибиционизм теряет свое шокирующее значение. Пытаясь определить сопоставимые показатели эксгибиционизма, Роудс и Борьес проводили опрос среди работающих женщин в Соединенных Штатах и в Гватемале, пытаясь выяснить, как часто они видели людей, обнажавших себя публично. Обзор не показал никакого различия в количестве случаев, однако официальные отчеты из этих двух стран раз-

личались кардинально. Это может отражать нежелание гватемальских женщин сообщать об эксгибиционизме, поскольку полицейские чиновники, весьма вероятно, будут смеяться над жертвой.

Эксгибиционисты почти всегда мужчины, которым доставляет наслаждение вызывать удивление и шокировать своих зрителей. Их следует отличать от стриптизеров и мужчин, и женщин, — которые обнажаются в первую очередь ради экономической выгоды, а не для сексуального удовлетворения. Кроме того, люди, наблюдающие стриптиз, делают это преднамеренно и добровольно. Иногда эксгибиционисты мастурбируют во время обнажения, но чаще предпочитают делать это в уединении, сразу после обнажения.

Ситуативные характеристики

Если эксгибиционисту несвойственна чрезмерная развязность, он может, например, скрываться за оконными шторами в своем доме и ждать, когда ученики пойдут из школы. Когда мимо проходят юные девушки, он распахивает окно, быстро демонстрирует себя и мгновенно прячется за шторами. Однако это опасно, так как личность такого правонарушителя легко установить. Для другой излюбленной процедуры используется автомобиль, который медленно следует за женщиной или за группой женщин. Как только автомобиль поравняется с женщиной, эксгибиционист открывает дверцу, демонстрирует себя и быстро уезжает. Более смелый эксгибиционист часто действует как «уличный эксгибиционист (flasher)», который распахивает пальто перед избранной жертвой, убеждается в том, что произвел некоторое впечатление, а затем убегает или уходит прочь.

Любимые места для обнажения могут быть различными, однако большинство эксгибиционистов предпочитает общественные места — парки, театры, магазины или относительно тихие улицы. Проводившееся в Торонто исследование (Mohr, Turner and Jerry, 1964) показало, что 74% опрошенной выборки предпочитали открытые места и чаще всего демонстрировали себя непосредственно из припаркованного автомобиля. Прочие члены выборки обычно предпочитали собственные дома, демонстрируя себя через окно или раскрытую дверь.

Подавляющее большинство эксгибиционистов в качестве жертв предпочитает незнакомок и редко демонстрирует себя более одного раза одной и той же жертве. Хотя жертвами обычно являются женщины, эксгибиционист может иногда демонстрировать себя взрослым мужчинам и мальчикам. Экс-

гибиционисты, предпочитающие взрослых женщин, обычно демонстрируют себя им индивидуально, тогда как те, кто предпочитают девочек, как правило, показывают себя маленьким группам из двух-трех девочек (Evans, 1970; Mohr, Turner and Jerry, 1964). Большинство взрослых женщин-жертв эксгибициониста находятся в возрасте около двадцати лет и обычно не состоят в браке. Это поддерживает теорию, что большинство эксгибиционистов выбирает свои жертвы преднамеренно, опираясь на определенные признаки. Например, эксгибиционист может отдавать определенное предпочтение девочкам девяти-одиннадцати лет, которые выглядят «наивно». Другой может искать симпатичное лицо, темные волосы, красивые ноги или какие-либо другие физические особенности. Эксгибиционисты могут также иметь некоторые предпочтения в выборе условий и времени дня для публичного обнажения. В действительности, многие эксгибиционисты настолько предсказуемы, что если об инциденте будет сообщено в полицию, их можно легко обнаружить и арестовать.

Характеристики преступника

Большинство эксгибиционистов начинают практиковать подобное поведение со времени полового созревания, чаще всего в период между пятнадцатью и тридцатью годами (Evans, 1970). Вопреки распространенному мнению, дебют после тридцатилетнего возраста встречается чрезвычайно редко, если не считать людей с психическими нарушениями, связанными с органическим поражением головного мозга или со старческим слабоумием. По сравнению с генеральной совокупностью, эксгибиционисты обычно имеют как минимум средний уровень интеллекта, средний образовательный уровень и средние профессиональные притязания (Blair and Lanyon, 1981). Оказывается, что у большинства из них вполне солидный трудовой стаж (Mohr, Turner and Jerry, 1964).

Психозы или другие умственные нарушения среди эксгибиционистов встречаются не чаще, чем в популяции в целом (Blair and Lanyon, 1981). Однако уровень инцидентности предшествующих сексуальных преступлений (не эксгибиционизма), включая вуайеризм и даже покушения на изнасилование, у эксгибиционистов оказался выше среднего. В большинстве своем эксгибиционисты не совершают в отношении своих зрителей актов агрессии и не желают сексуального общения с ними. Весьма вероятно, что если бы жертвы стали проявлять интерес к сексуальной деятельности, большинство эксгибиционистов испугались бы, смутились и убежали. В большинст-

ве случаев основной мотив эксгибиционизма — сексуальное возбуждение (подкрепление), которое преступник получает от того, что ему удалось шокировать, удивить или слегка испугать свою жертву. Эти реакции вызывают значительное сексуальное возбуждение. Позже такой человек, вероятно, будет мастурбировать, представляя себе этот образ. С другой стороны, если эксгибиционист не увидит ожидаемого испуга или удивления, а вместо этого увидит безразличное, незаинтересованное выражение лица, он почувствует разочарование и воспримет это как некоторый ущерб для чувства собственного достоинства.

Хотя многие эксгибиционисты женаты, большинство считаются социально и сексуально неблагополучными. Так считают и они сами, и те, кто их окружают. Многие чересчур интровертированы, застенчивы, социально неразвиты и чувствуют себя некомфортно в большинстве социальных ситуаций. В целом их описывают как неуверенных в себе, скромных, робких и пассивных. Большинство эксгибиционистов испытывают тягу к обнажению себя после удара по их хрупкому самолюбию — удара, который вызвал усиление чувства несостоятельности и напряжения.

Поэтому, подобно другим сексуальным преступлениям, эксгибиционизм является продуктом научения, поведенческим паттерном, подкрепленным сексуальным возбуждением и последующим ослаблением напряженности, достигнутым через мастурбацию. Многие эксгибиционисты указывают на то, что их поведение было первоначально приобретено в результате некоторых предподростковых сексуальных игр или случайным образом. Например, история большинства эксгибиционистов включает яркие воспоминания о юной девушке, выражающей изумление или страх от полового члена, увиденного либо случайно, либо в процессе сексуальной игры. Характерно, что это внимание вызывало сексуальное возбуждение у мужчины, и он мастурбировал, представляя себе этот случай. Этого не столь необычного случая обычно недостаточно для того, чтобы сформировался эксгибиционизм. Однако повторное соединение воспоминания об этом случае с сексуальным возбуждением, достигаемым с помощью мастурбации, может привести к закреплению склонности к эксгибиционизму у тех людей, у которых не сформированы достаточные механизмы самоконтроля или саморегуляции. Это значит, что доставляющие удовольствие повторные занятия мастурбацией в сочетании с этими мысленными представле-

ниями являются сильным подкреплением для случайной демонстрации своего полового члена жертвам, которые воспринимаются как суррогат первичных наблюдателей. Если первая реальная демонстрация своих половых органов вызывает сексуальное возбуждение, формируется сильная подкрепляющая цепь событий. Каждый раз, когда эксгибиционист демонстрирует свои половые органы и получает эту последовательность вознаграждения, поведенческий паттерн становится все устойчивее.

В течение следующих периодов стресса и переживаний собственной несостоятельности демонстративное обнажение становится все более и более эффективным способом преодоления неблагоприятных эмоций, особенно когда доступны предпочитаемые жертвы. Следовательно, поскольку эксгибиционизм является приобретенной реакцией, он продолжает оставаться повторяющимся и стойким к коррекции. Кроме того, эксгибиционисты могут демонстрировать себя много тысяч раз без жалоб со стороны жертв. Возмущенные взрослые сообщают о случаях эксгибиционизма только тогда, когда жертвами оказываются их дети. Даже тогда они могут не сообщать в полицию, чтобы избавить ребенка от необходимости описывать полиции подробности инцидента.

Важно отметить, что эксгибиционисты, в отличие от многих педофилов, часто выражают желание изменить свое поведение. Они могут демонстрировать себя много раз, но, будучи обнаруженными, в большинстве случаев будут стремиться получить терапевтическую помощь. Кроме того, не так уж редки случаи, когда эксгибиционисты обращаются за профессиональной помощью до того, когда они оказываются под арестом за свое поведение.

Вуайеризм и фетишизм

Вуайеризм, также известный как скопофилия, или подглядывание, — вид полового извращения, который заключается в том, чтобы достигать сексуального возбуждения и удовлетворения от подсматривания за ничего не подозревающими людьми, когда они обнажены, раздеваются или совершают сексуальные действия. Термином «фетишизм» называют сексуальное стремление к неодушевленным предметам, а не к людям. Он отличается от партиализма (partialism) — гипертрофированного сексуального интереса к некоторым частям человеческого тела, которые в обычных условиях не ассоциируются с сексуальным возбуждением, например к колену. Фетишист мо-

жет сексуально возбудиться при виде ботинок, сумочек, чулок, трусиков, меха или даже выхлопной трубы автомобиля. Объект фетиша можно поцеловать, приласкать, попробовать на вкус, понюхать или просто на него посмотреть.

И вуайеризм и фетишизм не считаются тяжкими сексуальными преступлениями, так как обычно не причиняют серьезного вреда обществу. Разумеется, эти извращения представляют собой бесцеремонное вторжение в частную жизнь других людей, поскольку подсматривание за «жертвами» осуществляется без их ведома, а их личные владения используются в «ненормальных» целях. Когда вуайерист или фетишист причиняет беспокойство, нарушает владения, незаконно проникает в жилище, повреждает имущество или ворует предметы, то он действует незаконно.

Напомним, что вуайерист иногда становится эксгибиционистом, и наоборот. Однако вуайерист реже, чем эксгибиционист, совершает серьезные преступления, например изнасилования или другие формы насильственных преступлений. Он не наносит своим жертвам телесных повреждений, и, как и эксгибициониста, его нередко описывают как пассивного, застенчивого, сосредоточенного на себе, покорного и безопасного человека. Клинические исследования показывают, что он страдает от серьезных проблем в общении с противоположным полом и социальной и сексуальной незрелости.

Определенного внимания заслуживает одно наблюдение, сделанное в рамках исследования Фонда Суда Королевской Скамьи (1978). Приблизительно 10% из интервьюированных осужденных насильников признавались в том, что они подсматривали за своей жертвой через окно перед тем, как напасть па нее. Авторы предположили, что учитывая это открытие, некоторых любителей подсматривать необходимо обследовать на наличие склонности к насилию. Тем не менее необходимо отметить некоторые отличительные аспекты вуайеризма. Все преступники, кроме одного, заявили, что перед тем как начинать подглядывать, они собирались совершить изнасилование. Один насильник, утверждавший сначала, что, подглядывая за своей жертвой, он не намеревался изнасиловать ее, впоследствии признал, что все же хотел вступить с нею в сексуальные отношения. Кроме того, во время ареста у всех этих преступников, кроме одного, в доме было найдено оружие (ножи, огнестрельное оружие и др.), хотя они обычно не носили его с собой. Преступления обычно совершались путем насильственного вторжения в

жилище жертвы, а жертву часто насиловали с чрезвычайной жестокостью.

Следовательно, эти насильники, вероятно, имели мало общего с типичными вуайеристами. Их намерение с самого начала состояло в том, чтобы совершить насилие над жертвой. Они, очевидно, вели наблюдение за жертвой с целью установить ее привычки, узнать, кто еще находился дома и как лучше всего проникнуть в ее жилище. Другими словами, они преследовали своих жертв. Типичный вуайерист получает сексуальное удовлетворение от подглядывания, воображения и, в конечном счете, мастурбации, без намерения иметь сексуальный контакт с жертвой, принудительно или иным образом.

Вуайеризм, подобно другим формам сексуальных отклонений, является приобретенным повелением. Хотя у каждого индивида есть свой особенный способ подглядывания, многие вуайеристы сообщают о своем юношеском опыте достижения сексуального возбуждения при наблюдении за раздеванием ничего не подозревающей женщины. Многие клинические исследования свидетельствуют о том, что мысленное представление этой сцены впоследствии ассоциируется с сексуальным возбуждением, которое опять же находит удовлетворение через мастурбацию. В конечном счете, такое обусловливание (условный рефлекс) приводит к появлению желания подсматривать различные реальные сексуальные сцены. Нужно учесть, что важным компонентом сексуального возбуждения, переживаемого вуайеристом, является раздевание его жертвы, не подозревающей о его присутствии. Эротические фильмы или порнография вряд ли могут послужить для этой цели.

Фетишизм является преимущественно мужским явлением и происходит в приватной обстановке, дома без вмешательства в жизни других людей. Для фетишиста сексуальным объектом являются неодушевленные предметы, с помощью которых он периодически достигает сексуального возбуждения. Объектом (фетишем) наиболее часто становятся некоторые предметы женской одежды, которые носят на теле, например предметы нательного белья, ботинки, туфли или чулки. Фетиш обычно используется при мастурбации; при этом субъект может тереть им свои половые органы, держать его в руках, обнюхивать или просто просить партнера надевать эти предметы одежды по время сексуальных отношений (DSM-IY, 1994, p. 526). Через классическое обусловливание сексуальное значение может приобрести практически любой предмет.

Госселин и Вильсон (Gosselin and Wilson, 1984) описывают человека, у которого было неудержимое влечение к английским булавкам. С восьмилетнего возраста он испытывал чрезвычайное сексуальное удовольствие от пристального разглядывания этих блестящих предметов, закрывшись в ванной. «Когда ему было 23 года, его жена стала свидетелем полного цикла его странного поведения, которое началось с того, что он смотрел на английскую булавку около минуты. Он уставился на нее застывшим взглядом, издавая нечленораздельные звуки, совершая сосущие движения губами и оставаясь в полной неподвижности в течение минуты-двух» (Gosselin and Wilson, 1984, p. 104).

Как упоминалось выше, большинство объектов фетишиста — предметы, надеваемые женщиной, например предметы нательного белья, туфли, ботинки или трикотаж. Чокли и Пауэлл (Chalkley and Powell, 1983) установили, что нижнее белье, чулки и другие виды дамского белья были наиболее популярны у британских коллекционеров фетишем. Следующими по распространенности были резники и некоторые резиновые вещи, например, прорезиненные плащи, трубки, куклы и принадлежности для клизм.

В своем превосходном, хотя и спорном примере обусловливания фетиша Рачмен (Rachman, 1966) показывал испытуемому-мужчине слайд пары женских черных ботинок, сразу же после чего показывал слайды привлекательных обнаженных женщин (сексуальное возбуждение). После некоторого числа таких предъявлений испытуемые начинали сексуально возбуждаться в ответ на показ слайда с ботинками, о чем свидетельствовало набухание полового члена. Было также показано, что испытуемые начинали возбуждаться, не только увидев слайды определенных ботинок, но также и при показе слайдов других ботинок, а также туфель.

Фетишизм заслуживает нашего внимания прежде всего потому, что человек с сильным влечением к объекту может совершать кражи или незаконные проникновения в помещения для того, чтобы его заполучить. Один из главных способов, каким фетишист добывает объект своего влечения, кража. А поскольку в современном обществе сушилки для одежды распространены больше, чем бельевые веревки, то традиционный способ «охоты» фетишиста — кражи сохнущего белья с веревки на заднем дворе — был изменен более радикальными методами. Чокли и Пауэлл (Chalkleyand Powell, 1983), опросив свою выборку, состоящую из сорока восьми фетишистов,

обнаружили, что 38% из них испытывали значительное волнение и сексуальное возбуждение при краже фетиша. В этом смысле можно заключить, что некоторое количество загадочных краж (когда похищаются незначительные предметы, а более ценные вещи остаются нетронутыми) является результатом нетерпеливых поисков фетишей. Некоторые грабители фетиша достигают сексуального возбуждения, только находясь в чьем-то доме без ведома и присутствия хозяина. Однако грабитель-фетишист может, наряду со своим фетишем, прихватить и ценные вещи — либо с тем, чтобы отвести от себя подозрения, либо чтобы обеспечить «приличное» и «разумное» объяснение кражи в случае, если его обнаружат. В одном серьезном случае фетишизма, описанном Хейзелвудом и Берджесом (Hazelwood and Burgess, 1987), преступник признался, что он совершил более пяти тысяч краж прежде всего для того, чтобы добывать женские трусики, необходимые ему для удовлетворения его потребности. По его оценке, примерно в половине случаев его краж он крал ценные вещи.

Исправительная работа с сексуальными преступниками

Сексуальным преступникам, как правило, удается изменить свои девиантные паттерны поведения лишь с большим трудом. Несмотря на то что было испробовано огромное количество различных исправительных программ, только немногие из них успешно помогали уменьшить число сексуальных преступлений. Опрос исправительных учреждений для сексуальных преступников, проведенный в 1994 году, показал, что на тот момент существовало 710 исправительных программ для взрослых и 684 программы для подростков (Longo, Bird, Stevenson and Fiske, 1995), по сравнению с 297 исправительными программами для взрослых и 346 программами для подростков в 1985 году (Knopp, Rosenberg and Stevenson, 1986). Несмотря на увеличение количества исправительных программ, доля действенных методик остается удручающе низкой. После тщательного обзора исследовательской и клинической литературы Ферби, Вейнротт и Блэкшоу (Furby, Weinrott and Blackshav, 1989, p. 27) сделали следующий вывод: «На сегодняшний день нет никаких доказательств того, что клиническое лечение уменьшает количество повторных сексуальных преступлений в целом, и нет никаких данных, которые позволили бы оценить, может ли оно быть дифференциально эффективным для различных типов преступников».

В обзоре Ферби охвачены все варианты терапевтических подходов. Райс, Харрис и Куинси (Rice, Harris and Quinsey, 2001, p. 30) также пишут: «эффективность исправительной работы с сексуальными преступниками необходимо еще доказать... В этом смысле литература, в которой публикуются результаты исправительной работы, абсолютно бесполезна и не дает нам никаких подсказок, помогающих выбрать эффективные стратегии работы с конкретными типами сексуальных преступников».

Прентки, Найт и Ли (Prentky, Knight and Lee, 1997) пришли к заключению, что исправительная работа, направленная на сексуальных преступников, может осуществляться четырьмя способами. Первый способ — это пробуждающая воспоминания терапия, воздействие которое сфокусировано: 1) на помощи преступникам в понимании причин и побуждений их сексуального поведения и 2) на увеличении их сочувствия к жертвам сексуального нападения. Пробуждающая воспоминания терапия может включать индивидуальное, групповое, парное, супружеское и семейное консультирование. Вторым способом является психологообразовательное консультирование, которое проводится в форме групп или аудиторных занятий, направленных на устранение дефицита социальных и межличностных навыков. Психологообразовательные методы могут быть направлены на выработку умения контролировать эмоции, на профилактику рецидивов, а также на просвещение в таких вопросах, как человеческая сексуальность, отношения между мужчиной и женщиной и мифы о сексуальности и отношениях между людьми. Третий способ — медикаментозное лечение. Этот подход концентрируется на «снижении сексуальной возбудимости и частоты девиантных сексуальных фантазий с помощью антиандрогенов и антидепрессантов» (Prentky et al., 1997, p. 13). Четвертый способ — когнитивная терапия поведения, которая сосредоточивается на изменении представлений, фантазий, установок и аргументов, которые оправдывают и закрепляют насильственное сексуальное поведение. Прентки и его коллеги (1997) считают, что наиболее эффективной стратегией могла бы стать, по-видимому, некоторая комбинация этих четырех подходов, хотя какая именно — остается неясным. Однако они соглашаются, что когнитивно-бихевиоральные подходы (дополненные при необходимости некоторым медикаментозным лечением) остаются наиболее эффективными способами временного прекращения девиантного сексуального поведения у заинтересован-

ных индивидов. С точки зрения когнитивно-бихевиоральной терапии, неадекватное сексуальное поведение является продуктом научения и усваивается по тем же самым законам, что и нормальное сексуальное поведение: посредством как классического, так и инструментального обусловливания, моделирования, подкрепления, обобщения и наказания. Поэтому оно поддается изменению. Когнитивно-бихевиоральная терапия, по сравнению с традиционной рациональной, ориентированной на понимание психотерапией, доказала свою краткосрочную эффективность в устранении эксгибиционизма и фетишизма (Kilmann, Sabalis, Gearing, Bukstel and Scovern, 1982), некоторых форм педофилии (Hall, 1995; Marshall and Barbaree, 1988), а также сексуальной агрессии и чрезмерной сексуальной возбудимости (Quinsey and Marshall, 1983).

Главная задача, однако, состоит не в том, чтобы помочь желающему измениться преступнику прекратить свои девиантные сексуальные занятия: задача в том, чтобы не допустить рецидивов в будущем и в других ситуациях. Это в чем-то напоминает соблюдение диеты. Большинство режимов похудания работают в тех случаях, когда человек действительно хочет похудеть. Однако они вряд ли могут гарантировать, что человек в конечном счете вновь не вернется к старым привычкам в еде.

Многообещающим подходом в исправительной работе с сексуальными преступниками является Программа профилактики возврата девиантного поведения (RP). «RP — это программа выработки навыков самоконтроля, предназначенная для того, чтобы научить людей, которые пытаются изменять свое поведение, предвидеть возможность рецидивов и не допустить их» (George and Marlatt, 1989, p. 2). Программа концентрируется на умении владеть собой: считается, что хотя клиенты не могут быть ответственными за причины своего поведения, они, тем не менее, должны отвечать за решение проблем. И в соответствии с названием программы, она концентрируется на профилактике возврата девиантного сексуального поведения. Поэтому RP разделяет задачу избавления от вредных наклонностей и задачу поддержания клиента в здоровом состоянии. Как утверждалось ранее, бихевиоральная терапия эффективна в прекращении девиантного поведения, но программа RP специально предназначена для того, чтобы действенно помогать людям поддерживать состояние «ремиссии». В этой программе проводятся различия между терминами «возврат» и «срыв» (relapse и lapse). «Возврат — это нарушение установленного для себя правила или системы

правил, регулирующих нормы или стереотипы определенного целевого поведения» (George and Marlatt, 1989, p. 6). Срыв, с другой стороны, — это «единичный случай нарушения правила» (p. 6). «Применительно к сексуальным преступникам термин „возврат“ будет относиться к любым повторениям сексуального преступления, означая, таким образом, возврат проблематичного поведения в полном масштабе. Термин „срыв“ относится к любому случаю возникновения преднамеренных и обдуманных фантазий о сексуальном преступлении или любое возвращение к источникам стимуляции, связанным с паттерном сексуального преступления, но не к реализации самого преступного поведения» (p. 6).

У программы RP, как системы принципов и вмешательств, ориентированных на оказание психологической поддержки, две главные цели: она учит людей 1) эффективно справляться с «ситуациями высокого риска» (HRS) и 2) идентифицировать ранние признаки, предупреждающие о возможной опасности и об «очевидно неадекватных решениях» (AID), и реагировать на них. Ситуация высокого риска — это любая ситуация, которая ставит под угрозу способность человека контролировать свое поведение и, следовательно, увеличивает вероятность срыва или возврата девиантного поведения. Примеры ситуаций высокого риска, которые могут предрасполагать человека к повторению преступлений, включают отрицательные эмоциональные состояния, такие как злость и депрессия, межличностные конфликты и различные социальные давления (George and Marlatt, 1989). Исследование Питерса и его коллег (Pithers, Kashima, Gumming, Beal and Buell, 1988; Pithers et al., 1989) показало, что насильники перед совершением акта сексуальной агрессии часто испытывают злость и употребляют алкоголь или другие психотропные вещества. Педофилы, напротив, перед тем как найти ребенка, часто испытывают беспокойство или подавленность. Переживание собственной несостоятельности и низкая самооценка присущи обеим группам. Эти признаки свойственны начальным стадиям ситуации высокого риска. Другими словами, они психологически предрасполагают человека к рецидиву.

Оказалось, что возврат девиантного поведения происходит вследствие цепочки событий, каждое из которых представляет собой ситуацию высокого риска (Pithers, Marques, Gibat and Marlatt, 1983; George and Marlatt, 1989). Вначале появляются побуждения, мимолетные мысли или мечты о совершении преступления. За этим следуют более изощренные

фантазии о совершении преступления. Затем возбужденный субъект занимается мастурбацией, продолжая фантазировать или рассматривая порнографические изображения, связанные с предполагаемой сексуальной деятельностью. Он начинает разрабатывать план совершения преступного действия. Наконец, субъект его совершает. RP обеспечивает систему, в рамках которой различные бихевиоральные, когнитивные и образовательные методы используются для того, чтобы научить сексуальных преступников распознавать и прерывать эти цепи событий (Marshall and Barbaree, 1988).

Если человек не знает, как справиться с этими ситуациями высокого риска, существует высокая вероятность того, что он может сорваться или рецидивировать. С другой стороны, если он научится справляться с обстоятельствами и сможет успешно проходить через ситуации повышенного риска, не нарушая при этом только что усвоенные правила, приобретенная способность контролировать свои действия усилится, а вероятность рецидивов снизится. Человек приобретает чувство уверенности и самодостаточности и становится лучше подготовленным к следующей встрече с ситуациями высокого риска.

Вторым компонентом в RP-вмешательстве является AID — очевидно неуместные решения. Решение, которое на первый взгляд кажется безвредным и не связанным с ситуациями высокого риска, как раз и может стать первым шагом к рецидиву. Например, решение педофила прогуливаться в парках и школьных дворах в то время, когда они точно заполнены детьми, могло бы быть ранним предупредительным сигналом. Поэтому важно, чтобы человек научился распознавать и предотвращать такие явно иррелевантные решения.

Для успешности профилактического RP-вмешательства особое значение имеет мотивация преступника. Без мотивации программа работать не будет. Напомним, что другой ключевой особенностью RP-программы является то, что она предназначена для помощи в прекращении ненормативного поведения, а не прекращения его непосредственно. Поэтому RP должна предшествовать программа терапии поведения или другая традиционная форма коррекционной работы, которая может прекратить девиантное поведение. Стадия исправления обычно занимает относительно короткое время. Другой важный момент, который выделяют Джордж и Марлатт (George and Marlatt, 1989), состоит в том, что одно лишь лишение свободы без курса коррекционной работы не может предотвра-

тить повторные преступления. Они предлагают три объяснения этого факта. Во-первых, навязываемый извне принудительный контроль мало способствует тому, чтобы преступник обращался за помощью в изменении его жизни. Во-вторых, у преступника может все еще сохраняться приверженность к преступному паттерну через воображение. В-третьих, можно предположить, что преступник на самом деле может продолжать заниматься чем-то напоминающим его преступные паттерны даже во время заключения.

Программа добровольной амбулаторной коррекционной работы, предназначенная для растлителей малолетних, которую описали Маршалл и Барбари (Marshall and Barbaree, 1988), очень хорошо иллюстрирует некоторые процедуры, с помощью которых пресекается нежелательное поведение. В программе используются разнообразные бихевиоральные техники. Сначала клиницисты используют аверсивное обусловливание (выработку условного рефлекса с помощью отрицательного подкрепления), связывая удар током с девиантными визуальными и вербальными образами, возникающими у преступника. Затем с помощью терапии насыщением они уменьшают привлекательность девиантных фантазий во время занятия мастурбацией. Терапия насыщением представляет собой попытку ослабить сексуальные побуждения и тягу путем частой мастурбации. Наконец, они пытаются избавиться от девиантных мыслей, вызываемых видом детей или развивающихся в результате ежедневных фантазий, с помощью нюхательной соли. Каждый пациент имеет при себе нюхательную соль, и всякий раз, когда у него возникают девиантные мысли, пациент, согласно инструкции, должен поднести соль к носу и глубоко вдохнуть. Посредством аверсивного обусловливания вскоре девиантные мысли крепко ассоциируются с неприятным запахом нюхательной соли. В настоящее время нет никаких фактов, свидетельствующих о том, что такая аверсивная терапия оказывает отрицательное воздействие на «нормальные» сексуальные мысли и поведение.

Программа также способствует росту социальной компетентности растлителя малолетних через обучение его навыкам беседы со взрослыми партнерами, а также через снижение уровня его тревожности в ситуации общения со взрослыми. В программу исправительной работы также входит выработка уверенности в себе и консультирование пациентов по вопросам распоряжения финансами, досуга, употребления наркотиков или алкоголя. Маршалл и Барбари в тече-

ние трех с половиной лет осуществляли наблюдение за 117 пациентами, с некоторыми из них проводилась описанная выше исправительная работа, а с некоторыми нет. Было установлено, что 32% членов той группы, с которой не проводилась исправительная работа, совершили повторные преступления, тогда как в группе, задействованной в коррекционной программе, эта доля составила только 14%. В другой программе профилактики рецидивов Питерс и др. (Peters et al., 1988) насчитали в течение короткого периода наблюдения (менее одного года) 10% рецидивов у насильников и 3% рецидивов у педофилов.

Программа RP разработана относительно недавно, и ее долгосрочный успех еще должен быть доказан. Однако она действительно обещает быть перспективной в деле устранения девиантного поведения у тех преступников, которые хотят измениться. И как отметили Прентки и др. (Prentky et al., 1997, p. 14): «Основополагающим фактором в коррекционной работе с сексуальными преступниками считается непрерывность воспитательного воздействия. Поддерживающие мероприятия нужны постоянно, поэтому Программа профилактики рецидивов никогда не прекращается. Клиническая помощь со стороны сообщества должна быть поддерживающей, своевременной и основываться на современных знаниях о максимально эффективных способах поддержки».

Выводы

Изнасилования совершаются по разнообразным причинам и разными преступниками. Главным мотивом, по-видимому, является стремление причинить жертве вред, унизить ее или поставить в неловкое положение. В некоторых ситуациях насильник может искренне считать свое поведение безобидным, полагая, что его жертвы наслаждаются грубым обращением с ними. Однако эффект неизменно оказывается противоположным. Психологический и социальный ущерб, причиняемый жертве, неизмерим. Сексуальные нападения, совершаемые мужьями, возлюбленными и близкими друзьями, совершаются намного чаще, чем это обычно предполагается.

Большинство насильников — молодые люди, которые уже имеют опыт изнасилований и других насильственных действий. Предпринималось несколько попыток создать систему типологии или классификации сексуальных преступни-

ков, самой известной из которых являются система Массачусетского исправительного центра и система Грота.

Поведение насильника, по-видимому, частично можно объяснить типом окружения, в котором формировался преступник. Насильника создавала информация, полученная из разнообразных источников, а также модели, системы убеждений и ценности, которые поощряют и оправдывают насильственное поведение. К тому же большинство насильников имеет установки и идеологию, поощряющие доминирование мужчин, мужское правление и силу, тогда как женщинам следует быть покорными, доступными и послушными. Такие установки, возможно, распространены в обществе — как среди мужчин, так и среди женщин — гораздо более, чем принято считать.

Мы также узнали, что под влиянием очень сильного возбуждения любые сомнения в правоте собственного поведения, которые могли бы удержать человека, совершающего сексуальное нападение или мысли о его последствиях, могут быть быстро преодолены. Как мы уже видели в отношении убийства и нападений, высокие уровни возбуждения уменьшают внимание к частному самосознанию и личным стандартам допустимого поведения. Находясь в состоянии чрезвычайного возбуждения, некоторые обычно законопослушные люди могут становиться насильниками или, по крайней мере, могут ссылаться на чрезмерное возбуждение как на оправдание насильственного поведения. Конечно, некоторые люди обладают системой ценностей, которая оправдывает насилие или решение межличностных конфликтов через насилие независимо от уровня возбуждения.

Педофилия, также потенциально очень серьезное преступление с точки зрения ущерба для жертвы, связана с меньшим количеством агрессии и насилия, кроме, конечно, типов педофилии, включающих изнасилования и нападения. Оказывается, что педофилия мотивируется как сексуальным вожделением, так и ожиданием сексуальной адекватности. Подобно изнасилованию, его совершают преступники, обладающие различными личностными характеристиками и по разным причинам. Не существует универсального «профиля растлителя малолетних детей». У каждого преступника собственная система конструктов и представлений относительно своего поведения и мотивов. Некоторые преступники, независимо от причины, толкающей их на преступление, жестоки и агрессивны; другие пассивные, относительно кроткие люди, которые любят находиться в обществе детей. Большин-

ство педофилов — люди немолодые. Уже во взрослом возрасте они начинают осознавать свою сексуальную и межличностную неадекватность и чувствуют, что им более комфортно общаться с детьми. По-видимому, заметную роль в развитии педофилии может также играть классическое обусловливание, возможно, гораздо больше, чем в изнасилованиях.

В завершение этой главы мы уделили некоторое внимание малозначительным сексуальным правонарушениям — эксгибиционизму, вуайеризму и фетишизму. Критическую роль в развитии этих сексуальных отклонений может также сыграть классическое обусловливание, особенно обусловливание мастурбацией. Особенно важным представляется неоднократное ассоциирование сексуального возбуждения с объектами или людьми.

Лечение сексуальных отклонений может быть весьма успешным в тех случаях, когда сам преступник выражает желание измениться. Успешные стратегии лечения должны быть сфокусированы не только на прекращении антиобщественного сексуального поведения, но также и на закреплении достигнутых изменений.

Художественно-литературное издание

Ганс Юрген Айзенк, Курт Бартол

ЭКСПЕРИМЕНТ. Самые жестокие исследования в психологии

Редактор Е.О. Мигунова
Художник Б.Б. Протопопов

ООО «Агентство Алгоритм»

Оптовая торговля:

Агентство Алгоритм +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: http://algoritm-izdat.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 14.10.20. Подписано в печать 10.12.20.
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз.